

НИКОЛАЙ

РЫЖКОВ

премьер

проект 2017 – миф или реальность?

Annotation

Что позволило экономике СССР, несмотря на громадные потери в первые годы Великой Отечественной войны, выдержать противостояние с экономикой гитлеровской Германии, на которую, к тому же, работала вся Европа? В чем была причина такого невероятного запаса прочности Советского Союза? В тайне могучего советского проекта, считает автор этой книги — Николай Иванович Рыжков, председатель Совета Министров СССР в 1985–1990 гг. Успешные проекты, по мнению Рыжкова, не могут безвозвратно кануть в Лету. Чем ближе столетие Великой Октябрьской социалистической революции, тем больше вероятности, что советский проект, или Проект 2017, снова может стать актуальным.

- [Николай Иванович Рыжков](#)
 - [Вступление](#)
 - [Глава 1. В душной атмосфере лицемерия](#)
 - [Глава 2. Начало. Секретарь ЦК](#)
 - [Глава 3. Сумеречный год](#)
 - [Глава 4. Пиррова победа Горбачева](#)
 - [Глава 5. Антиалкогольная кампания](#)
 - [Глава 6. Председатель Правительства](#)
 - [Глава 7. Раскол в КПСС](#)
 - [Глава 8. «Не считаю свою партию преступной!»](#)
 - [Глава 9. Чернобыльская трагедия](#)
 - [Глава 10. Перестройка на марше](#)
 - [Глава 11. Спитак: беда не приходит одна](#)
 - [Глава 12. Новый нэп](#)
 - [Глава 13. Внешнеэкономическое партнерство или зависимость](#)
 - [Глава 14. Политические наперсточники гласности](#)
 - [Глава 15. Путь к рынку](#)
 - [Глава 16. Порочный круг](#)
-

Николай Иванович Рыжков
Премьер. Проект 2017 — миф или
реальность?

Вступление

Судьба человека непредсказуема даже в мелочах, из суммы переплетений которых она и складывается...

Год 1991-й. Нынче все для меня стало совсем иным. До сих пор не могу привыкнуть к простой мысли. Я — Председатель Совета Министров СССР в отставке, член Политбюро ЦК КПСС — тоже бывший... Завтрак, обед и ужин. Газеты, телевизор, книги. Читать, верно, стал много больше, нежели прежде. На столе книги философов, историков и экономистов, поэтов и прозаиков — современных и классиков, толстые журналы. Прогулки по лесу — тоже плюс, раньше только и дышал воздухом совминовских заседаний... Не очень частая радость общения с внуками: они — в Москве, мы с женой — за городом, лишь по выходным дням и видимся...

Теперь меня обволакивает непривычная тишина, от которой я за многие годы отвык. Она — во всем. Замолкли телефоны, исчез куда-то известный многим «рыжковский» поминутный распорядок дня, остались в прошлом бесконечные встречи, совещания и заседания. Немыслимо бурная деятельность вышла из жизни, как воздух из шарика. Некоторые из моих коллег и друзей врываются в эту тишину, они по-прежнему ищут совета, интересуются моим мнением о каждодневных событиях, просто по-человечески поддерживают своего премьера в не самую лучшую для него пору. Другие с оглядкой передают приветы и добрые пожелания — экс-премьер-то опальный... Очень немногие, но все-таки нашлись и такие, которые демонстративно прервали всякие контакты и начали жаловаться журналистам, как я был несправедлив к ним и как их спасал от меня Горбачев...

Надо было привыкнуть к новому ритму, какого не было никогда, с самых юношеских лет. Пришло время для осмысления собственной жизни, особенно тех лет, когда я возглавлял Правительство. Отдавать на суд общественности свои размышления через газеты и телевидение не хотел — слишком еще кровоточили раны, нанесенные ими в последний год моего премьерства. Поэтому мысли, анализ пережитого оставались в кругу семьи, близких друзей.

Проходят в памяти чередой отдельные эпизоды моей деятельности, а затем невольно думаешь и о том, насколько и как именно сказались она на судьбах страны, что удалось сделать самому, вместе с моими соратниками, чего добиться не удалось, что радует душу и что ее отягощает... Ведь, казалось бы, даже частные порой решения становились потом немаловажными звеньями в цепи общего дела...

18 августа 1991 года (дата навсегда в память врезалась) в не слишком жаркое для конца лета воскресенье приехали двое давних и добрых знакомых, читаемых и уважаемых мною писателей. Сидели на веранде, пили чай или что покрепче, не суть важно, говорили, вспоминали, рассказывали. Гости — люди хотя и любопытные, но тактичные: с назойливыми вопросами не приставали, «государственных тайн» из меня не тянули. В какой-то момент разговор зашел о некоторых моих бывших коллегах по «коридорам власти». Бывшие члены Политбюро, велеречивые депутаты, крутые мэры, даже «первая леди государства» прямотаки завалили своими книгами магазинные прилавки и бесчисленные лотки у станций метро. Все спешили поведать миру свои мысли о сначала буксовавшей, а к тому времени уже агонизировавшей из последних сил перестройке.

— А вы, как всегда, помалкиваете, — упрекнул меня один из собеседников.

— Сказать нечего. Помните, у Новеллы Матвеевой: «Все сказано на свете, несказанного нет...» — отшутился я. Но серьезно настроенные гости шутки не приняли.

— А в декабре прошлого года, выходит, было что?

Вопрос прозвучал не без явного укора. Действительно, в декабре 1990 года на Четвертом съезде народных депутатов СССР состоялось последнее мое официальное выступление. В нем, в частности, было сказано:

«Я просто не имею права молчать, так как наряду с другими членами политического и государственного руководства несу огромную ответственность за все происходящее в стране. Потому говорить буду с предельной откровенностью в расчете на то, что наши соображения, оценки, видение выхода из создавшейся ситуации будут в какой-то мере полезны.

Начну с того, что перестройку в том виде — я подчеркиваю это, — в котором она замышлялась, осуществить не удалось. Являясь одним из ее инициаторов, считаю себя, безусловно, ответственным за это.

И если бы правительственный кризис, смена Кабинета могла бы исправить ситуацию, то Правительство подало бы в отставку еще в мае этого года. Но все намного серьезнее. Те политические силы, которые развернули против Правительства «необъявленную войну», имеют далеко идущие цели. И эти цели прямо вытекают из подмены сути начатых нами преобразований.

И как не сводилась эта война в мае текущего года к сбросу Правительства, так сегодня она не сводится к войне с Президентом, Верховным Советом и Съездом народных депутатов СССР. Ее главная цель — нанести удар (Курсив мой. — *Авт.*) по государству, по общественно-политическому строю, сломать его окончательно.

Картой в этой игре становится уже не только Советский Союз в целом, но и многие республики, как большие, так и малые, государственность и общественный строй которых также оказались под самой серьезной угрозой.

В такой ситуации я не могу ограничиться только констатацией срыва преобразовательного процесса. Здесь необходим безжалостный анализ не частных, не деталей, а всего комплекса причин этого срыва...»

Дальше цитировать не стану, и так затянул. Выступление опубликовано во многих газетах 20 декабря 1990 года. Мне же — как и тому из моих знакомых, кто сердито упрекнул меня в нежелании писать воспоминания, — важна лишь горькая констатация факта: перестройка не удалась. Тогда, в декабре, она уже практически замерла, и требовалось совсем немного, чтобы она была добита окончательно, ушла в историю, стала предметом диссертаций будущих обществоведов-политологов.

Поднимаясь на трибуну Кремлевского дворца съездов, я знал, что это будет мое прощальное выступление. Готовился к нему долго и тщательно. Это было своего рода «политическое завещание» последнего Председателя Совета Министров Советского Союза.

На Съезде я сказал о том, что наболело. Пусть кратко, пусть скороговоркой, но сказал. Камень бросил в пруд, но даже круги не

появились: моя боль за судьбу страны, предостережения депутатов не затронули. Другие заботы их одолевали — все делалось так, как назойливо и громко требовали от Президента и Верховного Совета те, кто развязал эту «необъявленную войну». Тогда их ближайшей мишенью стал Председатель Совмина. До самого Президента, до Верховного Совета, до депутатов руки еще не дошли. Или время не пришло...

Ну так что еще нужно вспоминать? Что писать? Кому интересны подробности пусть даже революционного процесса, начатого, к слову, отнюдь не в 85-м, не Горбачевым, как принято считать официально, а раньше, еще в 83-м — с приходом к власти Андропова? Никому сейчас это не интересно, думал я, да и год 91-й бурлит не менее активно, чем его предшественник. Была и другая причина. Я считал, что мои размышления еще не отстоялись, что для этого требуется время. Вот почему я отбивался от лестных предложений издательств, то и дело подвигавших меня к «писательству»...

Уже под вечер, затемно провожал гостей к калитке.

— Кто у вас в соседях? — спросил один из них, кивая на высокий зеленый забор.

— Вице-президент, — ответил я.

— Случайный он на этом посту человек, — отреагировал гость, — еще по комсомолу его знаю.

— Президенту виднее, — дипломатично сказал я. — Вдруг да он еще покажет себя?

На том и расстались. Они уехали, а я остался один на один со своими сомнениями: писать — не писать, писать — не писать... Прочитав хорошую поэтессу, я не закончил ее мысль: «...но вечно людям светит несказанного свет». Вот ведь как бывает: малое совсем событие, визит добрых гостей, а вновь душу разбередило, бессонную ночь уготовило. И правда: сколько же несказанного накопил я за минувшие, бешено промчавшиеся годы!

А в понедельник, включив утром телевизор, я знал о том, что мой сосед и впрямь «показал себя»...

Я не собираюсь писать об августовских событиях и их участниках, кое-кого из которых хорошо знал. Подробности этих дней известны мне в той же мере и из тех же источников, что и всем моим читателям: телевидение, радио, газеты. И говорю здесь об августе 91-

го, во-первых, потому, что он стал вехой, которая отмерила начало смертного финала перестройки. А во-вторых, потому, что, обозначив собой ее скорую кончину, он, этот август, стал для меня тем самым толчком, который усадил за письменный стол. Надо было уложить на бумагу до тех пор несказанное об очень коротком — в масштабе истории страны — и очень длинном — в масштабе моей личной судьбы — периоде перестройки. Я должен был оставить свидетельство того, что она и для страны, и для меня лично превратилась в цепь больших и малых предательств.

Каких?

Чего и кого?

Когда?

Кем?

О том и поведу речь. Чтобы История и мое свидетельство в расчет приняла. В своем последнем выступлении на Съезде я ведь только сказал о необходимости безжалостного анализа причин взлета и падения недолговечной перестройки, но, конечно, не мог тогда же сделать его. И никто пока такого анализа не дал, на мой взгляд. Не хочу чувствовать вину за свое молчание — перед страной и перед собственными внуками, которые растут сегодня в мире с перевернутой логикой. А им, тем не менее, расти. И завтра, когда История заговорит, они меня спросят, если доживу: а что ж ты молчал, дед?

Что я им тогда отвечу? От такого серьезного вопроса шуткой не отделаешься.

Вот почему я и решился, сел за письменный стол, пододвинул к себе стопку чистых листов бумаги, взял ручку и сам себя благословил на этот труд.

Глава 1. В душевной атмосфере лицемерия

Сначала надо было выжить. Выжить, выкарабкаться на поверхность жизни из черной инфарктной пустоты. Как первый шаг, хотя бы преодолеть немощность, ощутить себя — распятого на больничной койке: в правой руке — игла капельницы, в левой — еще что-то столь же «приятное», голову от подушки не оторвать. Лежишь неподвижно, полностью отключенный от мира, как потом, по его уверениям, Президент страны в райском своем Форосе: телефон, радио, телевизор — все молчит. А врачи и медсестры, будто поддерживая некий заговор, твердят только одно: вам нельзя волноваться, вам нужен полный покой.

Несколько месяцев спустя, когда мне пришлось включиться в скоростную предвыборную гонку в числе кандидатов в президенты России, в некоторых очень демократических газетах высказывалось этакое трамвайное любопытство: а был ли у Рыжкова инфаркт? Смотрите, как он в телевизоре выглядит, каждый день выступает, по стране ездит! Приводились даже письма опытных инфарктников, где гневно утверждалось: мол, я три года назад инфаркт перенес и до сих пор недомогаю, а этот... И лишь остатки элементарной вежливости, сильно подрубленной эпохой гласности, понятой многими журналистами, и не только ими, как вседозволенность, не давали заклеить окончательно: симулянт Рыжков!

Неужели виноват, что выжил, выздоровел, постарался забыть о болезни? Почему так получилось — о том проще врачей спросить. Можно было бы, конечно, привести здесь больничную историю моего недуга, кардиограммы, анализы, да, боюсь, не каждому, мягко говоря, интересно будет.

Скажу лишь, что в первые дни плохо было, непривычно плохо и даже страшновато: может быть, потому, что за всю жизнь ничем не болел, кроме гриппа, и никогда не знал состояния боли и неподвижности. Оттого безоговорочно и слушался врачей. Не сопротивляясь, вступил в их «заговор»: даже с женой — а она с самого начала моего заточения прорывалась ко мне, пусть хоть на десять

минут вначале, — даже с ней никаких серьезных проблем не обсуждали.

В общем, после первых, особенно тяжелых дней врачи твердо пообещали: через месяц вы из больницы сами уйдете. Поверил — и действительно через месяц ушел, навсегда унося в душе безмерную благодарность всем, кто знаниями, опытом, заботой, человечностью своей вернул меня к жизни. Был, вместе с тем, по моему глубокому убеждению, и еще один фактор моего выздоровления — сумасшедшая и прекрасная четверть века на заводе, на сумасшедшем и прекрасном Уралмаше моем, закалившем меня крепко и навсегда. Болеть было некогда, вот и не научился этому...

Пожалуй, не стоило бы уделять моей болезни столько внимания, но, к сожалению, это несвежее дежурное блюдо время от времени подается и сейчас в нужный кому-то момент. А в дни моего выздоровления жена приносила в больницу письма и телеграммы — доброжелательные и трогательные. Из всех уголков Советского Союза писали люди — молодые и пожилые, знакомые и незнакомые, горожане и селяне, школьники и студенты. А адрес в основном был написан так: Москва, Кремль; Москва, клиническая больница или просто — Москва, Рыжкову Николаю Ивановичу. Бережно храню тысячи таких телеграмм и писем. Они очень помогли мне в самый, наверное, трудный период жизни.

В больницу я попал в ночь на 26 декабря, а спустя две недели, 10 января 91-го года, в палату зашел главврач и, словно зондируя, спросил осторожно:

— Михаил Сергеевич звонил, интересовался: когда он вас может навестить?

Любопытная постановка вопроса! Раньше, помнится, такой предупредительности Михаил Сергеевич не проявлял...

— Не я здесь хозяин, — ответил. — Вам решать: может ли и когда может...

А про себя подумал: чем скорее, тем лучше. Искренне считал: и для него, и для меня предстоящий разговор — тягостная, но неизбежная необходимость.

Горбачев приехал в субботу, 12-го, часам к пяти вечера. Тогда я уже самостоятельно передвигался по палате, но все средства связи с миром по-прежнему замыкались для меня на жене, которой, правда,

дозволялось сидеть со мной теперь по целому часу в день. Так что это был первый визит из «большого мира», и я надеялся узнать от Президента немало важных новостей. Горбачев, вообще человек сентиментальный, этого качества своего не скрывающий, в тот вечер, увидев меня, растрогался и даже расстроился. Ничего удивительного: я и сам, когда стал бриться по утрам, ежедневно наблюдал в зеркале страшноватенького, мягко говоря, субъекта, исхудавшего, зеленого...

На следующий день в газетах появилось официальное сообщение, что Горбачев «нашел Николая Ивановича окрепшим. Между ними состоялась беседа о текущих делах, которыми живут страна, общество. Михаил Сергеевич пожелал Н. И. Рыжкову скорейшего выздоровления и передал сердечный привет от товарищей по работе. Н. И. Рыжков поблагодарил за внимание и дружескую поддержку, просил передать наилучшие пожелания всем, кто справлялся о его здоровье».

Горбачев явился в больницу прямо из Кремля, с нелегкого, по-видимому, заседания Совета Федерации: новый год с его все более ощутимой опасностью трагического развития событий в стране уже начался, а она явно не была к ним готова.

Сказал устало:

— Даже пообедать не успел. Перекусить у тебя есть чем?

Принесли чай, бутерброды — обеденное время в больнице давно минуло.

После дежурных расспросов о моем здоровье Горбачев перешел к вопросу, только ради которого, думаю, он и хотел меня увидеть в этот день. Никакого обсуждения текущих дел, «которыми живут страна, общество», вопреки сообщению в прессе, не было. Нет, этот летучий вроде бы совет был для него, судя по ходу беседы, простой и необременительной данью уже умершему соратничеству, данью вежливости — для общественного мнения, прежде всего. Основная же цель его прихода ко мне состояла в том, чтобы получить подтверждение с моей стороны отказа возглавить новый орган — Кабинет Министров при Президенте, и он это подтверждение получил: я еще раз заявил о своем уходе с поста главы Правительства. Думаю, что именно такое решение обрадовало и его, и многих членов Совета Федерации, тех, которые потом сыграли в жизни страны поистине роковую роль.

Конечно, это окончательное решение далось мне не легко. И вызвано оно было не только и не столько болезнью, сколько все более отчетливым пониманием того, что политика Президента — Генерального секретаря ЦК КПСС, в том числе по отношению к исполнительной власти, недальновидна и губительна для страны.

Ведь развал в ней набирал силу, в первую очередь удар наносился именно по высшей общегосударственной исполнительной власти, которая стояла на пути тотального разрушения. Я имею в виду похороны Совета Министров СССР и явление на свет нового образования с резко суженными функциями и полномочиями — Кабинета Министров, непосредственно подчиненного Президенту. Политическая карусель уже настолько закрутила Генсека, что он искал любую соломинку для своего спасения. К тому же и руководителям многих республик не нужен был Рыжков — с его взглядами и действиями, с его позицией сохранения единой страны, с его самостоятельностью. Карманный Кабинет Министров был «освящен» измененной в декабре Конституцией, а теперь нужен был и его руководитель, которому они могли диктовать свои условия, не сообразуясь с интересами Великой Державы, какой был СССР.

В этих условиях нести ответственность перед народом, страной, историей, перед своей совестью за явно ошибочную политику, которой ты не можешь противостоять, которую не можешь изменить, — нет уж, увольте.

— Раз ты принял такое решение, хочу посоветоваться с тобой о кандидатуре на пост Председателя Кабинета, — сказал Горбачев доверительно, как он всегда умел. — Что ты, к примеру, думаешь о Маслюкове?

О Маслюкове, своем первом заместителе в Совмине, я думал хорошо, верил ему, о чем и сообщил Горбачеву. Хотя знал, что сам Маслюков отнюдь не рвется на должность Председателя, не принимая, как и я, поспешной реорганизации исполнительной власти. Уже после выяснилось — вопрос о Маслюкове задан был для проформы. Горбачев знал о его нежелании возглавить Кабинет.

Вторым Горбачев назвал Олега Бакланова, секретаря ЦК КПСС, тогда малоизвестного широкой публике. Ему еще только предстояло выйти на люди: до 19 августа оставалось семь месяцев...

В отличие от широкой публики Бакланова я знал неплохо, почему и ответил сразу и однозначно:

— Абсолютно неприемлемая кандидатура на этот пост!

Он, как говорится, технарь, причем с весьма специфическим уклоном: космос, околокосмические дела — и все. А глава Кабинета Министров худо-бедно должен быть политиком и экономистом широкого профиля. И знать страну, ее проблемы. Все проблемы, а не только космические... Интересно, кто его выдвигает?

— Есть люди... — ушел от ответа Горбачев. — А что насчет Павлова?

Министра финансов Павлова я знал давно, работал с ним еще в Госплане СССР, где был первым зампредом у Николая Константиновича Байбакова, а Павлов занимал должность начальника отдела. Потом он был в Минфине, Комитете по ценам, снова в Министерстве финансов — уже в качестве министра. Как финансист он неплохо разбирался в своем деле, но промышленности, производства не знал совсем, не смог бы вести диалог с производственниками. Ну хотя бы с шахтерами (что, кстати, вскоре и подтвердилось на практике).

Я не собираюсь анализировать деятельность Кабинета Павлова при Президенте Горбачеве. Скажу лишь, что этот Кабинет работал в продолжающейся быстро осложняющейся политической обстановке. Центробежные силы, во главе которых находились руководители России и Украины, разрушали единую страну, и в первую очередь ее экономику. В такой обстановке нужно было проводить государственную политику максимально взвешенно. А тут — скоропалительный и крайне сомнительный по своим результатам обмен денежных купюр, а затем — и августовские дни 91-го...

Жесткое политическое противостояние не могло не сказаться, по-видимому, и на сплоченности членов Правительства. Вспомните, например, как один «демократический» министр Н. Воронцов аккуратно зафиксировал все выступления на известном августовском заседании Кабинета, чтобы потом нижайше преподнести их Ельцину. Вспомните твердый голос и указующий перст того на заседании парламента России: «Читайте, Михаил Сергеевич, что говорят ваши министры, читайте!» И Президент Советского Союза (!), как послушный ученик, читал.

А потом был позор в Верховном Совете СССР, на котором Горбачев просто сдал весь свой семимесячный Кабинет Министров. Но это всего лишь небольшое отступление...

— Ну ладно, — Горбачев встал, прощаясь, — еще будем думать, советоваться. Вопрос серьезный. А ты, — он всех вокруг называл на «ты», а все вокруг называли его на «вы». Я никогда не мог ни понять, ни объяснить такую односторонне «демократическую» манеру общения. — ...а ты выздоравливай. Ждем тебя. Нам еще работать и работать.

Горбачев ушел, я остался. Думал: 25-го меня обещают выписать, выйду из больницы — окончательно взвесим, кому сдавать дела, кто действительно сможет повести страну в тяжелейших условиях подготовки нового Союзного договора. Жаль, конечно, что это будет кто-то другой. Ведь за плечами у меня было пять беспокойных и сложных лет премьерства. Это были годы, когда одновременно с нелегкой ношей по управлению повседневной жизнью государства разрабатывались и проводились реформы в экономике, осуществлялась демократизация общества. Но я ведь сам много раньше, чем до болезни, сказал Горбачеву, что не стану возглавлять этот Кабинет: не могу согласиться с проводимой Президентом и руководителями некоторых союзных республик экономической политикой и ориентацией на разрушение Союза. Сказал тогда так, он же ничего не возразил.

А разговор в больнице, поставив окончательную точку в вопросе о моем участии в новом Правительстве, вместе с тем предполагал, что обсуждение кандидатуры моего преемника будет продолжено. К тому же я смогу по-человечески попрощаться с коллегами, с теми, с кем шел эти годы вместе. Но не тут-то было: жизнь быстро напомнила мне, что у Горбачева слова — это одно, а дела слишком часто, в большом и малом, — совсем другое, порой прямо противоположное.

Буквально через день, в понедельник, 14 января, больничная изоляция от внешнего мира неожиданно была прорвана звонками наконец-то включенного телефона. То ли от кого-то из позвонивших, то ли от врача или медсестры — уж и не помню сегодня — я услышал удивленное: вы знаете, что Павлова утвердили Председателем Кабинета Министров?

Удивленное и, признаюсь, удивившее. «Серьезный вопрос», оказывается, долгих обсуждений и решений не потребовал. Между субботним вечерним визитом ко мне Президента и утренним понедельничным утверждением на сессии нового премьера лег всего один выходной день.

У меня уже тогда возникло предположение, что и в субботу вечером Горбачев отлично знал, кто возглавит Кабинет Министров, а «совет» со мной был всего лишь привычной для него формой поведения. И действительно, какое-то время спустя выяснилось, что решение о назначении Павлова Президент не только принял, но и согласовал с ним чуть ли не за три недели до своего визита ко мне.

И возвращаясь потом не раз в своих мыслях к этому эпизоду, я все больше приходил к убеждению, что его совет со мной был в лучшем случае формальной данью вежливости, а то и просто сценой из очередной постановки в «театре для себя», в котором он пытается играть главную и единственную роль до сих пор.

Как бы то ни было, но Президент свою излюбленную роль в очередной раз в тот вечер сыграл, но мне-то вся эта душеспасительная театральность была ни к чему: я для себя все решил еще в ноябре 90-го...

14 ноября, ровно за два месяца до описываемого понедельника, в Кремле открылась очередная сессия Верховного Совета СССР. Она тоже оказалась достаточно «черной» и для Президента, и для возглавлявшегося тогда мной Совета Министров, и для самих депутатов. Они наконец сообразили, что в процессе своей законотворческой деятельности попросту проговорили, проболтали, протрезвонили ситуацию в стране.

Пребывая в эйфории в связи с установившимся верховенством в стране Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР и видя корень зла в исполнительной власти в лице Совета Министров, которую они всячески и нередко безосновательно поносили, парламентарии вряд ли до конца понимали, что тем самым разрушали основы устойчивости функционирования государства. Впрочем, во многом это делалось сознательно и не являлось результатом ошибок и заблуждений. Искусственно насаждаемый плюрализм мнений, попавший на неподготовленную почву, позволил безнаказанно расшатывать устои государства. Агрессивное меньшинство

депутатского корпуса, за спиной которого стояли известные стране режиссеры из Межрегиональной группы, а у них, в свою очередь, были отечественные, а главное — зарубежные кукловоды, наверняка свои, настойчиво и целенаправленно вело работу по изменению существующего общественного строя, устранению тогдашнего руководства и в первую очередь — Правительства Рыжкова. Огонь велся на поражение. Это была все более откровенная борьба за власть, которая увлекла и многих здравомыслящих депутатов. К сожалению, руководство страны, в том числе и Совет Министров, не сумело убедить их в пагубности этих действий, мирилось с ними.

Не стану напоминать подробно о ходе этого заседания, о действительно горьких и недоуменных высказываниях депутатов... Поделюсь лишь моим собственным впечатлением. Именно 14 ноября я и определил бы как день кризиса власти вообще.

Здесь, однако, стоит сделать, по крайней мере, три замечания.

Первое: конечно, всякий кризис власти есть процесс, постепенно созревающий и в «день X» лишь становящийся особенно очевидным.

Второе: при всех различиях в функциях законодательной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти их практическая деятельность так тесно переплетена, что ослабление одной из них неизбежно влечет за собой рано или поздно ослабление двух других. Этой закономерности ни Съезд, ни Верховный Совет, ни их руководство так и не поняли. Возвеличивая законодательную власть в немалой степени за счет исполнительной, они, даже подведя свою собственную к кризису, продолжили эту губительную для страны линию, согласившись вместо Совета Министров создать Кабинет Министров с еще большим ограничением его прав и полномочий. Но и Президент, и Верховный Совет СССР носились с идеей Кабинета как с панацеей от всех бед и невзгод, постигших страну на шестом году перестройки... По-моему, такое решение в конкретной обстановке того времени могло быть продиктовано лишь отчаянием, помноженным на обычно сопутствующую ему глупость, или прямой провокацией заинтересованных сил в их борьбе с государственной властью, что и произошло в дальнейшем.

И третье замечание: кризис власти, как правило, есть отражение кризиса в стране, одна из форм его проявления. Ну а что она быстро втягивалась во всеобщий кризис, уже было видно в то время

невооруженным глазом. И когда давние, активные и целенаправленные усилия депутатов свалить на Правительство всю ответственность за кризис не привели к выходу из него, настала очередь Президента, а потом и их самих.

Итак, в этот день во многих выступлениях на сессии Верховного Совета звучало требование к традиционно отсутствующему Президенту: выступить перед депутатами и высказать свое мнение о положении в стране и о путях выхода из кризиса, если он такие пути видит.

Связавшись в перерыве с Горбачевым, Нишанов сообщил депутатам, что тот дал согласие выступить с докладом о положении в стране через два дня — 16 ноября. Ждать оставалось недолго. Другой вопрос — чего ждать?..

Не знаю, кто готовил Президенту доклад: в ту пору со мной он уже почти ни о чем не советовался, ни о каких своих планах не сообщал. Знаю лишь, что многие подразделения Совета Министров в те два дня в пожарном порядке готовили для президентского аппарата справки о положении с продовольствием, с топливом, с промышленными товарами... Доклад получился в худшем смысле этого слова традиционным, он напоминал отчет руководителя на партхозактиве: в целом все хорошо и совсем немножко плохо. Правда, некоторая нетрадиционность в докладе была: самобичевание в нем было поднято до уровня мазохизма. Ничего серьезного и продуманного, прочувствованного, наболевшего в нем, увы, не было. Такой доклад в совершенно новой, критической ситуации был просто позорным в интеллектуальном и политическом отношении: он показал, что Горбачев ничего не понял в сложившейся обстановке и решил снять проблему очередным приступом «словоговорения».

Реакция не заставила себя ждать: депутаты выступали резко, хлестко, не жалея Президента, как, впрочем, и Председателя Совета Министров. Ну я-то давненько был бревном в глазу, а может быть, еще чем-то или кем-то для всех тех, кто слово «Центр» считал последним ругательством. Тем не менее, время для его, Центра, окончательного уничтожения еще не пришло. Недаром Ельцин, взвалив на Совет Министров всю без остатка вину за положение в стране, говорил все же осторожно: «Центр в прежнем своем виде явно стал дестабилизирующим, даже тормозящим фактором».

Вскоре, однако, выяснилось, что Центр и в любом ином виде лидерам разбегавшихся суверенных республик не нужен. Может быть, завтра или послезавтра и придут к ним здравомыслие и дальновидность, однако не поздно ли будет? Не пора ли всерьез сегодня прислушаться, наконец, к мнению подавляющей части населения бывших республик СССР, а ныне независимых государств, о необходимости создать новый Союз? Об этом говорит и тот факт, что двое из трех современных геростратов — Шушкевич и Кравчук — потерпели недавно сокрушительное поражение на президентских выборах в своих странах. По-видимому, не стоит этому удивляться. Люди в конечном итоге сумели разобраться, что их естественное стремление к расширению экономических и политических прав своих республик было ловко подменено сепаратизмом, обернулось вопреки воле народов СССР, выраженной на Всесоюзном референдуме, уничтожением могучего единого государства. О том же, как это сказало на жизни практически всех трехсот миллионов бывших советских граждан, говорить особо не приходится: кроме узкого слоя нуворишей и уголовников каждый человек ежедневно испытывает это на себе.

Но вернемся к событиям четырехлетней давности. Надо отдать должное Горбачеву: он — политик с обостренным чувством личной опасности. Этого качества у него не отнять. Он быстро сообразил, что ситуация в Верховном Совете катастрофически выходит не только из-под контроля его и Лукьянова, но и вообще из-под какого-либо контроля.

Он же, Горбачев, по-прежнему считал себя судьбой обязанным держать руку, как говорится, на пульсе жизни, чтобы при любом повороте событий оставаться на вершине пирамиды власти. И на следующий же день утром он позвонил мне на работу из своего ЗИЛа и сообщил, что едет в Кремль на сессию и хочет выйти к депутатам с новыми радикальнейшими предложениями. Он не перечислял мне всего, сказал лишь о создании Кабинета Министров, подчиненного лично Президенту, вместо существующего по Конституции Совета Министров.

В принципе сногшибательной новостью для меня это не стало. В стране по активной инициативе самого Горбачева и с чуть менее активной депутатской поддержкой создавалась весьма дурацкая (другого

слова не подберу) ситуация, когда возникли и, главное, действовали две исполнительные власти одновременно: президентская и правительственная. И там, и здесь рождались постановления, решения, а у Президента — и указы, зачастую вызывавшие у меня и моих заместителей полное недоумение. Более того, уж лично мне-то такое дублирование вообще боком выходило.

В тот последний год моего тяжелого премьерства во всех бедах и пагубах, мыслимых и немыслимых, виноват оказывался именно Рыжков со своим Совмином. И даже в неудачных, не воспринятых широкой общественностью и республиками многочисленных указах Президента тоже вольно было моим «доброжелателям» видеть руку того же вездесущего Рыжкова: мол, через Совет Министров порочное решение не желает проводить, так он его — через Президента. Пусть, дескать, отдувается глава государства.

Подобная двойственность в управлении страной, спекуляции на «демократическом» Президенте и «консервативном» Предсовмина не могли дальше продолжаться. Надо было и впрямь кардинально менять структуру исполнительной власти, но... Это треклятое «но»! За ним всегда спешит череда непростых вопросов.

Как менять? Кому менять? Какой быть исполнительной власти? Какие должны быть полномочия Центра и республик? В каком виде и в каком объеме?.. Десятки вопросов, и на все мог ответить только Союзный договор, который в те дни готовился.

Без четкого определения структуры политических, экономических, культурных и других взаимоотношений мчащихся к полной «суверенизации» республик бессмысленно, вредно и опасно было устраивать в Центре чехарду власти. Так я считал, так и по сей день считаю. Так же считали в те дни мои соратники и единомышленники. И, кстати, время, и весьма недолгое — восемь месяцев до августовских дней 91-го, показало, что я не ошибался.

Страна была на переправе: от унитарного мышления — к многообразию идей и взглядов, от безраздельного, по существу, господства государственной собственности — к различным ее формам, преимущественно от централизованного государственного управления — к максимально возможной политической и экономической свободе республик, от жесткой плановой экономики — к социально ориентированной рыночной, от вертикальных связей в хозяйствовании

— к горизонтальным и т. д. В такой сложнейшей обстановке любые неосторожные, грубые изменения в структуре исполнительной власти чрезвычайно опасны. Но для некоторых политиков, а точнее — политиканов, это стало самоцелью: мол, давай все менять, независимо от издержек, лишь бы что-то делать или хотя бы создавать видимость какого-то движения.

Обо всем этом мы не раз говорили с Президентом: и на различных общих заседаниях, и, случалось, один на один. Я помню совещание у Горбачева, где обсуждался этот вопрос. Смысл моего выступления заключался в том, что нельзя иметь в стране две исполнительные власти. Существует альтернатива: или Президент берет на себя всю полноту этой власти и за все отвечает, или он должен иметь весьма ограниченные полномочия (по типу Президента ФРГ или английской королевы), передав всю полноту исполнительной власти Совету Министров. Но сделать это надо при подготовке нового союзного договора. Многие поддержали мои предложения, а Гавриил Попов в знак согласия уж очень активно кивал головой.

До недавних пор Президент разделял мое мнение, а в тот день, утром 17 ноября, перестал разделять. Бывает.

Вот почему я и заявил ему на его прозвучавшее из мчавшейся машины безлико-обтекаемое «Нельзя больше ждать, ситуация требует»:

— Вы — Президент. Вам решать. И только спросил вдогонку:

— Когда вы внесете свои радикальные предложения? Он ответил:

— Сейчас. Немедленно. И положил трубку. В Кремле все рядом. Я был на сессии раньше него.

Президент выступил первым — сразу после регистрации членов Верховного Совета. Потом его очень краткое выступление падкие на красоту газетчики назовут по-западному броско: «Восемь пунктов Горбачева».

Они включили в себя и расширение прав и функций Совета Федерации, и упразднение Президентского совета (который толком так и не заработал), и создание Совета безопасности. И еще некоей структуры по координации деятельности правоохранительных органов. И еще какой-то Контрольной палаты для того, чтобы следить за выполнением законов и указов.

Все это сопровождалось привычно пустыми барабанными словами об «упорядочении», «обеспечении», «сохранении», «взаимодействии», об обновлении Союза, скорейшем подписании Союзного договора и «тесном взаимодействии» Советов. О вице-президенте. Ну и, наконец, о создании Кабинета Министров, куда «должны войти новые, инициативные, по-современному мыслящие работники».

Причем особо было подчеркнуто, что все структуры при Президенте, включая Кабинет Министров, следует создать, «не откладывая, не дожидаясь подписания Союзного договора». Вот тебе и поддержка моих предложений! С кем он советовался в ту ночь? Только не со мной. Тайна сия велика есть.

И снова надо отдать Горбачеву должное: на этот раз говорил он горячо, убедительно. Более того: в отличие от своего вчерашнего доклада, предлагал депутатам, а за ними — стране конкретные, вроде бы, и, несомненно, броские меры, которые резко ломали давно сложившиеся и, на взгляд законодателей, не оправдавшие себя формы управления. Депутаты заждались именно таких решений, которые выходили бы за рамки привычных представлений и, кто знает, может быть, принесли бы хоть какой-то результат. И надо было по-настоящему знать нашу малоповоротливую, медлительную Систему, чтобы отчетливо увидеть популистскую скороспелость и легко прогнозируемую безрезультатность его предложений.

Увы, депутаты таким знанием еще не обзавелись, не успели. Потому и приняли — в основном — все восемь пунктов «на ура».

Я тоже выступил в этот день.

Говорил о том, что давно наболело, — о целенаправленно и мощно ведущемуся разрушению в стране единой политической системы и, как следствие, предательстве и гибели самой идеи перестройки.

Меры же, предложенные Президентом, поддержать не мог, не понимал и не принимал их. Горбачев знал мое мнение. А от слепого, рабского верноподданничества я всегда бежал как от чумы.

Да и бог с ними, с «радикальнейшими» горбачевскими пунктами — и без меня у них радетелей в избытке нашлось! Я же вновь твердил о главном, на мой взгляд:

«Хочу откровенно сказать: тот, кто сегодня выступает против общественного согласия, разжигает страсти, сеет недоверие, тот играет

судьбой буквально миллионов людей, во имя своих личных амбиций берет на себя тяжелую ответственность перед народом. Неужели история, в том числе наша собственная, еще не всех научила, что подхлестывание страстей приводит к разрушению и насилию!»

Сейчас, со стороны глядя, понимаю: наивный крик. История — тот прекрасный, умный, но почему-то никем не почитаемый учитель, который не умеет и не хочет наказывать сразу. Он знает: придет время и ученик все сам поймет. Сам... Впрочем, если поймет. Довольно точно заметил Александр Галич: «Повторяется шепот, повторяем следы. Никого еще опыт не спасал от беды!»

Никого, верно. Тем более — чужой опыт...

Не могу, читая нынче газеты, смотря по телевизору «Вести» и «Новости», не вспомнить и не привести еще несколько слов из того же моего ноябрьского выступления:

«По существу, делается заявка на то, чтобы руководство России стало центром власти взамен всех ныне действующих государственных структур. Но согласятся ли с этим другие республики? Ведь, безусловно, эта деструктивная политика может привести к развалу государства, создававшегося столетиями».

Разве я ошибся?

Ни я, ни кто-либо из моих заместителей не хватались за свои кресла как за спасательные круги. Все мы прекрасно понимали, что жить Совету Министров в прежнем виде оставалось недолго. Мы были уверены, что Съезд народных депутатов, назначенный на 17 декабря, добьет существующее Правительство окончательно. И начнут беспощадно критиковать предшественников и множить новые, уже свои ошибки!

Тучи над правительством сгущались. Пошло широкомасштабное, хорошо продуманное наступление, как говорится, по всему фронту. Незадолго до того появившаяся программа «500 дней», о которой я расскажу дальше подробно, уже стала оружием леворадикалов в борьбе с Правительством.

В начале августа 1990 года у Президента состоялась встреча с экономистами и публицистами определенного толка. О ней, о ее содержании, как ни парадоксально, глава Правительства узнал из прессы. Но прошло всего два месяца после моего доклада о переходе на рыночные отношения, а участники встречи поспешили сделать

выводы о том, что сторонники перестройки сталкиваются с огромной инерцией и противодействием переменам, что идет сплочение консервативных сил. Президент же считает, что прогрессивные силы должны выстоять, не допустить раскола в своих рядах, дабы не дать оружие консерваторам, и что наш тормоз — это боязнь рисковать...

Так через два месяца была проведена грань между теми, кто внес предложения по постепенному переходу на социально ориентированный рынок, и радикалами, которые «не боялись рисковать». Но чем? Своим положением, своей судьбой? Нет, они охотно рисковали судьбой государства, судьбой миллионов, которые очень скоро на себе испытали результаты их радикализма. Выступая, эти деятели горячо и страстно говорили об ужасных в нашей истории годах, когда действовал принцип «революционной целесообразности», которым оправдывались различные формы насилия над обществом, над людьми. Но ведь их радикализм — это тот же принцип, разве что с противоположным знаком, — принцип «контрреволюционной целесообразности»...

Я вспомнил об этом совещании, где было так много тех, чьи фамилии следует сохранить для истории: Бунич, Лацис, Шмелев, Селюнин, Бергер и другие, лишь потому, что они обрушили глыбы радикализма на наш народ, они готовили идейный плацдарм для будущих гайдаровских авантюристических действий, создавали общественный климат для них.

На мой взгляд, вполне четко подвел итоги Клямкин, сказавший, что политическое время Правительства исчерпано и цель собрания — продлить политическое время Президента. И когда сейчас экс-президент пытается критиковать существующее положение в России, ему бы следовало вспомнить, кто давал импульсы леворадикальным силам, талантливым в разрушении, но бездарным, как оказалось, в созидании.

Возвращаясь к тем тяжелым для Правительства дням, хочу сказать доброе слово в адрес моих коллег, которые знали уже о предстоящем уходе со своих постов. Где-то вскоре после 17 ноября собрались вечером за столом заседаний Совмина и разговорились по душам. Были: я, мои заместители, Павлов — тогда министр финансов, он по должности входил в состав Президиума Совмина, управляющий делами М.С. Шкабардня... Все, по-моему.

Кто-то начал первый: мол, Николай Иванович, Совет Министров не сегодня-завтра почит в бозе, это всем ясно. Как нам отнестись к тому формированию, что явится на смену? К Кабинету Министров, например... Отвернуться? Обидеться? Уйти? Это легче всего! Но ведь дело-то не в наших личных судьбах. Хотя и о них тоже приходится думать. Мы лично стали врагами тех, кто последовательно разваливает страну, а сегодня речь идет действительно о ее судьбе, о судьбе общего дела.

У меня спрашивали совета: как поступить. Это отнюдь не значит, что все мои соратники сами для себя не решили, кому как быть. Льщу себя надеждой, что мое мнение было для них небезразличным: слишком много соли вместе съели. А я и не стал своего мнения скрывать.

Мостовой? Что ж, как ни грустно, но ему пришла пора уйти на пенсию, вряд ли он прижился бы в любой новой структуре. Догужиев? Он должен работать, если предложат. А не предложат — страна велика, дел много. Рябев? Ему с его знаниями проблем топливной энергетики вряд ли можно скоро найти адекватную замену. Абалкин? Он, помню, усмехнулся: уж я-то точно не останусь, займусь вплотную своим институтом, наконец. Маслюков? И он заявил: даже если предложат, не останусь, устал невероятно. Павлов? Пожалуй, горячее всех других убеждал: у меня есть куда отступить (он тогда был и президентом концерна «Деловой мир»), мне эти «игры в начальство» совсем не нужны... Ну а Рыжков? Вы-то как, Николай Иванович, спросили меня, вы-то останетесь, если попросят? Ответил коротко и безоговорочно: нет. Славно мы тогда поговорили, все друг про друга выяснили...

Да, кстати. Сразу после оглашения «восьми пунктов» Совет Министров попытался помочь президентской исполнительной власти. Мы посоветовались, поспорили и составили записку Горбачеву, в которой предложили свой вариант структуры Кабинета Министров, подчиняющегося непосредственно Президенту. Специально подчеркнули: «мы не руководствовались личными или политическими амбициями», но готовили свои предложения «исходя исключительно из чувства долга перед страной и народом, сознания своей гражданской ответственности за будущее Советского государства». Все вместе эту записку готовили, все вместе и подписали. Никто не

ушел в сторону. Отослали в аппарат Президента — и никакой реакции. Зная порядки, я убежден, что она была ему доложена.

Но ответа не дождались. Инициатива оказалась хоть и ненаказуемой, но абсолютно никому не нужной. Президент, как обычно, все знал сам и лучше всех.

А в первой декаде декабря мы встретились с Горбачевым один на один в его кабинете. Разговор тянулся вяло, наполнен был общими словами и общими местами — ни уму, ни сердцу. И тут я решительно сказал:

— Михаил Сергеевич, нам от этой темы не уйти, как бы больно ни было. Моя позиция вам отлично известна. И не только вам. До заключения Союзного договора менять что-либо в структуре исполнительной власти — бессмысленно и опасно. Что это может дать, кроме анархии и окончательного разброда? Вы, кстати, недавно сами говорили о недопустимости правительственного кризиса. Сейчас вы его допустили. Не знаю, понимаете ли вы трагические последствия скоропалительной ломки структуры государственной власти? Раз уж такое решение принято, то прошу на меня не рассчитывать. В этой игре я участвовать не стану.

Он ответил не сразу, через паузу, которая показалась раздражающе долгой:

— Ты окончательно решил?

— Да, — кивнул я, — куда окончательней.

Показалось или нет: он будто бы вздохнул облегченно. Сказал:

— Решил так решил... Но не волнуйся, без работы мы тебя не оставим.

Уж это меня в то время волновало меньше всего. Но, к слову, ни он, ни за ним пришедшие никакой работы мне так и не «оставили». Сам же я ни фонда, ни института, ни еще какой-либо экзотической структуры не создал — в отличие от него и некоторых других, которые, занимая ответственные государственные посты, организовывали, вместе с тем, для себя запасные плацдармы.

Полтора года я был без работы. А потом бывший глава Правительства вновь, как много лет назад, прошел через проходную одного из заводов... И если бы только я. Тяжело видеть многих министров и других руководителей, богатых знаниями и государственным опытом, которые для обеспечения минимальных

жизненных потребностей вынуждены находить себе работу в различных структурах, где зачастую их огромный потенциал остается втуне.

17 декабря 1990 года в Кремле открылся Четвертый съезд народных депутатов СССР...

Здесь хочу сделать маленькое отступление под «оригинальным» названием «От съезда к съезду».

Май 1989 года. Первый съезд народных депутатов СССР. Демократические выборы Верховного Совета — старой по имени, но новой по сути структуры государственной власти. Выборы Председателя Верховного Совета. Утверждение Съездом кандидатуры Председателя Совета Министров СССР.

Март 1990 года. Выборы Президента, Председателя Верховного Совета СССР. Возникновение Совета Федерации, Президентского совета.

Декабрь 1990 года. Бесславная смерть Президентского совета. Возникновение Совета безопасности. Изменение функций Совета Федерации. Утверждение кандидатуры вице-президента. Ликвидация Совета Министров СССР. Появление Кабинета Министров.

Итак, за полтора года власть в стране была кардинально реорганизована трижды. Трижды рождались, умирали, видоизменялись ее многочисленные и, как быстро оказывалось, малоэффективные структуры.

Да какое же государство выдержит подобную круговерть?! Это надо иметь великолепно развитую экономику, абсолютно независимую от любых перемен власти, чтобы жить, не обращая внимания на политические кульбиты. Наша же экономика прямо-таки рассыпалась под тяжестью по существу неуправляемой политики.

Помнится, мне довелось присутствовать на встрече Горбачева с руководителями средств массовой информации. Так там он просто набросился на дерзких газетчиков, потребовавших от него обозначить четкую концепцию перестройки. Ее невозможно уложить в прокрустово ложе какой-либо концепции, яростно утверждал он. Ехидно вопрошал: если ноги будут с этого ложа торчать, значит — надо их отрезать?

В пылу реформаторского зуда было начисто забыто, что управлять — значит предвидеть. Теперь ясно, что первый и главный удар по

перестройке своей неумелой, непродуманной, бесконцептуальной политикой нанес ее, перестройки, глашатай, «певший» к тому же с голоса своих столь же некомпетентных в деле, за которое они взялись, «прорабов», а скорее маляров, хорошо научившихся за свою жизнь без малейшего зазрения совести перекрашивать белое в черное и наоборот. Ну а если даже краской не удастся скрыть, что изделие запорото, то что с ним делают? Правильно — выбрасывают, что и произошло с перестройкой. Поднять действительно великое знамя, а затем самому бросить его на поругание — это ли не предательство поистине исторического масштаба?

Но — конец отступления. Вернемся к описываемым событиям. Третья стадия полуторагодичного реформирования системы государственного управления была начата на заседании Съезда 25 декабря 1990 года. В этот день стали обсуждать вопросы ликвидации Совета Министров СССР и создания Кабинета Министров при Президенте. О нашей записке никто не вспомнил, а точнее, никто о ней и не знал. Было совершенно очевидно, что Кабинет Министров готовился как подручный аппарат Президента. У этого органа не было даже права законодательной инициативы, которое имело, скажем... общество филателистов.

В перерыве я прошел в комнату президиума, встретился там с умным человеком и хорошим поэтом Давидом Кугультиновым. Завязался разговор:

— Сейчас мы хоронили Совет Министров, которому в 91-м году исполнилось бы сто тридцать лет.

Откуда-то сзади возник Горбачев, поймал конец фразы, спросил:

— Ты о ком?

— О чем. О Совете Министров. Вы, Михаил Сергеевич, знаете, с какого времени он существует, вернее, существовал в стране?

— С какого? — на мгновение задумался Горбачев. — С Ленина, наверное...

— Не угадали. С Александра Второго Николаевича. С 1861 года. Здорово мы к такой дате подходим.

Вечером, после Съезда, прошло заседание Совета Федерации. Всех волновал 91-й год, состояние экономики страны. Верховные власти республик стремительно уводили их от Центра и друг от друга. На территории уже больного СССР шла беспощадная война финансов,

война законов — центральных и республиканских. Рвались десятилетиями налаженные производственные связи.

Я поднимался дважды, говорил: никакие скороспелые новые законы и указы ничего не решат, надо выполнять принятые, подчиняться единым правилам экономической жизни страны, прекратить раздор республик с Центром. Оставить эти проблемы для нового Союзного договора.

Очень тяжкий был разговор. Он продолжился ночью уже со своими — в Совмине. После моей неутешительной информации все мы сделали вывод: страну окончательно и настойчиво загоняют в тупик...

Домой приехал где-то в начале первого ночи, ужинать не стал. Поговорили с женой, Людмилой Сергеевной. Лег почитать перед сном. Всегда на прикроватной тумбочке — стопка книг: обычно читаю три, четыре, а то и пять — какая под настроение в руки ляжет. В тот раз легла совсем крохотная: «Письма о добром и прекрасном» Дмитрия Сергеевича Лихачева, я к ней давненько примерялся. Легко вчитался, дошел до письма с простым названием «Самая большая ценность — жизнь», отметил строчки: «Душно бывает в доме, душно и в нравственной жизни»...

Отложил книгу, лежал с закрытыми глазами. С недоумением слушал, как неизвестно откуда беспощадно и грозно поднималась черная глухая боль, заполнила грудь, мощно зажала сердце, постепенно превратив его в хрупкий, беспомощный, разрывающийся от духоты комочек...

А под утро «скорая помощь» увезла меня в больницу.

В часы и дни неподвижности, когда все, на чем держалась моя бурная повседневная жизнь, отошло в сторону, когда сиюминутные страсти перестали довлеть надо мной, воспоминания заполнили меня целиком. Перед глазами чередой проносилась жизнь, ее взлеты и падения, радости и печали, дружба и предательство. Почему было так «душно» именно сейчас, после пятнадцати лет жизни в Москве и работы в высших эшелонах власти? Что же меня стесняло, что давило? Уж во всяком случае, не моя четвертьвековая работа на Уралмаше сменным мастером, начальником цеха, главным инженером, генеральным директором. Там все было пусть трудно, пусть не безоблачно, но удивительно счастливо. О том, что может быть так

«душно», я тогда даже и не думал. Сейчас же духота и физическая, и нравственная давит, обволакивает меня со всех сторон. Мысли рассеиваются: то они сосредоточиваются вокруг непривычной для меня неподвижности, то вновь и вновь возвращают в удушливую атмосферу уходящего года...

Была она действительно удушливой — атмосфера измен и предательств, хитрости и лукавства, лицемерия тех, с кем шел рядом все последние годы. Те люди, которые еще вчера клялись в верности нашим общим идеалам, сегодня с садистским наслаждением растаптывали их, отрекались от своих прежних убеждений, вовремя перебегая в стан недавних противников.

Подхлестывая толпу популистскими лозунгами, заведомо не выполнимыми, эти люди громили Правительство, обвиняя его во всяческих грехах, повсеместно сеяли недоверие к его деятельности, убивали нас за верность нравственному долгу, за сохранение моральных принципов жизни. Ведь для того, чтобы убить человека в человеке, его вовсе не обязательно уничтожать физически.

Да, по-видимому, мир не может быть без таких людей, как добро — без зла. Верно сказал один известный российский поэт: «Друзей я сердцем выбирал, врагов судьба мне посылала».

И все же начало было иное.

Глава 2. Начало. Секретарь ЦК

В первых абзацах книги я обронил фразу: мол, истинным началом перестройки следует считать не апрель 1985 года, не тогдашний, вошедший в историю, Пленум ЦК КПСС, на котором Горбачев прочитал свой еще очень осторожный, но все же революционный по тем временам доклад. Вспомним далекий ноябрь 82-го, когда, тоже на Пленуме, выступил вновь избранный Генеральный секретарь Коммунистической партии Ю. В. Андропов с докладом, гладко сочиненным для Брежнева, который тот «озвучить» уже не успел. Юрий Владимирович же доклад точно и тонко скорректировал: дурак не заметит, а умный поймет. Андропов, как всегда, адресовался к умным.

Обронил я ту фразу, от нее не отказываюсь и постараюсь доказать ее правильность. Ситуация в стране к этому моменту была более чем сложной и в экономическом, и в морально-политическом отношениях. Не хочу претендовать на сомнительную роль самого умного, но тогда, на ноябрьском Пленуме, слушая привычные фразы словотворчества, все же легко ловил в докладе Андропова чрезвычайно близкие мне мысли. О необходимости ускорить работу по совершенствованию всей сферы руководства экономикой — управления, планирования, хозяйственного механизма; об увеличении самостоятельности промышленных предприятий, колхозов, совхозов; о решительности в борьбе с повальными нарушениями дисциплины.

И хотя мысли эти были втиснуты в традиционный, плохо перевариваемый казенный текст, они были услышаны, и не только мною, и вызвали некое чувство, которое я вольно определил бы как удивленное ожидание. Что-то не так, не по-прежнему! Да, точно. Что-то будет, что-то новое? Посмотрим, посмотрим... За минувшие годы мы все научились не верить словам сильных мира сего.

До того Пленума я работал в Госплане СССР, был первым заместителем председателя, занимался вопросами общей экономики. Начальствовал над сводными отделами, которые определяли развитие экономики страны, координировали и вырабатывали экономическую

политику. Я прекрасно понимал всю серьезность положения, складывающегося в стране.

Что я мог сделать? Мой предшественник Виктор Дмитриевич Лебедев, человек опытный, однажды, не выдержав атмосферы официальной эйфории, написал подробную и честную записку (именно так: существовал и существует такой канцелярский жанр — записки, что на деле может означать и доклад, и статью, и справку), в которой честно проанализировал состояние экономики. Написал и отослал в ЦК.

Что потом было! На заседании Политбюро эту записку всячески чихвостили и обвиняли автора в грязной клевете на светлое настоящее. Досталось и Предсовмина, позволившему второму лицу из экономического штаба Правительства вот так «извращать» успехи в экономике. Учитывая очень осложнившиеся к тому времени отношения Косыгина со многими членами Политбюро, и особенно с Брежневым и Кириленко, я не исключаю того, что Алексей Николаевич действительно знал об этой записке и хотя бы таким образом пытался довести до ПБ (как для краткости называли этот орган неофициально) информацию о реальном положении дел в стране.

Странно, но место первого зампреда располагает, видимо, к такому экономическому инакомыслию. Попав на этот пост, рассмотрев, хотя и не сразу, всю картину народного хозяйства, я тоже стал высказывать крамольные для того времени мысли и невероятно быстро обрел союзников. Не скажу, что многих. Но даже с немногими было легче дышать и разрабатывать планы вывода страны из штопора.

Увы, малореальными и воздушными были эти планы, обсуждавшиеся на наших «тайных вечерах» в госплановских кабинетах. На грешной земле безраздельно царила Политика, которая полностью подчинила себе все и вся, включая и золушку-экономику.

И вдруг такие созвучные нашим мысли! И где — в первом же докладе нового Генсека!.. Было от чего впасть в состояние «удивленного ожидания».

Впрочем, мне-то лично следовало не полагаться на манну небесную, а делать конкретное и долгожданное дело. Его, кстати, Андропов мне и поручил.

А было так. В ноябре того, 1982 года прошло два Пленума ЦК. Тот, о котором я говорил, — очередной. Он был запланирован еще при Брежневe, и основной доклад, как я уже сказал, готовился для него. А десятью днями раньше прошел внеочередной Пленум ЦК КПСС, на котором после смерти Брежневa и был избран Генеральным секретарем Ю. В. Андропов.

В недолгом «междупленумье» — в воскресенье это случилось, часов в десять утра, — мне позвонили домой из приемной Черненко. Помощник просил срочно приехать.

Я поинтересовался:

— По какому делу? Может, надо взять с собой какие-то материалы?

Не понадобилось. Пришла машина, отвезла меня на Старую площадь к первому подъезду. Черненко обитал на главном — пятом этаже, где всего-то и было три рабочих кабинета: Генерального секретаря, второго человека в партии и... Хотел было написать: третьего, но никакого третьего не было. Официально и второго не существовало, но многие годы просидевший на этом этаже Суслов к официальному признанию и не стремился, просто сидел рядом с Генеральным и спокойненько всем руководил.

По неписаной традиции в кабинет Сулова после его смерти сел сначала Андропов, а потом, когда он перебрался в бывший кабинет Брежневa, насиженное суловское «гнездо» занял Черненко. Кстати, позже в нем пришлось посидеть и Горбачеву, и Лигачеву. Третьим на пятом этаже был тогда А. П. Кириленко, а верней — оставался только его кабинет. Сам же он как-то незаметно ушел из активной жизни, с официальных трибун, даже портреты его исчезли.

Черненко мне даже сесть не предложил. Наоборот, сам встал и деловито сказал:

— Пойдем к Юрию Владимировичу.

Сказать, что я не очень соображал, зачем меня привели к Андропову, — значит мало что сказать. Но разговор пошел на знакомую тему, об экономике. И когда Андропов предложил мне описать ситуацию, в которой находилось народное хозяйство, то я, забыв о печальной судьбе моего предшественника по Госплану, выложил Генеральному секретарю все, о чем мы говорили на своих «тайных вечерах».

Не знал я, зачем это понадобилось Андропову. Помнил: через несколько дней — Пленум. Конечно, в докладе будет экономический раздел, и, естественно, новый Генсек обкатывает свои мысли с человеком, занимающимся общей экономикой страны. Так я думал в те минуты и стремился откровенно изложить ему свои соображения и взгляды на экономическую политику.

Сам же он очень внимательно слушал и задавал только короткие и точные вопросы, заставляя меня, как боксера на ринге, раскрываться и говорить, говорить... Уже потом я ближе познакомился с этой его довольно хитрой манерой — молчать, побуждая собеседника к монологам, быстрыми вопросами вытягивать из него нужное. Познакомился, привык и даже взял на вооружение, хотя андроповского мастерства в «вытягивании» так и не достиг. Кстати, я ведь до этого с Андроповым не был знаком. Видел его лишь в президиумах съездов и собраний да портреты на демонстрациях.

Вытянул он из меня что хотел и заявил:

— Мы намерены создать в Центральном Комитете Экономический отдел, руководить которым должен, по нашему мнению, Секретарь ЦК. Хотим предложить этот пост вам. Что скажете?

Отделов в ЦК в то время хватало с лихвой. Но большинство из них вели ту или иную отрасль народного хозяйства. Аналогичные структуры существовали и в Совете Министров. Я еще вернусь к «сложносочиненной» системе руководства народным хозяйством сразу с двух командных вышек. Партийная, конечно, в то время была повыше.

И ЦК, и Совмин раздирала ведомственность. Каждый отдел тащил одеяло на себя, в свой отраслевой огород, ибо сводного отдела ЦК, который формировал бы экономическую политику в целом, не было. Поскольку на руководящую роль партии тогда еще никто не посягал, то Андропов закономерно видел главный командный экономический пункт именно на партийной вышке. Да и я тогда другого себе не представлял.

Но предложение меня не просто удивило, оно ошеломило.

— Юрий Владимирович, помилуйте. Вы же, наверное, знакомились с моей биографией. Я производственник и экономист, а не партфункционер. Двадцать пять лет на заводе протрубил, три года в

Министерстве тяжелого машиностроения — свое министерство, казалось бы, родное, а с какими муками я с завода уходил! Потом — Госплан, тоже не имеющий отношения к партийной деятельности пост... Нет, я не потяну, у меня нет никакого опыта партийной работы. Ни дня, ни часа...

— Вот и хорошо, — прервал меня Андропов, — именно такой человек нам и нужен. У вас другой опыт есть, школа, кругозор. Сами же перечисляли: завод, затем министерство, то есть вся отрасль, дальше — Госплан, то есть все народное хозяйство... Насколько я знаю, вы и в Госплане общими экономическими вопросами занимаетесь. Так что менять профессию мы не предлагаем. Если вам безразлична судьба страны, народного хозяйства — а судя по нашему разговору безразлична — соглашайтесь. Где еще вы сможете воплотить ваши замыслы в реальность?

Что верно, то верно — больше нигде. Повторяю: все командные пункты тогда располагались на Старой площади. Мне предлагалось занять один из важнейших. Это был шанс. Не для меня. Но для дела. Для страны.

И я согласился.

Кадровые проблемы решались молниеносно. 22 ноября 82-го года в своем коротком выступлении по оргвопросу Андропов проинформировал членов ЦК о том, что, поскольку экономике надо сейчас уделять особое внимание, Политбюро считает необходимым ввести должность Секретаря ЦК КПСС по экономике. И сразу же назвал мою фамилию. Пленум Андропова поддержал.

Сразу же после пленума я был назначен заведующим Экономическим отделом ЦК. Я навсегда запомнил этот пленум. Он повернул мою жизнь совершенно в иное русло. И не будь его, не известно еще, как сложилась бы моя дальнейшая судьба.

Потом были многочисленные устные и письменные поздравления. Я храню телеграмму моих родителей — отца и ныне покойной мамы:

«Дорогой Николай, поздравляем тебя с избранием Секретарем ЦК КПСС. Большая ответственность легла на твои плечи, сынок, оправдай доверие народа, желаем тебе крепкого здоровья и больших успехов в работе. Целуем, обнимаем».

Простые труженики из шахтерского края, далекие от начальственных вершин и большой политики, говорили о доверии

народа, потому что они и были им, тем народом, во имя кого и должны руководители страны, если они настоящие люди, жить и работать. «Верхи» и сейчас все действия «освящают» ссылками на народ, но как они далеки от него! Да и знают ли Гайдары и Чубайсы его вообще?

Поздравления, как и полагается, быстро отзвучали, и наступили рабочие будни. Непростыми они были уже потому, что Экономического отдела в аппарате ЦК не было никогда. Мне, в новом качестве, предстояло заниматься народнохозяйственной проблематикой в целом и разрабатывать принципы экономической политики.

Но, прежде всего, следовало привыкнуть к абсолютно новому для меня стилю жизни, который был принят на Старой площади. Хотя и пригласили меня как экономиста и производственника, но в чужой монастырь, в данном случае — партийный, со своим уставом идти — последнее дело. Позволю себе сделать небольшое отступление — «о чужом монастыре» и его десятилетиями выверенном «уставе». Для разрядки, как любит говаривать нынешний Президент России.

Цекисты — инструкторы, консультанты, заведующие секторами и даже отделами — были, в общем-то, отличными людьми, легкодоступными, сравнительно вольными в жизни, общительными или не очень — это только от характера зависело. Они не слишком кичились своим положением, то есть ничем особым от «нецекистов» не отличались.

Персоны же, занимавшие три высшие ступеньки партийной иерархической лестницы, являлись элитой. Сразу оговорюсь: ею делал их занимаемый пост. Хотя зачастую именно личные качества — и порой, что греха таить, не самые лучшие — выводили людей на эти ступеньки.

На верхней находились члены Политбюро. На средней — кандидаты в члены. И на третьей — секретари. Все было для них расписано раз и навсегда: кто с кем рядом сидит в президиумах, кто за кем выходит на трибуну Мавзолея, кто какое совещание проводит и кто на какой фотографии имеет право запечатлеться. Не говоря уже о том, кто какую дачу имеет, сколько телохранителей и какая автомашина кого обслуживает. Кто и когда установил этот железный порядок, мне не известно. Но не нарушается он и ныне: из ЦК и

старого госаппарата ловко переполз в современные «коридоры власти», где и расцвел махровым цветом.

Конечно, мне, человеку вольному и легкому на подъем, был странен и даже смешон этот порядок. Помню, я спросил у Владимира Ивановича Долгих, которого и раньше неплохо знал: как, мол, у вас проходят праздники? Я пришел в секретари в ноябре, дело двигалось к Новому году... Как их отмечают, спросил я, где и с кем собираются, можно ли с женами? Долгих посмотрел на меня...

— Никто ни с кем не собирается, — сказал он. — Забудь об этом.

Любые отношения у «людей трех ступенек» за пределами рабочих кабинетов и коридоров никак не продолжались. Пусть даже дачи располагались забор в забор или квартиры на одной площадке — встречаться вне рабочего времени считалось — какое бы слово подобрать? — неприличным, что ли. Уж не знаю, как было до меня, как там Устинов, например, с Пельше раньше праздники отмечали, но при мне было именно так.

Знаете, а это страшно! Работа отнимала очень много времени, новых друзей завести было трудно, да и старых не хотелось растерять.

К счастью, у нас с женой друзей хватало, мы по-прежнему все праздники отмечали вместе с ними. А внеслужебные отношения с коллегами могли, по-видимому, расцениваться как попытки сговора. Сталинская подозрительность в высшем эшелоне власти на Старой площади окончательно так и не выветрилась. Может быть, это неизбежный атрибут любой высшей власти? По крайней мере, нынешняя такие сомнения лишь укрепляет.

Или охрана. Раньше, бывало, в субботу к вечеру я сбегал из своего кабинета в Госплане и бродил по букинистическим лавкам, с зятем мы регулярно заваливались на его «жигуленке» в Воронцовские бани, парились вволю... Ныне пришлось бы париться рядом с малозаметным сотрудником девятого управления КГБ... Но, честно, и их пожалуй стоило. Им платили не слишком большие деньги за то, чтобы они нас охраняли, и уж всыпали — по первое число, если вдруг они «теряли» нас. Так однажды было в начале моего секретарства. Мы с женой наивно решили тайно удрать с дачи и просто побродить по Москве. Как раньше. Что ж, уехать-то мы уехали, но уже на Успенском шоссе функции охраны тактично взяли на себя предупрежденные

«девяткой» гаишники. Нам сразу стало скучно, вольное гулянье по Москве потеряло смысл.

В конце концов, я смирился с тем, что за мной обязан всегда кто-то следовать. Они — парни толковые, симпатичные, с некоторыми я и по сей день добрые отношения поддерживаю. Зачем было их-то подставлять под служебные неприятности? Хотя радости такое сопровождение мне никогда не доставляло. Неуютно было жить, как в аквариуме...

Впрочем, это лишь отдельные штрихи из повседневного быта цековского «монастыря» — и хватит об этом. Тем более что это в большей мере — игрушки для взрослых.

Так я думал тогда, так думаю и сейчас. К тому же все, о чем говорилось выше, относилось к двум десяткам человек. Ни зампреды Совмина, ни министры никакой охраны не имели. Сейчас же она, непомерно разросшаяся, демонстративно окружает вице-премьеров, министров, других персон из быстро меняющегося президентского окружения. То ли они все боятся народа, которым так «успешно» руководят, то ли охрана стала главным атрибутом престижности занимаемого поста, как, скажем, галстук для костюма чиновника. А скорее всего и то, и другое, и даже третье: средства массовой информации утверждают, что ныне начальник охраны Президента определяет маршрут движения не только его, но и... всей страны.

И снова вернемся в прошлое. В начале декабря 1982 года Андропов пригласил к себе меня и Горбачева. Тот был уже тогда членом Политбюро и одновременно Секретарем ЦК, вел сельское хозяйство.

— Внимательно перечитайте материалы Пленума, — сказал Андропов, — и определите круг проблем, по которым придется работать. Проблемы на сегодня, на завтра, на перспективу. Привлекайте кого сочтете нужным. И не теряйте времени, его у нас совсем нет. Михаил Сергеевич, не замыкайтесь только на сельском хозяйстве, поактивней подключайтесь к вопросам общей экономики. И работайте вместе!

Приказ получен: работать вместе. Приказы здесь обсуждению не подлежали. Так в конце 82-го нас и свела судьба в лице Андропова. Впереди лежал общий путь длиной в семь лет.

До тех пор я Горбачева знал не слишком хорошо. Бывало, сталкивались с ним на заседаниях Политбюро и Секретариата, когда мне приходилось замещать в Госплане Байбакова, на каких-то многолюдных совещаниях. Раза два, вряд ли больше, Горбачев приглашал меня к себе: уж не помню, что обсуждали, а если не помню, значит, ничего существенного.

Уже тогда я обратил внимание на его острое и целенаправленное желание как можно больше расширить круг своих интересов. Выходя за рамки проблем сельского хозяйства, он вторгался в область общей экономики и даже получал щелчки от старых членов Политбюро. Там не любили, когда кто-то проявлял излишнюю инициативу, выходил за пределы своей, ограниченной должностью, компетенции.

Видно, эту тягу Горбачева к экономическим проблемам и заметил Андропов. И тогда он взял дело в свои руки, сам подтолкнул его к этому. Юрий Владимирович старой школы был руководитель. А понятие «старая школа» чаще всего несет в себе начало хорошее, добротное, прочное, как и в этом случае: он просто подстегивал в подчиненных стремление знать больше, видеть больше, больше понимать. И активнее применять это в работе. Что касается Горбачева, то, полагаю, Андропов уже тогда исподволь готовил смену Черненко, который проблем народного хозяйства не знал вообще.

Позднее в средствах массовой информации, в воспоминаниях ближайших помощников Андропова стала усиленно муссироваться тема передачи им функций Генерального секретаря на период его болезни, которая может-де затянуться, Горбачеву. Ссылаются на якобы сделанную им приписку к тексту своего выступления на декабрьском (1983 года) Пленуме ЦК. Как известно, из-за болезни он не мог присутствовать на нем. Оно было роздано в письменном виде членам Центрального Комитета.

Но если что-то и было, то подобные вопросы не выходили за рамки «ядра» Политбюро, уж не говоря о секретарях ЦК. Я сильно сомневаюсь, что он не рассчитал последствий такого шага при еще имевших силу Устинове, Тихонове, Черненко, Гришине, да и Громыко в то время вряд ли поддержал бы это предложение. Ведь даже после смерти Андропова, во времена Черненко, когда Горбачев был вторым лицом в партии, так и не было официального поручения ему проводить заседания Политбюро в отсутствие Генсека. Об этом я еще расскажу.

Итак, мы начали. Ситуация в стране, повторю, и впрямь была сложной. Один только пример. В 1982 году, впервые после войны, остановился рост реальных доходов населения: статистика показала ноль процентов! Нужно было решать, что делать немедленно, какими путями, какими способами вести народное хозяйство дальше, как придать второе дыхание небезупречной, но и в то же время далеко не бесплодной советской экономике.

Ум хорошо, а два лучше. Нас с Горбачевым было как раз двое. Но для того, что предстояло сделать, требовались десятки умов — и теоретиков, и практиков. И множество людей на разных этапах помогало нам.

Забегая вперед, скажу, что с Горбачевым работать в то время было интересно. Он и впрямь тянулся знать больше, лез в малоизвестные ему аспекты экономики страны. Самоуверенный же его характер не позволял признаться, что он многого не знал или не понимал в народном хозяйстве.

И ведь прав был Андропов, сведя нас. Мы действительно дополняли друг друга: он знал территорию, территориальные единицы, хозяйственные связи — сказывался крайкомовский опыт. Я же знал промышленность, отраслевое и государственное планирование, производство. И, несмотря на естественные расхождения в частностях, в общем мы в то время были едины: в понимании проблем, в видении перспектив.

Сейчас уже прошло десять лет после смерти Ю. В. Андропова, но его личность и поныне привлекает внимание людей разных возрастов и профессий.

Большая часть вспоминает добрым словом этого быстро промелькнувшего на политическом небосклоне человека. Тогда ни один лидер партии не вызывал таких симпатий в народе, как он. До сих пор с каким-то удивлением думаешь о том, как может вызвать столько положительных эмоций руководитель, находясь во главе страны всего лишь 15 месяцев, из них работая только около года? Но он такие чувства вызвал.

Другая, меньшая часть, а это в основном бывшие ведущие партаппаратчики, не имея оснований для серьезной критики, все стрелы направляет на его деятельность в КГБ и перекосы в борьбе за установление в стране жесткой дисциплины.

Феномен Андропова, на мой взгляд, вызван тем, что к высшей власти пришел новый человек, во многом отличный от прежнего Генсека, который правил 18 лет (кстати, за это время поменялись пять американских президентов и шесть британских премьер-министров). Всем было видно, что это человек не брежневского склада. В эпоху Леонида Ильича люди устали от пустословия, показухи, двойной морали. Нужен был деловой, порядочный человек — и он появился.

Стиль работы самого Андропова, атмосфера в работе его аппарата в корне отличались от последних брежневских лет. Отрезвляющие же его слова: «Надо разобраться в обществе, в котором мы живем» и есть, на мой взгляд, фактическое начало «перестройки».

Андропов впервые после Ленина поставил вопрос о серьезном, принципиальном анализе пройденного обществом пути. «Надо нам трезво представлять, где мы находимся. Забегать вперед — значит выдвигать неосуществимые задачи; останавливаться только на достигнутом — значит не использовать все то, чем мы располагаем. Видеть это общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами — вот что сейчас требуется».

Это слова из статьи Андропова, опубликованной в журнале «Коммунист». Их и сейчас невредно повторять на сон грядущий любому лидеру, особенно тому, кто непоколебимо уверен, что все на свете знает точно и непреложно.

Критики бывшего Генсека вменяют ему в вину перекосы в борьбе за дисциплину. Да, как всегда, перекосы были. Даже во время молитвы дураки лоб расшибают. Перекосы не только в этом деле (а я могу назвать десятки подобных примеров) явились следствием кампанейщины, стремления как можно быстрее, досрочно выполнить то, на что нужны время и терпение. Но критики забывают, что именно он, невзирая на личности, жестко спрашивал за разрыв между словом и делом, за пустословие и славословие. И это относилось, прежде всего, к партийным функционерам, членам ЦК, хозяйственным и государственным руководителям.

Ставилась цель укрепления основ государственности, сильно расшатанных в предыдущие годы. Нельзя не оценить глубоко положительно начатую им крупномасштабную борьбу с коррупцией, мафией, теневой экономикой. В немалой степени и по этой причине,

думается, в настоящее время все больше появляется у людей сожалений о раннем уходе Андропова из жизни.

Все его шаги и намерения наметили — без прошлой показухи и будущих фанфар — перспективу обновления общества. Эволюционные меры привели бы к кардинальным переменам в стране. Люди это оценили, и Юрий Владимирович остается в памяти людской незапятнанным.

Мне могут возразить: а работа в КГБ, а гонения на диссидентов? Да, эти 15 лет нельзя вычеркнуть из жизни Андропова. Уж такое это не самое прекраснородушное ведомство. Прочтите массу публикаций о работе американских ЦРУ и ФБР, британского МИ-6 и т. д., и станет ясно, зачем нужна была нам эта «фирма». Не нужно забывать, что он работал в этом ведомстве в самый разгар холодной войны, времени максимальной активности иностранных разведок. Что же касается диссидентов, то у меня часто возникает мысль, а не благодаря ли Андропову не развернулись в стране массовые репрессии? Может быть, именно в этом его заслуга? Ведь не надо забывать, насколько были нетерпимы к инакомыслящим его «патроны» в ЦК.

Вместе с тем я далек от мысли идеализировать деятельность Ю.В. Андропова. И все же учтем, что, во-первых, «характер — это судьба», а внутренняя дисциплинированность, высокая организованность, собранность в делах, нетерпимость к расхлябанности, пустопорожней болтовне — все это доминирующие черты Юрия Владимировича. Во-вторых, надо учесть максимальную (вряд ли с чьей-то сравнимую!) информированность его о малейших деталях ситуации в стране. Информация же — это главнейший элемент власти, а секретная представляет наибольшую ценность. Огромнейший массив именно этой информации давал ему большие преимущества перед другими представителями высшей власти. Ну и, в-третьих, волей-неволей, он принес с собой методы, к которым привык: в его бывшей «фирме» во все времена умели там, где необходимо, «закручивать гайки».

Другое дело, что люди настолько устали от всеобщей развинченности, что приняли это «закручивание» не без облегчения. Один факт. На всех совещаниях в ЦК — а мы с Горбачевым и другими секретарями ЦК собирали их очень часто, предельно форсируя разработку экономической стратегии, — руководители объединений, предприятий, колхозов, совхозов, предлагая самые разные пути выхода

из кризиса, все без исключения сходились в одном: нужна строжайшая дисциплина.

Но стоит оглянуться еще дальше назад, в прошлое.

Конечно, мы в 83-м пионерами в деле экономических преобразований не были. В 60—70-е годы такие попытки предпринимались дважды, по инициативе Алексея Николаевича Косыгина, Председателя Совета Министров СССР. Это был человек умный, компетентный и дальновидный, мечтавший, как мне думается, вырвать экономику из-под могучего пресса идеологии. Но — не судьба. Леонид Ильич с товарищами свято верили в примат идеологии и, к слову, не любили раскольников. Косыгин впоследствии на себе это, к сожалению, ощутил.

Косыгинская экономическая реформа 1965 года дала заметный толчок буксовавшему народному хозяйству. Только за восьмое пятилетие объем промышленного производства вырос в полтора раза, производительность труда — на одну треть. Темпы роста товаров народного потребления наконец-то сравнялись с темпами роста средств производства, которым всегда отдавалось предпочтение.

Косыгин понимал, что классическая идеологическая смазка — «народ все вытерпит ради мощи державы» — в экономике стала давать сбой. Людям надоело непрерывно бросаться на тут и там зиявшие амбразуры. Всем хотелось нормальной жизни не в светлом будущем, а сегодня. Тем более что в странах Запада жизненный уровень стал стремительно повышаться, а бывший пресловутый «железный занавес» уже не мешал нам внимательно все рассмотреть и немало озадачиться происходящим.

Я тогда работал на Уралмаше и косыгинскую реформу испытал на себе. Хорошо было начато, сильно по тем временам: предприятия, обретая ранее неведомые права, вздохнули свободнее. Да и подросшая зарплата карман работника не тянула.

Реформу начали откровенно и резко скручивать в конце 60-х. Опять-таки внизу, на производстве, это чувствовалось особенно отчетливо и больно: только вздохнули, как кислород вновь перекрывают. Делали это с государственных высей те, кто изначально не принял нововведений. Те, кто сразу усмотрел в экономических преобразованиях угрозу политической стабильности строя и только повода дожидался, чтобы эту реформу придушить. И повод подоспел.

Весна 68-го, «пражская весна», не на шутку перепугала столпов и охранителей догматической идеологии.

Впрочем, с их позиций было чего испугаться: именно демократизация экономики неизбежно вытягивала за собой демократизацию всего общества. А этого ни Брежнев, ни Сулов, ни иже с ними допустить не могли. Не знаю, может быть, это мои домыслы, но думаю, что и самого Косыгина Чехословакия тоже, в конце концов, напугала.

Так не отсюда ли начало долгой и, в общем-то, несправедливой борьбы с так называемым инакомыслием, с диссидентством? Но, как показывает опыт любой страны, «охота на ведьм», в конечном счете, всегда безуспешна. А уж нас-то, вынужден повториться, никакой опыт ничему не учит — ни чужой, ни собственный. Наши власти — хоть антидемократические, хоть, по их собственным уверениям, демократические, пуще всего боятся именно инакомыслия, и примеров тому ежедневно — тьма. Могучее «Нельзя!» царило и царит в любезном Отечестве нашем, и какими бы идеологическими одеждами оно ни прикрывалось, это слово всегда было орудием подавления свободы, мысли и действий и вместе с тем — лекарством от страха потерять власть. Для тех, кто дошел, добрался, дорвался до нее. И не верю я в объявленную свыше демократию, ибо настоящая демократия это слово «нельзя» с великой осторожностью применяет. Как аптекарь — яд.

Есть благородные социальные идеи, за которые необходимо бороться, добиваться их осуществления. И только когда они в основном войдут в жизнь, станут реальностью, можно тому или иному общественному строю дать характеристику, которая, как цель, была на знаменах сил, ратовавших за него. А сейчас происходит подмена понятий, великие слова используются в сугубо сиюминутных, популистских целях. Самое трагичное в этом то, что реальные действия людей, объявивших себя сторонниками демократических идеалов, ничего общего с ними не имеют. Поэтому и само понятие «демократ» становится в глазах народа чуть ли не неприличным...

Вторая попытка оздоровить экономику была предпринята в 1979 году, опять при Косыгине, хотя в это время он уже был очень болен и реформой занимался фактически его заместитель Владимир Николаевич Новиков. К сожалению, эта попытка так и осталась только

попыткой, ибо ограничивалась лишь легкими, косметическими изменениями и не несла в себе никакой радикальной новизны. Да и о какой радикальности можно было вести речь, если официально ситуация в экономике признавалась «лучше некуда». Показуха достигла головокружительных высот, и главные лица страны находились в состоянии блаженнейшей эйфории.

Так и приходилось экономистам диссидентствовать в своем кругу — в Госплане, в научных институтах... И нам с Горбачевым не так уж сложно было составить команду для разработки программы экономической перестройки: люди были известны.

Это были те же авторы, которым через несколько лет станут охотно предоставлять газетные и журнальные площади для выражения их революционных экономических идей. Назову лишь несколько имен: академики Аганбегян, Арбатов, Богомолов, Заславская. Тогдашние доктора наук Абалкин, Белоусов, Петраков, Ситарян... Годы работали они практически в никуда, в пустоту. Плодили теории ради теорий, и вдруг их нестандартные и «крамольные» мысли понадобились и востребовались, и не где-нибудь, а на самом «верху».

Именно в начале 83-го, при Ю. В. Андропове, эти мысли и обретали плоть, оказавшись в основе долгосрочной программы кардинальной перестройки управления народным хозяйством, которая дала некоторый толчок нашей экономике и позволила нам в 85-м начинать уже все-таки не с нуля.

Просматриваю сейчас материалы тогдашних многочисленных совещаний в ЦК, читаю высказывания ученых, специалистов различных направлений, директоров заводов, председателей колхозов. Все сходилось в главном: надо кончать с давно устаревшим жестким, всеохватывающим планированием, администрированием в экономике. Оно было порождено многими чрезвычайными условиями, в том числе подготовкой к войне и военным лихолетьем, трудностями послевоенного восстановления народного хозяйства, десятилетиями холодной войны, когда финансовые, материальные и интеллектуальные ресурсы бросались на достижение паритета в военных делах.

Забегая вперед, скажу, что нынешние «друзья» — США в середине 80-х годов пытались втянуть нас в новый тур изматывающей

гонки через так называемую программу СОИ. К счастью, нам хватило ума не заглотить эту наживку.

Так вот, эти встречи дали возможность четко определить, что первоочередными вопросами того времени было расширение прав предприятий и усиление их экономической ответственности за свою деятельность, а также меры по укреплению дисциплины труда.

Потребовалось полгода после начала проработок этих проблем, чтобы в июле 83-го они были приняты на Политбюро в виде двух постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Сейчас, перечитывая их, невольно улыбаюсь: как старательно прикрывали мы естественные, разумные и, главное, реальные меры стандартным набором слов и штампов, которые диктовала нам всемогущая Идеология. Ну, к примеру, почему дисциплина — непременно социалистическая? Что, разве у капиталистов ее на производстве нет? Разве она всегда и во всем требует какого-нибудь идеологического эпитета? Мы и потом не сразу избавились от словесных пут, старательно не желая понять, как уродуем русскую речь. Плюрализм у нас был только социалистическим — не таким, значит, как у них. Или, скажем, такая формулировка: «Имеются факты, когда отдельные работники... не показывают пример дисциплинированности...» И еще так: «Некоторые рабочие, колхозники и служащие трудятся не с полной отдачей...» В общем, как у классика: «Что ты читаешь?» — спрашивал Полоний. «Слова, слова, слова...» — грустно отвечал ему Гамлет.

Но, несмотря на густую завесу привычных словесных клише, оба постановления были в сути своей конкретными и деловыми и действительно положили начало практической перестройке в народном хозяйстве. В отличие от некоторых других, не прижившихся, эти постановления заработали, так как в основном состояли из мыслей и требований, соответствовавших интересам тех, кому их, постановления, в жизнь воплощать предстояло. Были провозглашены требования порядка и дисциплины — с одной стороны, и с другой — предоставлены предприятиям вполне реальные права, позволяющие работать без постоянного кнута сверху. Подчеркну: не совсем без кнута — без постоянного...

Увеличивалась роль самих предприятий в планировании — на всех его стадиях. Значительно сужался круг плановых показателей,

всегда своим обилием мучивших производителей. Повышалась роль экономических нормативов, размеры средств на зарплату, на социальную сферу ставились в прямую зависимость от результатов работы.

Полная самостоятельность предоставлялась предприятиям в использовании фонда развития производства и фонда заработной платы, они сами могли решать, как поощрять хороших работников. И не только деньгами, но и квартирами, путевками в дома отдыха, местами в детских садах и яслях, средства на строительство и содержание которых тоже регулировались предприятиями, а не «сверху».

Естественно, никто в то время не рискнул сразу всем миром броситься в давно провозглашавшийся в теории и политике, но фактически никем у нас не изведанный, подлинный, реальный хозрасчет. Решились на эксперимент. С 1 января 1984 года предприятия двух ведущих союзных министерств — тяжелого и транспортного машиностроения, электротехнической промышленности и трех республиканских — пищевой, легкой и местной промышленности, соответственно, на Украине, в Белоруссии и Литве — переходили на новый способ ведения хозяйства. Мы намечали так: пройдет год, появятся результаты, и к этим предприятиям присоединятся другие.

Еще раз хочу сказать: это было лишь начало. Наша экономика только-только продиралась сквозь плотную завесу мешающих ей идеологических барьеров. Конечно, с сегодняшних позиций все эти меры выглядят достаточно робкими, наивными, но именно с них-то и начиналась перестройка в экономике, а затем и во всем обществе.

И странно, и грустно читать сейчас воспоминания об «эпохе Андропова» тех, кто работал тогда рука об руку с нами. Вот пишет, например, академик Арбатов: «Глубоких экономических знаний у Андропова не было... К экономическим проблемам он, повторяю, интереса никогда не проявлял, образа мыслей в этой области придерживался довольно традиционного...»

Никто никого не заставляет следовать поговорке «о мертвых — либо ничего, либо только хорошее», но зачем врать-то? Да, я готов согласиться с Георгием Аркадьевичем, что экономические знания Андропова и впрямь были невелики, но он всегда хотел узнать об

экономике побольше, влезть в проблему поглубже, докопаться до истины и принять ее, даже если она и противоречит всему его за долгие годы накопленному идейному багажу.

Сейчас почти не вспоминают «Закон о трудовых коллективах». А ведь если внимательно всмотреться в этот документ, то станет понятно, что он и является предтечей будущих законов о предприятиях, о демократизации общества и многих других. Важно, что он был нацелен именно на первичное звено советского общества. Андропов хотел и пытался рассматривать его в реальной динамике, он постоянно, изо дня в день учился всему на свете и нас, свою команду, заставлял делать то же. Именно заставлял. Бывало, звонит вечером по прямому — «главному» — телефону:

— Давно не показывааетесь, неделю вас не вижу.

— Работаю, Юрий Владимирович, — осторожно говорю.

— Знаю. А что, никаких ко мне вопросов? Зато у меня к вам много. Зайдите.

И заходил. И он гонял меня по «всему на свете», то есть по нашей общей экономической пахоте. И не сердился, если я вдруг не мог ответить на какой-то особенно сложный вопрос. «Узнаете, — говорил он, — не забудьте мне рассказать...»

Ценю злую точность Галича: «Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы, не бойтесь мора и глада, а бойтесь единственно только того, кто скажет: «Я знаю, как надо!» Кто скажет: «Идите, люди, за мной, я вас научу, как надо!»

Читаю сегодня, слушаю тех, кто с удивительным апломбом расписывает, как мы все и каждый в отдельности должны поступить, чтобы вытащить страну из нищеты и разрухи. Читаю и слушаю доморощенных и закордонных пророков с их самыми радикальными и всегда единственно правильными рецептами и повторяю вслед за поэтом: «Гоните его! Не верьте ему! Он врет! Он не знает, как надо!»

Невероятно уважаю Андропова за то, что он не страшился не знать.

Преклоняюсь перед ним за то, что он всегда стремился знать.

«Своя команда» собиралась им заново, из самых разных мест. Я — с Урала, Лигачев — из Сибири, Воротников — из Воронежа, Горбачев, правда, — давно уже из... ЦК, но в брежневском ЦК он,

коли честно, был в какой-то мере чужаком. Далекая от центрально-столичной компании, команда Андропова умела и любила учиться.

В 83-м он начал особенно интересоваться внешнеэкономическими вопросами. Сегодня кажется, что он предвидел самый конец восьмидесятых.

— Узнайте и подробно изложите мне механизм работы концессий, совместных предприятий, — просил он меня.

Это оказалось совсем не просто. В те годы ничего, по сути, серьезного, подробно растолковывающего эти вопросы в отечественной экономической литературе не было. Кое-что разыскали среди диссертаций, кое-что перевели. И в год, когда у нас только стали возникать первые СП, я, пожалуй, мог считать себя достаточно грамотным экспертом по ним.

Андропов внимательно вглядывался во взаимоотношения СССР со странами СЭВ. Говорил о взаимовыгодной интеграции, но постоянно предупреждал: надо бы поменьше дипломатических политесов, нам следует в первую очередь блюсти свои интересы, именно свои. Помню, встретил его в коридоре после разговора с Чаушеску: шел злой, дерганный, на себя не похожий. Объяснил свое состояние:

— Терпеть не могу, когда мне диктуют, что делать. Это никакое не содружество, а вульгарный грабеж... Я был свидетелем, когда он в узком кругу не раз сетовал на то, что мы неоправданно отвлекаем ресурсы из нашей экономики для стран, заявляющих о своей социалистической ориентации.

— Что мы забыли в Анголе, Мозамбике, Эфиопии и других подобных странах? Какой там у нас интерес? Надо ли в ущерб жизни своего народа идти на это?

У него было твердое убеждение, что постепенно следует уменьшать масштабы так называемой помощи другим странам. По его мнению, СССР, являясь сверхдержавой, своей государственной мощью, сильной экономикой исторически обязан противостоять противникам, сохранять равновесие и стабильность в мире. Но и для выполнения этой задачи надо в первую очередь заниматься внутренними делами страны.

Он дьявольски многого не успел. Из пятнадцати месяцев жизни, отпущенных ему судьбой после избрания Генсеком, как я уже говорил,

он всерьез проработал меньше года.

Остальные — больница. Чем он болел, нам знать не полагалось. Я, например, не знал. Наверное, только мой инфаркт в 90-м и стал первой гласной болезнью одного из высших руководителей государства, о которой в центральных газетах давались краткие сообщения. А до того — молчок. Члены Политбюро если не бессмертны, то уж никаким хворям не подвержены. Я, да и многие другие хотели узнать, что гнуло к земле Андропова, да ведь в цековском «монастыре» тайн больше, чем при мадридском дворе: разве у кого спросишь?..

Я только что сказал о первой гласной болезни. Но так и напрашивается реплика — и последней. Сколько сейчас идет разговоров о здоровье первого лица государства. Его исчезновение на несколько дней дикторши телевидения со скорбным выражением объясняют насморком, а его личный комментатор объявляет на весь мир, что он даже видел у своего шефа в руках носовой платок. А народ в это время гадает, выискивает истинные причины. Ничему нас не учит жизнь! Ведь это все было. Американцы знают о здоровье Президента страны больше, чем о своем. И это политически правильно. Легенды, домыслы и сплетни всегда являются продуктом отсутствия или скудности информации.

В последний раз я встретился с Юрием Владимировичем как раз в больнице — за три недели до его смерти. Точно помню дату: 18 января 1984 года. Я только вернулся из Вены, куда ездил представителем КПСС на съезд австрийских коммунистов. По установленным правилам я должен был написать отчет о поездке и кому-то его представить. Не помню уж у кого спросил: кому? И этот «кто-то» всерьез посоветовал: а ты позвони Андропову в больницу, тем более он о тебе спрашивал, ему и расскажешь... Не без некоторого сомнения я позвонил. И услышал знакомое:

— Чем вы сейчас заняты? Приезжайте к пяти, поговорим.

Вопреки моим ожиданиям, он не лежал, сидел у письменного стола в глубоком кресле, плотно укрытый пледом. Поразило, как быстро он поседел, стал совсем белым.

Я чувствовал себя не слишком ловко, попытался что-то рассказать об Австрии, он перебил, перевел разговор на экономику, снова бил вопросами — самыми разными, заставил на минуты забыть, что мы не

в его кабинете на Старой площади, а в Кунцевской больнице. Когда вспомнил, спохватился, глянул на часы — час пролетел. Встал.

— Извините, Юрий Владимирович, не буду вас мучить проблемами, выздоравливайте. Вдруг он поманил пальцем:

— Наклонитесь.

Я наклонился. Он, не вставая, прижал мою голову к груди, неловко чмокнул в щеку, отпустил. Сказал:

— Идите-идите. Все.

Шесть лет спустя, в мае 90-го, ранним утром ехал я с дачи в Кремль по хорошо знакомому Успенскому шоссе, ехал на могучем ЗИЛе-«членовозе», и незадолго до кольцевой встречный автобус неожиданно выскочил на нашу полосу движения. Потом оказалось, что солдатик за рулем не справился с управлением. Тогда же было не до выяснения причин, мой шофер успел лишь вывернуть руль влево, врезался правым крылом в зеленый борт автобуса. Машина даже подпрыгнула на шоссе от мощного удара и громыхнулась тяжелым багажником на капот машины сопровождения, не успевшей затормозить или свернуть.

Два ЗИЛа пошли на списание. Очевидцы потом говорили мне: трудно было даже представить в этой каше из исковерканных машин, что кто-то остался в живых. Несколько газет поместили скудную информацию, а одна по этому поводу даже поерничала.

Впрочем, и противоположная реакция не заставила себя ждать. «Я был потрясен сообщением о дорожно-транспортном происшествии. Прошу Ваше Превосходительство принять мои искренние пожелания скорейшего и полного выздоровления». Это слова канцлера Австрии Франца Враницкого. Подобные телеграммы пришли от Маргарет Тэтчер и многих других глав правительств разных стран — за исключением отечественных лидеров, кстати. С искренним теплом вспоминаю эти послания, как и письма, телеграммы наших простых людей — у них больше чуткости и душевности, чем у политиканствующей публики.

Итак, страху было много, убитых и покалеченных, к счастью, не оказалось. Меня же немедленно погрузили в первую попавшуюся «Волгу» и отвезли в больницу в Кунцево, а там сразу же поместили в палату. И когда я остался один, огляделся, постепенно приходя в себя после аварии, то вдруг почувствовал: я ведь был здесь уже. Вот этот

стол так же стоял. Вот это кресло — здесь, да, здесь... Вот эта картина на стене — тот же пейзаж, я его помню...

Спросил вошедшую медсестру:

— Андропов здесь... был... в последний раз? — язык не повернулся сказать: умирал.

Она кивнула: да, здесь.

За шесть лет я как-то стал забывать больничную палату

Юрия Владимировича, последний, прощальный визит к нему. И вот столько лет спустя я вновь сижу на жестком стуле перед знакомым глубоким креслом. Только теперь пустым.

Что я тогда не успел спросить у Андропова? Что-то важное, наверняка. Засуетился, заторопился, ушел. Навсегда. Он сам сказал: идите.

8 февраля 1984 года вечером мы с женой прилетели в родной Свердловск. Людмила Сергеевна — с okazji: навестить маму, сестер и брата, живущих там. Я — по делу. Надвигались выборы в Верховный Совет СССР, еще те выборы, когда все было расписано заранее: кто и куда. Меня выдвигали кандидатом в депутаты в четырех рабочих районах города.

Заранее расписанный день 9 февраля включал посещение Уралхиммаша, камвольного комбината, обязательные, хотя интересные и полезные мне встречи, разговоры, летучие интервью. Ни я, ни тенью сопровождавший меня первый секретарь обкома Ельцин (по должности положено было — тенью, а Борис Николаевич хорошо умел блюсти должность) ничего не знали о событиях в Москве.

10-го с утра опять вместе поехали на Верх-Исстский металлургический, бродили по цехам. На выходе из очередного нас поймал кто-то из дирекции завода, сказал: вас срочно Москва разыскивает. Решили позвонить позже, пошли дальше, после одиннадцати (десятый час в Москве) приехали в новый госпиталь для ветеранов войны. Там — главврач: срочно звоните в Москву. С помощью переносной высокочастотной станции связался с заведующим Общим отделом ЦК Боголюбовым, спросил: в чем дело? И услышал в ответ: Юрий Владимирович вчера вечером умер. Сегодня заседает Политбюро, в понедельник, 11-го, — Пленум...

Все отменили, быстро вернулись в гостиницу, я вновь связался с Москвой, попросил телефонистку соединить меня с Черненко.

Тот спросил сдержанно:

— Ты в курсе?

— Да. Что мне делать? Лететь в Москву или оставаться? У меня в семнадцать ноль-ноль местного встреча с активом.

— Решай сам, — сказал Черненко. — Сообщение о смерти передадим как раз в семнадцать, но по московскому... Я даже не знал, что Политбюро уже рекомендовало его на пост Генерального секретаря.

А что самому решать? Проводить встречу и никому — ни слова? Кошунство! Отменить ее? Тогда надо объяснить причину, а она до официального сообщения не существует...

Решили с Ельциным: поедем во Дворец молодежи, там видно будет.

Типично русское: «Там видно будет!». И действительно: уже по дороге, в половине пятого (в половине третьего — по Москве), радио передало официальное сообщение о смерти Генерального секретаря ЦК КПСС. То ли Черненко ошибся в часе, то ли в Москве решили поспешить.

Во Дворце молодежи нас ждали, зал был полон. Члены назначенного обкомом президиума встречи терпеливо топтались за сценой. О смерти Андропова пока не знал никто.

— Давайте выйдем вдвоем, — предложил я Ельцину, — сообщим залу грустную весть, скажем несколько слов и разойдемся.

Ельцин согласился. Так и сделали, хотя наши «несколько слов» затянулись, по крайней мере, на полчаса: и у меня, и у Бориса Николаевича было что сказать о покойном. У меня — особенно... Потом, уже в Москве, листая «тассовки», я сделал вывод, что первый в стране траурный митинг был проведен именно в Свердловске. Так получилось. Сами понимаете, я к тому не стремился.

А после импровизированного митинга я улетел в Москву на Пленум выбирать нового Генерального секретаря.

Я заканчиваю главу об Андропове, об истоках перестройки. Конечно, он многое намечал сделать в стране. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает.

Юрий Владимирович искренне хотел перемен. Меня часто спрашивают: если бы жив был Андропов, что было бы со страной? Был бы горбачевский вариант? Китайский вариант?

Мой ответ: был бы свой, андроповский путь! Каким бы он был в деталях — не знаю, но он никогда не был бы ни антигосударственным, ни антинародным...

Глава 3. Сумеречный год

13 февраля 1984 года на внеочередном Пленуме ЦК КПСС все — как всегда единогласно! — проголосовали за избрание Генеральным секретарем 73-летнего немощного и больного Черненко. Могло ли быть иначе? В тех условиях — нет.

Нельзя, однако, сказать, что выбор этот оставил кого-то равнодушным: дескать, проголосовали — и с плеч долой. Причастные к высшей власти прекрасно понимали, что соратники Леонида Ильича еще достаточно сильны. Они сплочены глухой неприязнью ко всему новому, непривычному и сейчас своих позиций не сдадут. Им нужен был человек из этого устоявшегося «руководящего ядра». Не Черненко, так другой, но — свой. К тому же все понимали, что никто из сравнительно молодых членов Политбюро не успел набрать силы за 15-месячное андроповское правление. Так что ликования не было. Эти выборы оставили лишь ощущение раздражения от бессилия что-либо изменить.

Впрочем, не прав: брежневская когорта в Политбюро, полагаю, осталась довольна выбором. Собственным выбором, ибо именно они — Тихонов, Устинов, Гришин, Кунаев, Щербицкий, Громыко — отлично знали, чего хотели.

Каждый из перечисленных, я так думаю, видел себя на этом наивысочайшем посту. Но, сверхопытные, они зримо представляли себе, что случится, если кто-то из них этот пост получит: свои же и съедят. По вечному принципу: чем ты лучше других?.. А вот Черненко для них был «лучше» других — хотя бы тем, что он за всю свою жизнь не занимал реальных руководящих постов, и эти опытные люди могли им достаточно свободно манипулировать. Не мог он быть властным в силу того, что всегда власть видел хотя и изнутри, но все же — со стороны, всегда был помощником, и этим все сказано. К тому же он медленно и верно угасал. Это была компромиссная фигура, и, на мой взгляд, такое решение было признаком безысходности. Ну и надо добавить, что их не могли не напугать чересчур резкие андроповские шаги в экономике. Они хотели покоя. Черненко, по их мысли, и нес его с собой.

Константин Устинович всегда был верной тенью Леонида Ильича. Для того чтобы сделать этот вывод, не требовалось состоять в Политбюро. Надо было лишь регулярно смотреть телевизор, где Черненко всегда был рядом с Брежневым. В последние годы так и вовсе его водил. И в буквальном смысле, и в переносном. Жизнь рядом, как известно, началась давно, в 50-х годах еще, когда оба работали в Молдавии. Более удачливый Брежнев никогда не забывал верного и преданного Санчо Пансу. Довел в итоге до Политбюро. Кресло генсека ему обеспечила как раз стойкая репутация «верного и преданного».

Можно было без всяких ЭВМ просчитать, что предстоит реанимация и новое воцарение чуть обновленных брежневских методов правления. Этого, полагаю, и хотели те лица в Политбюро, кто в спешном порядке, на следующий день после смерти Андропова, рекомендовал Черненко на высший пост в партии и государстве.

Кто-кто, а я совсем приуныл. Черненко я худо-бедно знал, но даже это «худо-бедно» подсказывало, что вряд ли он заинтересуется нашими реформами в области экономики и управления ею. Вряд ли поддержит, если вообще не прикроет нашу работу, не говоря уже о его единомышленниках в Политбюро. Им эта подозрительная работа, к тому же благословленная беспокойным Андроповым, была бельмом на глазу.

Настроение у меня было — хоть беги со Старой площади обратно на производство. Не беда, что пост директора Уралмаша занят, — место мне нашлось бы легко. Как говорится, была бы шея...

Но Горбачев, которому я доверил потаенную мысль о побеге, меня категорически не поддержал.

— Ни в коем случае не торопись, — сказал он мне доверительно, будто знал нечто такое, о чем я и не подозревал. — Найдем способы продолжить нашу работу. Кто ею займется, если не ты?

Никогда его не спрашивал ни о чем, но, полагаю, он уже тогда предчувствовал очередные похороны... Тем более что именно Горбачев стал после смерти Андропова вторым лицом в партии и переехал в знаменитый суловский кабинет.

Стоит, по-моему, задержаться на этом факте. Не на переезде в кабинет, конечно, а на обретении Горбачевым достаточно властных прав, положенных «второму». По установившейся традиции именно

это лицо вело Секретариат, а в отсутствие Генсека руководило заседанием Политбюро. Вот здесь была большая загвоздка. Права он вроде и приобрел, а официальных полномочий на ведение ПБ не получил. Такие полномочия издавна оформлялись соответствующим решением Политбюро. Казалось бы — пустяк, а по сути — мандат на власть. Так было во времена Брежнева, где подобное доверие оказывалось Суслову, а затем Андропову. Во времена Андропова эти полномочия получил Черненко. На этот раз, естественно, был подготовлен проект решения о Горбачеве, вынесенный для обсуждения на Политбюро. Помню, Тихонов начал: мол, почему именно Горбачев, разве нет других достойных? Да и обязательно ли надо поручить ведение заседаний именно одному человеку? Еще раз повторяю, спорить с ними, биться, пытаться сломать — сил у нас еще достаточно не было. Умный Громыко, в общем-то симпатизирующий нашей команде, но и со своей не желавший портить отношения, дипломатично «свернул» вопрос: давайте отложим, подумаем, вернемся позже.

Позже не вернулись. До самой смерти Черненко Горбачев так и не получил столь желаемого им решения Политбюро. Иными словами, он был вторым де-факто, но не де-юре, вроде как нелегально. Старая брежневская гвардия побаивалась его и не доверяла ему.

Не скрою, его это очень мучило. Зная самолюбивый характер Горбачева, его нескрываемую любовь к власти и ее внешним атрибутам, могу легко представить, какие кошки скребли его душу.

Он безраздельно властвовал на проходивших по вторникам заседаниях Секретариата, никто и не посягнул на его право вести их. Каждый же четверг поутру он сидел сироткой в своем кабинете — я частенько присутствовал при этой грустной процедуре — и нервно ждал телефонного звонка больного Черненко: приедет ли тот на ПБ сам или попросит Горбачева заменить его и в этот раз.

Впрочем, откровенное недоверие «старой гвардии» к более молодому конкуренту мешало не только горбачевскому самолюбию, но и общему делу. Если в составе Секретариата наша команда имела явное большинство, то каждое заседание Политбюро, когда предстояло решать действительно принципиальный вопрос, превращалось для нас в труднодоступную высоту. Решить какой-либо неудобный для «стариков» вопрос лобовой атакой было делом бесполезным.

Необходимо было иметь из их среды союзников, то есть найти мифологического троянского коня. Таким конем, как ни странно, чаще всего оказывался Черненко.

Плох он был уже. Плохо двигался, плохо говорил, плохо соображал. И как некогда он сам управлял Брежневым, так и им управляли все кому не лень, кому в данный момент требовалась формальная поддержка Генерального. Иногда это случалось и, так сказать, во имя прогресса. Дело в том, что больной Черненко, несмотря на постоянное, подсознательное уже стремление к состоянию покоя, тем не менее хотел выглядеть в глазах общественности хоть в чем-то новатором. Наиболее благоприятным полем для этого была экономика, но он в ней ничего не понимал и охотно верил нам на слово. Да и такие факторы, как отсутствие знаний по многим другим вопросам, нежелание обострять отношения со вторым лицом в партии, а также тяжелый недуг, подталкивали его к сотрудничеству с Горбачевым. Не видел в нас противников, что ли? Если так, то прав был... Вот почему я довольно быстро отбросил свои пораженческие настроения и продолжил работу по развитию экономического эксперимента, по реформированию структуры управления народным хозяйством. Так, как она нами при Андропове и выстраивалась.

Еще несколько слов о нашей в то время тактике.

Ситуация сложилась странная. С приходом Черненко к руководству партией и страной жизнь в высших эшелонах власти возвращалась к покою и благолепию. «Птенцы гнезда Брежнева», конечно, бежали от всяческих перемен, недобрым словом, думаю, поминали покойного Юрия Владимировича. Сами же ничего существенного не предлагали.

Но — вот вам парадокс! Подобное положение не мешало нам продолжать дело, начатое при Андропове. Они словно бы не замечали нашу возню или просто делали вид, что ее и не существует. Проще всего усмотреть в том некий «страусизм», то бишь страстное желание засунуть голову в песок и не видеть опасности. Нет, реальную-то опасность они ловили за версту. Но, на мой взгляд, полагали, что им всегда хватит и времени, и власти остановить ее. Запрет на какое-либо действие мог бы вызвать более отрицательную реакцию в партии и определенных кругах общества, чем работы по каким-то реформам.

Да и какая, в самом деле, от нас, неугомонных и сравнительно молодых, могла быть опасность? Ну, носились с экспериментом в промышленности. Ну, придумывали что-то теоретическое в экономической науке. Так не на устои же посягали, основ не трогали — и здесь они не ошибались... Но при всем этом любое серьезное решение приходилось прошибать. Если уровень Секретариата для этого решения был достаточен — тогда без больших проблем. А если требовалось решение Политбюро, то приходилось прибегать к весьма своеобразной помощи Черненко.

Кто-то, может быть, упрекнет меня: мол, стыдно, вы обманывали больного человека. Нет, возражу я, никогда мы его не обманывали! Да, мы прекрасно представляли себе уровень его знаний о тех или иных проблемах, непонимание, даже отстраненность от реальности, от экономической жизни страны. Что же нам оставалось делать? Учить его — дело бесполезное. Обходить — дело безнадежное: без поддержки Генсека Секретарю ЦК не «пробить» ни один принципиальный вопрос.

Наша задача была в том, чтобы убедить Константина Устиновича не только поддержать то или иное предложение по экономическим реформам, но даже и выступить на Политбюро в качестве инициатора: дескать, крайне важно для державы, если эта идея будет исходить именно от вас, от главы партии... Обман? А в чем, собственно?

И сейчас считаю, что наши экономические замыслы, которые в 84-м обрели жизнь с прямой помощью Генерального или минуя ее, были в то время нужными, актуальными, первостепенными. И не вижу вины в том, что мы делали вид, будто все это и впрямь идеи Генсека. Будто он в них преотлично разбирается. Какая разница, чьи они, эти идеи, — Горбачева, Рыжкова или Черненко! Главное не авторство, не слава первооткрывателя, а дело, его результат, общий успех. В этом смысле мы поступали правильно: дело не стояло, а двигалось, несмотря на тогдашнюю атмосферу в стране.

Нужно сказать, что все наши предложения по реформированию экономики были конкретными и реалистическими. Они исходили из жизни, а не только из теоретических обоснований, проверялись производством и практикой. О результатах знали и члены Политбюро, и сам Генеральный, да и общество в целом.

Вместе с тем вокруг Черненко крутились люди, главным образом из числа помощников, которые безжалостно втягивали беспомощного Генсека в свои далеко не бескорыстные игры, стремились любой ценой упрочить положение, которое они приобрели при нем. Одно из направлений такой их работы состояло в том, чтобы успеть сотворить из Константина Устиновича видного теоретика-марксиста. Они подсовывали ему свои собственные, отнюдь не бесспорные мысли, которые очень быстро благополучно канули в Лету.

Впрочем, при Черненко еще сохранялись традиции последних десятилетий, когда высшие руководители, как правило, лишь озвучивали текст, бывший очередным коллективным трудом. К сожалению, сложилась многолетняя практика, при которой перед страной и миром выступала скорее «должность», нежели лидер со своими собственными мыслями, анализом и мнением.

Ничего не изменилось и при «демократах». Мех у лисы поменялся, а характер остался тот же. Да и с чего ему поменяться? Те же люди. Те же методы. И я представляю, какая идет закулисная борьба при подготовке публичных выступлений и бесчисленных указов сегодняшнего лидера. Все старо как мир...

Я назвал эту главу «Сумеречный год». Согласно толковым словарям, «сумеречный» — значит серый, тусклый, мрачный, безрадостный. Таким этот год с небольшим и был, не побоюсь сказать, для большинства граждан. Страна, начавшая избавляться от апатии последнего периода брежневской эпохи, снова замерла в ожидании каких-то неизбежных перемен. И я до сих пор удивляюсь, как открыто, без прямого политического столкновения в этом времени уживались рядом два начала. Еще цеплялось изо всех сил за свое существование старое, консервативное, но и новое, реформистское, которому и от роду-то было всего год-два, пробивало себе дорогу.

Мне в дальнейшем пришлось быть в эпицентре жесточайших политических баталий и столкновений. Я имею возможность делать сравнения. И сейчас, когда пишу эти строки, невольно переношусь в то время и задаю вопрос, не заключалась ли житейская мудрость этого уже угасающего человека в балансировании между двумя началами во имя зарождения нового или это было просто маневрированием во избежание столкновений и проявление инстинкта самосохранения?

Щемящее до боли в сердце воспоминание. Последней своей зимой он собрал Политбюро. Даже не в привычном кремлевском зале, а рядом, в собственном кабинете. Сказал нам глухо, будто прощения у всех просил:

— Мне очень тяжело стало вести заседания, совсем я расхворался, даже хожу еле-еле. Придется вам пока без меня...

Впрочем, замену себе он опять не назвал.

Почему я так много места уделяю всем этим событиям и обстоятельствам? Потому, что и в такое сумеречное время продолжались работы по подготовке теоретических основ реформирования экономики. Подчеркну еще раз, что именно он, Центральный Комитет партии, руководил всем, и, например, Совет Министров, возглавляемый в те годы наследником А. Н. Косыгина — Н. А. Тихоновым, занимался только текущими хозяйственными вопросами. В теоретические и прогностические проблемы не лез. В практических делах пользовался проверенными планово-административными методами. Других в Совмине не знали. Кадры там были подобраны именно для таких методов работы. В основном это были практики, обладавшие огромным производственным опытом. И нельзя за такую «приземленность» винить аппарат Правительства, его людей: они работали в системе, в которой Совмин занимал отведенное ему, строго определенное и, скажем прямо, отнюдь не ведущее место.

В Экономическом же отделе ЦК и вокруг него собрались, как я уже упоминал, люди, мыслящие новаторски, нестандартно для тех времен. Перестройка, еще не получившая своего звонкого имени, началась и развивалась именно в недрах Старой площади. И, говоря о том, что партия еще продолжала руководить всей жизнью страны, я хочу отметить: отнюдь не везде она делала это плохо и консервативно.

Эксперимент в народном хозяйстве, успешно запущенный нами с 1 января 1984 года, развивался, и развивался в общем по изначальному замыслу, без сбоев. Мы постоянно анализировали его ход, собирали в одну кучку плюсы, в другую — минусы. Кучка с плюсами явно перевешивала.

На предприятиях, вовлеченных в эксперимент, заметно ускорились темпы роста производства. Явно укрепилась дисциплина, обязательства по поставкам выполнялись. В отличие от прошлых лет,

снижалась себестоимость продукции, росли производительность труда и, как следствие, заработная плата...

Можно перечислять и дальше, но приторможу. Здесь мне куда интереснее говорить о том, что мешало делу, о минусах. Среди них оказались такие, что могли похоронить саму идею перестройки экономики. Но мы довольно скоро сообразили, что, отпустив на хотя бы относительную свободу предприятия, ничего кардинально не сделаем, если не изменим структуру всего экономического механизма. При этом был учтен печальный опыт реформы 65-го года. У Косыгина и его сторонников руки до всего тогда не дошли, точнее — их просто укоротили. Они вынуждены были вписывать новое в старое.

Время шло, надо было «освятить» ход эксперимента решением Политбюро, чтобы спокойно двигаться дальше. В августе 84-го года «освящение» произошло без каких-то особых сопротивлений. Ход эксперимента, как водится, одобрили и предложили в 85-м году подключить к нему объединения и предприятия еще двадцати одного министерства. С чем и разошлись, довольные друг другом.

Впрочем, кто довольный, а кто и нет. Меня весьма беспокоило то, что вся каша варилась только в ЦК, в его Экономическом отделе. Совет Министров же и его подразделения, по традиции, о которой я упоминал, выступали в роли сторонних и вроде бы не слишком заинтересованных наблюдателей. По неофициальным каналам — у кого их нет: друзья, знакомые, бывшие сослуживцы — до меня доходили сведения, что в правительственных сферах появились ропщущие: мол, не слишком ли суетятся товарищи из ЦК, не пора ли их поставить на место?.. Отчетливо запахло конфронтацией.

В Совмине работали зубры, куда лучше меня знающие правила ведения закулисных интриг. А любые интриги — это всегда удар по делу, которое в результате может просто погибнуть. Допустить такого я не мог. Вот почему на ПБ быстро ушли наши предложения о создании Комиссии Политбюро по совершенствованию управления народным хозяйством, во главе которой встал Председатель Совета Министров СССР Николай Александрович Тихонов. Роль этой Комиссии была во многом чисто формальная, главным образом — объединительная.

Мы в Отделе, уже не слишком думая об интригах, препонах или подводных течениях, просто продолжали трудиться рука об руку с

производственниками, с министрами и, главное, с учеными-экономистами, с которыми за год удалось сработать.

Грустная штука — жизнь! Когда действительно прогрессивные, во многом революционные идеи ученых вышли по нашему, партийному призыву из глубокого научного подполья, мы были вместе. Нам не мешали даже естественные разногласия, которые тогда казались мелкими и необязательными рядом с общей большой целью. Шли годы, не такие уж и долгие, и разводили нас по разные стороны баррикад, а точнее — бывшие единомышленники стали строить свои персональные или групповые баррикады. Защищая их, забывали о добром и интересном совместном прошлом. Уже не было единой цели, тем более что нередко она незаметно, но активно размывалась вышедшими на первый план конъюнктурными интересами. Разногласия прошли и по личным отношениям. Многие из друзей и соратников превратились в недругов.

К слову, я никогда никаких баррикад не строил, двери моего кабинета в ЦК всегда были открыты для тех, кто хотел в них войти. Кто хотел, тот и входил...

После многих и бурных встреч, совещаний, горячих дискуссий Экономический отдел подготовил предложения по совершенствованию управления народным хозяйством страны. По сути, они являли собой достаточно серьезно разработанную концепцию. Она, одобренная Политбюро, предвосхитила — по-своему конечно, с учетом времени и политической ситуации — все грядущие экономические реформы. Эта концепция была направлена на подсказываемое жизнью существенное перераспределение прав и функций между различными звеньями и уровнями хозяйственного управления, что обеспечивало бы динамичное и стабильное движение к намеченной цели. Борьба же программ «новаторов» и «консерваторов» в конце 80-х и в начале 90-х годов сыграла роковую роль в расколе общества, его экономики, всей страны — нашего общего, не очень обустроенного, но родного дома.

В упомянутой же концепции ставились вполне актуальные и по нынешним временам вопросы. Главный из них — соотношение функций республик и Центра. Мы уже тогда ясно понимали, что он взвалил на себя все, что можно и нельзя, нужно и не нужно. Перегруженный Центр, естественно, не справлялся с управлением всем хозяйством, с оперативным решением бесчисленных проблем,

непрерывно возникающих в процессе производства и взаимодействия предприятий и организаций на гигантской территории страны.

Намного возросшие масштабы народного хозяйства, резкое усложнение его структуры, стремление регионов к экономической самостоятельности, реально начавшееся постепенное увеличение прав предприятий требовали изменения отношений Центра и регионов, министерств и предприятий. Безвозвратно ушло в прошлое то время, когда из единого Центра можно было обеспечивать разливку стали на Урале, производство автомобилей на Волге, строительство детских садов в Приднестровье, выпуск спичек в Коми... Да, то, что хорошо функционировало в определенных исторических условиях, когда объективно нужна была жесткая централизация, сегодня вступило в противоречие с самой жизнью.

Когда-то я прочитал труды Т. Джефферсона, автора проекта Декларации независимости США, третьего Президента страны. Приводимые ниже слова, сказанные им 200 лет назад, ярко отображают споры о распределении полномочий Центра и регионов: «Правительство становится хорошим не в результате консолидации или концентрации власти, а в результате ее распределения... Если бы указания о том, как сеять и когда жать, поступали к нам из Вашингтона, то Мы вскоре остались бы без хлеба. Именно благодаря последовательному разделению ответственности, нисходящей от общей к частной, можно наилучшим образом обеспечить руководство выполнением массы людских дел для всеобщего блага и процветания».

Мы предлагали оставить за Центром только управление базовыми отраслями экономики, составляющими ее каркас. Но ни в коем случае не ломать его, не растаскивать по частям. Рухнет каркас — значит рассыплется экономика. Она и держится-то на базовых своих отраслях.

Но все то, что непосредственно связано с жизнью и бытом людей, по нашему мнению, следовало передать в ведение республик. Скажем, легкая промышленность... Ну, в самом деле, почему Москва должна определять, сколько колготок или рубашек положено выпускать на какой-нибудь фабрике в Днепропетровске?.. Или сельское хозяйство... Неужто ничему не научили нас тотальные посадки кукурузы? Может, на месте лучше знают, когда и что сеять, поливать, жать?

То же самое можно сказать о строительстве, о местной промышленности, о многом еще. Центр всегда напоминал мне

перегруженный самосвал, который буксует в дорожной грязи. Разгрузить бы его, но, как говорится, тяжело нести, да жалко бросить. Мы предлагали разгрузить — чего ж буксовать, бензин жечь, ехать ведь надо.

Перед нами, кто ломал головы и копья над концепцией, остро стоял вопрос о России. Конечно, мы тогда и не помышляли вторгнуться в область большой политики, но экономическое бесправие Российской Федерации нас очень беспокоило.

Не было в России своего Центрального Комитета партии — это бы еще можно пережить. Но вот призрачные функции и еще более призрачное влияние Совета Министров РСФСР на жизнь республики требовали, на наш взгляд, быстрого и кардинального вмешательства. Как мог российский Совмин всерьез вырабатывать экономическую политику в применении к какому-либо краю или области, если там царили крайкомы и обкомы, подчиненные непосредственно ЦК КПСС? Они в то время определяли на местах все, были прямыми и жесткими рычагами всеильного Центра. О роли республиканских же министерств и говорить не приходится. Ну вот чем занимался МИД РСФСР, например? Ответ ясен: ничем. Оно посильно дублировало приказы старшего, союзного «брата». А Министерство коммунального хозяйства? Оно вообще влачило сиротское существование, поскольку у него и «брата» в союзном Правительстве не было.

Можно было бы воспользоваться тогдашним стереотипом мышления и предложить создать российский ЦК партии, замкнув на него обкомы и крайкомы, как это было на Украине, например, или в Казахстане. Там областные лидеры республиканские ЦК миновать не могли — попробовали бы только. Заодно и роль республиканских министерств у них заметно выше была. Но было очевидно, что в применении к России этот путь проблему достаточно кардинально не решит.

Во-первых, в 60-х годах уже существовало Бюро ЦК по РСФСР, ничего толкового не сделало, да сделать и не могло, и бесславно скончалось. Во-вторых, большинство из нас не очень понимало, почему партийные комитеты вообще должны руководить конкретной хозяйственной деятельностью. Другое дело, что в их задачу рано или поздно будет, надеялись мы, входить выработка экономической политики, в том числе и в регионах. Поэтому мы предложили иной

путь: образовать на территории РСФСР крупные экономические районы (например, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Дальний Восток), которые объединили бы по нескольку областей и краев. Основной целью этого предложения было усилить кооперацию в хозяйствовании, избавиться от раздробленности в нем, от непродуктивного дублирования как производства, так и управления им.

Прошли годы, и вот я читаю о создании Уральского экономического региона. Не без горечи думаю: вроде бы осуществляется наша идея, да только не по доброй воле и здравому смыслу, а от отчаяния — чтобы оградить хозяйство Урала от катастрофического распада хотя бы внутренних связей... А затем прошел большой шум от попытки создания Уральской республики. Не знаю, чего здесь было больше — или стремления к экономической интеграции внутри региона, или попытки выравнивания экономических условий с бывшими автономными республиками, или тонкого давления российского Центра на их непозволительную самостоятельность. Идеи о создании подобных образований появляются периодически то на Дальнем Востоке, то в Восточной и Западной Сибири...

Выходит, время подтвердило правильность наших предложений. Но если тогда проблему можно было решить организованно и сравнительно спокойно, хотя и преодолевая известное сопротивление, то сейчас это проходит спонтанно и болезненно.

Однако наша свежая по тем временам идея была категорически отвергнута, в первую очередь самим Н. А. Тихоновым, а он, напомним, возглавлял Комиссию Политбюро по совершенствованию управления народным хозяйством. Обидно, но понятно: нарушать привычное было для него, к тому времени уже почти 80летнего, делом трудным, да и не хотел он выступать против мнения сильных и влиятельных оппонентов.

А то, что серьезные противники у этих предложений имелись, для нас не являлось секретом. В первую очередь ими были руководители обкомов и крайкомов и их покровители в ЦК. Создание экономических территориальных образований резко ограничило бы их возможности прямых отношений с партийным центром, с ЦК. Ведь на местах сидели люди, для которых хозяйственная база области или края была

надежной опорой власти. Отбери у них такой рычаг — с чем они останутся? И эти люди прекрасно понимали, что их руководящая роль по существу только на экономике и держится: где-то на лесе, где-то на угле или нефти, где-то на стали или прокате, где-то на пшенице и ржи... Да они никогда не станут добровольно объединяться в какие-то районы! В общем, субъективизм и элементарные личные интересы в очередной раз взяли верх над объективной необходимостью и здравым смыслом.

Я часто думаю: а прими мы тогда эту концепцию создания мощных экономических территориальных структур с большими правами, возможно, и не было бы причин для объявления через шесть лет поспешной и непродуманной суверенизации России. Не было бы этого толчка для расчленения СССР, не была бы заложена мина замедленного действия и в собственном российском доме. И мину эту нынешние власти страны уже четыре года пытаются всячески обезвредить. Но ее часовой механизм, к сожалению, действует, и не дай Бог, чтобы его стрелки дошли до красной черты.

Что ж, тему создания таких районов мы спрятали тогда в подтекст: мол, требуется дополнительно проработать вопросы управления народным хозяйством в РСФСР. Сделали бюрократически традиционно, чтобы только «застолбить» тему, не убить ее навсегда. И записка с предложениями, подписанная Тихоновым и членами Комиссии, ушла на Политбюро. Там без особых обсуждений (тогда заседания больше двух часов не продолжались, поскольку Черненко и это время с трудом выдерживал) одобрили, как я уже писал, нашу работу и рекомендовали положить ее в основу дальнейших шагов. Это была победа.

Почему я так это оцениваю? Да потому, что мы столкнулись с невозможностью расширять экономический эксперимент без реформирования всей управленческой машины. Особенно ее несовершенство стало мешать, когда мы заговорили об ускорении научно-технического прогресса. В книге еще много раз прозвучит это слово — «ускорение». Поэтому я хотел бы довести до сведения читателя, откуда оно взялось и когда вошло в обиход.

Термин «ускорение» родился в дни, когда мы в ЦК и тихоновской Комиссии знакомимся с предложениями Госплана СССР о перспективах развития экономики в двенадцатой пятилетке и до 2000

года. Тогда этот термин был применен только к социальной сфере. Хозяйство страны находилось в таком состоянии, что ускорение по всем направлениям его попросту убило бы.

Все это понимали, никто с этим не спорил, и здравомыслящие люди прекрасно сознавали, что ускорять все и вся и создавать соответствующие приоритеты — дело абсолютно нереальное. И странными кажутся мне все последующие обвинения в адрес Правительства в том, что оно выдвинуло якобы идею тотального ускорения. Иногда удивляешься логике критиков. Вчера они обвиняли Рыжкова в том, что он сдерживает Горбачева в его великих свершениях, а сегодня ему приписывают то, от чего он спасал страну, стремился удержать коней, чтобы «не понесло». Передергивание фактов — любимое занятие иных «писателей».

А речь-то шла всего лишь о коррективах к госплановским предложениям по социальной сфере, особенно по ее материальной базе. Определяя жизнь страны на такой длительный период, нельзя было согласиться с тем, чтобы решение социальных вопросов снова уходило за далекий горизонт. Ведь мы чувствовали, что народ устал выполнять государственные задачи за счет своего благополучия. И мы понимали необходимость ускорить темпы строительства жилья, детских садов, магазинов и т. п. Вот сюда-то, в социальную сферу, на нужды людей мы и собирались перебросить дополнительные ресурсы, ускорить ее развитие.

Нет, господа! Критика не по адресу. Обратите ее тому, кто своей спешкой и метаниями, громкими и трескучими фразами подталкивал страну к всеобщему и нереальному ускорению ее развития. После избрания Генсеком Горбачев стал активно ездить по стране, раздавать обещания, причем, учитывая состояние экономики, — несбыточные. От Правительства требовалось, чтобы оно эти обещания исполняло. И побыстрее. Вот это сакраментальное «побыстрее» и рождало неразбериху в отечественном хозяйстве. Экономика держится на предсказуемости, на холодном и точном расчете. Она не терпит залихватских рывков и дерганий по любому поводу и в любую сторону.

Трудно в реальной жизни отделить политику от экономики. У нас всегда первая бежала впереди второй. Но одно дело, когда вырабатывается концепция развития экономики под определенные

стратегические цели, и другое — когда концепция калейдоскопически меняется во имя сиюминутных, зачастую просто популистских целей. Идея широкомасштабного ускорения без создания необходимых экономических условий для этого является прямым следствием непоследовательности и поспешности, присущих характеру Горбачева.

Второе направление, где, на наш взгляд, было необходимо ускорение, — это темпы научно-технического прогресса.

Ни для кого не являлось секретом, что мы, располагая огромной производственной мощностью, высокообразованным населением, занимая передовые позиции в военно-промышленном комплексе, космосе и ряде других направлений, вместе с тем проигрывали в научно-техническом отношении во многих сферах. Глубокие, фундаментальные теоретические разработки академической и отраслевой науки не находили широкого применения в экономике. Возникла парадоксальная ситуация: страна, располагающая огромным, просто гигантским научным потенциалом, не могла его реализовать. За нашими разработками и их авторами охотились иностранные фирмы, а мы у них же покупали технику и изделия, впитавшие в себя достижения отечественной науки.

Было совершенно ясно, что в основе неостребованности разработок наших ученых и специалистов лежит несовершенство экономического механизма. Он просто не воспринимал всякие новшества, отталкивал их.

Создание органически нацеленного на научно-технический прогресс (НТП — прошу позволить мне использовать эту аббревиатуру для краткости) экономического механизма и было ключом к решению этой задачи. Конечно, точнее было бы говорить не об ускорении научно-технического прогресса, а о создании условий для его нормального развития. Если бы такая организационно-экономическая и правовая работа велась своевременно и систематически, прогресс ускорился бы сам. Но уж такое время было — не могли обходиться без громких слов.

А что касается НТП, то для него существовал даже термин «внедрение», связанный в моем представлении с неким насильственным всучиванием чего-то ненужного. Впрочем, раз уж мы живем в стране безнадежно кривых зеркал, то это вполне логично.

Один пример. Разработанный Уралмашем в бытность мою директором метод непрерывной разливки стали давал 10-процентную экономию металла. В масштабах металлургии страны — огромная цифра! В 1984 году, о котором здесь идет речь, в СССР разливалось по этому методу 13 процентов стали, а в Японии, куда наш завод в начале семидесятых годов продал лицензию, — 79. Надо ли комментировать?

Совсем небольшое личное отступление. Мы с женой, Людмилой Сергеевной, закончили Уральский политехнический институт, четверть века работали на Уралмаше. Оба мы — инженеры-механики. Работая на таком гиганте, прекрасно понимали, что без развития отечественного машиностроения научно-технический прогресс в стране невозможен. Вернусь к упомянутым установкам непрерывной разливки стали. Такое оборудование было спроектировано и изготовлено на заводе, затем прошло «боевое крещение» на Новолипецком металлургическом комбинате, где директором тогда был Серафим Васильевич Колпаков — впоследствии министр черной металлургии СССР. Действительно боевое, так как было много руководящих специалистов в Москве, которые больше верили иностранным фирмам, чем нам. И только мудрость А. Н. Косыгина позволила создать прогрессивное направление в отечественной металлургии. За эту работу я вместе с группой специалистов получил вторую Государственную премию СССР. Они присуждались действительно за дело, за результат, а не к очередному юбилею. И эти награды для меня — самые дорогие.

Общими рекомендациями типа «ускорить НТП» мы, естественно, не ограничились. В июле 84-го в Политбюро была представлена записка за подписью Черненко о необходимости ускорения НТП и конкретных мерах по совершенствованию управления им во всех звеньях экономики. Мы с Горбачевым считали, что инициатива в столь важном вопросе должна исходить даже не от Секретариата ЦК, а именно от Генерального. Несмотря на столь высокую подпись, записка рассматривалась в ПБ только в октябре. Сдвинуть воз с действительно мертвой точки оказалось труднее, чем мы думали.

В октябре наконец-то состоялось решение Политбюро о проведении Пленума ЦК по этому вопросу. Более того, была определена дата — 23 апреля 1985 года. Был назван докладчик —

Горбачев. Предполагалось, что Черненко произнесет вступительное слово.

Забегая вперед, скажу, что Пленум состоялся именно в назначенный день, и докладчик был тот же, только Черненко уже покоился у Кремлевской стены рядом с Брежневым. Да и повестка Пленума ничуть не походила на заранее определенную...

Но продолжу по порядку: уже в ноябре была образована рабочая группа по подготовке Пленума, возглавить ее поручили мне. Предполагали, что к концу декабря мы разработаем принципиальные подходы к решению проблемы, представим их на Политбюро, а в январе начнем готовить доклад. Мы успели к декабрю. Провели вместе с Горбачевым совещание с отделами ЦК, с промышленниками, специалистами Академии наук и министерств. Пospорили, пошумели, разошлись — дорабатывать.

А в январе подготовили документ в Политбюро, который хотя и назвали обобщенно — «О некоторых узловых вопросах ускорения научно-технического прогресса», однако сам документ был весьма конкретен.

Но долгожданное заседание Политбюро так и не состоялось ни в январе, ни в феврале, ни в марте. Я дергал Горбачева, он отмахивался: подожди, не время. Даже при всей традиционной цеховской таинственности было ясно, что Черненко очень и очень болен. И Горбачев не хотел, чтоб его упрекнули в игнорировании Генсека. Все-таки это он, Черненко, с нашей подачи стал инициатором работы по ускорению НТП, и проводить без него Политбюро было бы некорректным. Оставалось ждать, что он поправится — это официальная версия. Неофициальная же...

Горбачев нервничал. Горбачев маневрировал. Уже шла, повидимому, закулисная работа по подготовке замены Черненко, на глазах угасавшего. Его ближайшее окружение лихорадочно и цинично добивалось более раннего, чем предполагалось, проведения Съезда партии, чтобы успеть проскочить в ее руководящие органы, а по возможности и на государственные должности, закрепить там при жизни своего шефа. Уже московский лидер, ныне покойный, В. В. Гришин, провел беспрецедентную по бестактности акцию в связи с выборами Черненко в депутаты Верховного Совета РСФСР. Полагаю, многие помнят растиражированную газетами и телевидением просто

убийственную сцену вручения Константину Устиновичу депутатского удостоверения. Генсек еле стоял перед камерой и вряд ли понимал что-либо из происходящего.

Горбачев ждал...

Глава 4. Пиррова победа Горбачева

Горбачев ждал. Но это вовсе не значит, что ожидание было пассивным.

В 1983 году Андропов привел в ЦК на должность заведующего Отделом оргпартрabоты первого секретаря Томского обкома Егора Кузьмича Лигачева. В том же году он был избран секретарем ЦК. Человек феноменально активный, жесткий, обладающий целеустремленностью, он стал незаменимым соратником и помощником исподволь выраставшего Горбачева. Честно говоря, я иногда удивлялся этой его напористости, которая оказалась чрезвычайно важной для становления и укрепления горбачевской команды.

Ведающий оргпартрabотой, то есть кадрами партии, Лигачев постепенно менял руководителей областных и краевых партийных организаций. Руководители обкомов и крайкомов были людьми в основном, как говорится, в возрасте, давно работавшими. Выводили пожилого человека на почетную персональную пенсию, сохраняли ему другие блага — квартиру, дачу казенную — что тут криминального? Естественное дело. И нормальное, на мой взгляд, отношение к тем, кто не заимел ни капиталов, ни особняков, да и зарплата у них была более чем умеренной.

Эта система создавала уверенность в завтрашнем дне руководителей и в то же время была преградой для проникновения коррупции в партийный и государственный аппарат. Да, встречались и тогда взяточники, но это было исключением из правил. Сегодня коррупция, как ржавчина, разъедает все слои государственного аппарата. Думаю, что честный человек в этой среде нынче является исключением. И, как известно, дело не обходится только борзыми щенками.

Наверняка соратники Леонида Ильича роптали про себя, недовольные активными действиями Лигачева, но вслух возразить повода не имели. Так постепенно создавалась в стране надежная опора Горбачева, его команда не только в Центре, но и на местах.

Что же касается хозяйственных кадров, производителей, то они в основном видели в Горбачеве некую надежду на ослабление административно-командного пресса. Сам-то я никого специально не агитировал: мол, поддерживайте Михаила Сергеевича, он человек прогрессивный. За него, как и за меня, наша повседневная и кропотливая работа по нахождению путей реформирования экономики тогда говорила. Поэтому в стране довольно быстро признали в Горбачеве партийного лидера.

Черненко умер в Кунцевской больнице 10 марта 1985 года в 19 часов 20 минут. День был воскресный, выходной, я что-то читал, ждал программу «Время», когда мне позвонили из ЦК и, сообщив о смерти Генсека, пригласили срочно прибыть в Кремль.

Когда я приехал, в небольшой комнате перед залом заседаний Политбюро уже находились взволнованные секретари ЦК — Долгих, Русаков, Капитонов, еще кто-то... Взволнованы они были не только фактом кончины Черненко, но и предстоящей повесткой Политбюро. Помню, кто-то спросил неуверенно: не слишком ли быстро собираемся, может, стоит хотя бы из приличия выждать денек? А кто-то ответил: нельзя терять ни минуты, надо такие вопросы решать с ходу...

Странная штука — человеческая память! Не могу вспомнить, кто вел этот разговор, но он прочно застрял в памяти, едва ли не дословно, потому что и вправду выражал общее психологическое состояние перед заседанием Политбюро. И тот, кто это сказал, имел в виду соотношение сил в Политбюро и Секретариате ЦК, но его опасения на этот раз оказались напрасными.

По ритуалу, с незапамятных времен принятому в Кремле, секретари ЦК и кандидаты в члены ПБ собирались в небольшой приемной перед залом заседаний. По его другую сторону располагалась так называемая Ореховая комната. Там и впрямь стояла орехового дерева мебель. Она разделяла зал заседаний и кабинет Генсека. В ней собирались члены Политбюро, туда являлся и Генеральный: то за минуту до назначенного срока, то за десять-пятнадцать минут, если хотел заранее обсудить что-то с ближайшими соратниками. В назначенный час он входил в зал заседаний во главе команды из членов ПБ. Мы, люди второй и третьей ступенек, уже были в зале, и две «команды» вежливо здоровались за руку — каждый с

каждым, как футболисты на поле перед игрой. Смешновато, наверное, со стороны это выглядело...

Так было и в этот раз. Первым из Ореховой комнаты стремительно вышел Горбачев. Он и занял место председателя, он и начал заседание. На часах значилось, если это небезразлично историкам, 22.00. Довольно быстро составили комиссию по организации похорон Черненко. Возглавил ее Горбачев — возражений не последовало. По неписаной традиции тот, кто возглавляет такую комиссию, автоматически становится Генеральным. Оговорили место захоронения — в землю за Мавзолеем, дату и время — в среду, в 13.00. Место для прощания с покойным — Дом Союзов, естественно.

Потом встал Громыко и предложил кандидатуру Горбачева на пост Генерального секретаря. Это была, считаю, важная личная победа Е.К. Лигачева, заранее обговорившего все варианты едва ли не со всеми, кому предстояло поднять руку «за» или «против» нового лидера. Хотя — нет, не со всеми. Со мной он никаких бесед не вел, да и зачем, в самом деле: меня-то ни в чем убеждать не надо было.

Громыко, едва ли не самый старый член «гвардии» Брежнева (да что там — и Хрущева, и даже Сталина!), открыто и безоговорочно выступил на стороне молодой команды и ее лидера. Я уже говорил, что он откровенно симпатизировал лично Горбачеву, нам всем. Но ему, дипломату, человеку осторожному, было нелегко рвать тесные узы со своими старыми соратниками. И при этом не просто поддержать на Политбюро эту кандидатуру, но и самому назвать.

Не исключаю, что именно выступление Громыко и предредило предельно спокойный ход заседания: никто из «стариков» даже слова против не сказал. Впрочем, двоих и не было: Кунаев не успел прилететь из Алма-Аты, Щербицкий не ко времени застрял в Америке. Их отсутствие вежливо учли: назначили повторное заседание ПБ — перед Пленумом, который состоялся на следующий день, в понедельник. К слову, Щербицкий и на него не поспел. В последующие годы по этому поводу немало исписали бумаги. Не думаю, что все это было сделано преднамеренно. В той обстановке даже возражение Щербицкого, если бы оно прозвучало, не могло изменить положение.

Еще раз повторяю: никакой борьбы не было, хотя нынче многие мемуаристы склонны представлять назначение Горбачева как некий

революционный акт, ставший следствием ожесточенной политической борьбы. Я же свидетельствую: выборы Генсека прошли совершенно спокойно. Предрешены они были.

Слово сказано: «предрешены». В связи с этим вспоминается яростное выступление Егора Кузьмича на XIX партийной конференции летом 88-го с его анекдотически знаменитым: «Борис, ты не прав!» Меня не волнует правота или неправота Ельцина в тот момент. В очередной раз свердловско-московскому партийному функционеру создавался ореол мученика. Но меня до сих пор удивляют такие слова Лигачева о двух днях выборов Горбачева Генсеком:

«Надо сказать всю правду: это были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность.

Хочу вам сказать, что благодаря твердо занятой позиции членов Политбюро товарищей Чебрикова, Соломенцева и Громыко и большой группы секретарей обкомов на мартовском Пленуме ЦК было принято единственно правильное решение».

А я и сейчас абсолютно убежден: никаких других решений и быть не могло, никакой реальной опасности не существовало! Да, Чебриков, Соломенцев и Громыко твердо заняли свою позицию — и в этом прав Лигачев. Но их было всего трое, а рядом с ними сидели Гришин и Романов, Тихонов и (на повторном заседании) Кунаев, у которых, надо полагать, была своя позиция, весьма от нашей отличная. Но в том-то все и дело, что ничего они уже не могли предпринять. Только молчать и соглашаться. В чем, в чем, а в дворцовой мудрости им отказать было нельзя. Они поняли, что их время безвозвратно ушло.

Победа Горбачева не стала спонтанной. Нет, это была четко подготовленная акция, которая имела две мощные опоры. Во-первых, уже весьма значительное влияние новых партийных кадров в краях и областях. Достаточно сказать, что начиная с 83-го года в течение нескольких лет было заменено около 90 процентов секретарей обкомов и ЦК компартий союзных республик. И это учитывала здравомыслящая часть брежневской «гвардии». Во-вторых, вера в ожидаемые экономические реформы, понимание необходимости перехода к современному хозяйственному мышлению, невозможности вернуть экономику на старые, заезженные рельсы. Все это явилось естественным следствием разрабатываемой в последние годы новой

экономической политики, напрямую связываемой с цепочкой Андропов — Горбачев — Рыжков.

Так что — никаких неожиданностей. Правда, Горбачев на Конференции сам поддержал Лигачева, сказав даже, что был, дескать, подготовлен альтернативный кандидат. Если и был, то держался в такой страшной тайне, что и краешка ее никто не приоткрыл... Нет, думаю, Горбачеву просто-напросто хотелось задним числом представить, что он прорвался в генсеки с боями, в борениях и муках.

Мартовский Пленум, единогласно избравший Горбачева Генеральным секретарем партии, стал естественным и не вызывающим никакого удивления стартом к мощному укреплению команды Горбачева непосредственно в Политбюро. Опять-таки забегая вперед, замечу, что апрельский Пленум 85-го года избрал нас с Лигачевым членами Политбюро, минуя ступень кандидатства. Июльский сделал членом Политбюро Шеварднадзе, а секретарями ЦК — Ельцина и Зайкова и вывел из состава ПБ Романова. Октябрьский отправил на пенсию Тихонова, а февральский 86-го — Гришина.

Внеочередной Пленум для избрания Генсека был назначен на 17 часов 11 марта. Меньше суток прошло с момента смерти Черненко, а уже начали прилетать в Москву и являться на Старую площадь члены ЦК, секретари крайкомов и обкомов, ночью вызванные неутомимым Лигачевым. Тогда, в марте, в своей «тронной» речи Горбачев пока еще в общих словах, но достаточно ясно подтвердил жизнестойкость того курса, который был начат андроповской, а потом, при Черненко, продолжен уже горбачевской командой. Он сказал и об ускорении социально-экономического развития страны. О совершенствовании системы экономических отношений и системы управления народным хозяйством и о научно-техническом прогрессе. О развитии демократии, о повышении роли Советов. Короткой была речь, но емкой.

Сумеречное время закончилось!

Несомненно, Горбачев воспринял свое избрание как должное. Он никого не видел на посту Генсека, кроме себя, и был, конечно же, прав. Я, например, тоже никого иного в то время не видел на этом месте. Другое дело, что внешние атрибуты власти всегда радовали Горбачева, я уже говорил об этом, он любил и умел быть первым. Телевидение

впоследствии многократно и подробно показывало всем и каждому эту черту его характера.

Старая истина: короля играет свита. У Брежнева так и было: свита даже вовсе переигрывала — то ли режиссеры у них были так себе, то ли актеры элементарным талантом не обладали. Горбачев же тогда играл себя сам и делал это вкусно, обильно и до поры с достаточным тактом. Это потом, позже, он начнет повторяться, заученно произносить одни и те же слова-заклинания, порой не умея даже завершить начатой мысли и вызывая недоуменное недоверие все еще ожидающих чуда зрителей. Но это будет еще не скоро, а тогда, в марте, он ощущал себя счастливым и вдохновенным избранником судьбы.

А «свита» Горбачева к телекамерам не рвалась. Она просто и незаметно работала. Кто как умел. Надо отдать должное Горбачеву: он всегда окружал себя теми людьми, которые были ему необходимы именно в данный отрезок времени. Тогда, в полном надежд 85-м, ему требовались думающие, не страшющиеся перемен.

Но одновременно в этом человеке жило дьявольское свойство предавать. Это свойство, на мой взгляд, является органической частью его натуры. Он предавал не только идеалы, во имя которых мы пошли за ним, верили ему, кстати, как и весь народ в то время, но он по-иезуитски предавал своих соратников. Наступал час — и он выбрасывал их, как отработанный материал.

Все соратники «раннего» Горбачева через несколько лет один за другим были устранены им с партийной или государственной арены. Все они уходили с различными политическими ярлыками. Благо в его ближайшем окружении были люди, умеющие их навешивать. Генсеку же продлялось историческое время — как оказалось, для ликвидации партии, разрушения страны и для устранения деятелей, противостоящих таким целям и действиям.

Через несколько дней после похорон Черненко мы собрались на первое — теперь уже официально горбачевское! — Политбюро. Он и вел его по-хозяйски, весомо говорил о самых первостепенных для страны задачах. А ими в этот момент были: финиш одиннадцатой пятилетки и планы следующей, необходимость подготовки к очередному Съезду в 1986 году (Устав партии требовал проводить их раз в пять лет).

Решили вынести на Съезд обсуждение новой редакции Программы КПСС, над которой, как я уже говорил, работали еще при Черненко.

Вторым традиционным для съездов вопросом должно было стать рассмотрение и утверждение основных направлений развития экономики страны в наступающей пятилетке и до конца века.

На Политбюро ключевым вопросом вновь было названо в экономике ускорение научно-технического прогресса. Ключевым и неотложным.

Все шло так, как и предполагалось. Тогда уверен был: впереди — огромная, плодотворная работа, и главное — с единомышленниками.

В итоге постановили: провести очередной Пленум ЦК на тему «О созыве XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой». Назначили Пленум на 23 апреля.

Если вы не забыли, еще в 84-м, при Черненко, тоже на заседании ПБ, когда обсуждали работу нашей Комиссии по НТП, был назначен день Пленума, посвященного научно-техническому прогрессу, и день этот был 23 апреля.

Работа Комиссии, повторю, в последнее время была резко свернута. Экономический отдел все больше занимался текущими делами, отложив проблемы НТП на будущее. С приходом Горбачева на пост номер один я воспрянул духом, перечитал подготовленные к Политбюро документы Отдела и Комиссии, чтобы идти с этими материалами к Генеральному. И с изумлением обнаружил некое мистическое совпадение дат. В мистику я верю слабо и поэтому решил: совпадение — случайное, но небезобидное для дела, которым мы так много и упорно занимались.

Я не без горечи спросил Горбачева:

— Выходит, вопросы НТП побоку?

— Почему побоку? — искренне удивился он. — Это очень важно, очень. Но надо чуть-чуть отложить. Время требует определиться со Съездом, решить вопросы стратегические. А потом и к НТП вернемся.

«Время требует»... Много раз я буду слышать эту сакраментальную фразу. Много раз она будет убивать надежду и само дело, которому я служил.

Впрочем, в тот раз я отлично понял Горбачева: время и вправду требовало обозначить линию жизни страны на долгие годы вперед. И

не только время — люди тоже. Страна устала хоронить своих вождей, верила, что новый лидер пришел всерьез и надолго, и хотела знать, чего от него можно ждать.

Несмотря на развернувшуюся подготовку к предстоящему Пленуму, тема НТП была реанимирована, и деятельность рабочей группы оживилась. Уже в марте мы с Генсеком провели очередное совещание с учеными-экономистами, а в начале апреля — с производственниками.

На этих встречах вновь вернулись к тому, о чем говорили и при Черненко: к критике излишней централизации в экономике, к необходимости перераспределения прав и обязанностей Центра и республик, делению РСФСР на крупные экономические районы, продуктивной работе академических и ведомственных научно-исследовательских институтов. Даже к таким «крамольным» вопросам обратились, как необходимость конкуренции на рынке, торговля средствами производства, порочность затратного метода при формировании ценовой политики и так далее.

Казалось бы, тот же кабинет в ЦК, практически те же люди, а атмосфера на совещаниях резко изменилась: разговорились куда свободнее, нежели раньше. Почему? Да потому, что сам приход Горбачева к руководству партией, а в то время это значило — и страной, уже был символом прогрессивных перемен, зарождал надежды на них, на преобразование жизни общества. И люди, почувствовав это, стали освобождаться от самого страшного цензора — того, кто сидел в каждом из нас, кого, как эстафетную палочку, поколения передавали друг другу.

Это и не удивительно. Ведь в России власть всегда для защиты своих интересов пользовалась мощной броней цензуры. Она была введена при Петре Первом, и прошедшие с тех пор столетия сделали свое дело. Как мы все радовались постепенному высвобождению из-под гнета тотального, по существу, контроля над мыслями! Однако вскоре пришлось убедиться в том, что формы такого контроля, подавления свободомыслия могут быть далеко не только административными. Ведь сегодня нет официального цензурного органа — он закончил свое существование 1 августа 1990 года. Нет, казалось бы, обязательных для всех идеологических догм. Но сегодня цензура вновь процветает на телевидении, радио, в печати. Только

цензурные методы другие: дают инакомыслие экономически, не дают слово оппонентам и всячески поощряют восхваляющих сильных мира сего.

Доклад к апрельскому Пленуму Горбачев писал сам. То есть не без помощи референтуры, конечно, не без запроса материалов из разных мест, в том числе и из Экономического отдела ЦК. Но — сам. Сам диктовал, сам правил, сам перекраивал. В итоге доклад получился, я бы сказал, обобщающим и революционным. Почему революционным — об этом и без меня тома написаны. Почему обобщающим — да потому, что все, уместившееся в докладе, было не раз до того проговорено и взвешено, а здесь лишь собрано воедино и представлено подробно и убедительно.

Горбачев не скрыл, что начинать придется вовсе не с нуля, что активная работа ЦК по разработке программы улучшения, оздоровления обстановки в стране стартовала еще в 1983 году. Что сделано пока слишком мало. Он подробно перечислил основные линии, по которым придется идти стране в ближайшие и последующие годы.

Сегодня апрельский Пленум называют началом перестройки. Я поправил бы: официально декларированной перестройки, ибо начало ей положил, повторю, Андропов. Он никак не «обзывал» свои первые реформы, и готовились они без шума и треска.

Но вот что интересно. На самом Пленуме и некоторое время после него Горбачев не слишком часто прибегал к этому ныне всемирно затверженному термину. В докладе он употребил его лишь в применении к хозяйственному механизму: мол, яснее стала концепция его перестройки. В мае, в выступлении перед активом Ленинградской партийной организации, он высказался более расширительно: «Видимо, всем нам надо перестраиваться, всем... Всем надо осваивать новые подходы и понять, что другого пути у нас нет».

Позже он к этому возвращался постоянно. Выражение «другого пути у нас нет» постепенно превратилось в безапелляционный лозунг: «Перестройке альтернативы нет!» И в общем-то это правильно: общество созрело для обновления, глубоких реформ. Но в политике нередко бывает, что верная в целом формула разными общественными силами наполняется далеко не одинаковым содержанием, а главное, возведенная в некий абсолют, она становится порой даже

препятствием для поиска каких-либо альтернативных путей развития. Как часто мы забываем истину жизни: в прошлом у нас только единственный путь, который мы уже прошли, впереди же много дорог, по которым можно пройти!

Увы, во все времена и эпохи в нашей державе громкие слова, которым никто никогда не знал меры, мешали любому настоящему делу. Перестройка не стала здесь исключением. Ее заболтали, а потом и предали. Кто по глупости, а кто сознательно — будущее рассудит.

История предательства перестройки, всеобщий духовный подъем народа, а потом его горькое разочарование должны стать уроком для нынешних и будущих поколений. Хотя сегодняшние власти не сделали выводов: они повторяют ошибки прошлого и добавляют к ним свои, еще более тягостные по последствиям.

Ну да дело не в терминах. То, что мы последовательно и не без успеха делали с 83-го года, просто-напросто обрело официальное имя. Сегодня и я не возьмусь сказать, Горбачев ли сам или какойнибудь безвестный журналист назвал наше дело «перестройкой». А может быть, он нашел это еще в материалах XXV съезда (проходившего в 1976 году), где уже тогда была поставлена задача «ускорить перестройку хозяйственного механизма»? Разве дело в авторстве? Сказано в Первой Книге Моисеевой: «И нарек человек имена...» Вот так: человек... И нареченное слово покатилося.

Назначенный при Черненко Пленум ЦК по вопросам ускорения НТП так и не родился. Но Горбачев в апрельском докладе уже объявил о предстоящем в июне совещании по этому вопросу. Сама тема НТП присутствовала почти во всех публичных выступлениях нового Генерального.

Готовились к назначенному совещанию мы дни и ночи, поскольку времени оставалось почти ничего. Но почему все-таки совещание, а не очередной Пленум? Полагаю, Горбачеву не хотелось слишком срочно, всего через полтора месяца проводить новый Пленум, чтобы не смазать тот громкий политический резонанс, который вызвал апрельский Пленум и у нас в стране, и за ее границами.

Там-то к Горбачеву присматривались еще со времен его поездки с супругой в Великобританию, в роли второго человека в КПСС. Именно тогда Тэтчер заявила на весь мир, что с ним можно и стоит иметь дело. Трудно сейчас сказать, что это было — какое-то мгновенное озарение

или хорошо подготовленное паблисити на фоне безнадежно больного, умирающего Черненко.

В большой политике случайных действий не бывает. Уж както близко связаны поездка будущего Генсека в 83 году в Канаду, где, как известно, был послом Александр Яковлев, который, по его словам, именно там предложил Горбачеву идею перестройки, и поездка в 84-м году на Туманный Альбион. Апрельским Пленумом Горбачев полностью оправдывал авансовую характеристику скупой на похвалу «железной леди»...

Меня лично изменение статуса рассмотрения вопроса НТП мало беспокоило, я за формой не гнался. Может быть, даже совещание в данном случае имело больше преимуществ перед Пленумом. Ведь в нем, в совещании, все равно участвовали все члены ПБ, кандидаты, секретари и члены ЦК, но кроме того — ученые, производственники, партийные руководители республиканского, краевого, областного и даже городского масштабов, передовые рабочие и колхозники. То есть совещание в ЦК КПСС давало возможность именно широкого участия специалистов.

Доклад Горбачева на совещании мы готовили вдвоем. Буквально. Разве что девочка-стенографистка, безропотно сносящая наш изнурительный темп работы, здорово помогала. А работали и впрямь самозабвенно. Запирались в кабинете Горбачева, на обед порой не отлучались. Сидели с утра до ночи, а вернее, ходили и даже ползали, поскольку множество материалов — документы, справки, статьи, записки, заранее собранные отовсюду, — не умещались на длинном столе для заседаний. Мы раскладывали их на полу и действительно ползали между ними, отыскивая нужную идею, формулу, цифру.

Не стану пересказывать содержание доклада. Он подробно и точно подытожил и обобщил нашу работу и наши замыслы, как говорится, расставил ориентиры. По сути, мы написали долгосрочную программу именно ускорения НТП, на базе которого только и возможно ускорение социально-экономического развития страны.

Термин «ускорение» еще не исчез из перестроечного лексикона, но и применялся пока не расширительно. Горбачев снова упомянул перестройку в области «всего хозяйственного механизма» и привел цитату из Ленина. Я не принадлежу к нынешним «неореволюционерам», которые стараются поскорее забыть, что когда-

то сами к месту и не к месту ссылались на опального ныне вождя, и поэтому повторяю ее: «Вылезем, ибо не приукрашиваем своего положения. Знаем все трудности. Видим все болезни. Лечим их систематически, упорно, не впадая в панику».

Согласитесь, толковые слова! Хотел бы выделить одно из них — «систематически», ибо именно оно никогда не воплощалось в нашей вечно авральной социалистической реальности. Когда я слушал Горбачева, а до того — раньше, когда мы эту цитату в доклад вставляли, радуясь ее точности и актуальности, то думал: неужто пришло, наконец, время, которое даст нам возможность быть систематичными, не менять «генеральной линии» в угоду сиюминутным прихотям вождей?..

Одно маленькое отступление. Оно, как вы заметили, не первое, но и далеко не последнее... Отступление о терминологии.

До того как я пришел по «андроповскому призыву» на работу в ЦК, я и не подозревал о существовании эзопова языка партийных документов (среди работников партийного и государственного аппаратов было много специалистов по составлению и прочтению этих документов, шифровке и расшифровке подспудных мыслей). И на этот раз, хотя доклад был о научно-техническом прогрессе, без этого условного языка не обошлось. Вот один из примеров. Для расчистки общественной атмосферы нужно было ликвидировать зоны, традиционно свободные от критики. А первой такой зоной была Москва, во главе которой стоял Виктор Васильевич Гришин. Политически его дни были сочтены. Звезда же ленинградского партийного лидера Льва Николаевича Зайкова, наоборот, восходила. Горбачев только-только вернулся из Ленинграда, куда он после своего избрания отправился прежде всего.

Читаем в докладе: «Центральный Комитет возлагает большие надежды на рабочий класс, интеллигенцию Москвы, мощный научно-производственный потенциал столицы. Хотелось бы еще раз поддержать большую работу, которую ведет Ленинградская партийная организация». Чувствуете разницу? В Москве — только надежды и остались. В Ленинграде — большая работа, которую возглавляет Зайков. Через полмесяца он стал секретарем ЦК. Через полгода Гришин отправился на пенсию...

И еще. Если я не ошибаюсь, именно после совещания по НТП в публицистике впервые появился абсолютно новый термин — «человеческий фактор». Говоря о партийной работе, Горбачев на этом совещании отметил, что она имеет дело с решающим фактором всех перемен — человеческим. А потом эти два слова, вырванные из контекста, были кем-то поставлены рядом, стали употребляться к месту и не к месту и превратились в формулу, при которой человек куда-то исчез, а его место занял некий безлико-оскорбительный «человеческий фактор».

Продолжу, однако, рассказ о главном. Итак, Политбюро обсудило и одобрило итоги совещания, которое продолжалось два дня, и поручило всем заинтересованным государственным органам учесть высказанные там конкретные предложения в готовящемся пятилетнем плане. Было отмечено, что нужна корректировка существующего хозяйственного механизма, который отторгает научно-технические достижения. Кадровые же вопросы ЦК должен держать в своих руках. В общем, это был вполне разумный, реальный план действий, нацеленных на терпеливое создание условий для развития НТП.

Безусловно, для более динамичного социально-экономического развития страны НТП имел решающее значение. Но нужно было найти катализатор, ускоритель научно-технического прогресса. Например, в начале века им стал автомобиль: он создал дороги, качественную металлургию, резиновую, лакокрасочную промышленность и т. д. Наш катализатор тоже должен был дать толчок НТП во всех отраслях народного хозяйства — металлургии, химии, кибернетике, агропромышленном комплексе и т. д. В современных условиях такую роль призвано было выполнять гражданское машиностроение.

В реализацию этой идеи активно включился Отдел машиностроения ЦК. Руководителем этого Отдела в то время был Аркадий Иванович Вольский. После моего избрания членом Политбюро в апреле 85-го года и освобождения Григория Васильевича Романова от обязанностей Секретаря ЦК и члена ПБ этот Отдел стал подчиняться мне. Вместе с машиностроительными министерствами и аппаратом Совмина он срочно готовил постановление по развитию машиностроения. В августе оно уже было принято.

Гражданское машиностроение в стране влачило существование, мало сказать, жалкое. Не было крепкой интеллектуальной базы — ни

научной, ни экспериментальной. Хотя рядом был военно-промышленный комплекс (ВПК), в котором все это имелось. Но загляните в доклад Генерального на апрельском Пленуме: там ни слова о сокращении вооружений, тем более о конверсии. Там Соединенные Штаты — еще главный враг. Так что ВПК пока без работы не оставался, и гражданское машиностроение должно было выкарабкиваться из ямы само, так как сколько-нибудь серьезного механизма применения достижений военной промышленности в машиностроении для мирных нужд не существовало.

В общем, мы ориентировались на гражданское машиностроение, и решение это по сей день ошибочным не считаю. Ошибка была в ином. На пятилетку предусматривалось увеличение капитальных вложений в машиностроение в 1,8 раза. Цифра огромная. Но в стартовом энтузиазме не учли, что отрасль реально не переварит таких денег, говоря казенным языком, не освоит, что в итоге и произошло. Существенная их часть ушла на другие нужды нашей необъятной и ненасытной экономики.

К сожалению, и в те времена аппарат управления грешил радикализмом. Делать так делать! «Время требует!» слишком часто ставилось на вооружение. Правда, тогдашний радикализм не идет ни в какое сравнение с нынешним.

Было бы наивно отрицать, что именно военно-промышленный комплекс являлся для меня и моих соратников образцом масштабного применения научных достижений. Я прекрасно понимал, что действующая здесь система впитывания новшеств существенно отличается от гражданских отраслей, и в первую очередь машиностроения. В этом комплексе был свой экономический механизм, широко применялись и моральные поощрения — ордена, Государственные и Ленинские премии, ученые степени и академические звания. Но в основном все держалось на прочной дисциплине, высокой требовательности и ответственности. Жесткая связка заказчик — исполнитель, их деловая взаимосвязь являлась движущей силой. Вот этого и не хватало гражданскому машиностроению, где к тому же экономический механизм был не отработан и малоэффективен. И задача состояла в том, чтобы найти эффективные пути перелива научно-технических достижений ВПК в

мирные отрасли машиностроения и тем самым поднять их на новый уровень.

В своей практической работе я стремился в максимальной степени привлекать в гражданские отрасли специалистов и руководителей из ВПК. В 1989 году только что избранные народные депутаты, еще не остывшие от уличных митингов и опьяненные победой, при формировании Правительства постоянно бросали мне упреки в стремлении широко использовать в народном хозяйстве кадры военно-промышленного комплекса. Трудно им было объяснить, что надо рачительно относиться к интеллектуальному потенциалу этого комплекса, который создавался многие годы ценой лишений народа. Откуда такая неприязнь к созданному своими же руками? Откуда такая слепота? А то, что за этими воплями и криками в адрес ВПК и Армии стояли люди, целью которых было разрушить все крепкое и сильное в стране, для меня и тогда не было сомнений, и сейчас нет.

Да, ВПК СССР — это крупный сектор экономики, технологический уровень которого или соответствовал, или был выше, чем в других развитых странах. Он представлял собой своеобразное ядро высоких технологий. Только в его научном обеспечении в 1990 году участвовали 1 миллион 680 тысяч ученых и специалистов. Многие их разработки были на высочайшем научном и техническом уровне. Мы старались использовать это в гражданских целях. Например, при осуществлении проекта «Энергия» — «Буран» новейших технологий и материалов оказалось шестьсот. Экономические происки, начатые Гайдаром — Ельциным в январе 1992 года, ударили прежде всего по ВПК. И сейчас, когда я пишу эти строки, из науки ВПК ушли 500 тыс. человек, то есть третья часть. Затраты на опытно-конструкторские работы уменьшились в этом комплексе за три года в его военном секторе — в 8,5 раза, а в гражданском — в 5 раз. И мне трудно отделаться от мысли, что разгром ВПК, совершенный нынешними властями, стал одним из самых драматических ударов не только по военной, но и по всей экономической (а с ней и политической) мощи некогда великого государства.

Каждый этап нашей жизни обязательно сопровождался звучными и хлесткими фразами-лозунгами. Горбачевские: «время требует»; «иного не дано»; «другого пути просто нет» и т. д. Ельцинские:

«необратимость реформы»; «альтернативы этому просто нет» и прочие. Я не анализирую существо и корректность этих лозунгов. Подобные лозунги имеют главным образом популистский характер. Но беда в том, что они имеют свойство из абстрактного призыва превращаться в конце концов в реальную и далеко небезопасную политику.

В том, уже далеком 1985 году смысл термина «ускорение» стремительно расширялся. Снежный ком двинулся по склону.

В июле новый Генсек улетел в Днепропетровск: эйфория ленинградского триумфа требовала повторения. Ведь Украина по экономической мощи была второй после России республикой, со своими особенностями, с авторитетным руководством. Но там произошло то, чего я очень сильно опасался, зная характер Горбачева. Моя тревога оправдалась, когда я прочитал его речь на встрече с коллективом Днепропетровского металлургического завода. Вот что, в частности, говорил он: «Мы тщательно обдумываем все вопросы, связанные с перспективами развития страны». Абсолютно верно, но в том же выступлении он неожиданно перечислил приоритетные для ускорения направления: кроме машиностроения были названы еще биотехнология, металлургия, химия и другие отрасли, связанные с ними. Недоумение было большое. Только месяц назад оговорили, что надо дать приоритет машиностроению, и вдруг целая гирлянда новых приоритетов. Кто постарался? Маловероятно, чтобы здесь обошлось без помощников, лоббирующих определенные сферы экономики, руководителей министерств и республики. Ведь Украина имеет большую металлургию, химию. Почему не воспользоваться приездом нового и восторженного лидера? К сожалению, это было только начало.

Для меня такой перечень был подобен землетрясению, во всяком случае, почва под ногами ощутимо колебалась. Ведь план пятилетки еще составлялся, разумные головы пытались сверстать нечто удобоисполнимое, способное к поступательному движению. История, однако, на этом не закончилась. В сентябре Горбачев прилетел в Западную Сибирь, и оттуда пришла новая весть — о приоритетном комплексном развитии нефтяной и газовой промышленности Западной Сибири.

Прошло всего лишь несколько месяцев, а посчитайте, сколько раз пополнялся за этот срок перечень приоритетных направлений развития народного хозяйства. При этом не надо забывать: главным партийно-государственным приоритетом, на который никто и не посягал, был военно-промышленный комплекс. Да и аграрный сектор еще в 82-м году тоже получил, при помощи Горбачева — Секретаря ЦК по сельскому хозяйству, большой приоритет. Формула того времени «Оборона и хлеб» была на вооружении партии и Правительства.

Действительно, состояние народного хозяйства страны можно было легко описать поговоркой: куда ни кинь — всюду клин. И в металлургии полно проблем, и в добыче нефти, и электроника требовала подпитки, и химия — да что угодно назовите, не ошибетесь. Но мы, знающие реальное положение в экономике, прекрасно понимали, что решить сразу, в один присест, все проблемы всех отраслей невозможно. Нет для этого ни материальной и финансовой базы, ни научной и экспериментальной, сил у государства просто нет. Да и сам механизм экономики тяжел и инерционен, пока руль повернешь — большую дугу сделаешь. А ее хотят развернуть сразу! Надо было дать приоритет ограниченному кругу проблем, а те, в свою очередь, подтянут несколько и другие отрасли. Но, к сожалению, усиленно строились воздушные замки. Невыполнимые планы и несбыточные мечтания побеждали здравый смысл.

Казалось бы, можно было сделать выводы из этого опыта, но, как говорится, все возвращается на круги своя. В то время я еще не подозревал, что всего через пять лет буду взывать к народным депутатам, объясняя нереальность, фантастичность программы «500 дней». И что тогда меня просто-напросто в очередной раз окрестят консерватором. Забавно, но примерно теми же эпитетами, разве что в более дружеском тоне, меня награждали товарищи по горбачевскому Политбюро. Я чуть не умолял их оставить на первое время, на пятилетку хотя бы, два, ну три, но не больше приоритетных направлений. Где там! Аргумент «Время требует!» был, на взгляд моих коллег, неотразимым. И еще: ты, мол, не понимаешь важности момента...

Какого момента? Почему именно он важнее всех других?

Я действительно кое-чего не понимал и не принимал.

Да, считал я, лидер партии должен быть уважаем народом. Но все ли средства хороши, чтобы стать еще и любимым? Увы, микроб популизма поражает многих. Нет против него вакцины, нет противоядия, кроме собственных разума и совести. Но ведь и то и другое в наши дни становится все более дефицитным. Вот и Ельцин в дни президентской гонки в России ездил по краям и областям и обещал, обещал... Цены — не поднимать, жизненный уровень — не понижать. Суверенитета? — «сколько проглотите». Шахтерам — райскую жизнь. Только проголосуйте! Стоит ли дальше перечислять?

Но переживать за наших демагогов не стоит. Они переняли у своих зарубежных учителей главный принцип политического успеха: до выборов обещай избирателям все, что они хотят, после выборов без всякого душевного волнения и угрызений совести забудь об обещаниях. Ну ладно уж грешили бы этим желающие пробиться в депутаты, с них и спрос такой — мало кто верит их клятвам. Но лидеры, которые налево и направо раздают обещания к очередному сроку стабилизировать экономику, повысить жизненный уровень, лично возглавить борьбу с захватившей всю страну преступностью... Видимо, они думают, что народ совсем потерял память и разум.

Вернемся, однако, в прошлое. Еще не утвержденный пятилетний план трещал по швам, борьба приоритетов наносила сокрушительные удары по нему. Ускорение в первоначальном его понимании, связанном с социальной сферой, теряло смысл и превращалось в трескучую, пустую фразу. Я часто задавал себе вопрос: вдруг я действительно не понимаю высоких и благородных помыслов нашего лидера и других политиков? Но, думал я, ведь не можем же все мы, кто тоже видит нереальность выдвигаемых лозунгов, бессмысленность, пустопорожность происходящего, так ошибаться? Нет, неладно что-то было в нашем «королевстве Датском»...

Глава 5. Антиалкогольная кампания

Есть в мировом политическом лексиконе такое понятие, как «сто дней». Откуда идет это название, мне трудно сказать. В свое время Наполеону довелось вторично править во Франции именно в течение такого срока. Или это сто первых дней правления Президента США Ф. Д. Рузвельта? Не оттуда ли? Сегодня все понимают это как начальные сто дней правления лидера государства, когда ему дают возможность более или менее спокойно сделать свои первые шаги в новом качестве. В этот «льготный» период народ присматривается к своему избраннику, а средства массовой информации щадят его. Естественно, он и сам старается показать себя с лучшей стороны, завоевать уважение людей, закрепить в общественном сознании свой политический и человеческий образ.

Не избежал этого и Горбачев. В его жизни было два раза по «сто дней» — в середине 85-го и 90-го годов. В первом случае — в роли Генсека ЦК, во втором — Президента страны. Я только что писал о его триумфальных появлениях в Ленинграде, на Украине. Не скрою, что уже в то время у меня появились первые нотки сомнения относительно таких упоительных поездок и встреч Генерального секретаря везде и со всеми, поскольку все это, раздуваемое средствами массовой информации, смахивало на прежние времена, когда во имя укрепления авторитета вождя начиналось неумное его восхваление. Но сомнения заглушались трезвым внутренним чувством — это, дескать, необходимо для главы государства в первые месяцы пребывания его у власти.

Да и была, прямо скажу, в стране даже какая-то эйфория от таких поездок: люди видели в лидере энергичного, а не немощного человека, с трудом и не очень грамотно читавшего по бумажке. С языческих ли времен, с многовекового ли царствования самодержцев, с десятилетий ли правления вождя «всех времен и народов» в нашем сознании крепко сидит мысль о том, что народу всегда нужен царь-батюшка или кто-то другой, наделенный царской властью. Его название зависит от общественного строя, от уровня массового сознания. Иногда мне кажется, что культ — поклонение, почитание языческих богов — из

седой древности дошел до наших дней и превратился в культ личности отдельных людей. Здесь же хочу подчеркнуть то, что обожествление царей и их современных аналогов уж больно крепко в нас сидит.

Так было не только в 30-е и 40-е годы со Сталиным, но и с борцом против культа личности «нашим дорогим Никитой Сергеевичем», так было и с «дорогим Леонидом Ильичом». Их культ создавался медленно, постепенно. Делали это «верхи», а подхватывали «низы». Так уж повелось у нас, что очередная «личность» возвеличивалась прежде всего через критику предыдущего руководителя, противопоставление ему. И теперь уже надолго, наверное, вошли в историю характеристики разных периодов жизни страны, неразрывно связанные с именами соответствующих лидеров: «культ личности» Сталина, «волюнтаризм» Хрущева, «застой» Брежнева, «перестройка» Горбачева, возможно, будет и эпоха «смуты» Ельцина.

Но что касается Горбачева, он не мог ждать, когда созреет народное признание его, когда его имя войдет в историю. Ему нужен был авторитет сегодня, сейчас, немедленно. Создание авторитета, по логике его поступков, надо брать в руки. В свои. После ленинградской и украинской поездок было получено указание готовить поездку в Сибирь — в Тюменскую область.

В один из дней, после окончания заседания Секретариата, которое проводил уже Лигачев, он, я и Лукьянов остались для обсуждения некоторых текущих вопросов. Анатолий Иванович Лукьянов в то время был заведующим Общим отделом, влиятельным человеком в аппарате ЦК. В беседе мы невольно вышли на вопрос о поездках Генсека. Для нас уже было ясно, что слишком частые поездки и выступления начинают девальвироваться, обесцениваться. Уже достаточно много наговорено, число розданных обещаний подошло к критическому, когда, взятые вместе, они становятся невыполнимыми. Надо было переварить уже намеченное и создать условия для его реализации.

Свое мнение мы решили высказать Генсеку после его очередной поездки и поговорить с ним по-товарищески. Через несколько дней во вполне уважительной форме мы высказали ему свои соображения. Реакция была бурной:

— Вы не понимаете, что время требует немедленных перемен! Об этом надо говорить постоянно. Я не приемлю ваши сомнения!

Мы поняли, что уже наступило опьянение властью и первыми ростками популярности. Единая рабочая упряжка стала распадаться на рысаков и рабочих лошадей. Я, естественно, оказался во второй группе, о чем и сейчас не жалею.

Но «сто дней» требовали сделать для людей что-то полезное, доброе, которое было бы положительно оценено народом и показало благородные цели нового руководства страны. В один из весенних дней 1985 года Горбачев пригласил меня, тогда еще Секретаря ЦК по экономике, и моего первого заместителя по Экономическому отделу Бориса Ивановича Гостева. На встрече обсуждался вопрос о том, что можно сделать сейчас для людей, чем располагает страна?

После долгого обсуждения остановились на том, что в области финансов можно пойти только на увеличение минимальных пенсий. В ближайшие дни этот вопрос был проработан с Правительством и вынесен на рассмотрение Политбюро. Такое решение было хорошо воспринято населением, особенно — пожилыми людьми, которые давно ушли на пенсию, когда заработная плата большинства из них была очень невысокой. Среди многих откликов я вспоминаю и письмо моей, ныне покойной, тещи, в котором она с большим удовлетворением писала о повышении ее пенсии.

На этом совещании у Горбачева наш Экономический отдел предложил существенно изменить положение с развитием коллективного садоводства и огородничества. Тяга населения к этому была большая, горожане стремились на природу, где отдых сочетается с работой и некоторым материальным подспорьем. Но все это было обставлено многочисленными инструкциями, положениями и даже постановлениями ЦК и Совмина, регламентирующими каждый, даже небольшой, шаг городского владельца клочка земли. Опять то же, что и во многих других делах и сферах жизни: «низы» хотели, «верхи» не пускали.

На мой взгляд, никаких веских причин для торможения этого естественного стремления людей не было. Земля?

Грешно нам на это жаловаться, да и неудобий, которые можно превратить трудом и старанием в плодородные участки, хватит на несколько поколений. Дороги? Их и так нет, но здесь поможет государство, да и сами садоводы не будут сидеть сложа руки. Строительные материалы? Да, их не хватало. Но развитие садоводства

и огородничества и подтолкнет их производство. Правда, некоторые руководители сельского хозяйства в качестве возражения приводили довод, что, мол, селу материалов не хватает, а горожанам-де подавай фактически второе жилье. С этим доводом приходилось считаться, но ведь в руках государства были рычаги управления в области увеличения ресурсов.

Однако самое главное препятствие, на мой взгляд, имело идеологический характер. Появится, говорили, класс собственников, расцветет мещанская психология. Я помню еще по уральским своим временам, как сносились бульдозером дачные домики, а у руководителей-коммунистов отбирали партийные билеты за такой «страшный» грех.

Все это трудно понять разумному человеку, и чтобы читатель мог иметь представление о степени различных ограничений, я позволю себе привести один из пунктов постановления Правительства. Документ был принят в декабре 84-го года, то есть всего за полгода до нашего обсуждения этой проблемы у Горбачева:

«На земельных участках, выделенных в коллективном саду членам садоводческих товариществ, могут возводиться только одноэтажные летние садовые домики с отапливаемым твердым топливом помещением общей площадью до 25 кв. метров, неотапливаемой террасой (верандой) площадью до 10 кв. метров и неотапливаемой мансардой сверх указанных размеров площадью до 15 кв. метров, погреб площадью до 8 кв. метров, хозяйственные строения общей площадью до 15 кв. метров (для содержания кроликов и домашней птицы, хранения хозяйственного инвентаря), включая душ и туалет, а также неотапливаемая теплица площадью до 15 кв. метров для выращивания овощных и других сельскохозяйственных культур. При этом высота помещений (от пола до потолка) летнего садового домика не должна превышать 2,5 метра, хозяйственных строений — 2,2 метра, погреба — 1,9 метра, а общая высота (от уровня земли до конька крыши) летнего садового домика не должна превышать 6,5 метра и хозяйственных строений — 3 метров».

Принятое же после нашего совещания решение по развитию коллективного садоводства и огородничества сняло многие ограничения и дало мощный толчок этому делу. Если в 1085 году в

стране было 6 миллионов садовых участков, то через четыре года их стало вдвое больше.

Опыт массового садоводчества позволил нам уже в 1987 году принять постановление Правительства о расширении индивидуального строительства на селе и в городе. Это также благотворно сказалось на решении жилищной проблемы. Увы, сейчас массовая индивидуальная застройка на селе прекратилась. Правда, в связи с огромным материальным расслоением общества растут под Москвой, да и не только там, как грибы, дома-дворцы, которые свысока смотрят на простой люд. Современные нувориши бравируют ими, а высокопоставленные чиновники всячески отрещиваются от владения своими хоромами, оформляя их на близких родственников. Ведь не докажешь, что дома стоимостью в полмиллиона и более долларов строятся на зарплату...

На первом этапе перестройки было множество принципиальных решений по самым разным вопросам внутренней жизни страны. Многие из них положительно сказались на народном хозяйстве и вообще на обстановке в обществе, некоторые дали толчок для дальнейших преобразований. Но, к сожалению, принимались и такие «исторические» решения, которые оставили свой горький след на десятилетия вперед. К их числу надо отнести антиалкогольную кампанию. О ней до сих пор пишут и вспоминают ее в основном недобрым словом. Да и поделом!

Надо полагать, что Горбачев в то время не только *со мной* обсуждал свои «сто дней». Наряду с вопросами, о которых я только что рассказал, в ЦК весной 1985 года стали активно готовить предложения по борьбе с пьянством и алкоголизмом. На первый взгляд плохого в этом ничего не было.

Страна и впрямь спивалась. Пили везде. До работы. После работы. Вместо работы. В обкомах и райкомах. На стройках и в цехах. В конторах и дома. Везде. Когда я был начальником цеха на Уралмаше, в середине 50-х годов, ко мне, помню, примчался взволнованный мастер и сообщил, что в каком-то инструментальном ящике нашли пустую бутылку из-под водки. Шум поднялся, собрание, ЧП. Давно это произошло... А в описываемом 85-ом вряд ли на том же родном Уралмаше был инструментальный ящик без пустой или полной водочной бутылки.

К 1985 году уровень потребления алкоголя на душу населения у нас поднялся намного выше всех допустимых пределов. По данным Всемирной организации здравоохранения, ситуация в той или иной стране становится опасной, когда потребление алкоголя превышает 8 литров в год на человека. В России в 1994 году этот уровень был превышен в два раза и продолжает расти.

Алкоголизм не принес пользы ни одному народу, ни одному государству. Он ведет к росту смертности и является одной из причин того, что сегодня средняя продолжительность жизни мужчин у нас всего 57 лет. Число смертей от алкоголизма вдвое превысило европейские показатели! Еще Лев Толстой писал: алкоголь губит не только душу человека, но и его потомство. У алкоголиков рождаются неполноценные дети, идет деградация общества, снижается интеллектуальный потенциал страны. Действительно, вдумайтесь в статистику: одна треть алкоголиков начала пить, не достигнув и 10 лет, а две трети — 16 лет! На почве алкоголизма кончают жизнь самоубийством более 80 тысяч человек в год, то есть в пять раз больше, чем погибло за всю афганскую войну.

Так что оснований для беспокойства и принятия мер по прекращению роста алкоголизма было (да и остается) более чем достаточно. По поручению Генсека в ЦК этим вопросом занимались Е.К. Лигачев и М.С. Соломенцев. Следует напомнить, что еще при Брежневке была создана комиссия по борьбе с пьянством во главе с Арвидом Яновичем Пельше. Но работала она не активно — то ли ее мудрый председатель был сильно болен, то ли не находил нужных решений этой сложнейшей проблемы. После его смерти комиссия автоматически перешла к новому председателю Комитета партийного контроля Соломенцеву. Впрочем, и она до прихода на пост Генсека Горбачева тоже практически не работала.

Тандем же Лигачев — Соломенцев развернул бурную деятельность. Были срочно подготовлены проекты постановлений. На одной из стадий их рассмотрения с ними были ознакомлены Секретарь ЦК И.В. Капитонов, я и Б.И. Гостев. И мы втроем дружно заявили на совещании, проходившем под председательством Соломенцева, что это не тот путь борьбы с пьянством, что он носит сугубо административно-запретительный характер. Мы высказали мнение, что эту огромную и многофакторную социальную проблему надо

решать по-иному. Каково же было наше недоумение и даже изумление, когда Соломенцев изрек:

— Пока водка будет стоять на прилавках магазинов, ее будут пить!

Наши ссылки на отрицательные результаты введения «сухого закона» в некоторых странах остались без внимания. Было такое ощущение, что авторы разработанной концепции — великие трезвенники, а оппоненты — пьющие люди...

В общем, когда окончательный проект постановления был вынесен на Секретариат, а вел его Горбачев, я работал еще Секретарем ЦК, у меня волосы дыбом встали. Да и не у одного меня. Главная линия постановления так и осталась прежней — принудительное сокращение производства любых алкогольных напитков, даже невинное пиво в список попало. Более того, было расписано по годам пятилетки, когда сколько алкогольных напитков производить и когда все производство свести практически к нулю. Причем этот пункт в опубликованный в мае документ не вошел — остался секретным.

Я снова стал возражать. Сказал, что путь, предложенный товарищами Лигачевым и Соломенцевым, считаю тупиковым, напомнил еще раз, что страну ведут напрямик к принятию «сухого закона», который, как известно из новейшей истории, никогда и нигде ни к чему толковому не привел, что следует ожидать резкого увеличения самогонварения, поскольку сахар дешев, а значит, он станет исчезать из торговли, и рано или поздно придется ввести на него талоны.

Как известно, в нашей стране любая кампания превращается в фарс, и было ясно: мы придем к тому, что будут не только производство водки сворачивать, но даже и винодельческие и пивные заводы закрывать... Резко я говорил — и что с того? Хотите встречные аргументы? Рыжков не понимает важности момента. Он не чувствует, что время требует поступков, а не разговоров. Не осознает ситуации, когда нравственную атмосферу в стране надо спасти любыми методами. Николай Иванович печется об экономике, а не о морали. Ну еще что-то накидали, всего не упомяну. Горбачев тогда активно поддержал борцов с пьянством, его сильно беспокоила «нравственная атмосфера»...

Через несколько дней состоялось заседание Политбюро, на котором обсуждался этот вопрос. На нем заговорила «тяжелая

артиллерия» — члены ПБ. Н.А. Тихонов и его первый заместитель Г.А. Алиев делали попытки доказать недопустимость такого обвального снижения производства спиртных напитков. Хотели они также отстоять пиво. Не тут-то было! Новый Генсек и его ближайшие соратники по антиалкогольной кампании, используя моральный подъем вокруг нового лидера, стояли насмерть. В результате с мая по сентябрь 1985 года появилась серия постановлений ЦК и Совмина СССР, указов Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР.

Эти документы объединяла плохо понятая правильная, в принципе, идея: трезвость — закон нашей жизни. Ведь скольконибудь серьезно даже не был поставлен вопрос об экономических и социальных корнях растущего пьянства, не возникло никаких соображений о том, что и как нужно менять в обществе для того, чтобы человек нашел в нем свое место, чтобы его рабочее время приносило ему удовлетворение трудом, творчеством и результатами, а свободное — проходило в нормальных бытовых условиях и было наполнено духовными ценностями в самом широком смысле этого слова. Нет, все пошло по линии самой примитивной — административных запрещений и голословной, трескучей, давно набившей всем оскомину пропаганды.

Я с уважением отношусь к Е.К. Лигачеву, ценю его порядочность, честность и принципиальность. Но это была его большая политическая ошибка, сильнейший удар по перестройке. Целеустремленность и напористость Егора Кузьмича были использованы во вред общему делу, а жесткие административно-запретительные меры погубили решение одной из важных проблем страны. Такой упрощенный, грубый подход к делу привел к огромным моральным издержкам и материальным потерям.

Насильственное, можно сказать, снижение потребления спиртных напитков сопровождалось ростом наркомании и токсикомании. «Зоны трезвости» соседствовали с огромными очередями, драками и проклятиями у винных магазинов. Возьмем Москву. Здесь активно проводил кампанию по закрытию винных «точек» ныне покойный В.В. Гришин, а затем все это попало в руки тогдашнего Первого секретаря МГК КПСС Ельцина. Он благополучно и завершил это дело. Кроме всеобщего озлобления такое рвение ничего вызвать не могло.

Сильнейший удар антиалкогольная кампания обрушила на виноградарство и виноделие. Проводимая еще до 1985 года политика замещения крепких спиртных напитков вином и пивом к тому времени уже стала давать первые результаты. За тридцать лет, начиная с 1955 года, площади под виноградниками возросли в три раза и достигли 1,4 миллиона гектаров. А тут под флагом борьбы с пьянством пошло наступление на виноградники и винозаводы. За три года, с 85-го по 88-й, площади виноградников в стране сократились почти на одну треть, чего не было даже в Великую Отечественную войну, когда мы потеряли 22 процента их. Закрыли и перепрофилировали почти 1000 винозаводов.

Я уже говорил, что при подготовке постановления и при его обсуждении неоднократно ставился вопрос о нецелесообразности отнесения пива к алкогольным напиткам. Но победить триумvirат Горбачев — Лигачев — Соломенцев было невозможно. И было пущено на металлолом оборудование около двух десятков импортных заводов по производству пива. Закрывались действующие пивзаводы, хотя душевое потребление его в 1985 году составило всего лишь 24 литра, что в несколько раз меньше, чем в странах Европы.

Иногда дело доходило до абсурда, трудно объяснимого с точки зрения нормальной логики. Еще в бытность Г. А. Алиева моим первым заместителем мне надо было как-то срочно посоветоваться с ним по одному вопросу. По внутренней селекторной связи я попросил его зайти ко мне. В ответ он извинился и попросил разрешения зайти позднее, после проводившегося им в тот момент совещания. Через полчаса он пришел, и я поинтересовался, что за срочные проблемы он обсуждал. И каково же было мое изумление, когда он сказал, что по поручению ЦК рассматривалось, является ли кефир (!) алкогольным напитком или нет.

На мое резкое замечание, что надо заниматься серьезными вопросами, а не чепухой, он сказал:

— Я понимаю сам, что это глупость. Но что делать — есть поручение ЦК, и его отделы не дают мне покоя. Кстати, это уже второе поручение по этому вопросу.

Дать такое указание Алиеву, а он был членом Политбюро, мог только Горбачев или «второй» секретарь. Вот так идея оздоровления общества превращалась в фарс. Поистине, Бог долго ждет, но больно

бьет, и бьет по разуму людей, обладающих большой властью в государстве.

Особую тревогу вызывало самогонование, получившее широкое распространение во всех регионах и проникшее во все социальные группы и слои населения. Массовое изготовление сивухи во многом компенсировало сокращение продажи винно-водочных изделий. По ориентировочным подсчетам, объем изготовленного в 87-м году самогона достиг 3,2 литра абсолютного алкоголя на душу населения. В этот же год государственной торговлей было продано спиртного на 5,1 литра меньше, чем в 84 году. Трудно оценить экономический ущерб от самогонования. Многие миллиарды рублей, ранее поступавшие в госбюджет, ныне фактически стали доходом самогонщиков. В незаконный промысел оказались вовлечены большие массы людей не только в деревне, но и в городе. В 87-м году в связи с этим привлечено к ответственности полмиллиона человек, что в пять раз больше, чем в 1985 году.

Летом 88-го обстановка с продажей алкогольных напитков была накалена до предела. Давление со стороны Комитета партийного контроля при ЦК КПСС не ослабевало. Ежемесячные разборы с приглашением первых секретарей обкомов партии и министров СССР заканчивались разносом и многочисленными партийными взысканиями. Все это гнало волну из Центра непосредственно на места. Но ситуация только ухудшалась. Очереди штурмовали немногие сохранившиеся винные магазины, дешевого одеколона не стало, химических реактивов и лекарств на спирту тоже. Пошли перебои с сахаром. Наступило время истерического самоистязания.

Мои многократные устные обращения к Горбачеву с просьбой рассмотреть создавшееся положение в стране оставались без внимания. Он соглашался со мной, что надо вносить коррективы, обещал собрать Политбюро по этому поводу, но проходило время — и все оставалось по-старому. Я чувствовал, что с ним кто-то серьезно «работал».

В августе 88-го полным ходом шла подготовка плана на будущий год. Надо было определиться окончательно, что делать. В работе Секретариата и Политбюро ЦК было одно хорошее правило: если член Секретариата или ПБ официально настаивает на том, чтобы заслушать его, то Генсек обязан был или договориться с ним по этому вопросу в

рабочем порядке, или поставить в повестку дня заседания. Я решил использовать такую возможность и предложил рассмотреть вопрос на ПБ.

По моему поручению союзные министры — торговли К.З. Терех и здравоохранения Е.И. Чазов направили в Совет Министров свои записки. Приведу основные положения одной из них. Министр торговли представил ее на мое имя 6 сентября 1988 года. В ней, в частности, говорилось:

«Политбюро ЦК КПСС на заседании, состоявшемся 4 июля 1988 года, особое внимание обратило на необходимость ликвидации такого широко распространенного явления, как очереди, на которые только в торговле теряется свободное время населения, исчисляемое десятками миллиардов часов в год, порождая при этом различные злоупотребления и морально-политические издержки, а также нездоровое настроение среди трудящихся.

Анализ показывает, что за последние три года в торговле очереди возросли более чем наполовину из-за резкого сокращения продажи алкогольных напитков...

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР, принятым 7 мая 1985 года, производство ликеро-водочных изделий должно ежегодно сокращаться на 30 млн. дал, вина виноградного — на 20 млн. дал, а плодово-ягодных вин — полностью прекращено с 1988 года. При этом каких-либо ограничений по сокращению производства и продажи пива этим постановлением не предусматривалось.

После принятия постановления, уже во втором полугодии 1985 года, число магазинов по продаже алкогольных напитков в целом по стране сократилось на 55 процентов (было 238 тыс., осталось 108 тыс.)...

По решениям ряда обл(край)исполкомов (РСФСР. — *Авт.*) сеть магазинов по продаже алкогольных напитков была сокращена еще в больших размерах. В Астраханской области, например, число этих магазинов уменьшилось с 118 до 5 единиц, в Белгородской — со 160 до 15, в Ульяновской — со 176 до 26, в Ставропольском крае — с 571 до 49 единиц.

По инициативе ряда областей и районов РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР, Молдавской ССР были созданы

«зоны трезвости», в которых торговля спиртными напитками была прекращена полностью.

Сеть предприятий общественного питания, в которых осуществлялась реализация алкогольных напитков, уменьшена на 71 процент, а в Азербайджанской, Молдавской, Киргизской и Таджикской союзных республиках — на 75–90 процентов.

Со второй половины 1986 года повсеместно резко возросла реализация сахара, кондитерских изделий, фруктовых соков, томатной пасты и некоторых других продовольственных товаров на самогонарение. Продажа сахара, например, в 1987 году составила 9280 тыс. тонн и по сравнению с 1985 годом увеличилась на 1430 тыс. тонн, или на 18 процентов, и в настоящее время почти повсеместно осуществляется по талонам.

По данным Госкомстата СССР, в 1987 году на самогонарение израсходовано 1,4 млн. тонн сахара, что примерно равно 140–150 млн. дал самогона и практически компенсировало сокращение продажи водки и ликеро-водочных изделий...

Следует особо подчеркнуть, что за последнее время резко возросла покупка спиртосодержащих и других препаратов бытового назначения (одеколонов, зубной пасты, клеев, кремов для обуви) для использования не по прямому назначению...

Резкое сокращение производства и продажи спиртных напитков привело также к значительному росту антиобщественных и других негативных явлений...»

Таковы некоторые выдержки из записки министра торговли К.З. Тереха. Далее в ней содержались конкретные предложения в связи с задачами ликвидации очередей при продаже алкогольных напитков и исключения других негативных явлений.

Не менее убедительной была и записка министра здравоохранения СССР.

7 сентября, то есть на следующий день после получения этих документов, я написал официальное письмо в Политбюро с просьбой рассмотреть эту проблему. Уже 8-го, в четверг, вопрос обсуждался на ПБ.

За пять лет работы в Политбюро я участвовал в различных заседаниях — и в спокойных, и острых, и смешных. Но это заседание не подходило не под одну из таких характеристик. Горбачев поставил

внесенный мной вопрос последним в повестке дня, надеясь, по-видимому, что к концу заседания все устанут и он будет скомкан. Но все произошло по-иному. В своем сообщении-докладе я потребовал прекратить бездумную антиалкогольную кампанию, которая провалилась из-за недопустимого администрирования, перестать выламывать руки руководителям различного ранга в КПК, покончить с наказанием работников в связи с ней. Говорил, что людям нанесен моральный ущерб, а экономике большой вред и что Совмин больше не позволит вмешиваться в объемы производства и продажи алкогольных напитков.

Мою позицию твердо и жестко защищали В.И. Воротников, Л.Н. Зайков, Н.Н. Слюньков, В.П. Никонов. Мы буквально обрушились с беспощадной критикой на «активистов» проводимой антиалкогольной кампании, настаивали на немедленном прекращении издевательств над народом и местными руководителями. Не забуду выступление ныне покойного Виктора Петровича Никонова. Он в гневе бросал обвинения в адрес сидевших напротив нас Лигачева и Соломенцева за развал виноградарства.

Лигачев и Соломенцев яростно защищали свои позиции, в свою очередь обвиняя нас в отходе от принятых партией решений. Сидящие за длинным столом заседаний ПБ четко разделялись на два лагеря. Обсуждение перешло в крик и откровенную ругань, в личные выпады. наших оппонентов прямо-таки била дрожь, казалось, вот-вот за грудки начнут хватать. Было, по традиции, и молчаливое «болото». Но Горбачеву не оставалось ничего иного, как поддержать большинство.

В субботу, 10 сентября 1988 года, состоялось заседание Совета Министров СССР, на котором рассматривался проект плана на 1989 год. Естественно, там была затронута и алкогольная, или, если угодно, антиалкогольная тема. Я проинформировал Правительство о решении Политбюро, и Совет Министров поручил определить реальные потребности страны в алкогольных напитках и обеспечить их производство. Так в этот день была закончена трехгодичная «историческая» антиалкогольная кампания. В истории же она останется, подобно «сухому закону» 30-х годов в США.

Но впереди были еще годы, в течение которых предстояло привести все предприятия в должный порядок. Разрушения оказались слишком большими, и поэтому справиться в одночасье с

километровыми очередями и организовать нормальную торговлю было невозможно. Кампания капитально ударила по финансам. Несмотря на повышение цен на спиртное, государственный бюджет не мог компенсировать потери.

Приведу цифры. По плану 1985 года, принятому, естественно, до антиалкогольных постановлений, от реализации алкогольных напитков намечалось получить 60 млрд. рублей прибыли. После принятия решений было получено в 86-м — 38 млрд., в 87-м — 35, а в 88-м, в связи с отменой антиалкогольной кампании, — чуть побольше 40. Итого за три года экономика недосчиталась по крайней мере 67 млрд., а нравственный урон подсчитать и вообще невозможно.

Наступление на пьянство захлебнулось. Каковы же веерки причины провала крайне нужных для народа мер по борьбе с этим коварным и беспощадным злом? Главная причина состоит в том, что не было четкой, научно обоснованной, комплексной программы. Под воздействием государства оказались не корешки, а вершки, другими словами — не причины и условия, способствующие возникновению пьянства и алкоголизма, а их результаты. Отсюда и во многом разрозненность, несогласованность, односторонность действий, использование преимущественно административно-запретительных методов решения вопроса. Произошло искусственное вычленение пьянства из сложной совокупности социальных связей и явлений.

Выдвинутая в документах партии вполне благая конечная цель — вытеснить пьянство из жизни нашего общества — фактически подменялась задачей полного прекращения потребления спиртных напитков. Это была серьезная ошибка: смешение пьянства как антиобщественного явления с традиционно умеренным потреблением алкоголя. Трагедия кампании состояла в стремлении форсировать выполнение по существу долгосрочной программы. В этом проявился характер Горбачева и Лигачева — решать вопросы немедленно и быстро, не считаясь с реальными возможностями.

Определенную негативную роль сыграли и шумная пропаганда и экстремизм в трезвенническом движении. Все поддались радикальной, но нереальной идее: в ближайшие годы прекратить производство и продажу спиртных напитков, ввести запрет на употребление алкоголя.

Перегибы, кампанейщина нанесли большой вред подлинному утверждению трезвости в стране. Они вызвали отрицательную

реакцию со стороны населения, общество не готово было полностью отказаться от алкоголя в силу психологических, культурно-нравственных, социально-бытовых причин. По существу, под лозунгом суровой борьбы с пьянством была дискредитирована вся антиалкогольная работа.

Я не был инициатором этой кампании, но она происходила при мне. Не хочу и не могу говорить от имени всех, причастных к ней. А вот что касается меня самого, то я вижу свою вину в том, что долго мирился с этой трагикомедией. И все то, о чем я честно рассказал в этой главе, отдаю на суд читателей.

Казалось бы, нынешние руководители страны должны были сделать выводы из ошибок прошлого — ведь проблема остается, и ее нельзя недооценивать. Но когда появился Указ Президента России о производстве спиртных напитков, стало совершенно ясно, что взят четкий курс на спаивание народа: водку стали делать все кому не лень — слишком уж большой соблазн. Получив государственную лицензию, можно было гнать водку из чего угодно и кому угодно. И неудивительно, что каждый день появляется информация о новых и новых, нередко массовых отравлениях низкокачественными напитками отечественного и зарубежного производства. Исторический опыт показывает, что как только водка вырывается из-под государственного контроля, начинаются всевозможные неурядицы во внутренней политике, перекосы в экономике, ухудшение здоровья людей. Не зря первой государственной монополии на Руси исполнилось уже более половины тысячелетия.

В конце XIX века министр финансов Витте, осуществлявший четвертую в истории Руси водочную монополию, начал строительство нескольких сот казенных винных заводов. Ставилась задача упорядочить выпуск «зеленого змия» и, естественно, укрепить финансы государства. Многие из этих предприятий, сохранившиеся до нашего времени, «попали под нож» в годы бездарной антиалкогольной кампании.

Ее авторов, ярых приверженцев «сухого закона», вдохновило то, что он был введен в России в годы Первой мировой войны, что Временное правительство обязалось продлить его «на вечные времена» и что после Октябрьской революции большевики его тоже подтвердили. Правда, через шесть лет он был отменен.

Проблема осталась. Она стучится в окно. Но если в антиалкогольной кампании, при всех ее перекосах и глупостях, была хотя бы правильная, вполне благородная конечная цель, то сейчас ее нет и в помине. Киоски и магазины забиты импортными напитками, в то время как склады отечественных заводов заполнены готовой продукцией. Спирт везут с Запада, свой сливают в канализацию. Это уже политика — убрать любое, даже элементарное государственное регулирование. Рушатся национальные устои, подрывается генофонд населения страны.

Сегодня самый относительно дешевый товар среди продуктов питания — это водка. Народ спивается. Если нынешние руководители действительно думают о нем, они просто обязаны разработать программу «отрезвления» людей. Но у меня в этом отношении большие сомнения. Ведь пьяным народом гораздо легче управлять. К тому же на этом фоне вечно пьяный руководитель — «свой». Но жизнь заставит вновь обратиться к этой проблеме, и пусть горький опыт антиалкогольной кампании 1985–1988 годов избавит от ошибок тех, кто по-умному возьмется за это жизненно важное для страны дело.

Но вернемся в осень 1985 года. Горбачев предложил мне подумать о должности Председателя Совета Министров СССР — вместо уходящего на пенсию Тихонова.

Такая идея показалась мне серьезной и многообещающей. Может, на этом посту удастся лучше, сильнее противостоять лихому растаскиванию экономики по действительным и надуманным приоритетам? Ведь над планом пятилетки еще работали полным ходом, распутывая его сложный клубок. До XXVII съезда партии оставалось полгода, и я надеялся, что можно успеть определить перспективы развития страны с реалистических позиций. И, конечно, я думал, что на этом посту удастся воплотить в жизнь те идеи, которые разрабатывались в ЦК моей командой.

Я подумал и согласился, хотя и знал, на что иду.

Глава 6. Председатель Правительства

27 сентября 1985 года в Кремле состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Вел его новый Председатель — Андрей Андреевич Громыко, уже два месяца как оставивший пост министра иностранных дел, который он занимал на протяжении десятилетий. Вроде — повышение, вроде — благодарность Горбачева за поддержку, а по сути — почетная отставка, отход от реального дела...

Вместо него министерский портфель получил Эдуард Шеварднадзе. Он еще с 1978 года состоял кандидатом в члены Политбюро и даже имел звание Героя Социалистического Труда, о чем потом, как мне показалось, старался не вспоминать. Этот «хитрый лис», как называли его за рубежом, будущий известный «демократ», «предсказатель» и «миротворец» впоследствии послал танки на Сухуми, развязал в своей республике братоубийственную войну.

На заседание Президиума приехал Горбачев, прочитал заявление 80-летнего Тихонова об уходе в отставку и на пенсию по состоянию здоровья и предложил членам Президиума обсудить мою кандидатуру на пост Председателя Совета Министров.

Никакого бурного обсуждения, помнится, не состоялось. Никто тогда предложений Генерального не опровергал, не ставил под сомнение. Тем более что Политбюро накануне все про меня решило. По традиции я выступил, поблагодарил за высокое доверие, пообещал стараться. Ритуал.

А на следующий день в газетах появился Указ о моем назначении за подписью Громыко. Своего рода подарок ко дню рождения: именно 28-го мне исполнилось пятьдесят шесть лет.

Чуть выше я написал: «знал, на что иду». Только знать оказалось мало. Надо было с головой окунуться в повседневную деятельность Совета Министров, чтобы понять, как непросто оживить, заставить работать по-новому, по-современному Правительство СССР, являющееся «высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти СССР». Это я Конституцию СССР процитировал, принятую за шесть лет до моего назначения.

Прежде чем рассказать о том, как этот высший орган государственной власти «исполнял и распоряжался», хочу в нескольких словах напомнить его недавнюю историю.

Вслед за отнюдь не добровольным уходом от власти в 1964 году Никиты Сергеевича Хрущева начали быстро умирать и многие его «революционные начинания». Скончались совнархозы, и на смену им явились из временного небытия министерства. Не оправдавшая себя территориальная система управления народным хозяйством была быстро заменена на отраслевую. Она и при «раннем» Хрущеве, и до него вообще, и при Сталине, и при Ленине, и при царе существовала. И не так уж плохо действовала. Другой вопрос, что до появления совнархозов число министерств и госкомитетов было куда меньше, нежели после их гибели. Как известно, любая бюрократическая система всегда склонна к делению и почкованию. Более того, умножение отраслевых ведомств внешне логично оправдывалось: чем меньше отрасль, тем удобнее и надежнее ею управлять. Уж не знаю, что там имелось в виду под надежностью, но выглядело это иногда как-то странно: ведь любую формулу можно довести до абсурда и создать, скажем, какое-нибудь министерство болтов и отдельно — министерство гаек...

Вспоминается, что и моя личная судьба напрямую связана с таким делением и почкованием. Было родное мне, уралмашевцу, Министерство тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения. И вот кому-то показалось, что энергетическое машиностроение не получает необходимого развития, что мало ему уделяется внимания. Решение ясно: выделиться в самостоятельную отрасль. Так и случилось. Убедили, уговорили одни большие начальники других больших начальников, и возникло Министерство энергетического машиностроения, во главе которого был поставлен первый заместитель из министерства прежнего. Но в оставшемся Министерстве тяжелого и транспортного машиностроения понадобился новый первый зам. На эту должность надо было подобрать авторитетного руководителя из отрасли. Уралмаш, как известно, гигантское предприятие и к тому же неплохо работающее. Вот выбор и пал на его генерального директора, то есть на меня.

Повторяю, истинная причина отпочковывания энергомашевцев так и осталась для меня тайной. А вот почему раскололи

Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, знаю точно. Для конкретного человека портфель придумали — для К. Беляка, который приходился свояком Леониду Ильичу, сотворили специальное министерство, которое стало ведать производством машин для животноводства, кормопроизводства и т. д. Воистину: ну как не порадовать родному человечку!

А то, что для державы такое радение дорого стоит, — кому это интересно! Под «дорогим» я имею в виду отнюдь не создание очередной аппаратной государственной структуры со всеми атрибутами, хотя и это деньги немалые. Но куда дороже стоила потеря налаженных производственных связей, которые рвались из-за вновь нарождающейся отрасли. Выделилось, скажем, из Министерства химической промышленности новое Министерство по производству минеральных удобрений — как поделить предприятия, когда все химики тесно связаны друг с другом, как в сплошной химической формуле. Почему Министерство плодоовощного хозяйства, ведавшее вареньем и прочими консервами, надо было выделять из Министерства пищевой промышленности?

Вопросы, вопросы... Ответы на них предстояло искать мне. Невероятно трудно руководить раздробленным на мелкие части хозяйством. И не потому, что много руководителей, с которыми надо встречаться, решать вопросы. При жесткой планово-распределительной системе все взаимоотношения, особенно по взаимным поставкам продукции, регулировались государственными органами. И все обращались в Правительство как в третейский суд. Для сведения — народное хозяйство состояло в то время из более чем девятисот общесоюзных, союзно-республиканских и просто республиканских министерств и ведомств.

Непосредственно в Совет Министров СССР входило сто с небольшим союзных министров и пятнадцать председателей правительств союзных республик. По закону о Совете Министров они автоматически входили в состав Правительства страны. Заседание Совмина в полном составе проводилось не часто, примерно раз в квартал. И только по значительным поводам: например, подведение квартальных хозяйственных итогов или обсуждение годовых планов, крупных, принципиальных для всей страны вопросов. В промежутках руководил работой Правительства Президиум Совета Министров, в

который вместе со мной входили все мои заместители, министр финансов и управляющий делами. Президиум собирался еженедельно. В последний год существования Совмина — почти каждый день.

Функции заместителей главы Правительства ранее тоже были, мягко говоря, неопределенными. Хотя каждый из замов вел целое направление в экономике — машиностроение, например, или сельское хозяйство, но ни один из них не занимался проблемами этих направлений в комплексе. Основная их деятельность заключалась лишь в решении текущих, разовых вопросов и выполнении отдельных поручений. А как от них потребуешь взглянуть на проблему в целом, тут же отпор: я здесь ни при чем, есть Госплан, Госснаб — они все видят, все знают... А там, кстати, отраслевая раздробленность тоже куда как сильна была!

Много недоуменных вопросов вызывала и система взаимоотношений внутри Совмина, и методы руководства им. Одну из проблем в связи с этим отмечу. Внешне затушеванная, она имела принципиальное значение. Дело в том, что четыре союзных министра, формально входивших в Совет Министров, никак не подчинялись его Председателю. Деятельность этих министерств была неподотчетна Совмину, а то и вовсе неизвестна ему. Я имею в виду министерства обороны, иностранных и внутренних дел, а также Комитет государственной безопасности. Более того, даже два заместителя Председателя занимали особое положение и вели автономную деятельность — те, кто отвечал за военно-промышленный комплекс и сельское хозяйство. Всеми этими звеньями государственного аппарата безраздельно и властно руководила партия, соответствующие Секретари ЦК и лично Генеральный.

Впрочем, в то время КПСС руководила всем хозяйством и вообще страной в целом. До XIX партконференции еще было несколько лет, и никто не ставил под сомнение всеобъемлющую роль партии.

Я уже упоминал о параллелизме в работе ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Примерно одни и те же организационные структуры, примерно одни и те же вопросы. Однако руководящая роль Коммунистической партии в той же Конституции, в знаменитой 6-й статье, давала право работникам ЦК и его секретарям, которые в своей деятельности, по сути, дублировали зампредов в Совете Министров,

командовать не только хозяйством, но и самим «высшим исполнительным и распорядительным органом».

Конец 89-го и начало 90-х годов были пиком острейшей борьбы за ликвидацию 6-й статьи Конституции СССР. Это была битва не просто за формальное ее изъятие из Основного Закона: в борьбе за власть, по сценарию «демократов» — вчерашних коммунистов (впрочем, почему вчерашних? — в то время чуть ли не все они еще числились ими!), необходимо было выбить основные силы: партию, а потом и советское Правительство.

Если говорить откровенно, то до начала этой кампании мало кто помнил, что есть 6-я статья в Конституции. Десятилетиями все знали, что партия всем руководит, — и этим все сказано.

Раз уж я заговорил о Конституции, то не грех вспомнить и то, что в ее статье 108 недвусмысленно утверждалось: «Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР». Господи, да разве ж так было?!

Проекты законов или постановлений Верховного Совета готовились, как правило, в отделах ЦК или под их руководством. Были и выступления на сессиях, но для жарких дискуссий и баталий еще время не наступило. И только в 1989 году, когда страна в основном созрела для парламентского демократизма, началась борьба за каждую фразу, за каждую запятую.

И не виновны были депутаты, единогласно голосующие. Кстати, я знал немало парламентариев прошлых созывов, и все они были людьми чрезвычайно порядочными и честными. В моральном отношении они были на голову выше многих депутатов 1989 года. За полтора года общения с новым Верховным Советом мне довелось столкнуться с самыми разными людьми, с потаенными и не всегда светлыми закоулками души политиков и политиканов. И даже при этом считаю, что создание активно действующего на постоянной основе парламента являлось большим достижением в демократических преобразованиях периода перестройки.

В последние годы через средства массовой информации власти настойчиво вбивают в сознание людей, что нынешние парламентарии занимаются пустопорожней болтовней, что именно они мешают нормально жить стране. И это говорят люди, которые пять лет назад на митингах кричали: «Вся власть Советам!» Ну а поскольку мы живем в

эпоху взаимоисключающих деклараций и таких же поступков, то этот тезис без всякого смущения по поводу публичного насилия над логикой «дополняется» другим: у парламента должно быть полное единодушие с исполнительной властью. И если это не получается мирным путем, исполнительная власть прибегает к самому убедительному аргументу для установления единомыслия или хотя бы видимости его — к танковым пушкам, расстреливающим на глазах всего мира свою законодательную власть — «сердце государства», как еще в XVIII веке определил ее Жан-Жак Руссо. Власть же исполнительную он сравнивал с мозгом государства. Ну а если мозг направляет вооруженную преступную руку прямо в сердце, всем ясно, чем это кончается: гибелью, в том числе и его самого.

Но отойдем от аллегорий... Так вот, при всех недостатках деятельности парламентов — как союзного, так и российского, — я не хотел бы возвращаться в период до 1989 года. Ведь если вспомнить взаимоотношения реальных властей того времени, можно выстроить такую последовательность: партия — правительство — парламент. Не параллельное их существование, а последовательное. Не похожа ли эта схема на сегодняшнюю: президент — правительство — парламент? И вернулось все это на круги своя именно после «черного октября» 93-го и последовавшего затем декабрьского голосования.

Если же продолжить размышления о прошлом, то «круги» эти были таковы, что власть у партийных лидеров была и впрямь абсолютной, почти безраздельной. По сути, аппарат партии в то время намертво сросся с государственным управлением. В Совет Министров частенько приходили на подпись его постановления, но подготовленные в ЦК. Председатель Совмина, будучи по должности членом Политбюро, только на его заседаниях узнавал иной раз о планах и деятельности формально подведомственного Правительству военно-промышленного комплекса (ВПК).

Только как член Политбюро Председатель Совмина мог обсуждать вопросы внешней политики, государственной безопасности или внутренних дел. Впрочем, и некоторые другие министры, выслуживаясь перед Генеральным секретарем, порой обходили порядок и даже нормы порядочности. Совминовские старожилы рассказывали мне, например, как оказывался в глупейшем положении тактичный и умный Косыгин, когда Брежнев на ПБ вдруг заявлял: «Тут

нам Коля пару сотен миллионов долларов сэкономил. Можем их потратить на то-то и на то-то...» В переводе это означало, что министр внешней торговли Н.С. Патоличев, используя конъюнктуру внешнего рынка, а также разницу между госплановскими ценами и реально сложившимися на это время, мог «сэкономить» иногда довольно внушительные суммы. Пользуясь симпатией Брежнева и потому особым своим положением, он напрямую делал такие жесты. Минуя Косыгина.

Да и все мало-мальски руководящие должности — совминовские, министерские, производственные — ЦК держал в своих руках через систему так называемой номенклатуры. Причем номенклатура тоже была разной.

Самая высокая — номенклатура Политбюро. Сюда входили Председатель Совета Министров, как вы уже поняли, его заместители, министры, председатели госкомитетов... Руководители рангом пониже, в частности заместители министров, входили в номенклатуру Секретариата ЦК, то есть утверждались в своих должностях коллективным решением секретарей. И, наконец, должности начальников главков, членов коллегий министерств рассматривались на уровне отделов ЦК.

Пост директора Уралмаша, как и других крупных производственных объединений и заводов, кстати, был номенклатурой Секретариата. Вот почему, дошагав за два десятилетия от сменного мастера до директора Уралмаша, я волей-неволей попал в номенклатуру ЦК, откуда партия и черпала кадры, которые, по словам «вождя всех народов», решают все.

Таким образом, Председатель Совета Министров никого из министров или своих замов без решения Политбюро или Секретариата ЦК уволить не мог, даже если те из рук вон скверно работали. Более того, один из первых заместителей — опять по должности! — входил в состав Политбюро, так что по партийной линии вообще был равен своему непосредственному начальнику. Как и министр обороны. Как и Председатель КГБ. Как и министр иностранных дел.

О Политбюро много сложилось мифов и легенд, клеветы и домыслов. Я оставляю в стороне злобных ненавистников КПСС. С этими людьми все ясно. Но мы действительно долгое время жили в закрытом обществе, при остром дефиците гласности. Ее отсутствие

или нехватка и порождали всевозможные слухи и легенды, заменявшие нормальные источники информации. В основе же легенд обычно лежит какой-то факт, но соотношение правды и вымысла в них далеко не соответствует истине. И я надеюсь, что моя попытка объективно оценить положение дел в тогдашнем руководстве партии не даст никому повод для того, чтобы обвинить меня в желании оправдать беззакония и произвол, творившиеся в период сталинщины.

Первый шаг в придании гласности работе ПБ сделал Андропов. Сразу же после прихода на пост Генерального секретаря он предложил давать информацию в прессу о заседаниях Политбюро. Эта традиция сохранилась до начала 1990 года. Но, к сожалению, в этом отношении рамки гласности не были расширены. А жаль: такой шаг снял бы много вопросов о работе и решениях этого, по существу, высшего звена всей системы управления государством.

Политбюро было коллективным органом, регулирующим жизнь страны. Я не хочу идеализировать его деятельность, но, несмотря на все недостатки в ней и на всю критику его «нынешними», это был весьма эффективный орган власти. Бытовало мнение, что его заседания проходят формально. При «позднем» Брежневем нередко так и было. Но на ПБ на самом деле рассматривались все основные вопросы жизни страны, и оно не давало возможности принимать опрометчивые единоличные решения или выходить за рамки дозволенного ведущим руководителям страны.

На мой взгляд, и при Горбачеве, и при Ельцине лихорадочно велся и ведется поиск коллективного органа при главе государства. И в подтверждение этого я напому о полуторагодовалых горбачевских экспериментах по созданию всевозможных коллективных органов. Ельцин не отличается от него оригинальностью. Ныне существует множество советников вокруг Президента, роль которых мало понятна общественности и, судя по всему, совершенно неэффективна. Клубок созданных им структур, среди которых бесчисленное множество высосанных из пальца, дублирующих и паразитирующих, старательно делает вид, что он управляет жизнью страны. На самом деле реальная власть сосредоточена при этом, фактически авторитарном, режиме в руках ближайшего окружения Президента.

Итак, КПСС до XIX партконференции, как я отмечал, определяла все и вся. Естественно, она и заботилась о кадрах.

О подборе и расстановке кадров написано и наговорено! очень много. В последние годы все это имеет негативный, а то и злопыхательский, злобный характер. И моя задача состоит в том, чтобы дать этому объективную оценку. Лейтмотивом «критики» бывшей политики в этой сфере было то, что партия, крепко удерживая в своих руках расстановку кадров, не допускала якобы выдвижения талантливых людей.

При всех имевшихся здесь действительных недостатках не могу согласиться с таким огульным обвинением. Да, были перекосы. Лозунг «стабильность кадров» при Брежневе оправдывал, к сожалению, слишком медленное их обновление. На достаточно заметных постах должностные лица нередко находились практически до смерти. Конечно, среди выдвинутых партией кадров были разные люди, но подавляющее большинство составляли профессионально подготовленные, талантливые организаторы. И все хорошее в стране создано при их активном и позитивном участии.

Сейчас кадровую политику партии ставят ей в вину. Возникает вопрос: а не является ли это общепринятым в мировой практике? Разве любая партия, завоевав власть, не расставляет своих представителей на государственные и прочие посты? Разве новый президент США, придя к управлению страной, отдаст государственные посты потерпевшей поражение партии? Ничего подобного нет и не может быть — иначе зачем бороться за власть?

На наших глазах в последние годы проводится кадровая политика, и не снискаясь коммунистам. Тогда в ее основе была преданность идеалам партии, государству. Сейчас же все определяет личная преданность одному человеку. Понятие профессионализма ушло при этом в небытие. Из состава Совета Министров СССР только два человека входят в нынешнее Правительство. Страна отдана на откуп заведующим лабораториями, секторами, младшим научным сотрудникам. Один мудрый человек сказал: «Некомпетентность по разрушительной силе сродни идиотизму». Это убедительно подтверждается нынешней деятельностью вчерашних завлабов. Они, псевдоученые, извергают грубую брань в адрес директоров и председателей хозяйств. В этом они мастера. Но им вряд ли можно поручить руководить хотя бы заводом. А руководить страной — пожалуйста.

Вторая ярчайшая особенность «нынешних» — бешеная страсть к наживе. Их хватательные рефлексy не поддаются описанию. Коррупция и взяточничество стали нормой чиновнического мира, а один из гигантов мысли и отцов современной демократии Гавриил Попов даже «научно» вывел закономерность взяток и определил их оптимальную норму!

Мне могут возразить, что и раньше это было. Да, было. Но это являлось исключением, и на пленумах таких людей изгоняли из партии, снимали с должности, а то и отдавали под суд. Некоторые пускали себе пулю в лоб. На мой взгляд, уверенность в безнаказанности нынешних временщиков, находящихся у власти, побуждает их побыстрее набивать карманы. Плохо, когда министры не меняются десятилетиями, и плохо, когда они меняются слишком часто. Но хуже всего, если «кадры», чьи имена давно стали притчей во языцех, остаются на своих местах. По-видимому, кому-то выгодно держать их на «крючке».

Конечно, рано или поздно подобный разгул преступности среди высших должностных лиц станет достоянием гласности. И, может быть, еще потребуются «чемоданы» бывшего второго лица государства. И, может быть, еще понадобится прокрутить старые телевизионные записи «разоблачителей» разоблачителя, один из которых благополучно возглавлял штаб юстиции, другой и поныне ждет назначения на высший прокурорский пост, а третий после бурной своей деятельности в качестве «обвинителя партии» вдруг возлюбил... шахматы.

Продолжая разговор о взаимоотношении структур власти, хотелось бы еще отметить следующее. Несмотря на кажущуюся монолитность, Политбюро как бы делилось на две части. Одна из них — секретари ЦК и вторая — представители Совмина и республик. Правда, в жарких дискуссиях по экономическим вопросам некоторые секретари ЦК, бывшие хозяйственные руководители (Зайков, Слюньков, Никонов) занимали позицию Предсовмина, нарушая свою «внутрицековскую» корпоративность.

Эти противоречия были там издавна. И не это ли толкало таких лидеров, как Сталин и Хрущев, к совмещению должностей Генерального (Первого) секретаря и Предсовмина? Противоречия были и при Брежневе. Вспомните его взаимоотношения с Косыгиным.

Вот и я, после трех лет работы в ЦК, уйдя в Совет Министров, стал для многих прежних коллег по Секретариату своего рода «не нашим».

В основе этого антагонизма была одна закономерность: принимая то или иное решение, ЦК и ПБ, как я писал, за них не отвечали. Партийные верхи, диктуя и даже навязывая Совету Министров хозяйственные решения, никогда не несли ответственности за их выполнение. Все будет удачно — что ж, слава партийным руководителям, да и хозяйственники молодцы. Не получилось — кара на головы исполнителей из Совмина, ведомств пониже или республик. А работников партийного аппарата и некоторых секретарей лишь пожурят отечески за невысокую требовательность...

Такое положение и явилось одним из поводов для жесточайшей критики ЦК и ПБ, развернутой через несколько лет. Она шла не только от рядовых коммунистов, но и из Верховного Совета. Тезис «прав тот, у кого больше прав» уже не воспринимался беспрекословно и вызывал протест самых широких кругов общества. Исправь это, раздели честно и горечи, и печали своей многострадальной страны — может, и сохранился бы авторитет партийного штаба.

Став Предсовмина, я ни за какие дела не получал наград — ни в прямом смысле, ни в переносном. Зато шишек и по партийной, и по государственной линиям навешали — места на голове живого не осталось...

Мое назначение в 1985 году, подписанное Громыко, считалось еще вроде бы неполноценным, так как по Конституции Совет Министров СССР образовывался на совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей. Полноценным назначение стало спустя два месяца, когда проходившая 26–27 ноября сессия Верховного Совета СССР его утвердила.

Но, несмотря на подобные нерешенные формальности, мы работали, не оглядываясь на них. Я еще в ЦК видел явные недостатки неповоротливого Совета Министров, да и неготовность его брать лидерство в экономике на себя. И когда перебрался в Кремль, а аппарат Совета Министров СССР находился именно там, первой задачей для себя определил: избавиться от атмосферы коллективной ответственности, а практически — коллективной безответственности за все. Нельзя же было дальше терпеть, когда за бездеятельность или просто слабую работу в той или иной отрасли Председателю

Правительства и спросить не с кого. Дело, конечно, не в том, чтоб найти стрелочника, а в том, чтобы каждый из моих заместителей да и работников аппарата знал, за какое дело он отвечает. И чтоб я тоже это знал.

Мы тогда много вариантов новой структуры Совмина рассматривали, но все больше склонялись к такому: объединить однородные отрасли народного хозяйства в некие комплексы, каждый из которых возглавит один из заместителей Председателя. Причем пример такой организации был. В Совете Министров много лет уже действовала Государственная комиссия по военно-промышленному комплексу. Сейчас его всюю и часто несправедливо критикуют, но управлялся он в то время Комиссией довольно хорошо. Нас интересовал именно такой толковый опыт управления всеми звеньями ВПК, умение понять и объединить, а значит, и решить их проблемы.

Поэтому для начала, исходя из опыта Военно-промышленной комиссии, мы решили объединить в один комплекс все машиностроительные министерства и создать Бюро Совета Министров по машиностроению. Во главе его встал заместитель Председателя Правительства.

Это вовсе не означало, что Бюро должно было подменить собой министерства. Ни подменять, ни заменять их никто не собирался. Мы просто изначально исходили из того, что Совет Министров обязан отвечать как за текущее состояние экономики, так и за близкие и дальние ее перспективы. Но такую огромную ответственность может взять на себя лишь тот, кто понимает, знает, видит проблемы, боли, нужды каждой отрасли народного хозяйства в комплексе. Они, эти проблемы, боли и нужды, примерно одинаковы и у станкостроителей, и у тракторостроителей, и у автостроителей. Короче, у всех машиностроителей. Бюро по машиностроению было создано сразу после моего назначения на пост Предсовмина. Председатель Бюро получил не только ответственность, но и знающих, толковых сотрудников, которые с моим приходом начали активно вытеснять в отнюдь не гигантском аппарате Совмина канцеляристов-профессионалов.

Потом мы сформировали Бюро по топливно-энергетическому комплексу, по химическому, по социальному развитию.

Дошли и до Агропрома. Почему я его выделяю в этом рассказе? Да потому, что никакое из подразделений Совмина не вызывало столько справедливых и несправедливых нареканий, столько критических стрел, как Агропром. Иной раз, когда я оглядываюсь назад, просматривая материалы тех лет, ловлю себя на ощущении, будто во всем Совете Министров только Агропром и был, все остальное — миф. Только он, вроде бы, и работал, причем работал чуть ли не против народа.

Одна всенародная борьба против Министерства мелиорации и водного хозяйства чего стоила! Кстати, надо справедливости ради отметить, что бороться с ним следовало начинать много раньше. Когда еще только рождались в его таинственных недрах буйные проекты поворота северных и сибирских рек, канала Волга-Чограй или строительства печально знаменитой дамбы под Ленинградом (хотя, если быть точным, дамба — «работа» Минэнерго, но тоже ведь с водой связана).

Одним из борцов против этих грандиозных проектов постоянно был я. Помню, еще работал в Госплане, когда там рассматривалось строительство ленинградской дамбы, у меня, как у инженера, были на этот счет большие сомнения, причем аргументы я приводил те, что на поверхности лежали. Буквально сказал: постройте ее, соберете всю гадость из города и получите грязную и вонючую лужу. Так и вышло, но и остановить тогда ленинградцев было невозможно. «Историки» Совмина рассказывали мне потом в лицах, как в свое время рассматривал эту проблему Сталин и отклонил подготовленное решение о ее строительстве.

Когда я перешел на работу в ЦК, как раз в Госплане, а затем и в Совмине обсуждался вопрос о повороте рек. Обсуждался, замечу, с явным оптимизмом. Он всегда слепо вел защитников сумасшедших проектов, хотя природа, как известно, ничего не делает просто так, и относиться к ее творениям следует с доверием, тактом и бережностью.

Категорически возражая против проекта поворота рек, я в первую очередь подчеркивал опасность нарушения природного баланса как на севере, у Ледовитого океана — в связи с уменьшением притока воды, так и южнее точки поворота — в связи с резким увеличением этого притока. Такой же точки зрения придерживался и мой коллега по Секретариату ЦК — Владимир Иванович Долгих.

Впрочем, подобные опасения высказывали очень многие, и куда профессиональнее меня. Вторым моим аргументом «против» был экономический: бессмысленно огромная стоимость проекта: восемьдесят, если я не запамятовал, миллиардов! А весь БАМ, к слову, стоил только десять...

Опять забегая по времени вперед, скажу, что в один прекрасный день, устав от бесконечного и малопродуктивного спора апологетов и противников поворота сибирских рек, мы собрали Президиум Совета Министров, еще раз обсудили этот проект и, взвесив все, своим решением закрыли его. Этот эпизод был одним из тех, что жадная до охулки пресса поставила все же в плюс своему «любимому» Совмину...

Большие споры в обществе вызывал и проект канала Волга — Чограй. В конце концов Правительство специально рассмотрело этот вопрос и также приняло решение остановить уже начавшееся осуществление этого проекта. Кстати, это было одно из первых заседаний Президиума Совета Министров, открытых для телевидения, радио и газет.

Но, говоря о Минводхозе, надо иметь в виду не только его гигантские и не всегда экологически и экономически оправданные проекты. Ведь оно вело и повседневную скрупулезную работу на местах, которая незаметно, негромко несла свои добрые плоды. Вспомнить хотя бы огромную работу по орошению земель в Саратовской области или в Средней Азии, а по осушению — в Белоруссии или республиках Прибалтики — вот вам и явная заслуга «вражеского» министерства.

А таких заслуг немало. И сегодня я совершенно уверен в том, что в стране, поддавшись фанатичному давлению общественности, прессы и депутатов, поступили неверно, поставив жирный крест на мелиорации. Одним дождичком землю не напоишь; американцы, кстати, отлично это понимают. Вскинемся однажды — да поздно!

Я специально остановился на деятельности этого министерства. Уж слишком много было брошено камней и грязи в его адрес. Эта огульная критика заслонила все хорошее и нужное. И если положить на чашу весов гигантские замыслы, к счастью до конца не осуществленные, и повседневную крестьянскую работу,

проводившуюся в течение десятилетий по всей стране, то второе, конечно, перетянет чашу весов.

Кажется, опять отступление? Похоже, что так: отступление об общественном мнении. Конечно, оно всегда во многом формировалось прессой, которая с первых лет перестройки вообще взяла на себя роль «агитатора, горлана, главаря». Ну и как всегда не обошлось без перекосов и передержек во всех отношениях — от исторических до экологических. Далеко не безупречные критические выступления порой вытесняли со страниц газет и журналов, с экранов телевизоров и из радиоэфира чуть ли не все иные.

Возьму для примера, опять же, некоторые экологические проблемы. Всем понятна их острота в нашей стране, но зачем же при этом, как говорится, стулья ломать? Победа в борьбе с тем же поворотом северных европейских и сибирских рек вызвала некую эйфорию у части общества, и накаленные средствами массовой информации люди толпами выходили на демонстрации протеста по любому, даже самому абсурдному поводу. Решили строить обувную фабрику в Солнцево? Ни в коем случае, нашим детям и так дышать нечем! И бессмысленно убеждать, что современное обувное производство экологически чисто, что обуви и самим демонстрантам не хватает. Нет — и все.

Или борьба с энергетикой. Гидростанции режут реку на части, гибнет рыба, тонут леса. Все верно, все так. Но эхо — о равнинных гидростанциях, а горные, каньонные ничего не режут и ничего не губят. Они экологически совершенно чисты и дают баснословно дешевую электроэнергию. Но и их — за компанию!

Перейдем к атомным. Ну, тут все ясно: Чернобыль живет в каждой из них, даже в еще не построенной. А тепловые? Да они же тепловой баланс нарушают! И, скажем, Северная ТЭЦ в Москве немедленно консервируется под влиянием общественного мнения. Проходит немного времени, страсти остывают, а с энергией и теплом дело обостряется. И те же московские лидеры, что в предвыборных речах клеймили решение Правительства о строительстве этой ТЭЦ, в торжественной обстановке перерезают ленточку.

Итак, гидростанции — нельзя, атомные — тем более, тепловые — туда же. А как же быть? К свечке вернуться? К лучине?

Или возьмем Агропром. За что только его не критиковали! Ведь Агропром — это продовольствие: хлеб, мясо, молоко, колбаса и сосиски, фрукты и овощи. И критикующих понять можно, поводов для атак было множество: не собранный до зимы картофель, оставшееся на полях зерно и т. д. Впрочем, уже поближе к 1987 году мы начали резко разгружать Центр от руководства сельским хозяйством, передавать функции управления им республикам. А в 89-м и вообще ликвидировали Госагропром, оставив в Центре, в Совмине, лишь небольшую координационную комиссию.

Но поначалу создание Агропрома стимулировало деятельность узкоспециализированных ведомств, многие из которых мы просто-напросто упразднили, объединили, перекроили. И дело-то пошло. Как, на мой взгляд, и вообще пошли получше дела в управлении хозяйством.

В 1986–1987 годах была закончена структурная перестройка управления народным хозяйством под экономическую модель, которая существовала в то время, и с учетом будущих экономических преобразований. Но уже в 90-м вся эта модернизация управления потребовала дальнейшего развития для рынка, в который мы входили. Нужны были новые изменения. Одни, радикальные рыночники, считали, что для рынка и самая «облегченная» централизация — помеха. Они кричали: «Долой Центр!» Другие, умеренные, к ним я и себя относил, были убеждены, что этот переход должен быть здоровым, постепенным, напоминающим известные из физики сообщающиеся сосуды. Рождаются новые структуры — отмирают старые. Совершенно ясно, что быстрое, беспредельное разрушение механизма управления — прямой путь к экономическому хаосу.

Но тогда, в середине 80-х, мне многое казалось радужным, поскольку многое и получалось. Удачно, на мой взгляд, была перестроена работа Совета Министров. Подтянулись министерства и республики. Сами ведомства подтянулись. На посты зампредов пришли люди, которым я искренне верил, и, думаю, они мне тоже верили. Один только пример. На место ушедшего на пенсию Л.В. Смирнова, зама по ВПК, я пригласил работавшего в Госплане Ю.Д. Маслюкова. Он, кстати, в Госплане тоже эти вопросы вел. И постепенно военно-промышленный комплекс начал выходить из-под жесткого влияния ЦК, а Комиссия по ВПК стала на деле

подразделением Совета Министров. Надо отдать должное и Л.Н. Зайкову, который, заменив на этом посту Г.В. Романова, нашел деловой контакт с этой Комиссией.

Я старался искать работников творческих, инициативных, деловых, порядочных, прогрессивно мыслящих сам, больше надеясь на собственные впечатления и на мнение тех людей, кого я хорошо знал, ценил и уважал. Мне хотелось сбить в Совмине свою собственную команду, хотя, конечно, ритуал утверждения ее членов Политбюро или Секретариатом ЦК никто не отменял. Но зато никто в ЦК мне, как правило, и не препятствовал.

Надо сказать, что, несмотря на прежнее, десятилетиями скроенное, подчиненное положение Совета Министров, нам быстро удалось завоевать относительную самостоятельность. Относительную — ибо решение серьезных вопросов экономики без Политбюро не обходилось по-прежнему. И все же авторитет Совета Министров стал заметно расти как внутри всей тогдашней системы управления страной, так и в самом обществе.

Здесь сказались разные обстоятельства, и я назову только некоторые, наиболее личностные, что ли. Во-первых, не стану из ложной скромности умалять собственную в том заслугу. Все-таки, предлагая мне новый пост, Горбачев отлично понимал, что у него не будет бессловесно-послушного главы Правительства. Во-вторых, за последние годы в отраслевые отделы ЦК пришло немало свежих людей, которые — несмотря на все ту же «отраслевую болезнь» — с интересом и уважением относились к работе возглавляемого мной Экономического отдела. Полагаю, эти интерес и уважение были естественно перенесены и на мою деятельность в Совете Министров. В-третьих, моих новых заместителей было уже не так просто, как прежде, заставить воспринимать безропотно любые указания со Старой площади. Это происходило из-за постепенно менявшейся общественной атмосферы. Былые замы, повторюсь, не владели самостоятельным делом, разменивались на текущие задания, вот и боялись любого кивка из ЦК. А новым бегать туда с каждым вопросом было некогда, они по горло заняты были. Да и руководители отраслей, предприятий, объединений довольно быстро сообразили, что стало меняться положение, и уже не направлялись напрямик на Старую площадь, обходя стороной дом в Кремле. Этот дом постепенно

становился хозяином в экономике. Конечно, до той степени, какая была достижима в те годы.

Приобретение самостоятельности Правительства не просто давалось. Сильны были десятилетние традиции и во взаимоотношениях внутри него, и в психологии руководителей, особенно министров. О ВПК я только что рассказал. В дальнейшем подобное произошло и с Агропромом, который возглавил Всеволод Серафимович Мураховский, и с внешнеэкономическим направлением, во главе которого стал Владимир Михайлович Каменцев. Не просто складывались отношения с министром внутренних дел В.В. Бакатиным: он больше оглядывался на Старую площадь и в Правительстве стоял особняком.

Что касается Министерства обороны и Комитета государственной безопасности, то, несмотря на хорошие личные отношения с Дмитрием Тимофеевичем Язовым и Владимиром Александровичем Крючковым, эти ведомства целиком замыкались на Генсеке. То же самое относилось и к МИДу. Горбачев сразу дал понять, что именно он и только он ведет работу министерств обороны и иностранных дел и Комитета государственной безопасности. Конечно, никакими конституционными нормами здесь и не пахло. Тогда, в 85-м, я еще не слишком задумывался обо всем этом, даже гордая самостоятельность трех-четырех перечисленных ведомств не волновала меня. Не знаю, волнует ли сейчас главу Правительства этот вопрос. Ведь все осталось по-старому: и в «демократической» России МВД и другие так называемые силовые министерства и ведомства находятся под неусыпным «оком государевым» и служат его верной (а может быть, и единственной серьезной) опорой.

Страна готовилась к Съезду партии. Горбачев готовился к Съезду партии. Совет Министров тоже готовился к Съезду партии, ибо для нас, экономистов, главным вопросом XXVII съезда КПСС был вопрос хозяйственный. Вспомните решение Пленума. Вопрос формулировался так: «Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года».

Так же, к слову, назывался и мой доклад на Съезде. Не считаю нужным утомлять вас экономическими подробностями, тем более что газеты и брошюры с текстом доклада из библиотек пока не изъяты.

До меня с политическим докладом выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС. Речь шла о демократизации общества, международных отношениях, партийных вопросах. О новой редакции Программы КПСС, наконец. И опять ничего особо революционного, что появится в выступлениях Горбачева позже, тогда еще, в феврале — марте 1986 года, не прозвучало. Идея ускорения социально-экономического развития по-прежнему оставалась коренной. Принятая Съездом Программа характеризовалась как «программа планомерного и всестороннего совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму на основе ускорения социально-экономического развития страны».

Я выступал через несколько дней после Горбачева и, по сути, наполнил конкретикой и анализом провозглашенные политические декларации. Это была двенадцатая пятилетка, ставшая, как показала жизнь, пятилеткой перестройки, пятилеткой реформ. Бросался в глаза слишком большой экономический раздел в докладе Генсека. Но если вынуть из Отчетного доклада ЦК КПСС экономическую часть — что останется? В политике-то особо нового, повторяю, не появилось, время не пришло, все новое в экономике сосредоточилось.

Между тем экономику откровенно, беззастенчиво политизировали. Во всяком случае, такой процесс Горбачеву очень по душе был. Конечно, это — в разной мере на разных этапах — в нашей стране всегда существовало. Политика и экономика действительно в условиях планомерно организованного хозяйства связаны неразрывно. Наше общество успело накопить огромный (и, кстати, успешно используемый в развитых капиталистических странах) опыт государственного управления экономикой. В нем было много положительного и немало отрицательного. Но, пожалуй, никогда еще не было такого перекоса в сторону политики, ее сиюминутных, зачастую конъюнктурных задач, столько непродуманных по их экономическим и социальным последствиям предложений и требований со стороны Генсека, как во времена Горбачева. Видимо, сказались и обкомовская закваска, и деятельность на посту Секретаря ЦК по сельскому хозяйству, и стремление сосредоточить все нити управления в своих руках. Как бы то ни было, но ему очень хотелось быть и «ведущим экономистом». В то время, когда партия постепенно теряла свои позиции в обществе, когда реформы в ней самой все

больше отставали от требований времени, лидер не думал ни о ее возможностях, ни о путях ее модернизации, ни о ее роли в обновляющемся обществе, ни о ее авторитете. О себе он думал.

Впрочем, это — отдельный разговор. В этой главе я предъявил высшим функционерам партии достаточно горькие обвинения. Выходит, и мой голос — голос коммуниста с тридцатипятилетним стажем — присоединился к хору тех, кто сегодня стремится добить поверженную партию? У нас любят бить упавших. Издеваться над свергнутыми. Толпой топтать тех, кто не в силах ответить на удары. Поэт-современник как-то признался: «Если сотня будет бить кого-то, сто первым я не буду никогда». Согласен с ним! Унизительно и подло поддаться всеразрушающему чувству стадной злости, охватывающей толпу, даже если оно, это чувство, изначально справедливо. Даже если оно направлено против преступника. И я не буду сто первым. Но не только по этой причине. Главное — в другом. Партия — это многие миллионы людей, пришедших в нее с высокими помыслами, с чистыми руками, с горячим желанием сделать все возможное для счастья народа, для расцвета Родины. О ней, о партии, я и хочу сказать свое слово.

Глава 7. Раскол в КПСС

Скажу сразу: датой, с которой демократию в России беззастенчиво, ни от кого не скрывая, начали убивать, считаю 6 ноября 1991 года. В этот день «самый демократический» Президент в мире подписал Указ о запрещении на территории республики Коммунистической партии. Невольно напрашиваются слишком, к сожалению, прозрачные аналогии с действиями властей в Италии или Германии в 30-х годах, где официально загоняли коммунистов в подполье.

Мне могут возразить, что партия была атакована двумя с половиной месяцами ранее, когда ее деятельность тот же человек «для разрядки» приостановил на сессии Верховного Совета республики. И немедленно следом толпы «неореволюционеров», только-только выбросивших партийные билеты, начали растаскивать ее имущество.

23 августа на «трибуне позора» в Верховном Совете России униженный президент СССР, только что привезенный из флоросского 72-часового «заключения», еще пространно отстаивал идеи социализма и свою веру в реформированную партию. А на следующий же день он сложил с себя обязанности Генерального секретаря ЦК КПСС. В заявлении по этому поводу он путанно говорил о своей обязанности защитить коммунистов как граждан страны от необоснованных обвинений и в этой связи о самороспуске партии.

Круг замкнулся. Рано или поздно это должно было произойти — пути Горбачева и партии должны были разойтись. Но до сих пор остается загадкой, почему его рекомендации Центральному Комитету о роспуске партии многие восприняли как уже свершившийся факт. Думаю, что подсознательно сработала воспитанная десятилетиями вера в безусловную правильность действий ее лидера — Генерального секретаря.

Это были дни пьянящей эйфории у победителей и тех, кто всегда стремительно примазывается к ним, к власти — какой бы она ни являлась. Собственные убеждения у приспособленцев всегда начисто отсутствуют. Счастливые победители, всерьез считающие себя единственными в стране демократами, должны были упавшую им в

руки власть употребить. Поручить столь же демократической прокуратуре начать следствие против тех, кто — как они считали — за семьдесят лет привел страну к унижительному и нищенскому существованию. Ведь именно «демократы» начали благороднейшую борьбу с беззаконием, за построение в стране истинно правового общества!

Но взамен родился абсолютно незаконный и антидемократический Указ о запрете партии. Всей партии! Девятнадцать миллионов коммунистов оказались вне закона. Пожалуй, редкая из газет в то время удержалась, чтоб не обозвать этот Указ подарком Ельцина поверженным коммунистам к их празднику. Они, правда, забыли, что в течение многих десятилетий это был самый главный праздник государства, всего народа.

Как известно, я не юрист по образованию, но многолетняя работа в хозяйственных и государственных органах заставила меня разбираться в основах этой ныне модной науки. Я хочу остановиться на правовых мотивах скоропалительного указотворчества Президента России.

Допустим, что сама партия — а я здесь употребляю те формулировки, которые гуляют по документам и газетным публикациям, — и только партия виновата в бедах и пагубах народа и страны. Допустим, что она семьдесят с лишним лет грабила, грабила, грабила, что все это понимали и терпели. Но со времен Древнего Рима выражение «все это понимали» не считается доказательством. Партия грабила? Ее имущество ворованное? А как насчет презумпции невиновности? Не партии следует доказывать, что она невиновна, а тем, кто ее обвиняет. Докажите. Поднимите документы — с самых первых дней!

Позвольте, яростно скажут мне, да неужели вы сами не назовете десятки, сотни, тысячи преступлений, творившихся от имени партии?! Назову. Увы — легко. Первые, пришедшие на ум: расстрел царской семьи, массовое раскулачивание, жестокое «расказачивание», цинично инсценированные политические процессы 30-х и более поздних годов, переполненные лагеря, глумление над советскими воинами, попавшими в плен, гонение на интеллигенцию...

Но ответьте, юристы, если вы — юристы, а не политики: разве можно эти преступления отнести именно к партии? Нет, в каждом

отдельном случае преступления совершали конкретные лица — пусть даже лидеры РКП(б) — ВКП(б) — КПСС, но — с именами, фамилиями, должностями.

Уголовная ответственность строго индивидуальна, это знает любой мало-мальски грамотный юрист. Если уж решено объявить, что ответственность за преступления несет целая организация, то следует доказать, что все ее члены виновны в их совершении. В нашем случае — все девятнадцать миллионов. Так по закону. А на деле?

Все, что я здесь написал, элементарно и известно каждому, кто в своей профессиональной деятельности сталкивался с вопросами государства и права.

Так вот, если бы все делалось по закону, то заняло бы, полагаю, очень много времени. Что и подтвердилось потом, через год, на Конституционном суде по «делу о КПСС». Да и с лидерами августовской попытки «переворота» вот как вышло: думали, раз — и приговор, по-революционному суровый. Ведь выступил же в те дни господин Силаев, премьер-министр России, с предложением расстрелять виновников «августа» как преступников. В верноподданническом экстазе или с перепугу, что ли?! Но как бы тогда выглядели наши «демократы» в глазах страны и мира? Пришлось все-таки завести следствие, адвокатов к нему подключить... И всего-то с десяток обвиняемых. А здесь — девятнадцать миллионов!

Нет, не мог Президент России и стоящие за ним персонажи дать партии столько времени, сохранить за ней столько полагающихся по закону прав, чтобы она смогла к защите подготовиться. Что революционное, что контрреволюционное сознание помутилось на одном и том же — на полном, открытом и массовом беззаконии и циничном попрании самых элементарных норм общечеловеческой морали. С этим, мне думается, разобрались.

К сожалению, принцип «революционной целесообразности», всегда выступавший как прикрытие абсолютного беззакония, господствует и в «демократические» времена. Тот, кто уничтожил КПСС росчерком пера, вступил в нее тридцатилетним человеком и, как он пишет в своей книге — «исповеди», искренне верил «в идеалы справедливости, которые несет партия». Было это в 61-м, а с 68-го Б. Н. Ельцин — на партийной работе, где прошел все ступеньки, начиная

от заведующего отделом Свердловского обкома до кандидата в члены Политбюро.

В октябре 1987 года открылся Пленум ЦК, который стал исходным пунктом дальнейших демократических изменений в жизни партии. Об этом Пленуме немало сказано и написано. К тому времени Ельцин уже почти два года проработал в должности первого секретаря Московского горкома КПСС.

О нем сложилось довольно противоречивое мнение. Многие обратили внимание на радикализм в действиях, особенно в кадровых вопросах, и вместе с тем отсутствие интереса к повседневной, будничной работе. При всей правильности самой постановки вопроса о необходимости борьбы с привилегиями, многие из которых действительно стали у народа бельмом на глазу, настораживали разухабистость его заявлений, от которых за версту несло явной саморекламой, и газетная трескотня вокруг него. Но тем не менее Правительство и, насколько мне известно, ЦК поддерживали его в решении жизненно важных для столицы вопросов.

В начале Пленума Ельцин попросил слово для выступления. Оно оказалось резким и не очень уместным (он, кстати, с последним в своей книге соглашается). Горбачев вынужден был зачитать его личное письмо, о котором даже члены Политбюро узнали только в этот момент. Бурное обсуждение и абсолютно бессмысленное избиение «ослушника» дало обратный эффект: как водится на Руси, возник миф о народном герое — гонимом «защитнике угнетенных».

Естественно, возникает вопрос, как выступление Бориса Николаевича, неглубокое, имевшее явный привкус личностного характера, могло вызвать такую реакцию? Этот феномен нельзя рассматривать в отрыве от реального положения, сложившегося в партии и стране.

В это время эволюционные преобразования в политике и в экономике постепенно переходили в радикальную плоскость. В связи с этим наметились серьезные разногласия в партии, началось, еще глухое, оппозиционное движение внутри и вне ее, которое и подхватило диссидентствующего лидера.

Потом, в 1988 году, была XIX партийная конференция, на которой Ельцин выступил хотя и не очень красноречиво, но на этот раз по делу. Если бы к нему тогда прислушались, может, и события в стране во

многим пошло бы по-другому: Ельцин считал, что, начав перестройку, сама партия безнадежно и опасно отстает от событий. В финале же он униженно попросил «политической реабилитации». Иными словами — прощения. Однако большинство выступавших затем ораторов, думаю, не без подсказки Генерального и его присных, с привычным пафосом клеймили Ельцина, и в итоге вопрос о реабилитации тихо-тихо сошел на нет. ореол гонимого народного героя вокруг него засиял еще ярче. Спустя короткое время он с гигантским отрывом от конкурента выиграл предвыборную гонку и стал народным депутатом, несмотря на совершенно глупейшие титанические усилия ему помешать. А ведь прости его конференция, может, и мешать-то не надо было. Более того, если учесть нашу российскую психологию, эта ситуация еще раз прямо помогла ему победить на выборах.

Я не о тактике «верхов» веду речь — верная она или ошибочная. Собственно, здесь ответ может быть только один: до идиотизма бездарная. К сожалению, сам Ельцин ничем от своих тогдашних «врагов» не отличался и даже написал в своей книге: «Я воспитан этой системой». Так это, могу подтвердить: я с ним еще по Свердловску знаком. И когда пришел срок, он попросту свел счеты со своими обидчиками, запретив партию и тем отняв у них должности, зарплату, кабинеты, машины, правительственные телефоны. То есть внешние атрибуты власти. Он ведь, Робин Гуд наш доморощенный, с партийной верхушкой сражался, которая его прилюдно секла. И победил. И унизил ее со вкусом и смаком. А то, что девятнадцать миллионов заодно в грязь положил, — это мелочи! А то, что законы поправил, — пустяки! Сейчас — он хозяин России, о чем, не стесняясь, прилюдно не раз объявлял...

Двадцать лет в аппарате партии — это огромная ломка характера. Я не знаю ни одного партийного функционера, на котором так или иначе не сказались бы пребывание у власти. Она часто уродует души, убивает веру, идеалы, надежды. Если я еще могу поверить, что Ельцин «искренне вступал в партию» (его слова), то в искренность его картинного ухода из нее не верю. Потому что уйти — значит измениться, по-другому думать и действовать. А что изменилось в управлении нашей расколотой державой со смертью партии и воцарением у власти «демократов»? В лучшую сторону — ровным счетом ничего.

Такая же тупая, примитивная борьба с инакомыслием: гэкачеписты прикрыли «Куранты» и «Независимую», демократы — немедленно «Правду», «Советскую Россию» и «Рабочую трибуну». Так было в том, 91-м. Повторилось это же и в октябре 93-го. Вдумайтесь в короткую справку: «Правду» закрывали шесть раз при царе и три — при демократах. Плюрализм в действии! Хитрая система поддержки средств массовой информации позволяет четко управлять их направленностью. Желаете быть верноподданнейшей проправительственной газетой — получайте деньги «на прокорм», не соглашаетесь — погибаете. Вот так просто и вполне «демократически».

Как здесь не вспомнить 1989 год, когда на наше Правительство обрушился шквал критики и решений ЦК по обеспечению прессы газетной бумагой. Что бы нам в то время увеличить цены на бумагу, а потом денежными подачками воспитывать у органов информации чувство уважения к дающему?! Мы же стремились обеспечить одинаковые стартовые условия для всех. Хотели погасить пожар и обеспечить материальными ресурсами информационный бум. Покупали бумагу в Финляндии для газет — чтобы нас же в них «плюралистично» избивали. Сейчас у этих газет тираж упал в десятки раз. У них отобрали и Дом прессы, а они только слегка повизгивали. Жаловаться ведь некому, да и опасно...

Или безудержное расширение бюрократического, чиновничьего аппарата. А ведь нынешних чиновников народу содержать потруднее прежних. Во-первых, они расплзлись, как злокачественная опухоль, в большом организме страны: в России их стало в три раза больше, чем было во всем Союзе. Да это видно и по их «среде обитания»: теперь они и в Кремле, и на Старой площади, и в Белом доме, и в здании СЭВ, и в бывших Госплане и Госстрое...

Надо полагать, наступит время, когда предадут огласке, во что обошлись переделка зданий, дорогостоящая мебель, мощные ограды от собственного народа. Пока же «храбрая» пресса молчит — ведь можно лишиться «вспомоществования».

Во-вторых, у нынешних аппетиты просто непомерные. По всей стране в коридорах «супердемократической» власти царят откровенное вымогательство, взяточничество, коррупция — куда там коммунистам! Раньше-то хотя б парткомов боялись, да и собственной совести тоже. А разве плохо, когда у человека есть сдерживающие моральные нормы?

Нынешним же все дозволено, да и собственных «тормозов» никаких нет...

И, наконец, они, не церемонясь, без всякого угрызения совести, поскольку ее у них, очевидно, и не было отроду, циничной, наглой, тотальной ложью оболванивают триста миллионов жителей бывшего СССР, немалая часть которых поначалу поверила с детской наивностью, что стоит запретить Коммунистическую партию — и жизнь пойдет по-другому: лучше, чище, честнее, гуманнее, справедливее и к тому же, конечно, богаче...

И впрямь на наивных людей это рассчитано. Ибо какой же мало-мальски умный не понимает, что власть во всех эшелонах захвачена теперь как раз теми, кто вчера называл себя правоверными большевиками и боролся с антипартийными явлениями, мешающими строить светлое завтра. Но всегда найдутся те, которые представят их миру (да они и сами не стесняются говорить о себе так) великими и гуманными реформаторами. «Без лести преданные» появляются не только в Бетховенском зале.

У меня в семье не было коммунистов. Отец работал в шахте, мать воспитывала меня и брата, они о членстве в партии не думали. Брат тоже не вступил. А я вступил. В 50-м пришел на Уралмаш после техникума, стал работать сменным мастером в сборочно-сварочном цехе, потом дорос до начальника участка. Тоже о вступлении в КПСС не помышлял. Не потому, что не верил или считал, как принято было говорить, себя недостойным. Просто существовали мы — партия и я — в каких-то разных плоскостях и не пересекались. Она была сама по себе, я — сам по себе. В 56-м состоялся XX съезд, и я впервые душой услышал партию. И голос ее прозвучал так громко, так честно, с такой болью и откровенностью, что я не счел для себя возможным оставаться по-прежнему сам по себе. В декабре 56-го меня приняли в КПСС.

Разные были люди в большой партийной организации Уралмаша. Я постепенно, пока дорос до директорских погон, узнал многих. Были карьеристы, которые старались воспользоваться причастностью к партии, чтобы решить свои проблемы, удовлетворить свои личные амбиции. Но костяком организации оставались, как принято говорить на производстве, работяги. Не обязательно рабочие — работягами и инженеры бывают, и начальники.

Старики в большинстве своем вступали в партию на фронте и на заводе в годы войны, достаточно велик был и «призыв XX съезда». Ни в какие верхи, ни в какие президиумы эти люди не рвались, никто не платил им больше, чем беспартийным, никто не оделял их квартирами и машинами, да и ордена с медалями на Уралмаше вешались на грудь отнюдь не по партийному признаку. Просто все они, все мы работали не за страх, а за совесть.

Я счастлив и благодарен судьбе, что так часто в жизни сводила она меня именно с теми, кого некогда называли «винтиками». Слово по существу уничижительное. Но убери винтик — и машина встанет. И держава рухнет. А она стояла благодаря таким «винтикам». Стояла, несмотря ни на что! Держалась потому, что в основе ее, несмотря на всевозможные перекосы, лежала объединяющая народ идея. Она выражала высокий нравственный идеал, по которому сверялись мысли и поступки людей и вокруг которого они и объединились.

Как можно забыть, что в Великой Отечественной войне именно партия была цементирующей силой на фронте и в тылу. Разве знаменитые слова «Коммунисты, вперед!» были для плаката? Без партии мы не поднялись бы из послевоенной разрухи, не создали бы мощную индустриальную державу, не сделали бы народ образованным. Именно она создала вторую сверхдержаву планеты. Об этом хулители партии предпочитают не помнить.

Никогда я не сомневался в простой истине: идея сама по себе не может быть виноватой, если, конечно, она не посягает на основы общечеловеческой морали. Идею возвышают или опускают исполнители. Люди. Гении или бездарности. Благодетели или преступники. Смотря кто ее понесет. Иначе ведь и христианство можно обвинить в страшных преступлениях инквизиции... Впрочем, об этом чуть подробнее — в следующей главе.

Я не отказался от идеи строительства общества социальной справедливости, не сдал партийный билет, когда началось массовое бегство из КПСС, не порвал его, не произносил покаянные речи для своего самосохранения. Я не отказывался и не отказываюсь от своего прошлого, от собственных убеждений в угоду тем или иным политическим соображениям...

В 1989 году политическая обстановка в стране резко изменилась. В начале лета состоялся Первый съезд народных депутатов СССР,

образованный в соответствии с измененной Конституцией. В разгоряченной атмосфере съезда в адрес КПСС было высказано много претензий, тяжелых обвинений и призывов к возмездию. В выступлениях чувствовалась и гражданская, политическая незрелость ораторов, и их надежда помочь стране, освободив ее от «гнета КПСС», несли они в себе и справедливую критику, обнажающую реальные проблемы деятельности партии в обществе. Но были и вполне сознательные, хорошо срежиссированные акции по дискредитации партии, которая в результате исторического развития стала мощной политической организацией, глубоко интегрированной в государственные структуры. Именно поэтому было крайне опасно разрушать авторитет партии в интересах деструктивных сил. Но тот, кто дирижировал всем этим, знал, что для смены власти и общественного строя необходимо было подрубить этот партийно-государственный стержень, на котором держалась страна.

Были и объективные причины явно разрастающегося политического кризиса. После XIX партконференции и прихода к государственной власти новой структуры в виде Съезда народных депутатов и постоянно действующего Верховного Совета СССР партия должна была немедленно перестроиться, кардинально реформироваться. Необходимо было опережающими темпами готовить ее к работе в новых условиях — организационных, теоретических, идеологических...

Все эти субъективные и объективные факторы вызывали тревогу многих партийных организаций, от них поступали предложения о немедленном созыве Пленума ЦК, на котором надо было рассмотреть вопросы о характере деятельности партии в новых условиях, об изменениях в ней самой. Было уже очевидно, что если не выработать новую стратегическую линию деятельности партии, то вся перестройка может обернуться для народа небывалой бедой.

Вместо Пленума состоялось — 18 июля 1989 года — совещание в ЦК КПСС первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии. Обеспокоенный складывающейся ситуацией в партии и стране, я решил выступить на нем. Комментарии моего выступления наиболее объективно дал бывший работник аппарата ЦК Валерий Михайлович Легостаев в своей книге. Позволю себе взять из нее не очень большую выдержку:

«Два события на этом совещании привлекли внимание всей партии, вызвали обширные комментарии в партийной среде. Первое — выступление Н.И. Рыжкова, члена Политбюро ЦК, Председателя Совета Министров СССР. Оно было воспринято как наиболее смелое, принципиальное, наиболее партийное из всех, звучавших на совещании. В нем содержался точный анализ нарастания негативных явлений в КПСС, откровенно говорилось о том, к чему это может привести все общество. Косвенным, но достаточно ясным образом ответственность за подобное состояние партии возлагалась, наряду с Политбюро и уже не существовавшим тогда Секретариатом, и на Генерального секретаря: «Особо хотел сказать, что мы должны всячески содействовать, чтобы Генеральный секретарь ЦК М.С. Горбачев больше внимания уделял своим партийным обязанностям». В общем, Генсеку предлагалось заняться партией, доверив хозяйственные дела правительству.

Заканчивая свое выступление, Н.И. Рыжков сказал: «Дело еще не дошло до того, чтобы правомерным стал лозунг: «Партия в опасности». Но, глядя правде в глаза, мы должны ясно видеть: такая возможность существует...» Слова эти, несмотря на смягчающую оговорку «дело еще не дошло», звучали из уст главы Правительства как очень серьезное предостережение».

Многочисленные отклики на это выступление, да и автор цитируемой книги делают вполне прозрачный намек, что на этом совещании появился новый Рыжков. Не забуду, что, когда я еще не сошел с трибуны, один из членов ЦК вскочил со своего места и закричал: «Почему товарищ Рыжков не говорит об экономике?» Я вынужден был ему ответить, что я часто с этой трибуны действительно говорю о проблемах народного хозяйства, но сейчас наступил тот момент в нашей жизни, когда надо говорить о партии. И я как член Политбюро сделал это.

Я понимал, что политическая обстановка требовала от меня активнее, настойчивее включиться в чисто партийную работу во имя самой партии, а в конце концов — и во имя страны. Но этим выступлением я не преследовал цель обеспечить себе путь для такой деятельности, хотя потом мне многие намекали на то, чтобы я возглавил партию. Но экономист во мне взял верх. Возможно, это было моей ошибкой! Ведь, сохранив партию, можно было сохранить и

Союз. Боль и тревога и за партию, и за страну наполняли меня в тот момент. Да и сейчас они — боль и тревога — не утихают.

Это выступление мне тоже не простили, но громкого, как с Ельциным, спектакля устраивать не стали: время другое пришло.

Я только что написал, что партия своевременно не перестраивалась, не готовилась работать в новых условиях, когда многопартийность уже стала реальностью. Возникают вопросы: почему? Кто в этом виноват? Ответу ссылкой на одну из известных газет, в которой появилось пространное интервью «деда эпохи» (так в тексте) А.Н. Яковлева. Он достаточно четко сформулировал стратегию разрушителей партии и Союза ССР: «Сначала тоталитарный режим надо было сломать через тоталитарную партию, другого пути не было... Потому что, только используя ее тоталитарный характер, выражавшийся как в организованности, так и в дисциплине и послушании, можно было сломать тоталитарный режим...» Полагаю, что именно этим и можно объяснить нежелание Горбачева, Яковлева и их единомышленников реформировать партию в условиях шквального изменения политической обстановки в стране, чтобы использовать ее как орудие изменения общественно-политического строя в СССР.

В начале июля 1990 года открылся XXVIII съезд КПСС. Это был последний Съезд партии. Ожидалось, что он пройдет сложно и непредсказуемо. Буквально за несколько дней до этого была образована Российская компартия. Она родилась по инициативе снизу и отражала растущие тенденции суверенизации России, что и произошло по государственной линии практически одновременно. После долгого сопротивления и маневрирования «верхов» республиканская компартия была создана, но эту обстановку ни в КПСС, ни в обществе изменить уже не могло.

В последний предсъездовский год в партии практически произошел раскол. Такой же раскол произошел и в Политбюро. Прошли времена, когда в этом высшем органе партии в жарких дискуссиях находили компромиссные решения. Сейчас же ПБ состояло из нескольких групп, и они были непримиримы. С одной стороны — Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, Медведев, с другой — Рыжков, Лигачев, Воротников, Слюньков, Зайков. Было, конечно, и «болото». К сожалению, и среди наших соратников не всегда было единство. Разногласия по отдельным, иногда даже частным, вопросам

отражались на взаимоотношениях и вредили общему делу. К тому же Политбюро с начала 90-го года практически прекратило свою деятельность.

В предсъездовский период у высшего руководства партии не было серьезных проработок ее стратегии. Рассматривались спонтанно частные вопросы, отдельные проблемы. Видно было, что оно не в состоянии выработать ее четкую позицию в сложной политической обстановке. Слишком глубокими внутри него были разногласия, нередко — противоположными взгляды на происходящее. Остановлюсь только на двух моментах периода подготовки к Съезду.

Еще на XIX партконференции остро стоял вопрос о совмещении постов Генсека и главы государства. Я в то время был за это совмещение, так как считал, что партия должна быть авангардом реформ, что для этого у нее есть все. Но к 1990 году обстановка резко изменилась, да и мы окончательно сделали вывод, что Горбачев мало занимается партией и использует ее главным образом для своих личных целей, прежде всего для получения еще большей государственной власти.

Среди руководителей партии возникла идея предложить Горбачеву пост ее председателя с определенными ограниченными полномочиями, а руководство КПСС передать новому Генсеку. Сначала Горбачев согласился с этим. Но через несколько дней в категорической форме сказал мне, что не желает быть номинальным руководителем партии и не согласен с этим предложением. Кто над ним поработал в эти дни, мне до сих пор не известно. Я полагаю, его советники, а точнее советчики, опасались, что при другом руководителе КПСС найдет себя в новой политической обстановке, реформируется и обретет второе дыхание. Вот это и не входило в их планы. Выход для себя они нашли в создании поста заместителя Генерального секретаря.

Далее. За несколько дней до XXVIII съезда было созвано Политбюро. Заседание проходило в Ново-Огареве. Там Горбачев готовил свой доклад Съезду. Никто из моих соратников не принимал участия в его подготовке. Не было и традиционного тщательного обсуждения на ПБ предстоящего доклада.

В процессе обсуждения некоторых съездовских проблем встал вопрос о будущем составе новых Политбюро и Секретариата. Кто-то

из присутствующих к тем кандидатурам, которые были уже названы, внес предложение ввести в состав ПБ меня и Лукьянова. Мы с ним понимали, что в сложившейся обстановке это принесет лишь вред партии. Президент страны — Генсек КПСС, Предсовмина и Председатель Верховного Совета — члены ПБ. Это даст противникам КПСС повод активизировать ее травлю, обвинить в монополизме и сосредоточении высших государственных постов в руках одной партии. Мне и Анатолию Ивановичу пришлось долго убеждать присутствующих в нецелесообразности подобного шага. А членами ЦК мы считали необходимым остаться, если нас изберут на Съезде.

Теперь о нем, о Съезде. Прошло пять лет между двумя съездами партии. Для нее и для страны это были годы взлета и падений, надежд и разочарований. Кризис охватил и партию, и страну. Конечно, он созрел уже давно, но Горбачев придал ему, прямо можно сказать, мощное ускорение. Вот в этом отношении оно ему, к сожалению, удалось.

Советская научная мысль хорошо изучила кризисы капитализма, но сколько-нибудь серьезных научных трудов о возможности кризиса в социалистическом обществе не существовало. Критика частных подменяла глубокие исследования и выводы. Да их и быть не могло, поскольку коммунистическая идеология в принципе не признавала возможности кризиса нашего общества (как западная идеология не признавала достоинств его).

За последние годы возникло глубокое отчуждение между ЦК, его Политбюро и Генсеком, с одной стороны, и партийными организациями на местах — с другой. С каждым месяцем оно разрасталось. За полтора года до XXVIII съезда партия уменьшилась на миллион человек и насчитывала в своих рядах примерно 18 миллионов. Активно «пошел процесс» внутривнутрипартийного брожения и размежевания в рядах КПСС по идейно-политическим и национальным мотивам. Слово «раскол» наполнилось реальным содержанием. Волна антикоммунизма, все выше поднимаемая так называемыми демократами, не встречала на своем пути никакого сопротивления. Наступило время, как говорили остряки, когда советский народ под руководством КПСС стал бороться против КПСС. И если в первой части этой формулы — народ — содержалось немалое преувеличение, то вторая, увы, была близка к истине: партию

разрушали самые активные ее члены, пользовавшиеся слепотой, бездеятельностью, а то и попустительством и поддержкой ее высших руководителей. Миллионы покинули партию, когда пример подали их идеологические вожди. КПСС пала в результате беспрецедентного в истории человечества предательства.

О Съезде написано немало, и поэтому мне нет необходимости его подробно анализировать. На нем столкнулись в основном две силы. Одна — уже четко осознавшая, что перестройка предана и что она пошла по совершенно иному, по сравнению с провозглашенным, пути. Эти люди считали, что надо остановить разрушительные процессы. Их тут же окрестили «консерваторами». Вторая сила — «реформаторы», которые теперь уже не скрывали своей основной цели — разрушения КПСС и изменения общественного строя в стране.

На Съезде покинул не только ЦК, но и партию Ельцин. В ответ на выдвижение его кандидатуры в состав нового ЦК он сделал заявление о своем выходе из КПСС и ушел со Съезда. Это была подготовленная заранее его вдохновителями и дирижерами броская политическая акция, стимулирующая раскол партии и бегство из нее.

Для меня такой ход событий не был неожиданным. Я знал, что это произойдет, дело было лишь в выборе времени и места. Не могла эта публика не воспользоваться ситуацией для нанесения удара по ослабленной партии, в которой в то время она еще состояла. Позволю себе сделать здесь достаточно большое отступление. Возможно, оно поможет читателю прийти к некоторым выводам.

В предыдущей главе я писал о том, что в докладе Генсека на июньском 1985 года совещании по научно-техническому прогрессу было недвусмысленно сказано о лидерах московской и ленинградской партийных организаций. Было ясно, что здесь намечаются кадровые перемены, и в коридорах ЦК говорили об этом почти открыто.

Настойчиво муссировались слухи, что только случайность не позволила Г. В. Романову стать Генсеком. На мой взгляд, это были хорошо инсценированные домыслы. Позже они были использованы для демонстрации, о чем я уже говорил, «трудной борьбы» за власть. Но в то время по поведению Романова подобные выводы нельзя было сделать. Думаю, он реально оценивал свои возможности. Ну а вскоре, в июле 1985 года, на Пленуме он был освобожден от обязанностей Секретаря ЦК и члена ПБ и отправлен на пенсию. Лидер Ленинграда

Л.Н. Зайков на этом же Пленуме стал Секретарем ЦК с тем же кругом обязанностей — курирование ВПК.

О В.В. Гришине, лидере столичной партийной организации, тоже было достаточно много разговоров как о претенденте на высший партийный пост. Надо полагать, что фраза Лигачева на XIX партконференции об «абсолютно других решениях» касалась и Гришина, который являлся одной из ведущих фигур брежневского «ядра». Прошло немного времени, и в декабре того же года он тоже был отправлен на пенсию, а его пост занял Ельцин, до этого недолго проработавший в должности заведующего Отделом строительства, а затем ставший Секретарем ЦК.

Как ни парадоксально, но первую скрипку здесь сыграл Лигачев. Именно он настоял на переходе в Москву своего будущего злейшего и непримиримого врага. Став Секретарем ЦК и занимаясь партийными кадрами, Лигачев посетил Свердловск. Ему очень понравился энергичный секретарь обкома КПСС, и по приезду он настойчиво, со свойственной ему напористостью начал убеждать, что именно такой тип руководителей необходим для перестройки. Безусловно, он убедил в первую очередь Черненко и Горбачева. Со мной, да и с другими секретарями ЦК, по этому поводу никто не советовался. Я часто задаю себе вопрос, почему так произошло? Почему именно Егор Кузьмич стал инициатором перевода Ельцина в Москву и сумел вывести его на всесоюзную орбиту? Думаю, потому, что в их характерах много общих черт. И, как одноименные заряды, они обязаны были рано или поздно оттолкнуться друг от друга. Так оно и произошло.

После любых общественных потрясений и государственных катаклизмов мы часто спрашиваем себя и других, а что было бы, если бы... Была бы революция 17-го, если бы не было Ленина? Пошла бы страна по пути Сталина, если бы жил Ленин? Был бы период так называемого застоя, если бы Брежнев ушел в 75-м, и была бы перестройка, о которой сейчас идет речь, если бы не Горбачев встал во главе партии? Что было бы с Советским Союзом, если бы Ельцин остался на Урале? О роли личности в истории написано немало теоретических трудов, начиная с древних философов. Об этом писали и основатели марксизма, народники, великое множество известных и неизвестных авторов. По-моему, последние полтора-два десятка лет

нашей истории дали более чем выразительный материал для анализа и новых выводов философам и социологам...

Но возвратимся в 1985 год. Как-то поздним вечером раздался звонок прямого телефона Генсека (я еще работал в ЦК). Он попросил срочно зайти к нему, и через несколько минут я был уже у него. По кабинету ходили, что-то обсуждая, Горбачев и Лигачев. По первым же фразам я понял, что речь идет о смене Гришина.

— Ты ведь знаешь, что настало время укрепить руководство столицы. Мы с Егором сейчас обсуждаем возможную кандидатуру на пост первого секретаря Московского городского комитета. Хотели бы посоветоваться с тобой, — начал Горбачев. — Я надеюсь, что у вас есть уже предложения?

— Да. Нам нужен туда крепкий и боевой товарищ. Наше мнение с Егором Кузьмичем, что это должен быть Ельцин. Ты его знаешь, твое мнение? Откровенно говоря, до того я не очень задумывался над этим кадровым вопросом — у меня своих, экономических забот хватало. Но на такое предложение я не мог прореагировать положительно. Оно было для меня не только совершенно неожиданным, но и непонятным, удивило и поразило меня.

— Да, я знаю Бориса Николаевича и считаю, что он абсолютно не годится для этой роли. Не забудьте, что речь идет об огромной столичной организации, где сосредоточена масса заводских рабочих и основная научная и творческая элита страны. Здесь должен быть умный, гибкий, интеллигентный руководитель. Ельцин же человек другого склада: хотя он и строитель, но по своей натуре — разрушитель. Наломает дров, вот увидите! Ему противопоказана большая власть. Вы сделали уже одну ошибку, переведя его из Свердловска в Москву, в ЦК, не делайте еще одну, роковую.

Мои доводы не были восприняты. Решение ими было уже принято. И мне оставалось только сказать:

— Я вас не убедил, и вы пожалеете об этом. Когда-то будете локти кусать, но будет уже поздно!

Так и разошлись. Каждая сторона при своем мнении. Я ни разу нигде не писал об этой беседе. Но несколько месяцев назад Горбачев, надо отдать ему должное, сказал по телевидению, что единственным человеком, который нас предупреждал и возражал против назначения Ельцина в МГК, был Рыжков. Но мы его не послушали.

Такова еще одна информация для размышлений о роли личности (и случая) в истории... Но вернемся к XXVIII съезду. Как известно, на нем практически был узаконен принцип федерализации партии, поскольку

был разрушен ее основной стержень — демократический централизм. Однажды утром, перед началом очередного заседания, Горбачев проинформировал членов президиума Съезда, что первые секретари ЦК компартий союзных республик настояли на создании Политбюро по новому принципу: теперь в ПБ должна быть представлена каждая республика в лице первых секретарей их компартий. Это был еще один сильный импульс к быстро развивающемуся сепаратизму республик.

Новая организация высшего органа партийной власти вполне удовлетворила Горбачева, сохранив его положение в стране и партии. Но такое решение оказалось смертельным. Произошло фактическое расчленение партии по национально-территориальному принципу. Она превращалась из единой союзной политической организации в некую партийную федерацию или даже конфедерацию. Был нарушен ленинский принцип сочетания федеративного устройства государства и демократического централизма в партии. Стержень государства в виде единой партии был рассечен на 15 кусков. Так шаг за шагом сдавались позиции, и состоявшееся затем расчленение Союза подтвердило самые худшие опасения.

Последний Съезд КПСС не выполнил своей объединительной роли. Напротив, раскол партии на нем проявился еще более четко, чем до его проведения. На мой взгляд, это был Съезд полуразрушенной своими лидерами некогда великой и мощной партии. До гибели КПСС оставался еще год.

Впереди были апрельские и июльские (1991 года) Пленумы ЦК. Было заявление Президента — Генсека о своей отставке. Бегали его приверженцы по залу и собирали подписи с просьбой не делать этого «рокового» для партии шага. Это письмо-слезницу я не подписал.

С апреля 1991 года партия практически осталась без лидера. Более того, ее Генеральный секретарь боролся со своей партией и ее ЦК. Началось массовое бегство из нее. Одни публично каялись. Другие (Яковлев, Шеварднадзе и К^о) объявили «крестовый поход»

против КПСС. Третьи перед экраном телевидения демонстративно сжигали в пепельнице свои партийные билеты.

Наступала страшная для страны и партии осень 1991 года. Приближалось 6 ноября, когда люди получили от своего избранника предоктябрьское «поздравление»...

Глава 8. «Не считаю свою партию преступной!»

1991-й и 1992-й стали годами унижения и уничтожения КПСС. Более мерзкого глумления и даже садистского издевательства над вчерашней «руководящей и направляющей силой общества» трудно себе представить. В ход пошел тотальный моральный террор, такая российская «Варфоломеевская ночь». Дошли до предложений ввести для бывших партийных руководителей запрет на профессию сроком на 10 лет. Особенно злобствовала госпожа Старовойтова. Видно, так учили ее за границей, где она за год, как писали газеты, провела около 200 дней. Германский опыт, похоже, ею был изучен хорошо.

Во всех бедах и неурядицах стали обвинять бывших коммунистов и работников государственного аппарата. Кстати, цель достигалась безошибочно, так как руководителями предприятий и организаций, как правило, оставались те же люди. Да и откуда взяться новым? Ведь руководить заводом — это не кричать на митингах. В обиход прессы вошли термины постперестройки: «партократы», «коммуняки», «красно-коричневые», «чернь», «быдло» и т. д. Старая, как мир, истина — разделяй и властвуй — набирала силу, чтобы 4 октября 1993 года подвести итог с помощью 125-миллиметровых танковых пушек.

Преданная своим лидером и его ближайшими соратниками, деморализованная партия не оказала какого-либо сопротивления. Могучая партийная структура с многотысячным аппаратом на всех уровнях сдалась на милость победителя. Предательство идей перестройки и ее кончина, разочарование в ней широких масс населения выразились в полном отсутствии их поддержки партии, да по существу и она, деморализованная, сама ее не искала. И происшедшее имело свою логику: ведь партия монополизировала управление всеми сферами жизни общества, и теперь на нее охотно возлагалась ответственность за все поражения, а заодно и победы, густо вымазанные дегтем. И когда я вспоминаю об этом, то невольно думаю: какие же мрачные бездны есть в душах человеческих, какой звериный оскал скрывается за благообразной личиной иного профессора, актера, писателя, какие ничтожные, шкурные интересы

лежат в основе их поступков, на что способны они, эти оборотни, в своем стремлении к власти, богатству, славе — хотя бы и геростратовой...

Я не имею возможности описать все это умопомрачение, эти дикие пляски на поверженном гиганте. Остановлюсь только на двух событиях 92-го года, поскольку в силу сложившихся обстоятельств я был их непосредственным участником.

Во-первых, о «золоте партии». Во-вторых, мое отношение к партии. То и другое было мной высказано на Конституционном суде в 1992 году.

Говоря о «золоте партии», по поводу которого до сих пор льется поток грязной лжи, необходимо четко определить содержание этого звонкого понятия. Оно имеет двоякий смысл: действительно золота, а также денег партии. В конце 91-го и в начале 92-го в средствах массовой информации появились сенсационные сообщения о деньгах партии. Наблюдая, с какой яростью и целенаправленностью все это делалось, легко можно было понять, что через беспрецедентную дезинформацию идет шельмование КПСС в глазах населения нашей страны, в глазах мирового сообщества. Руководители России, развернув эту кампанию, хотели убедить всех: партия была преступной и ее надо запретить.

Из газеты в газету стали кочевать астрономические цифры «золота партии». Делались заявления, что за последние годы своего существования КПСС вывезла из страны золота, ценностей и валюты на сумму от 8 до 15 миллиардов долларов. Потом писали, что эта цифра может быть значительно выше. Назывались и еще более фантастические суммы. Особо отмечалась денежная помощь зарубежным коммунистическим партиям и рабочим движениям. Здесь уже называлась сумма совершенно иного порядка: за десять лет было израсходовано на эти цели 200 миллионов долларов — от 12 до 20 миллионов в год. Имеющиеся документы подтверждают только эти последние цифры. Все остальное — плод воображения...

Тем не менее, по представлению прокуратуры было возбуждено дело «О финансах КПСС». Руководство России создало комиссию во главе с Бурбулисом. Гайдар же быстро нанял известную американскую сыскную фирму. За услуги ей заплатили, опять же по сведениям печати, 20 миллионов долларов, то есть 10 процентов от денег,

переданных зарубежным партиям за 10 лет. И снова сенсация в прессе! Нью-йоркская компания «Кролл АссошиэТС» (так называется эта фирма) обнаружила наконец-то 100 миллиардов «партийных долларов».

Но поднятая пыль быстро осела. Вице-президент компании заявила, что сообщения российского телевидения и прессы являются полной чепухой. Компания лишь гипотетически оценила лежащие в заграничных банках российские деньги в 100 миллиардов долларов... Думаю, что в то время эта цифра была близка к истине: она включала в себя валюту новых российских предпринимателей и других наших граждан. Но при чем здесь деньги КПСС? Поистине, на воре шапка горит...

Позже опубликованы еще более внушительные, уже отечественные, данные. По ним сумма российских вкладов увеличилась до 200 миллиардов долларов. И сделан вывод, что эти деньги переведены за рубеж в последние 2–3 года.

Довожу до сведения читателей, что вся наша выручка в свободно конвертируемой валюте в 1989 году составляла примерно 25 миллиардов. Из этих денег необходимо было отдать долги, купить продовольствие, сырье, машины и оборудование... Похоже, что сам сюжет о партийных миллиардах заимствован из нашумевшей 140-миллиардной авантюры Силаева — Фильшина. После ее разоблачения первый из них спокойно пережил эти годы послом в Европейском сообществе, в Брюсселе, а второй до сих пор укрепляет экономические связи с Австрией. Так писала пресса.

Я не знаю, какая доля партийных расходов покрывалась за счет государства в 1919 году. Но в период моей работы в качестве Предсовмина бюджеты государства и партии были совершенно самостоятельными. Первый составлялся правительственными органами и утверждался Верховным Советом. Вторым разрабатывался аппаратом ЦК и утверждался Генсеком. Ежегодно Управляющий делами ЦК составлял подробный отчет о финансах партии — о доходах и расходах. Партийный бюджет формировался в основном за счет двух самостоятельных источников — поступления взносов и отчислений от прибылей более ста партийных издательств. С этим документом знакомились члены ПБ.

Мне до сих пор непонятно, почему данные партийного бюджета открыто не публиковались в прессе. Может быть, меньше было бы спекуляций по этому поводу. А рядовые коммунисты больше бы доверяли руководству партии. Впервые подробности о партийном бюджете сообщил ныне покойный Н.Е. Кручина на XXVIII съезде КПСС. Отвечая на вопрос о накоплениях, он назвал их размер — 4 миллиарда 900 миллионов рублей. Естественно, что они находились на счетах внутри страны. Вот такая цифра была на середину лета 1990 года. Все остальное — досужие домыслы. Я затрудняюсь что-либо сказать о коммерческой деятельности партии в 1990 году. За оставшиеся несколько месяцев до ухода с поста Предсовмина у меня по этим вопросам не было никакой информации, тем более что на Съезде, как известно, я не вошел в новый состав ПБ. Что делалось в этом отношении в 1991 году, я могу судить только по печати. Но я убежден, что Кручина ничего бы не сделал без Горбачева. Я слишком хорошо знал Николая Ефимовича — этого честного, порядочного человека, который предпочел смерть какому-либо вынужденному участию в шатании вокруг денег партии.

Легендам о ее «золоте» можно только поражаться. В дальнейшем я подробно остановлюсь на действовавшем порядке продажи за рубеж золота, платины и алмазов. Сейчас же скажу только, что главным и единственным руководящим документом для Министерства финансов и Внешэкономбанка являлось соответствующее постановление Правительства. И до моего ухода с поста Предсовмина я не подписывал ни одного документа о передаче золота в ЦК КПСС или продаже за границу от его имени. Искусственно созданная шумиха должна была вызвать нездоровый ажиотаж обывателя вокруг «вечного металла», якобы преступно разбазаривавшегося партократами.

В деле о финансах КПСС особое внимание было уделено денежной помощи зарубежным партиям. В конце марта 1992 года мне позвонили из Генпрокуратуры и пригласили прибыть к ним в качестве свидетеля для дачи показаний. Через несколько дней я уже отвечал на многочисленные вопросы следователя В. Карасева. Надо отдать должное, он вел себя вполне корректно. Его поведение разительно отличалось от многочисленных публикаций в прессе, которые с большим сарказмом, в издевательской манере говорили об опрашиваемых «пожилых людях, изнуренных в большинстве своем

болезнями, у которых от бывшего величия не осталось и следа» и т. д. А дальше упоминались фамилии бывших членов ПБ. Всех, кроме Шеварднадзе, Яковлева... Если Шеварднадзе не вызывали на допрос как гражданина другого государства, то Яковлев, надеюсь, еще не поменял гражданства?

Опять же пресса, спасибо ей, разъяснила: «Конечно, не Горбачев с Яковлевым придумали систему финансирования зарубежных компартий». Тогда, выходит, мы все это придумали?

Для справки: Яковлев Александр Николаевич работал в ЦК с 1960 года. В последние перестроечные годы был членом ПБ и Секретарем по международным делам. Именно он, вместе с Международным отделом ЦК, готовил документы о финансовой помощи зарубежным друзьям. Он их первым подписывал и вместе с Горбачевым отправлял на согласование другим членам ПБ.

Кстати, о Яковлеве и прессе: «демократические» газеты публикуют время от времени «разоблачительные» материалы из архива КПСС со всякого рода комментариями к ним. Но лишь в редком, самом «невинном» случае под документом промелькнет подпись Яковлева. Во всех остальных, самых криминальных с точки зрения публикаторов, она не воспроизводилась. Видимо, для того, чтобы не исказить нынешний благостный облик нашего главного ультрадемократа, который еще совсем недавно был инициатором и ревностным исполнителем в преследованиях Сахарова и других диссидентов, в идеологическом разгроме «Пражской весны» 1968 года и других подобного рода акциях. Но пусть это остается на совести его и прочих ему подобных, тем более что такое прошлое их явно не отягощает.

В Генпрокуратуре, как в дальнейшем на Конституционном суде, вопросы ко мне были в основном о финансах партии, ее коммерческой деятельности, о зарубежных счетах КПСС и ее лидеров, о финансовой помощи зарубежным компартиям.

Я не буду подробно останавливаться на многочасовых диалогах. Основная суть моих заявлений следующая.

О партийном бюджете я рассказал то, о чем только что написал. Коммерческая деятельность партии мне не известна, но я не верю, что в 1991 году деньги переводились за рубеж на специальные банковские счета. В отношении зарубежных счетов лидеров партии у меня твердое

убеждение об абсурдности таких подозрений. В годы «застоя» было немало пороков, но в чем нельзя было упрекнуть лидеров партии, так это в личной финансовой зависимости от Запада. Руководителям нашего государства в прошлом было категорически запрещено получать валюту от иностранного государства, фирмы или частного лица. Нарушение этого запрета приравнивалось к преступлению.

И в период «перестройки», я уверен, большинство членов ПБ не запятнали себя ничем подобным. Да и подумайте: все они после ухода остались без средств к существованию, все они где-то подрабатывают, а В.В. Гришин и умер в районном собесе при переоформлении пенсии. Но нет, конечно, правил без исключений: уже давненько некоторые бывшие лидеры стали получать на Западе валюту за свои мудрые мысли, изложенные в виде лекций или печатной продукции. Вот у этих и ищите счета!

Больше всего было вопросов о финансовой помощи зарубежным компартиям и рабочим движениям. На столах следователя, как и обвинителей в Конституционном суде, лежали копии документов и решений ПБ по данному вопросу. Всех интересовала процедура их принятия.

Готовили проекты таких документов и соответствующую записку в Международном отделе ЦК, а потом докладывали Секретарю ЦК по международным делам и Генсеку, чтобы направить эти проекты на голосование членов ПБ. Была такая форма принятия решений Политбюро. Каждый его член должен был в письменном виде высказать свое отношение к рассматриваемому вопросу — «за» или «нет». И если было решение ПБ, это еще не означало, что оно обсуждалось на заседании. За пять лет я не помню, чтобы хоть раз вопросы финансовой поддержки зарубежных компартий обсуждались на Политбюро. Они принимались после получения согласия каждого члена ПБ в отдельности.

Учитывая, что в мире всегда существовала и ныне существует практика оказания помощи заинтересованным партиям, режимам и т. д., основной упор во всех расследованиях и в средствах массовой информации делался на то, что партия оказывала помощь не своими деньгами, а государственными. По этому поводу должен сказать следующее. В стране существовала четкая и жесткая система в отношении валютных средств. Вся валюта, полученная за счет

внешней торговли, предоставленных услуг, возвращаемых долгов и даже партийных взносов тех, кто работал за рубежом, собиралась во Внешэкономбанке. И при разработке проекта плана на каждый предстоящий год определялся объем валютных поступлений. Соответственно устанавливались и направления их расхода. К годовому плану делалось приложение, где четко было обозначено, кому и сколько выделяется валюты. В числе ее потребителей было и свыше 50 общественных организаций — КПСС, ВЦСПС, творческие союзы, комсомол и т. д. Проект плана с этим приложением Правительство направляло в Верховный Совет, где он обсуждался. Принятие плана оформлялось законом Верховного Совета, и он был обязателен для всей страны. Так что государство сначала аккумулировало в своих руках все валютные ресурсы, а затем распределяло их, в том числе и в интересах деятельности общественных организаций. Эта практика существовала в соответствии с 28-й статьей еще не «исправленной» и не растерзанной Конституции. Обвинять КПСС в том, что она выступала инициатором такой практики, — это значит довести все до абсурда. С таким же успехом в этом можно было обвинить и Союз журналистов, и профсоюзы, и Союз художников и... Разве им выделялась валюта без их инициативы?

И еще об одной алогичности в этой поднятой шумной кампании. На Конституционном суде в течение нескольких месяцев обвинители партии — президентские представители — настойчиво доказывали, что КПСС являлась не общественной организацией, а государственной партией. Да, действительно, до 1989 года партия руководила всем. Так было. Тогда же где логика? Если партия всем руководила, то, естественно, под ее руководством и создавались материальные ценности. Но тогда она имела полное моральное право ими распоряжаться. Такова логика.

Чтобы закончить тему о финансах КПСС и особенно о помощи зарубежным партиям, еще раз хочу напомнить, что это всегда делалось и будет делаться, пока существуют государства с их национальными интересами. Можно было бы привести десятки и сотни примеров аналогичных действий со стороны США. Проводят эти «мероприятия» государственные органы — ЦРУ, ФБР и т. д. Делают это они, конечно, своими методами.

Так, в 1948 году ЦРУ в Италии истратило миллионы долларов на проведение избирательной кампании. Поставленная цель — не допустить к власти коммунистов и помочь христианским демократам. А многочисленные государственные перевороты, устранение неугодных США режимов на американском континенте, в Азии, Африке, в «цивилизованной» Европе не являются тому убедительным доказательством? Это что, благотворительность ЦРУ или четкая позиция государства?

Как уже было сказано, за 10 лет было израсходовано на помощь по партийной линии 200 миллионов долларов. Чтобы сравнить наше и, к примеру, американское идеологическое влияние за рубежом, хочу напомнить, что только на содержание радиостанции «Свобода» США ежегодно (!) тратили около 350 миллионов долларов. Сколько они платят так называемым агентам влияния, можно лишь догадываться... А как вы оцените тот факт, что в 1989 году в разгар шахтерской забастовки у нас в стране американские профсоюзы открыто поставляли для них оргтехнику, приглашали лидеров забастовочного движения в США? Поили, кормили, учили... Или вот, публикация в одной из американских газет: здесь не только описана система передачи «помощи» ЦРУ нашей печально известной Межрегиональной группе народных депутатов СССР, во главе которой стояли Ельцин, Попов и прочие, но и приведена соответствующая схема.

Так было четыре-пять лет тому назад. Сейчас это не только не изменилось по существу, но и приобрело масштабы, о которых коммунисты и думать не могли. Их помощь своим «агентам влияния» смехотворна по сравнению с той, которая идет ныне из западных стран, и особенно из США. Там выделяют деньги щедро и открыто для определенных людей и под совершенно четкие задачи. И сейчас, когда Запад и его «агенты влияния» у нас ставят целью как можно быстрее, пока не опомнились люди, построить любой ценой «дикий» капитализм в бывшем СССР, передать народную собственность новому и чаще всего криминальному капиталу, — дают под Гайдара, Чубайса и прочих деятелей с, мягко говоря, сомнительной репутацией. Ну а вопрос о финансах партии, похоже, стал дежурным. Время от времени он будет подаваться, чтобы отвлечь внимание людей от куда более насущных и постоянно обостряющихся проблем.

В сентябре 1992 года из передач телевидения я узнал, что Конституционный суд принял решение привлечь в качестве свидетелей большую группу людей. В их числе были названы я, Горбачев, Лигачев, Долгих, Вольский, Бакатин и другие. Сразу же возник вопрос, все ли приглашенные придут в суд. Дело в том, что, когда в мае Конституционный суд вызывал бывшего Генсека ЦК КПСС в качестве представителя Компартии на слушания, тот не выдержал нравственного испытания и не стал, не решился защищать партию. Ту, которая выдвинула его на высший государственный пост и которой он был обязан всем.

Началась постыдная перепалка Горбачева и Конституционного суда. Каждая сторона ежедневно делала свои заявления. В конечном итоге бывший Генсек окончательно и навсегда потерял уважение членов партии, а Конституционный суд тоже не выглядел в этой ситуации как серьезная властная структура. Наручники для Горбачева не потребовались — сошлись полюбовно на штрафе в сто рублей.

Немедленно и положительно отреагировали на приглашение в суд Лигачев, Долгих, Полозков и другие. Моя позиция была высказана в небольшой газетной публикации под названием: «Наручники Рыжкову не потребуются». Я позволю себе привести ее здесь.

«Конституционный суд России в числе новых свидетелей пригласил Николая Ивановича Рыжкова. Как бывший член Политбюро ЦК КПСС, премьер-министр относится к этому?»

— Это большой разговор, — ответил по телефону Николай Иванович. — Я не делаю из этого трагедии. В суд пойду обязательно (наручники не потребуются!) и выскажу свое мнение. Потом у судей и сторон будут вопросы, на которые отвечу прямо и объективно, в соответствии со своим мировоззрением, со своей позицией.

— Но время, события сказались на позиции многих партийных и государственных деятелей. И сами они изменились...

— Может быть, правильнее — приспособились? А меняться — для некоторых обычное дело. Мы все не те, что были десять лет назад. А приспособленцам я не верю. Я остался тем человеком, каким был всегда: честно высказывал свое мнение, независимо от того, нравилось оно кому-то или нет».

Для себя я сделал вывод, что на суде мне надо не только отвечать на вопросы, но и высказать свою принципиальную позицию в

отношении КПСС. Я немедленно приступил к подготовке выступления. И это было не просто написание текста. Вся моя 35-летняя жизнь в партии прошла передо мной. Говоря словами одного тверского сельского поэта:

Как следы на снегу,
Ночь читает мой день.

Я дал себе слово отбросить личное, особенно — накопившееся в последние годы, когда я не получал никакой поддержки от ЦК, его средств массовой информации, когда меня нещадно избивали как главу коммунистического Правительства. Надо было подняться выше личного. Ведь речь шла не обо мне. О партии.

30 октября 1992 года в 10 утра началось слушание новых свидетелей. Не буду останавливаться на всех подробностях этих заседаний. Когда очередь дошла до меня, я попросил сначала дать слово для заявления. В общей сложности пришлось простоять на трибуне семь часов. У меня сложилось неплохое впечатление о председателе Валерии Дмитриевиче Зорькине и членах Конституционного суда. И совершенно противоположное — об обвинителях. Возможно, это объясняется моим отношением ко всякого рода ренегатам. Неужели у Президента России не нашлось менее одиозных личностей? Передо мной сидели и тучный господин, известный словоблуд и интриган, и не менее известный кандидат философских наук, и вездесущий юрист, и другие их коллеги по этому «историческому процессу». Одним словом, молодцы были прямо на подбор. А ведь вся эта команда обвинителей в первую очередь подводила самого Президента.

Учитывая, что в заявлении содержится ряд принципиальных, на мой взгляд, положений и высказана моя личная позиция по отношению к партии, приведу в книге его полностью. Оно было опубликовано во многих центральных газетах под различными названиями.

Итак, 1 ноября 1992 года, 10 часов 20 минут утра.

«Уважаемый Председатель!

Уважаемые члены Конституционного суда!

Моя трудовая деятельность.

В течение 25 лет работал на «Уралмаше». Последние 5 лет — генеральным директором.

С 1975 по 1979 год был первым заместителем министра тяжелого и транспортного машиностроения.

С 1979 по 1982 год работал первым заместителем председателя Госплана СССР. На ноябрьском (1982 г.) Пленуме был избран Секретарем ЦК КПСС по экономике.

В конце сентября 1985 г. назначен Председателем Совета Министров СССР. Работал в этой должности до конца декабря 1990 г.

Член КПСС с 1956 г., член Центрального Комитета партии с 1981 г., член Политбюро — с 1985 по 1990 год.

Вступил в партию после XX съезда, когда ее голос прозвучал громко, честно, с болью и откровением. Я поверил, что страшные времена беззакония лидеров государства и партии остались позади.

Моя биография дает мне моральное право высказать объективно свое мнение по рассматриваемым вопросам, так как я видел на протяжении многих лет деятельность КПСС на многих ее уровнях.

В последнее время о партии сказано очень много. Правда слилась с ложью и вымыслом, реальность — с мифами и легендами. И даже авторы «Ходатайства» не сочли возможным отойти от штампов, гуляющих на экранах и страницах средств массовой информации.

Суду и истории нужна истина, какая бы она ни была, устраивала или нет она отдельных лиц или отдельные слои общества. Я не буду в своем свидетельстве подстраиваться под чье-то мнение. Это будет моя личная позиция.

Сейчас очень много говорят о роли партии в жизни страны, о ее сращивании с государственными структурами. Да, действительно исторически сложилось так, что КПСС, являясь общественно-политической организацией, взяла на себя многие функции управления государством. Здесь и кроются корни несовершенства или даже декоративности некоторых государственных структур. Такое положение, на мой взгляд, является логическим результатом однопартийной системы.

В глобальном же плане интересы государства и партии совпадали. Тем более, как известно, Конституцией страны она была узаконена как правящая и руководящая сила в обществе. Так что все это было освящено высшим законом страны.

Вся моя сознательная жизнь была связана с производством и экономикой. Поэтому свое отношение к деятельности партии я буду в основном рассматривать через призму экономики.

Объективно партия участвовала в руководстве хозяйством страны. Для этого в ее структуре, начиная от ЦК КПСС, ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов партии, были соответствующие отделы, во многом дублирующие подобные подразделения в государственных органах.

Эти партийные структуры занимались не только выработкой экономической политики государства и регионов, но и конкретным руководством в центре и на местах. Об этом говорит и практика принятия совместных постановлений ЦК и Совмина.

Но не в этом было зло. Самое тяжелое для руководителей экономики всех рангов было то, что политика все время бежала впереди экономики, во многом не считаясь с реальной действительностью и возможностями.

И если бы партия вырабатывала экономическую политику, как это произошло уже на XXVIII съезде, то это и были бы свойственные ей функции. Она обязана выражать через экономику интересы тех слоев общества, от имени которых она выступает.

Но, как известно, включительно до XXVII съезда партии в повестке дня съездов обязательным вопросом был проект пятилетнего плана социально-экономического развития страны, который затем рассматривался и утверждался Верховным Советом СССР.

В то же время может создаться впечатление, что Правительство только оформляло решения по социально-экономическим вопросам. На самом деле при подготовке и обсуждении их на Политбюро были серьезные разногласия и даже жесткие дискуссии. Обстановка на Политбюро с 1985 года позволяла всем отстаивать свою точку зрения. Но когда решение было принято, оно являлось обязательным для исполнения.

Так было. Но сегодня стоит задача сделать вывод — оставалась ли партия до прекращения ее деятельности с такими же функциями и методами работы или она пришла к своему трагическому дню другой. И я свидетельствую, что, несмотря на мои критические высказывания в ее адрес, это была уже другая партия.

Не видеть этого — значит или не понимать процессов, происходивших в партии во второй половине 80-х годов, или преднамеренно замалчивать это.

Сложившаяся на протяжении многих лет система работы партийных органов, втягивание ее все более в решение конкретных вопросов вызывали критическое отношение не только работников народного хозяйства, но и определенной категории руководства партии.

Разве не показательно, что Ю. В. Андропов в одной из статей 1983 года сказал: «Надо разобраться в обществе, в котором мы живем». Разве это не смелое по тем временам заявление Генерального секретаря партии, разве это не предтеча грядущих перемен?

В начале 1983 года в ЦК КПСС был образован Экономический отдел, руководителем которого стал я. Основной задачей этого Отдела была выработка экономической политики партии и перевод экономики на новые принципы функционирования. В этой работе участвовали многие ученые, специалисты, практики, фамилии которых сегодня на слуху.

Выработанные принципы легли в основу тех преобразований в экономической жизни страны, которые происходили у нас через несколько лет. Этим было положено начало выводу экономики из идеологических догм, мешающих ей развиваться по своим законам.

Результаты работы этого Отдела во многом легли в основу доклада Генерального секретаря ЦК в апреле 1985 года, откуда идет отсчет перестройки, хотя, как видите, ее основы заложены значительно раньше. Я не ставлю здесь цель проследить весь путь перестройки, ее взлеты и падения, триумф и трагедию. Сегодня идет разговор о партии, поэтому моя задача как свидетеля хотя бы эскизно показать путь преобразований именно в ней.

Прежде всего, я хочу еще раз подчеркнуть, что Политбюро, в состав которого я входил, знало о недостатках в партии, сознательно шло на ее реформирование. Оно стало инициатором преобразовательного процесса. И что бы сейчас ни говорили, историческая истина в том, что именно руководство партии возглавило этот процесс.

В первые годы происходило, если можно так выразиться, накопление критической массы. В экономике шла наработка новых

методов, осмысление их результатов и подготовка к масштабным преобразованиям, то же самое происходило и в партии.

Серьезным шагом преобразований явился январский (1987 г.) Пленум ЦК. На нем было принято решение о демократизации общества, гласности и намечены пути реформирования партии. Четко было сказано, что надо решительно отказываться от несвойственных партийным органам управленческих функций, стремления решать вопросы за других, подменять советские органы, хозяйственные и общественные организации.

В экономических кругах это было воспринято положительно, так как к тому времени было уже ясно, что экономическая свобода, к которой мы стремились, невозможна в существующих условиях.

Первым этапом конкретных преобразований в партии и государстве стала XIX партийная конференция 1988 года.

Она не на словах, а на деле была переломной в жизни нашей страны.

Это касалось в первую очередь изменения политической системы государства. Было совершенно ясно, что если она окажется неизменной, то мы не справимся с поставленными задачами демократизации государства.

Это касалось и четкого разграничения функций партийных и государственных органов. Вопрос о разграничении функций между партией и государством не раз ставился на различных этапах развития нашего общества. Но логика командно-административной системы диктовала сохранение и закрепление такой практики. Ко времени же проведения партконференции в стране уже была сформирована позиция по новым методам управления народным хозяйством, основанная на принципах экономической демократии.

Что касается партии, то после партийной конференции на всех уровнях, начиная с ЦК КПСС, произошел пересмотр ее функций и, соответственно, структуры всех партийных органов. Ликвидировались отраслевые отделы, существенно сократилось принятие совместных решений ЦК и Совмина, более четко происходило разграничение функций.

Правительство страны, а затем и парламент все больше приобретали независимость в своих действиях и самостоятельность в принятии решений.

Заслуга XIX партконференции не только в том, что она четко высказала свою позицию по этому и другим принципиальным вопросам жизни страны, но и наметила конкретные действия по их реализации.

Я, по-видимому, не ошибусь, если скажу, что, не будь этой конференции, не было бы и выборов в Верховный Совет СССР в 1989 году на совершенно новых принципах. Не было бы и многих нынешних лидеров государства, которые взяли старт в том, уже далеком начале 1989 года. Именно партия открыла шлюз для начала создания новой структуры государственной власти, добровольно уступая свое место, которое она занимала десятки лет.

Вторым этапом преобразования функций партии был март 1990 года, когда Третий съезд народных депутатов принял решение об отмене шестой статьи Конституции СССР.

Если на XIX партийной конференции предложения преобразований, реформирования партии и политической системы государства шли от руководства страны, т. е. имели «верхушечный характер», то к моменту отмены шестой статьи Конституции за это выступали большие массы коммунистов. Это говорит о том, что они осознали необходимость изменений и настоятельно требовали реформирования своей партии.

Хочу напомнить, что на этом Съезде, кроме введения должности Президента страны, были учреждены два государственных органа — Президентский совет и Совет Федерации. В Президентский совет входил по должности Председатель Совета Министров СССР.

Президентский совет, этот толком не созревший восьмимесячный плод перестройки государственной власти, практически взял на себя функции, которые раньше осуществляло Политбюро ЦК. Естественно, что Политбюро с этого времени фактически перестало функционировать.

Верховный Совет СССР, образованный летом 1989 года, в своей структуре во многом повторил отраслевые отделы ЦК КПСС, которые, как я уже говорил, в соответствии с решением XIX партийной конференции были ликвидированы в аппарате ЦК.

Я, как бывший глава Правительства страны, свидетельствую, что с этого времени Совет Министров СССР в своей практической

деятельности взаимодействовал с Верховным Советом СССР и Президентским советом, а не с ЦК КПСС.

Все основные вопросы внутренней и внешней политики, принципиальные экономические вопросы рассматривались в Президентском совете или на совместных заседаниях с Советом Федерации:

— в апреле — мае 1990 года на советах в течение трех дней обсуждался представленный Правительством проект перехода народного хозяйства на рыночные отношения. Именно объединенные советы после обсуждения поручили Председателю Совета Министров СССР доложить этот вопрос Верховному Совету страны;

— ход разработки плана развития народного хозяйства на 1991 год, принципов формирования бюджетов Союза и республик, основы налоговой политики и т. д.

Обсуждались здесь и конкретные экономические проблемы, стоящие перед страной: конверсия военного производства, проблемы жилья и другие подобные вопросы.

О рассмотрении государственных вопросов на сессиях Верховного Совета СССР, в его комитетах и комиссиях мне нет необходимости говорить подробно, так как все это транслировалось по телевидению и освещалось в средствах массовой информации.

Я хочу лишь напомнить некоторые эпизоды: утверждение членов Правительства, рассмотрение планов экономического развития страны, ход выполнения их, развитие отдельных отраслей народного хозяйства и т. д. Все это раньше делалось в аппарате, Секретариате и Политбюро, на Пленумах ЦК.

Перелом произошел. И если по инерции некоторые вопросы государственного характера, в том числе не имеющие принципиального значения, еще решались в стенах ЦК, то я это объясняю как инертность и неорганизованность в отработке четкой системы взаимодействия государственной и партийной сфер. Во многом это объясняется и неорганизованностью бывшего Генерального секретаря ЦК.

Например, Совет Министров СССР после марта перестал направлять в ЦК предложения по назначению высших должностных лиц, и в то же время на каком-то этапе была полная неразбериха в этом вопросе между Президентом и Верховным Советом.

Начавшееся в 1989 году реформирование партии проходило сложно. Слишком глубокими были корни заложенных принципов ее функционирования. И было бы наивно ожидать, что все члены партии по единой команде строем сделают поворот.

Кульминацией реформирования стал XXVIII съезд КПСС. Июль 1990 года был самым сложным в истории партии последних десятилетий. Была жесткая критика в адрес руководства партии, горячие дискуссии о ее новых принципах деятельности в изменившейся политической системе, о путях развития экономики и т. д. Объективно говоря, партия должна была пройти через это чистилище для того, чтобы стать обновленной.

Прогрессивные силы победили на этом съезде. К примеру, наряду с другими документами была принята резолюция об отношении партии к переводу экономики на рыночные пути развития.

Я осознанно подробно останавливаюсь на этих этапах жизни партии. Мне тоже, как я уже говорил, не все нравилось в действиях партии того периода. Но надо объективно и честно ответить на вопрос: менялась ли партия или она до конца оставалась на ортодоксальных позициях и была тормозом демократических преобразований общества.

Вы обратили внимание, что я все время говорю о КПСС? Российская компартия родилась в новых условиях и, к счастью, не взяла с собой старой болезни КПСС.

Сейчас идет повальное топтание партии, выходящее за самые элементарные нормы приличия, тем более что она не в силах ответить на это.

Как член партии я верил, что она будет обновленной, будет выражать и защищать интересы народа. Я свидетельствую, что реформирование партии было направлено на демократизацию страны. Она шла по этому пути.

Но кому-то очень нужно было искусственно прервать рождение обновленной партии.

Естественно, возникает вопрос: как мощные удары по партии, а затем и прекращение ее деятельности сказались на общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране?

Я не намерен делать полный анализ этих последствий, но на некоторых принципиальных считаю необходимым остановиться.

Первое. Партия действительно во многом занималась несвойственными функциями, о чем я говорил в начале своего выступления. Нужно было четко провести передачу несвойственных партии функций государственным структурам.

В стране был мощный стержень — партия, вокруг которого формировалась общественно-политическая и экономическая жизнь. Второй — государственный стержень — представительная, исполнительная и правовая власти — был во многом несовершенен.

После XIX партийной конференции партия стала передавать эти функции государственным органам. Органы государственной власти в силу десятилетиями сформированной системы оказались неподготовленными ни организационно, ни юридически, чтобы сразу взять на себя эти функции. Требовалось время для создания совершенно новой системы правового государства. Требовалось время для того, чтобы общество функционировало в соответствии с законами.

К сожалению, эти процессы не проходили синхронно. Одно быстро разрушалось, другое в муках рождалось. Управляемость страной терялась. Последствия не замедлили сказаться.

Второе. Самой большой трагедией этого века является распад государства под названием СССР.

При всех своих недостатках КПСС не ставила перед собой задачу разрушения Союза. В последние годы она выступала за расширение суверенитета союзных республик, наделение их значительно большими правами, но в составе единого государства.

Массированный прессинг на партию, а затем и прекращение ее деятельности сняли сдерживающие начала этого разрушительного процесса, закончившегося, как известно, декабрьской трагедией. Я не говорю уж о том, что партия, имея разветвленную вертикальную структуру, являлась соединительным элементом всех составных частей Союза.

В то же время не окрепшая государственная власть как в центре, так и на местах не могла по-настоящему противостоять этим разрушительным действиям.

Убежден, что этот процесс не был стихийным. Он целенаправленно проводился еще в 1990 году. В так называемой программе «500 дней» не было даже термина «государство». Это был

один из главных пунктов разногласий Правительства с авторами этой программы. Напоминаю, что это происходило летом 1990 года.

Какие в результате этого мы имеем политические и экономические последствия, нет необходимости объяснять. Они перед нашими глазами.

Третье. Мною было уже сказано о ранее существовавших отношениях партии и экономики. Я хочу объективно дать оценку роли КПСС в последние годы при переходе на новые формы хозяйствования, новые формы собственности и т. д.

Переход на рыночные отношения в нашей стране был сложен и противоречив. Общество неоднозначно относилось к нему, а авторы этих предложений в лице Правительства подвергались жесточайшей критике. Но происходила эволюция взглядов. Происходила эволюция и в партии.

В конечном итоге, как уже говорилось, XXVIII съезд партии принял резолюцию по этому вопросу. Партия поддержала переход экономики на рыночные отношения. В то же время подчеркивалось, что рынок не самоцель, а средство достижения социальных целей и максимального развития творческих сил страны. Это должна быть социальная рыночная экономика, регулируемая государством в той степени, которая позволяет эффективно развивать производительные силы и социально защищать население.

Не менее острым вопросом явились сроки перехода на рыночные отношения. Здравые силы понимали, что это процесс длительный и сложный, а так называемая программа «500 дней» со своей «шоковой терапией» являлась большим блефом. Было ясно, что эта программа была рычагом острой политической борьбы, которая разворачивалась в то время в стране.

Я не собираюсь вступать сейчас в полемику с моими бывшими оппонентами. И не Бог им судья, а наша сегодняшняя жизнь. Мне нет необходимости говорить о сегодняшней экономике, о жизни российского народа. Сегодня он испытывает немалые тяготы, находится в унижительном положении. Позорным пятном нашей действительности является беспросветная бедность, на которую обрекаются не только старики и дети, но чуть ли не девять десятых населения.

Чтобы меня не обвинили в предвзятости и необъективности, я приведу здесь выводы иностранных специалистов. «В экономике бывшего СССР в течение этого столетия были только два кризиса, сопоставимые по масштабам с нынешним спадом. Один — в первые годы Второй мировой войны, когда в 1941–1942 годах национальный доход сократился на 34 процента, при том, что была оккупирована большая часть европейской территории Советского Союза, а промышленное производство сократилось в годы войны на 23 процента. Другой кризис — в годы Первой мировой войны, революции 1917 года и гражданской войны, когда национальный доход уменьшился в три раза, а промышленное производство — в пять раз».

Но это же было в военные лихолетья! Почему идет обвальное падение производства? Кто же сейчас несет ответственность за содеянное? Коммунисты? Так они уже больше года находятся под запретом. И не надо сегодня искать врагов реформ. Надо говорить о том, как они проводятся. И, проводя иную политику, нынешнее руководство страны имело бы в лице партии оппозицию здравого смысла. А здравый смысл позволил бы избежать нынешних шоковых потрясений.

И последнее. Устранение компартии с политической арены преследует далеко идущую цель — запрет социалистической идеи как таковой.

Идею нельзя запретить, она не умирает. Идею можно загнать в подполье, можно преследовать ее приверженцев, но ее нельзя убить. Основанием для прекращения деятельности партии называются доводы, что социализм виновен во всех наших бедах. Но не идея виновна в этом, а те люди, которые называли социализмом с различными прилагательными то, что никак не соответствовало его сути.

Идею возвышают или принижают исполнители. Истинная демократия терпима к любым взглядам, даже самым крайним. И победит тот, чьи идеи ближе к чаяниям народа.

Исходя даже из перечисленных проблем, прекращение деятельности партии сказалось на судьбе нашего государства. Хотелось бы надеяться, что, принимая решение, Высокий суд учтет эти доводы.

Уважаемый суд!

Наша страна сейчас больна и находится в глубоком кризисе. Всех нас беспокоит ее судьба, судьба нашего многострадального народа. Как выйти из такого состояния? Совершенно очевидно, что без объединения всех сил общества, без их взаимного согласия на компромиссной основе невозможно решить стоящие перед государством проблемы. На мой взгляд, выход из глубокого кризиса сейчас возможен либо нахождением общего языка с оппозицией и принятием взаимоприемлемых решений во благо народа и государства, либо подавлением инакомыслия и возвратом к тоталитарному управлению, но в новой упаковке. Тем более известно, что анархия всегда приводит к абсолютизму.

Наш знаменитый соотечественник Александр Солженицын недавно сказал пророческие слова: «Погибнет та страна, где одинаково ругательными стали слова «демократ» и «патриот».

Понимали ли Президент России и его ближайшее окружение ответственность перед будущим нашей страны, когда одним росчерком пера «для разрядки» была прекращена деятельность пятнадцатимиллионной партии? Понимал ли это присутствовавший там Генеральный секретарь ЦК КПСС и Президент страны, беспомощно пытавшийся что-то сказать?

Все это напоминает времена «революционной необходимости», когда были запрещены другие партии, разогнано Учредительное собрание. Спустя 70 лет все повторяется. Мы не делаем выводов из нашей истории.

Если быть объективным, к августу 1991 года КПСС не была уже правящей партией. Но демократическое общество, правовое государство не может жить без оппозиционных противовесов.

Зарождение демократических основ в стране в конце 80-х годов было сложное. Но оно и тогда не пресекалось искусственно. Наоборот, иногда даже преднамеренно создавалась обстановка для выражения инакомыслия. Так почему это происходит сейчас? Отвечает ли это демократическим принципам? Вот на эти вопросы и надо дать ответ в Конституционном суде, а не делать глубинные рейды в прошедшие десятилетия этого века. Там много осталось и хорошего, и плохого. История у нас одна. Ее нельзя изменить, ей нельзя мстить. Переписать историю можно только искусственно.

В бывшем СССР сейчас полыхают пожары на межнациональной почве, идут необъявленные войны между ныне суверенными государствами. Так неужели недостаточно этого людского горя и нам надо расколоть народ России уже по партийно-политическому признаку? Думая о судьбе КПСС, надо думать о судьбе нашей страны. С этих позиций Конституционный суд, на мой взгляд, получающий доверие народа, должен принять единственно правильное решение — не допустить дальнейшего раскола общества со всеми вытекающими последствиями.

В этом историческая роль нового для нас института судебной власти, его роль в становлении новой России. Объективность предстоящего решения Конституционного суда заложит основу настоящей независимой третьей власти, о которой так много говорится, но мало что сделано. Именно объективность и непредвзятость откроют дорогу к созданию правовой основы жизни страны.

История партии сложна, как сложна история всего нашего государства. Несмотря на ее трагические страницы, именно народ ценой своего благополучия сделал нашу державу великой. И в этом в первую очередь участвовали миллионы коммунистов. Можно ли сейчас их в этом упрекнуть? Поэтому я не считаю свою партию преступной! Для России уходящий век явился одним из самых значительных и трагических. Значительным потому, что ни одна другая держава не пережила столь серьезные социальные и революционные потрясения, а трагическим потому, что ни один другой народ на земле не перенес столь драматических испытаний.

Хватит с нас всевозможных шоковых экспериментов! Нам нужны национальное примирение и гражданское согласие. Отмена указов будет определенным шагом к этому. Для судьбы России это сейчас главное».

Я специально остановился на вопросе о КПСС, о ее героической и трагической судьбе.

Героизм партии заключался в том, что, взвалив на себя в определенной исторической обстановке функции управления государством, она создала великую державу, выстоявшую ценой неисчислимых жертв перед самыми тяжкими испытаниями.

Трагедия же ее в том, что она своевременно не почувствовала тех неизбежных перемен, которые уже витали в воздухе. И в результате она оказалась в общественной изоляции. И не рядовые члены партии виновны в этом, а ее руководители. Именно они предали партию, страну и народ.

Трагедия ее также и в том, что сама партия, на протяжении десятилетий имея монополию на власть, потеряла свою способность к политической борьбе, поскольку в стране не было никаких оппозиционных сил в виде других партий и общественных движений. В результате партия как единый организм потеряла свои лучшие качества — боевитость, самопожертвование, бескорыстие... Произошло ее одряхление.

Сегодня партии коммунистической направленности восстанавливают силы. Народ начинает понимать, кто является выразителем его интересов, а кто завел его в нынешний «рай».

И, заканчивая эти размышления, хочу еще и еще раз повторить: я не считаю свою партию преступной!

Глава 9. Чернобыльская трагедия

XXVII съезд закончился в начале марта 1986-го. Прошел он не без дежурных выступлений, не без привычно громких фраз. Но в целом по-деловому. Чувствовался уже поворот от парадности и шумихи к осмыслению реального положения в стране. Пусть не громко, не с надрывом, что стало чуть ли не обязательным в дальнейшем, но делались первые попытки ответа на классический вопрос: «Что делать?».

Что делать с экономикой, которая уже не могла терпеть переливания из пустого в порожнее: пустому требовалось дать хоть какое-то содержание и порожнее худо-бедно наполнить. Впрочем, ответ на этот вопрос, как я уже говорил, готовился нами давно. Так что сам Съезд для нас, экономистов, производственников, был лишь некой вехой, от которой можно было начинать дистанцию.

И все бы шло по плану — пусть даже с неизбежными коррективами со стороны партии и жизни. Да только судьба вновь послала стране тяжкое испытание. Не мне судить: справедливое или нет. Пусть я субъективен, но до сих пор уверен: такого она не заслужила, нет! Всегда считал себя далеким от церковных обрядов и сегодня не очень понимаю бывших партийных лидеров, которые взяли моду приходить по большим религиозным праздникам в Церковь, стоять с постными лицами перед образами. Уж если тебя озарило и ты пересмотрел так быстро свою жизненную философию, то верь в это внутренне, не кощунствуй. Но тогда всерьез мелькнуло: за что ж ты нас так, Господи!

26 апреля пришлось на субботу. Уже собирался уезжать рано утром на работу, когда притормозил меня резкий звонок «вертушки». Звонил министр энергетики Анатолий Иванович Майорец.

— Извините, что беспокою, — взволнованно сказал он, — но, кажется, ЧП на Чернобыльской атомной...

— Кажется или ЧП? — перебил я. — Подробнее можно?

— Подробностей пока не знаю. Связываемся с Чернобылем.

Я глянул на часы.

— Через полчаса буду у себя в кабинете. Надеюсь, вам хватит времени, чтобы дозвониться и все выяснить?

Говорят, что в мгновенья опасности включается шестое чувство. Уж не знаю, какое включилось у меня, но ехал в Кремль и только об этом звонке думал, просчитывал варианты. Увы, но все они оказались неизмеримо далеки от реальности. Видно, человек подсознательно стремится уйти от самого худшего...

Вошел в кабинет, сразу нажал кнопку прямой связи с Майорцем.

— Что там случилось?

— В 1 час 23 минуты на четвертом блоке Чернобыльской атомной электростанции произошел мощный взрыв, после чего начался пожар.

Я уточнил, еще надеясь на лучшее:

— Где взрыв? В машинном отделении?

— Нет, — ответил Майорец, — в реакторе.

Взрыв в реакторе — это было страшно. Пожар в реакторе — еще страшнее. Ночной кодовый сигнал со станции гласил: «Один, два, три, четыре». Эти цифры означали все виды опасности: ядерную, радиационную, пожарную, взрывную. Последствия — ближайшие и отдаленные — предсказать было невозможно.

Неясная пока обстановка в маленьком украинском городке требовала немедленных действий. Поэтому я приказал Майорцу безотлагательно лететь в Киев, добираться к месту катастрофы, а сам вызвал к себе совминовских специалистов. Наскоро прикинул с ними состав Правительственной комиссии, куда в первую очередь должны были войти ученые-атомщики, реакторщики, химики и другие специалисты.

В 11 утра постановление о создании Комиссии было подписано. А в это время помощники разыскивали по телефону председателя Бюро по топливно-энергетическому комплексу, моего заместителя Бориса Евдокимовича Щербину, который накануне улетел на газовые промыслы в Оренбургскую область. ЧП есть ЧП: Щербину отыскали быстро. Я коротко сообщил ему о взрыве, о составе комиссии сказал:

— Срочно вылетайте в Москву! Члены комиссии будут ждать вас на аэродроме, самолет уже готовят, так что сразу — в Чернобыль.

В 16.00 в Киев ушел спецрейс из Внуковского аэропорта.

Вот что надиктовал потом на магнитную пленку академик Валерий Алексеевич Легасов, тем быстрым специальным рейсом тоже

улетевший в беду:

«...Мне тогда и в голову не приходило, что мы двигаемся навстречу событию планетарного масштаба, событию, которое, видимо, войдет навечно в историю человечества, как извержения знаменитых вулканов, гибель Помпеи или что-нибудь близкое к этому».

Никому это еще не приходило в голову, слишком мало было информации, которая, как считается, — мать интуиции. Впрочем, моя интуиция (то самое шестое, седьмое, шестнадцатое чувство!) уже отвратительно подмораживала сердце. Ждать и догонять — мучительные занятия. В тот вечер мне выпало ждать.

Комиссия попала в Чернобыль около восьми вечера. Щербина позвонил мне совсем поздно, устало и с болью рассказал о случившемся. Вкратце так: во время нештатного испытания турбоагрегата на четвертом блоке АЭС последовательно произошли два взрыва. Реакторное помещение разрушено, несколько сот человек получили лучевой удар, двое погибли, радиационная обстановка сложная и пока до конца неясная.

Он сообщил, что Комиссия работает, разбившись на маленькие группы, каждая по своему профилю, но уже очевидно, что без военных не обойтись. Срочно нужны вертолеты, лучше тяжелые, нужны химические войска, и поскорей, поскорей...

Немаловажно отметить, что Комиссия обнаружила полностью деморализованное руководство станции и с этого часа все управление работами взяла на себя. Нужны были железная воля и профессионализм. Несколько лет спустя бойкий тележурналист настойчиво вытягивал перед телекамерой из бывшего директора станции «момент истины», согласно которому не он, нарушивший порядки и инструкции, должен был находиться в заключении, а вот те, кто в то время сидел в Кремле. Вот так-то!

Министра обороны С. Л. Соколова на месте не оказалось: в командировке. Дозвонился до начальника Генерального штаба маршала С. Ф. Ахромеева. Я рад был, что именно он взял на себя организацию переброски требуемых воинских частей к АЭС. Мне нравились его педантичная четкость, его немногословность, умение уходить от суеты и паники даже в самых трагических ситуациях, делать то, что нужно сию минуту, и не размениваться на пустяки.

Казалось бы, чему тут удивляться? Военный же человек! К сожалению, я встречал и других военных... Не знаю, кому и какие приказы он отдавал, но уже к воскресному утру в Чернобыле были и вертолетчики, и химики. Утром же прилетел туда и командующий химическими войсками генерал В. К. Пикалов. Впоследствии за ликвидацию этой аварии он заслуженно получил звание Героя Советского Союза. Забегая вперед, замечу, что мы с Сергеем Федоровичем Ахромеевым так и прошли вместе всю нашу «Чернобыльскую эпопею». Благодарен судьбе, что именно он, а не кто-то другой реально руководил действиями армии, хотя формально руководство осуществлял, конечно же, министр обороны. Но я на собственном опыте отлично познал разницу между формальным и реальным.

Вновь забегая вперед — еще дальше, много дальше...

Мне стыдно даже вспоминать, как издевалась на Верховном Совете СССР над этим пожилым уже человеком, участником Отечественной войны, Героем Советского Союза известная «воительница с привилегиями». Да только ли она, только ли над ним? Неужели не снится он ей сейчас по ночам? Прости их, Сергей Федорович, может, и впрямь не ведали, что творили? Как же несправедливо, что боевой маршал, битый-перебитый, все знавший и все понимавший, умный и честный человек, вынужден был в августе 91-го года так ужасно уйти из жизни! Или его вынудили уйти?..

Ночью Б. Е. Щербина позвонил вновь. Я ему передал разговор с Ахромеевым, он в ответ сообщил о решении Комиссии экстренно эвакуировать жителей Припяти — городка, который вырос рядом со станцией: радиационный фон там превышал норму. О сне в эту ночь даже не думалось. Проклятое состояние пассивного ожидания нарушали, к счастью, деловые звонки Щербины, на которые я прямо-таки бросался, пугая жену.

А в это время по ночным дорогам в Припять шли автобусы, их было больше тысячи. Украинские железнодорожники пригнали в Припять три спецсостава. Комиссия, в которую на месте вошли представители соседних с Чернобылем районов, спешно определяла ближайшие пункты для временного расселения эвакуируемых.

Эвакуация началась в воскресенье в 14.00, и ровно через три часа в Припяти не осталось никого. Сорок тысяч человек покинули свои

обжитые дома, бросили хозяйство, добро, собираемое годами, ушли в неизвестность.

В понедельник 28-го состоялось заседание Политбюро. Я докладывал первые результаты работы Правительственной комиссии. Естественно, сказал об эвакуации. О ситуации на станции: четвертый блок разрушен, третий остановлен, первый и второй работают, хотя радиоактивное загрязнение там достаточно высоко.

Вертолетчики во главе с генералом Антошкиным начали облет взорвавшегося блока. Установили, что реактор и реакторный зал полностью разрушены, куски графитовых блоков выброшены взрывом на открытые площадки. Из жерла реактора на сотни метров встал белый столб дыма — видимо, от сгоревшего графита — а внутри остатков реактора отчетливо видно малиновое свечение.

Главный вопрос — продолжает ли реактор работать, то есть идет ли процесс накопления радиоактивных изотопов, — решен был отрицательно: Легасов подобрался к реактору на бронетранспортере и лично убедился, что реактор «молчит». Но продолжает гореть графит, процесс этот долог и чрезвычайно опасен. Идет поиск средств для надежного гашения...

Всем было ясно, что ситуация сложилась и впрямь чрезвычайная, опасная не только для Чернобыля. Экология всей европейской зоны страны оказалась под серьезнейшей угрозой. На следующий день была образована Оперативная группа Политбюро, взявшая под контроль ситуацию. Возглавить Группу поручили мне.

Сейчас можно, вероятно, кинуть в нас очередной камень: мол, еще одно партийно-государственное бюрократическое формирование вместо дела. Мол, не заседать надо, а действовать... Еще раз напомним: беда случилась в начале 86-го, авторитет Политбюро был непререкаемым. Только его именем можно было задействовать все и всех в стране, а события, понимали мы, шли к тому.

Один пример. Довольно быстро Комиссия Щербины (опять же Легасов предложил) нашла способ тушения реактора: забрасывать свинцом с воздуха. И один мой телефонный звонок заставил повернуть на Чернобыль все железнодорожные составы на дорогах страны, груженные свинцом. Сразу! И никто не посмел возражать...

Да, в беде, в условиях катастрофы мы умеем работать, Умеем делать все, что необходимо, без лишних понуканий.

Но, во-первых, страна тогда, в последние дни апреля 86го, еще плохо представляла себе, что несет с собой чернобыльский ад, все еще только начиналось. Аврал в те часы существовал лишь для тех, кто понимал истинное положение дел.

Даже в городе энергетиков Припяти в ночь на субботу праздновали свадьбы, да и сама эвакуация прошла легко, без особого трагизма. Кое-кто даже на своих автомобилях уехал: дозиметрический контроль еще не встал на дорогах. Справедливости ради добавлю, что ко дню эвакуации уровень загрязненности города был все-таки не слишком опасен.

Нет, поверьте мне, опытному производственнику, умевшему разбираться в уровне руководящих приказов: если известно, что во главе стоит Политбюро, любой исполнитель любого ранга сделает все беспрекословно и точно. Это и есть «во-вторых» и в главных... И что бы ни говорили сейчас о Политбюро, это был коллективный орган. Решения его были обязательны для исполнения. Да, такова была система. Но простите меня за кощунство, слава Богу, что Чернобыль случился не нынче, а тогда...

Оперативная группа заседала ежедневно, а в первые дни и по два раза. В комнате заседаний оборудовали ВЧ-связь усилителями, чтобы все присутствовавшие могли слышать переговоры с Чернобылем. Любой вопрос из этой зоны решался немедленно. С нами работали все, кто мог хоть чем-то помочь, что-то подсказать. Любой запрос удовлетворялся сразу. Сегодня я просматриваю записки, которые вел по старой своей привычке на каждом заседании: более четырехсот конкретных вопросов разрешили мы. Или скажем точнее: помогли разрешить, сделали решение возможным.

Не могу еще раз не процитировать магнитофонный «дневник» академика Легасова:

«Я не знаю ни одного ни крупного, ни мелкого события, которое не было бы в поле зрения Оперативной группы Политбюро. Должен сказать, что ее заседания, ее решения носили очень спокойный, сдержанный характер, с максимальным стремлением опереться на точку зрения специалистов, но всячески сопоставляя точки зрения различных специалистов. Для меня это был образец правильно организованной работы... При этом в своих решениях Оперативная

группа стремилась всегда идти по пути максимальной защиты интересов людей».

Полагаю, безвременно ушедшего из жизни академика вряд ли можно заподозрить в верноподданнической любви к формально партийному органу. Слова Легасова до сих пор остаются лично для меня лучшей наградой.

Увы, но гражданские власти в первые дни очень скверно справлялись с «защитой интересов людей». Медицина оказалась попросту неготовой к работе в экстремальных условиях, когда счет шел даже не на часы — на минуты. И вновь пришли на помощь военные: началась мобилизация резервистов, как это в нашей армии принято, в законсервированные медицинские батальоны, готовые мгновенно развернуться по тревоге. Она уже была — тревожной не помнили. Пять полностью укомплектованных батальонов сумели сделать многое из того, что должны были делать гражданские медики.

Грустно становится, ибо кто вошел в резервные батальоны? Да гражданские же медики и вошли! Что же это мы — без палки, пусть простят меня военные за вольный термин, работать не умеем? Собранности не хватает? Ответственности? Дисциплины? Хорошо, что у армии все эти качества окончательно еще не вымерли. Однако нынче дело идет к тому, что эти традиционные ее свойства катастрофически теряются. В ней, как и во всем нашем обществе, процветают воровство, коррупция, расхлябанность. Армия является частью общества и не может существовать вне его. И пороки общества являются и ее пороками.

А ведь это не само собой произошло. Вот уже несколько лет целенаправленно идет дискредитация и разложение Российской армии. Человек в шинели в нашей стране всегда был последней надеждой, опорой и символом защиты соотечественников. Сейчас же армейские танки в упор, прямой наводкой расстреливают свой же парламент...

Вернемся к теме главы. Столь же бездарно «прокололась» и наша прославленная гражданская оборона. Ненужными оказались все эти пресловутые занятия с примеркой противогазов и разглядыванием плохо нарисованных плакатов. Верно сказано: гладко было на бумаге... В теории наши «гэошники» куда как заматерели, а в реальности выгоняли на зараженные улицы поливомоечные машины — щетками

пыль скрести. Пришлось увеличить численность военных химиков в зоне поражения, и они не подвели.

Лекарств, как и следовало ожидать, пугающе не хватало. Первого мая, если не ошибаюсь, мы приняли решение о закупке их за рубежом. Пятого мая продавцы уже были найдены, и лекарства начали поступать в страну.

Я позволю себе сделать небольшое отступление от хронологии событий. Только что было сказано о закупке лекарств. Подобные решения принимались и по приобретению техники за рубежом: роботов, специальных кранов, химических реагентов и т. д. И за все это надо было платить валютой. Затратили примерно 60 миллионов инвалютных рублей, или по тогдашнему курсу 100 млн. долларов.

Меня угнетал и возмущал неприкрытый цинизм западного «цивилизованного» общества. Оно не только не оказало материальной поддержки, но даже сочувствия не выразило. К нам относились в то время как к прокаженным. И только отдельные организации, специалисты и предприниматели предложили свою помощь.

Несколько позже в беседе с премьер-министром Швеции И. Карлссоном я выразил недоумение.

— Вы на Западе должны благодарить нас, — сказал я. — Никто и никогда не застрахован от планетарных катастроф, в том числе и в ядерных делах. Наша страна и народ испытали весь этот ужас, но мы и накопили бесценный опыт, который нужен всем, всему миру. То, что произошло у нас, — это наш крест, а то, что Запад стоял в стороне в то время, — дело вашей совести.

...Не люблю руководить только из начальственного кресла, как это у нас принято. Всегда хочу своими глазами видеть то, что делается. Информация из Чернобыля шла непрерывным потоком. Вряд ли тогда хоть кому-то могло прийти в голову что-нибудь скрыть. Но информация — это лишь документы, телефонные разговоры... Меня же какая-то тревога не оставляла, точила, не уставая: все ли мы знаем, все ли верно делаем? А тут — как раз 1 мая — Лигачев, он входил в Оперативную группу Политбюро, подошел ко мне с теми же сомнениями. Решили на следующий же день вылететь в Киев. Соблюдая субординацию, сообщили о нашем решении Генеральному секретарю. Он немедленно и активно нас поддержал: езжайте, мол, на месте все увидите.

Честно говоря, я ждал, что он — глава партии и государства — тоже захочет полететь с нами. Но никакого такого желания он даже не высказал. Даже в виде предположения не высказал...

Отвлекаясь от хода событий, хочу сам себе вопрос задать: почему Горбачев проявил такую странную личную пассивность? Почему он так и не был в горящем Чернобыле? Почему он не приезжал в «горячие точки», когда они и впрямь становились таковыми? Ни в Карабах, ни в Тбилиси, ни в Сумгаит, ни в Баку, ни в Вильнюс...

Ведь он с первых же дней своего правления усиленно и не без успеха лепил свой собственный образ любимца народа. Шел к людям, говорил с ними прямо на улицах, хотя, честно, разговоры эти довольно скоро приелись своей магнитофонной однообразностью. Он не боялся пресс-конференций. Он легко чувствовал себя под направленными в упор телеобъективами. Он умел и хотел нравиться всем.

А тут — как что, так в кусты... Ведь любому ясно, сколько людских симпатий вызвало бы его даже краткое — пусть на несколько часов — появление в том же Чернобыле! Сколько, к слову, уверенности прибавило бы оно и самим чернобыльцам! Вон столь влюбленная в Горбачева «железная» Маргарет Тэтчер — она ж ни одного ЧП в Великобритании не пропустила: на месте авиакатастрофы или на расстрелянной улице Белфаста — везде появлялась ее хрупкая фигурка. Ее — женщины!

Тем более что ведь было однажды, когда в Башкирии взорвался газопровод, протянутый рядом с железной дорогой, и взрыв унес сотни жизней, десятки судеб искалечил. Ведь тогда Горбачев после моей информации сам вызвался лететь со мной к месту катастрофы! Почему же только однажды?

Кстати, когда мы с Лигачевым прилетели в Киев, то оказалось, что ни Первый секретарь ЦК Компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий, ни его ближайшие соратники за эти уже долгие дни ни разу не удосужились побывать в зоне бедствия! Нас ждали? Единственной из высшей власти, побывавшей до нас в зоне, была Валентина Семеновна Шевченко — Председатель Президиума Верховного Совета республики. Видно, женщины быстрее откликаются на беду.

Мы, повторяю, прилетели. И тут же пришлось отказаться от посещения Киева и настоять на немедленной поездке в Чернобыль. И

лучше — побыстрее.

Однако побыстрее не получилось. По дороге останавливались в тех экологически чистых населенных пунктах, куда вывезли часть жителей Припяти. Вопросов с их стороны было, естественно, много. Но отмечу факт, который сейчас может и удивить: явственное ощущение спокойствия. Сегодня не без горечи думаю: спокойствие — дитя как раз незнания. Взрыв был внешне страшен, но одномоментен. Главная опасность входила в жизнь людей медленно, неуклонно, но абсолютно невидимо. Незаметно. Людям еще только предстояло осознать беду.

Помню старушку, которая искренне жаловалась мне: «Такую хорошую картошку пришлось бросить! Хотела хоть мешок взять — не дали, «грязная», говорят. А какая ж она грязная? Картошка и картошка...» Впрочем, может, эту старушку я не в тот раз встретил, может, в следующий мой приезд. Да какая разница. Сколько людей и поныне у нас не понимают, недооценивают угрозу радиационного заражения! Одни теперешние коммерческие операции с радиоактивными материалами чего стоят!

Штаб Правительственной комиссии осел в здании райкома партии. Нас уже ждали. Об обстановке коротко рассказали Щербина, Легасов, Майорец, Велихов, председатель Госгидромета Израэль. Потом медики выступили, химики о своих проблемах, а вернее, об общих.

Легасов в воспоминаниях абсолютно прав: мы во всем ориентировались только на мнения специалистов. Но был вопрос, который предстояло решить именно нам. Мне. На стол легла крупномасштабная карта, на которой нанесена была неровная, уродливая клякса — Зона опасного радиоактивного поражения, откуда следовало эвакуировать жителей. Если ткнуть иглой циркуля в точку с надписью «Чернобыль» и провести окружность радиусом в 30 километров, то самые длинные и тонкие «языки» Зоны уперлись бы в нее. Правда, в очерченном круге оставались и не попавшие в Зону места, где уровень радиации, по представленной информации, позволял жить...

Все ждали решения. Ошибиться нельзя было.

— Эвакуировать людей будем из тридцатикилометровой зоны.

— Из всей? — переспросил кто-то.

До этого спорили, предлагали: давайте не станем торопиться, еще раз уточним границы Зоны. Их же все-таки с некоторым запасом определяли. К тому же вертолетная радиационная разведка — а иной там нельзя было провести — не самая точная.

Всегда любил поговорку: семь раз отмерь... Увы, но в тот момент она не подходила к ситуации. Времени не оставалось семь раз отмерять, следовало торопиться. Экономить, выгадывать на эвакуации, на здоровье людей — этого я ни понять, ни принять не мог. Лучше перестраховаться, а то как бы потом не просто дороже, а хуже для людей не вышло...

— Из всей! — решительно подвел я черту. — И начинать немедленно.

Когда спустя несколько часов мы возвращались в Киев, навстречу нам шли в Зону сотни пустых автобусов: казалось, что вся дорога от Чернобыля до Киева была ими занята. В Зоне должны были обезлюдеть 186 населенных пунктов.

Щербина уехал днем позже. Он к тому времени схватил солидную в сумме дозу радиации. Потом он еще не раз прилетит сюда, вплоть до 89-го летать станет, еще добавит к той черной сумме новые рентгены... Не они ли в итоге сократили ему жизнь?

В Зоне остался так называемый сменный состав Комиссии. А возглавляли ее по очереди, после Щербины, Силаев, затем Воронин, Маслюков, Гусев, Ведерников, Толстых, украинцы Масол, Мостовой... Если кого запомнил, не обессудьте.

Когда к осени 86-го радиационная обстановка стабилизировалась, да и работы в Зоне вошли в организованное русло, сменные «дежурства» прекратились.

В 89-м у Чернобыля уже «дежурили» все, кому, как говорится, не лень было, кто хотел на общенародной беде сделать себе громкое политическое имя. Легион их — «дежурных», соревнующихся в недетской игре под названием «Кто громче крикнет»...

А в те первые дни даже журналисты, прорвавшиеся в Зону, писали о трагедии в основном как лишь о прискорбном происшествии. Оно, как считали многие, закончится достаточно благополучно. Они, к сожалению, ошиблись. Стоит ли их винить? Или по новейшей привычке будем призывать к ответу партократов, которые изо всех сил скрывали от народа горькую правду?

Даже бывший выдающийся партократ, а потом вовремя обрядившийся в демократические одежды Шеварднадзе в своих мемуарах бросает камни в коллег, членов ПБ. Из-за их косности-де он не мог сразу же, в первые дни катастрофы, доложить все о ней миру. Он, по-видимому, в те дни это все знал, в отличие от нас, тех, кто каждый час, каждый день по крупинкам собирал данные, анализировал их, делал выводы.

Удивляться такому заявлению не приходится. Этот человек прошел все мыслимые и немыслимые ступеньки восхождения «наверх», он действительно ас высшего пилотажа — от всенародного демонстрирования поцелуев с немощным Брежневым на съезде до хаоса и людской крови в своей родной Грузии. Он всегда ведь прав!

Недавно мне стало известно, что едва не «зарубили» на выборах в Российской академии наук Юрия Антониевича Израэля лишь потому, что он в то время был председателем Госкомгидромета и, дескать, скрывал от начальства истинное радиационное состояние. И в такие игры играют более чем взрослые дяди? Да если бы он даже захотел это сделать (непонятно, зачем?), ничего не получилось бы. Перепроверка всех радиационных данных проводилась военными, геологами, атомщиками и т. д. Возьмите, уважаемые господа сомневающиеся, карты радиационной обстановки по каждому дню — и вы убедитесь в этом. Думаю, что они сохранились в Генштабе. И именно на основании таких проверенных и перепроверенных данных и принимались необходимые решения как в Центре, так и в пострадавших республиках.

Я, например, даже не думал, что «тете Клаве» из далекого сибирского села было необходимо иметь данные о радиации в бэрах в какой-нибудь белорусской деревне. Мне о том и думать тогда было некогда. У меня в голове другая «тетя Клава» занозой сидела. Тысячи их надо было везти из Зоны, поселить более-менее сносно, одеть, накормить, помочь наладить жизнь заново.

Не надо также забывать, что был всего лишь май 86-го. О такой хитрой штуке, как «гласность», еще никто и не слыхивал, хотя, кстати, этот термин был принят на вооружение еще в Февральскую революцию 17-го года.

Впоследствии было немало нареканий по поводу того, что данные о радиационной обстановке в той или иной местности, в конкретном

населенном пункте доводились только до руководства этих республик, а не публиковались в дальневосточной, например, печати. Мне говорят: была бы гласность, сколько жизней можно было бы спасти, сколько людского здоровья сберечь! Я в ответ удивляюсь: это как? А так, говорят, что мощное общественное мнение сильно повлияло бы на всяких начальников, чтоб они вертелись побыстрее и поэффективнее. Узнавшие же о всенародной беде добровольцы рванулись бы на помощь Чернобылю со всех концов державы.

Не могу с этим согласиться. От добровольцев в те дни отбоя не было. Шли тысячи писем с просьбой направить их на работу в Зоне. Разве под пистолетом приехали в Чернобыль шахтеры и строители, энергетики и мелиораторы, физики и геологи? Да возможно ли всех перечесать?! Кто заставил участника Отечественной войны и «афганца» генерала Валентина Ивановича Варенникова и других генералов, офицеров и солдат глотать зараженную пыль? Не отсутствие гласности, а беда человеческая толкнула их туда в ущерб своему здоровью.

Лишь спустя год-два о Чернобыле заговорили в печати всерьез и много, хотя и с «перебором», с откровенным враньем. Начали создаваться многочисленные общественные фонды в помощь чернобыльцам, а народные депутаты всех мастей с разных трибун на всю телевизионную аудиторию страны стали в голос кричать о том, что жить нельзя не только в тридцатикилометровой Зоне, но и в трехсоткилометровой. Цитата из «Откровений Иоанна Богослова» про звезду Полюнь стала известной как бы впервые, поскольку к месту понадобилась публицисту...

Да остановимся! Это о челябинской ядерной катастрофе в давних и молчаливых 50-х не только страна, но и мы, соседи в Свердловске, ничего не знали. Чернобыль, к счастью, никогда не был тайной. А потом, когда его совсем открыли настежь... Разве хватает врачей-добровольцев, да и не добровольцев — просто врачей в районных детских больницах где-нибудь в белорусских Хойниках рядом с Зоной? Разве в суверенных государствах теперь стало больше домов, квартир, рабочих мест для беженцев-чернобыльцев? Разве нынешняя гласность остановила разворовывание выделяемых Правительством России средств для пострадавших?

Нет, одна только гласность ничего сама решить не может. Одна она только, извините, голосит. А дело делают те, кто хочет и может его делать, кричи не кричи... Да, мы в тот год о Чернобыле не кричали. Может, зря. Может, надо было и впрямь в голос: народная беда во все века криком исходила, пока кричащие не уставали и не брались за топоры да пилы — отстроить то, что порушено.

Сейчас оглядываюсь назад, соображаю: что же было не сделано? Да много чего — не перечислить! А что было не исполнено из того, что непременно, в первой очередь исполнить надо было? Не могу вспомнить: все было сделано! Перечислю очень коротко, длиннее незачем, о Чернобыле нынче тома написаны.

Погасить пожар в реакторе... Сделано уже 10 мая. Вертолетчики забрасывали мешки со свинцом точно в горящее жерло, работали снайперски, бесчисленные тонны металла ушли в огонь, да его много и было — эшелоны пришли вовремя.

Академик Велихов прогнозировал опасность проникновения расплавленных продуктов горения в грунт, а следом и в грунтовые воды. Шахтеры-добровольцы всего за сорок пять дней вместе со своим министром Михаилом Ивановичем Щадовым проложили подземный ход под основание блока и отрыли под ним огромное пространство для заполнения бетоном и сооружения охлаждающей системы. К счастью, это не понадобилось. Но разве я имею право счесть работу шахтеров лишней? Никогда!

Возникла уже не теоретически прогнозируемая, но абсолютно реальная опасность смыва летними и осенними дождями, а впоследствии и весенним паводком радиоактивной пыли с поверхностного слоя земли во множество речек, речушек и, главное, в Припять, а за ней — и в Днепр. Проклинаемый всеми Минводхоз с одним из своих руководителей П.А. Полад-Заде (именно его в 89-м «зарубили» народные депутаты на должность министра) в кратчайшие сроки представил прямо-таки невероятный по филигранности план обваловки всех водных артерий огромного района. И вместе с армией осуществил его! Было выстроено 130 больших и малых дамб на территории в 1,5 тысячи квадратных километров. Припять и Днепр остались чистыми.

Нужно было озаботиться тем, где станут жить тысячи эвакуированных семей. В самом Киеве выделено 7500 квартир (увы,

но была приостановлена очередь), в Чернигове — 500, в Киевской области — 6000 отдельных домов.

Необходимо было намертво похоронить источающее смерть место взрыва. Спроектировано сооружение, метко названное впоследствии «саркофагом». Мой заместитель Юрий Петрович Баталии рвался в Чернобыль, но по настоянию врачей его мы не пустили туда. Именно он представил на утверждение проект с таким древнегреческим названием.

Впервые в мире в сложнейших радиационных условиях построено воистину фантастическое сооружение, на которое ушло 400 тысяч кубометров бетона, 7 тысяч тонн металлоконструкций. Точнейшие радиационные датчики в его гигантском теле начали работать уже в конце 86-го. По существу, строители саркофага жертвовали собой. Сейчас уже многие из них ушли из жизни.

Медицина... Мы понимали, что Чернобыль — это надолго, на поколения. Мы отчаянно торопились, старались успеть. Первоначальную обязательную профилактику прошло 5,4 миллиона, на постоянный диспансерный учет поставлено более полумиллиона человек.

Не сочтите эту сухую и для кого-то известную информацию за попытку убедить читателя, что было сделано вообще все. Мы прекрасно понимали, что несделанного куда больше, чем сделанного.

Чернобыль с размаху ударил по только-только оживающей экономике, ударил безжалостно. Напомню: потом была Армения. О ней — особый разговор. Позже и страну разваливать начали. Рушились планы и замыслы. Политика и стихия наступали на экономику, душили ее, рвали на куски...

Но я говорю о первых днях и первых месяцах беды, вспоминаю их, перебираю, как камушки на ладони, и не могу обнаружить: в чем же мы тогда ошиблись? Что не захватили? Куда не шагнули? Еще раз — говорю о начале. Очередное отступление.

Я уже писал здесь, что жизнь то и дело расставляла на нашем пути «огневые точки», амбразуры которых приходилось прикрывать грудью. Часто их создавала наша тяжкая судьба: Гражданская война, Великая Отечественная — это из ряда глобальных катастроф. А были поменее: недороды, засухи, землетрясения, наводнения. Но многое, слишком многое мы сами против себя же сооружали: повальная

коллективизация, «осовнархозование», повсеместное кукурузосеяние... Все это так или иначе било по людям. И по экономике, а значит, опять по людям. Чернобыль соединил в себе оба варианта: мы его сами построили, мы же с ним непочтительно обращались — он нам отомстил катастрофой, трагически сказавшейся и на людях, и на природе и продолжающей угрожать не только нынешним, но и грядущим поколениям, флоре, фауне многих стран.

«Н.И. Рыжков в своем выступлении 14 июля сказал, что ему кажется, что авария на ЧАЭС была не случайной, что атомная энергетика с некоторой неизбежностью шла к такому тяжелому событию». Цитирую не по своим записям, а по воспоминаниям Легасова.

Да, действительно, я говорил это на ПБ. Говорил и имел для этого основания. Чернобыльская катастрофа произошла через полгода моего премьерства. Но я часто до этого бывал на заседаниях Правительства, знакомился с различными записками, публикациями ученых и специалистов и чувствовал, что бдительность ученых, строителей, эксплуатационников притупилась. С этой страшной энергией перестали разговаривать на «вы». Она нас и наказала.

И как только страна услышала чернобыльский гром, как только выросла на пути очередная дышащая смертью амбразура, мы снова бросились ее закрывать всем миром, так, будто другого ничего и не существует. Люди не думали ни о деньгах, ни о себе, ни даже о близких. Были тут же забыты ссоры и распри, все сплотились и бились рука об руку.

Я уже рассказал, как по телефонному звонку поворачивали на Чернобыль эшелоны, как мгновенно сработала наша внешняя торговля, когда требовалось срочно приобрести лекарства и технику. Я могу привести десятки примеров точной, быстрой и согласованной работы всех республик, разных министерств, ведомств, заводов.

Но почему для этой точности, быстроты и согласованности обязательно нужна беда? Почему, как только приказ «Не отступать!» теряет свою актуальность, все немедленно успокаиваются и по-прежнему работают ни шатко ни валко? Почему мы не умеем трудиться на совесть в покое и мире? Что это? Опять вина социализма? Или административно-командной системы? Или неистребимая

примета национального характера? Впрочем, во многом это риторические вопросы...

Я вновь прилетел в Чернобыль 8 августа с членом Комиссии Виктором Михайловичем Чебриковым. Теперь мы уже думали о завтрашнем дне. Вместе с учеными и специалистами планировали, когда можно будет пустить первый и второй блоки станции, когда заработает — и заработает ли вообще — третий блок. Мы уже искали место для строительства нового города энергетиков вместо Припяти, который получит имя Славутич.

В те дни я был не только на украинской территории беды, но и на белорусской, пострадавшей еще больше. Мы смотрели, как строятся поселки для эвакуированных, и уже откровенно радовались, что — это слова Горбачева из его сильно запоздавшего, лишь 15 мая, выступления — «худшее позади». Но тогда еще толком никто не знал, как больно отзовется Чернобыль на завтрашнем здоровье тысяч белорусов, украинцев, россиян. Еще не пришло понимание того, что почти никто из лишенных отчего крова нигде и никогда не будет так счастлив, как был счастлив в своем доме. Ну и, конечно, никто, наверное, не предполагал, что всенародную беду можно использовать для создания себе имени, славы, отхватить неожиданную должность, тиражировать беду в фильмах и книгах, заработать бешеные деньги, ничего не делая для конкретного ребенка, конкретной деревни, конкретной больницы.

Недавно увидела свет увесистая книга одной пишущей и вездесущей дамы из президентского окружения, в которой она использовала протоколы заседаний нашей Оперативной группы. Сколько же злости в этом «труде» в отношении тех, кто досрочно уходил из жизни, лез в пекло чернобыльского ада. Даже враги более уважительно ведут себя в отношении своего самого ярого противника.

Позади девятая годовщина трагедии. Я надеялся, что за это время произойдет какое-то переосмысление всего происшедшего. Ничего подобного. И я дал себе слово, что в подобной обстановке эта глава книги будет моей последней публикацией на данную тему.

Так и хочется сказать: «Остановитесь. Остыньте. Горло надорвете. И не стыдно вам?..» Им не стыдно. Они всегда «знают, как надо». Не они ли приблизили самоубийство человека, которого я безмерно уважал, перед знаниями и талантом которого преклонялся, который во

многим решил проблему блока номер четыре, — академика В. А. Легасова?

Хотите — назовите это очередным отступлением. Отступлением о подлости.

Пришло время награждать героев. Их в Чернобыле было много, как и на всякой войне. Вертолетчики, химики, пожарные, атомщики, рабочие, ученые. Я не знаю, что станет с нашими орденами и медалями, почетно или стыдно завтра будет носить звание Героя Социалистического Труда и не заменят ли его власти званием Героя Труда Капиталистического. А уж с орденом Октябрьской Революции все ясно: он станет орденом Августовской или Декабрьской Контрреволюции, а то и Четвертого Октября. Я уверен, что когда-нибудь подобные награды будут не знаком чести и героизма, а символом предательства и позора.

Но в то время ордена и медали люди еще ценили. Радовались, когда выпадала честь получить за хороший труд, за подвиг, за самопожертвование правительственную награду. Списки представляемых к наградам составлялись на местах. На Политбюро по традиции утверждались лишь награды «большим начальникам». А если серьезно, мы приняли решение не включать в число награжденных членов Оперативной группы и зампредов Совмина. Прошло, к счастью, время, когда члены Политбюро друг другу на грудь звезды вешали. Но как, скажите, было не наградить командира «химиков» генерала В.К. Пикалова, который дневал и ночевал около четвертого блока? Как было не наградить «шахтерского министра» М.И. Щадова, который сам из шахты под блоком не вылезал?

Стали смотреть список. Читаем фамилии — что за чертовщина? Нет Легасова. Почему? Мне туманно объясняют, что он, мол, заместитель директора Института атомной энергии, который и проектировал взорвавшийся реактор. Как же, мол, его награждать... Не поймут, мол... Наша комиссия не отступает. Когда этот реактор команда академика А.П. Александрова проектировала, Легасова в институте и близко не было. Он там недавно. Он к реактору вообще отношения не имеет, он специалист по физико-химическим процессам. Он, наконец, этот реактор погасить сумел! Вроде убедил. Все меня поддержали. Включили в список и направили в Президиум Верховного Совета СССР.

А слухи удержать нельзя. Говорят, в институте Легасова уже поздравляли со званием Героя Социалистического Труда, к которому мы его и представили. И тут выходит в газетах Указ со списком награжденных, а Легасова в том списке нет.

Я в принципе спокойный человек. Взрываюсь редко, а на этот раз не сдержался. Пришел с рядом товарищей к Горбачеву: куда исчез академик, кто его вычеркнул из списка? Горбачев, глядя в сторону, начал приводить все те же пыльные аргументы: «не поймут», «не ко времени». Потом вроде бы проговорился: сами же ученые не советуют. И подвел итог разговору: поезд, как говорится, ушел, а Легасова мы попозже за что-нибудь другое наградим. К слову, к 50-летию ему министр Ефим Павлович Славский объявил благодарность и подарил часы.

Мы, участники разговора, ушли подавленные. Вот и цена проникновенных слов Генерального секретаря о народной беде, о людском горе, о мужестве героев, о силе науки! Это ж надо было так верить «приближенным», которые ловко умели прибиться под крыло Человека № 1! Догадываюсь, кто из близких в то время к Горбачеву ученых «не советовал» ему награждать Легасова. Но молчу о догадке. Увы, не пойман — не вор.

Как уже сказано, Чернобыль неожиданно и мощно ударил по все еще больной нашей экономике. Именно с него началась атака на атомную энергетику вообще. Бессмысленная и крайне вредная атака вместо глубокого анализа причин и здравого решения проблем. Во Франции, в США, в Японии и других странах многие атомные электростанции вполне успешно работают прямо в городах.

Чернобыль безжалостно прошелся по судьбам тысяч людей, а скольких он еще достанет, догонит, добьет! Он и в моей жизни оставил тяжкий след.

Не так давно украинцы приняли решение остановить и законсервировать станцию. Поводом послужило событие, начисто опровергающее теорию, согласно которой в одну воронку снаряд дважды не попадает. В нашей стране снаряды прицельно лупят в одну и ту же воронку: на Чернобыльской атомной вновь случился пожар.

Времена быстро меняются. Реальная жизнь с ее проблемами и невзгодами заставляет пересматривать снятые, казалось бы, вопросы. Уже идет расконсервация Армянской атомной, снизился накал

страстей на Украине. Но, несмотря на «лечебные» свойства времени, еще потребуются многие годы для исчезновения синдрома атомобоязни.

Чернобыль — это не только и не столько взрыв. Не только и не столько радиация и все, неизбежно и страшно связанное с нею. Не только и не столько проблема атомной энергетики. Чернобыль — это момент высвобождения дремучих человеческих инстинктов, круто замешенных на первобытном страхе перед Невидимым, Неведомым, Непознанным.

Мы многого не могли предположить, когда гасили пожар в реакторе и спасали тех, кто явно мог пострадать. Ну, например, вряд ли можно было себе представить такой невероятный накал политической борьбы, которая в какие-то моменты захватит огромные массы людей, даже детей малых. А ведь в пылу этой борьбы сильным мира сего не до простого человека, даже если его судьба и жизнь в опасности. Все идет в ход. Все козырем стать может — даже страх, который, конечно же, рожден был в те действительно трагические апрельско-майские дни. Его бы утишить, успокоить людей — психотерапию как ветвь медицины даже нынешние разрушители всего и вся отменить пока не смогли — да разве в политической борьбе им есть дело до человеческого покоя? Они ж, борцы, за высокие идеалы бьются!

Страх был замечен и взят ими на вооружение, раскручен до необычайной, неправдоподобной силы. Вменен в вину всем мыслимым и немыслимым врагам «демократов» и прежде всего — коммунистам, которые-де всегда вели страну к катастрофе. Тем более если она рукотворная. И имя тому страху дано было однажды и надолго: Чернобыль.

В 1992 году меня пригласили к следователю Генеральной прокуратуры. Оказывается, я был не совсем прав, сказав, что «демократы» предъявляют претензии к коммунистам и за происшедшее в Чернобыле. Выяснилось, что дело было возбуждено еще по указанию коммуниста Горбачева против злоумышленников — коммунистов, которые, пройдя Чернобыль, набрались наглости остаться в живых. По наследству от СССР дело перешло в Россию. В необходимый момент эта тема активизируется. Не знаю, долго ли ждать нового всплеска.

Около пяти часов шел допрос. Десятки вопросов сыпались на меня. Кого я персонально обвиняю в недостаточных мерах по ликвидации аварии? Никого! Значит, виновата система? Виноваты люди, бездарно эксплуатировавшие станцию!

Эстафету приняли обвинители КПСС на Конституционном суде. Президентский обвинитель «господин» полковник Котенков, обложивший себя выше макушки томами по Чернобылю, отрешенным армейским голосом настойчиво задавал вопросы о бэрах и кюри вообще и в отдельно взятой деревне — в частности.

Стоял я перед ним и думал: где ж ты был в то время? Почему не поехал добровольцем туда, в пекло? Может быть, и не задавал бы мне сейчас дурацких вопросов. Он и ему подобные не имели морального права быть обвинителями тех людей, которые считали своим гражданским долгом утихомирить вырвавшуюся из рук человека стихию. Несколько часов я отвечал этой публике. Но вскоре после суда увидел я Котенкова по телевидению уже в генеральской форме. Получил-таки свои сребреники за выслугу на суде.

Прошли годы, и с высоты узнанного, пережитого, передуманного задаю себе сегодня вопросы: может, не стоило стремиться во что бы то ни стало заставить чернобыльскую станцию работать? Может, не надо было тратить огромные деньги на ее восстановление, на строительство Славутича — нового, с нуля, города? Может, следовало найти этим обездоленным энергетикам иную работу или пристроить их на других атомных станциях? Может, мы должны были принять волевое решение: погасить реактор, возвести над блоком саркофаг и... закрыть Чернобыльскую атомную? Забыть о ней. Выбросить из жизни.

И не надо было бы никому постоянно доказывать, словно оправдываясь, что сама по себе станция безопасна. Что атомная энергетика перспективна, и мировой опыт здесь весьма нагляден. Что в дрянных руках и самогонный аппарат взорваться способен. Что дрянные руки случаются и у консерваторов, и у демократов, и у коммунистов, и у анархистов. И никакой строй, никакая система не гарантирует от несчастья, рожденного случаем или глупостью, роком или бесхозяйственностью...

И не вырос бы до небес страх. И не стал бы орудием в злых и безжалостных нечистых руках. И жили бы люди, забыв о былых кошмарах.

Вопросы, вопросы...

Интересно, как бы ответил на них светлой памяти Валерий
Алексеевич Легасов?

Глава 10. Перестройка на марше

Чернобыльская катастрофа и вправду болезненно ударила по нашим хозяйственным планам. Но затормозить перестройку она не могла. За новым, неизведанным и перспективным пошла вся страна. Горбачев так прямо и заявил во время очередной июльской поездки в Хабаровск: «Перестройку мы будем... делать на марше».

Эта идея возражений в принципе у меня не вызывала: можно и на марше, если не слишком торопиться, если вовремя выверять курс и определить ориентиры — пусть не окончательные, но хотя бы промежуточные. Кто же мог знать заранее, что у нашего вожакого во время марша начнет возникать неодолимое желание то влево свернуть, то вправо... Но пока о том не знал никто, включая, думаю, его самого. Энтузиазм в стране был удивительный, уже никого не устраивала перестройка только в экономике, а тем более в относительно частных вопросах комплексного управления ею. Уже все вокруг рвались перестраиваться, что дало Генеральному право обобщить в том же Хабаровске:

«Нынешняя перестройка охватывает не только экономику, но и все другие стороны общественной жизни: социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль и методы работы партии, всех наших кадров. «Перестройка» — емкое слово».

Слово и впрямь оказалось весьма емким, а уж звонким — звонче некуда! У нас всегда любили такие слова, писали их где ни попадя, произносили к месту и не к месту. Вот и выходило, что слово нагляднее дела, заметнее, привлекательнее. Марш в таких случаях постепенно превращается в парад, в демонстрацию побед и свершений.

Всегда боялся громких слов и бравурных призывов. Считал: лучше сделать пусть небольшое, но настоящее дело. Все и без слов видно будет.

Но слова 86-го года отвечали моим тогдашним убеждениям. Горбачев настаивал, что означенный марш мы станем осуществлять не за пределами социализма, а в его рамках. Не знаю, кто как, а я твердо

верил, что у социалистической экономики потенциал есть, он еще не исчерпан, еще поработает на державу.

Раз уж речь зашла о словах, то напомним, что перестройку в те дни слишком легко уравнивали с революцией, а вот это как раз противоречило моим представлениям и о революции, и о перестройке. В то время я уже много размышлял об этом, на мой взгляд, непродуманном применении слова «революция». Можно ли приравнять перестройку к революции? Здесь наши взгляды с Горбачевым разошлись.

Вновь и вновь возвращаясь мысленно к термину «революция», я четко определил для себя, что либо происходит умышленная подмена понятий, либо перестройка ведет к какому-то катаклизму. Известно, что революция означает переворот, перерыв постепенности, качественный скачок в эволюционном процессе. Для революции необходима была революционная ситуация. Была ли она в то время? Нет, общество было многим недовольно, жаждало перемен, но ни о переходе к другой социально-экономической системе, ни о каком-либо отказе от социалистических идеалов и целей не было и речи.

Перестройка, на мой взгляд, — дело бесконечное, хотя с высоких трибун то и дело звучало: «Вот когда мы завершим перестройку...» Да как ее можно завершить? А дальше что? Ляжем отдыхать? Не представляю себе заседание совета директоров какой-нибудь корпорации типа «Шелл» или «Дженерал моторс», на котором бы торжественно провозгласили, что предел совершенствования достигнут, лучше быть не может, пора пожинать лавры. Перестройка для меня — синоним не революции, а постоянного прогресса. Прогресс же — процесс поступательный, всегда опирающийся на лучшее из уже достигнутого, на более прочное, на более — в данный конкретный момент — устойчивое. Вот почему и экономические реформы должны были, по моему мнению, идти безостановочно. Нет и не будет одной реформы, которая все решила бы раз и навсегда.

Я всегда был сторонником эволюционных преобразований и, быть может, лучше других знал, к чему, к каким непредсказуемым бедам приводят разрушения в экономике.

К хаосу они приводят, а разве может кто-то предсказать его последствия? Утверждение о сохранении социалистического характера экономики полностью соответствовало здравому смыслу.

На предыдущих страницах книги я уже спорил с утверждением о том, что перестройка началась в апреле 85-го, хотя тогда и слова такого не употреблялось. Повторяю, никакой революции в том апреле не случилось, а что до перестройки, то началась она без шума и аплодисментов в 83-м, при Андропове. Лишь в январе 1987 года она обрела, наконец, постулированную форму.

В этой книге нередко приходится прибегать к цитатам. Вот и сейчас мне придется это сделать, чтобы рассказать дальше о явлении, которое вошло не только в нашу отечественную жизнь, но и в мировое бытие, причем русскоязычным термином «perestroika».

В январе 1987-го состоялся очередной Пленум ЦК КПСС, на котором рассматривался вопрос о перестройке и кадровой политике партии. С докладом выступил Генеральный секретарь. При обсуждении этого доклада на ПБ (я говорил уже, что в то время все принципиальные выступления заранее рассылались и тщательно рассматривались) многие обратили внимание на то, что основной упор делался на вопросы собственно перестройки. Кадровая политика осталась на заднем плане.

Значимость этого Пленума в том, что на нем впервые были сформулированы семь принципов перестройки. Вот они.

«Перестройка — это решительное преодоление застойных процессов, слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения социально-экономического развития общества. Главный замысел нашей стратегии — соединить достижения научно-технической революции с плановой экономикой и привести в действие весь потенциал социализма.

Перестройка — это опора на живое творчество масс, это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самостоятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества; это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности.

Перестройка — это неуклонное повышение роли интенсивных факторов в развитии советской экономики; восстановление и развитие в управлении народным хозяйством ленинских принципов демократического централизма, повсеместное внедрение экономических методов управления, отказ от командования и

администрирования, обеспечение перехода всех звеньев экономики на принципы полного хозрасчета и новые формы организации труда и производства, всемерное поощрение новаторства и социалистической предприимчивости.

Перестройка — это решительный поворот к науке, деловое партнерство с ней практики в целях достижения высших конечных результатов, умение поставить любое начинание на солидную научную основу, готовность и горячее желание ученых активно поддерживать курс партии на обновление общества; одновременно это и заботы о развитии науки, росте ее кадров, их активном участии в процессе преобразований.

Перестройка — это приоритетное развитие социальной сферы, все более полное удовлетворение потребностей советских людей в хороших условиях труда, быта, отдыха, образования и медицинского обслуживания; это постоянная забота о духовном богатстве, культуре каждого человека и общества в целом; это способность сочетать решение масштабных, кардинальных проблем жизни общества с решением текущих вопросов, волнующих людей.

Перестройка — это энергичное избавление общества от искажений социалистической морали, последовательное проведение в жизнь принципов социальной справедливости; это единство слова и дела, прав и обязанностей; это возвышение честного высококачественного труда, преодоление уравнилельных тенденций в его оплате, потребительства.

Конечная цель перестройки, думается, ясна — глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера нашего строя во всех его решающих аспектах — экономическом, социально-политическом и нравственном».

Еще раз обращаю внимание: в январе 87-го сказано! Поэтому словесной мишуры в этих постулатах — с избытком. Все эти «решительные повороты», «полные удовлетворения», «неуклонные повышения», «всемерные поощрения» или «активные участия» — все эти клише перекочевали из еще не перестроившегося трибунного лексикона. Ну да не в лексике дело. Громкие фразы, призывы и лозунги были всегда в нашем идеологическом арсенале — в большей

или меньшей мере. Они призывали народ к какой-то цели. Сейчас нет ни цели, ни лозунгов, ни идеалов. Не будешь же выкладывать камешками на обочине железной дороги: «Назад к капитализму! Счастливого пути!»

Суть всех семи «постулатов» и сегодня кажется мне абсолютно верной для времени, которое я определил бы словом «Начало». Именно так, с заглавной буквы. Уберите эти слова-лозунги и оцените их суть: они и впрямь покажутся действительно прогрессивными по сравнению с до-андроповскими временами.

Один из основных мотивов моей книги — предательство перестройки, и, естественно, у читателя возникает вопрос: что же предано? Преданы идеи перестройки, которые дословно здесь процитированы из материалов уже далекого сейчас Пленума.

Да, были в этих постулатах и внутренние противоречия: плохо представляю, как совместить всегда жесткие принципы демократического централизма с отказом от командования и администрирования. Были попытки заидеологизировать то, что этому не поддается, — «социалистическая предприимчивость». Конечно, в то время мы верили в эту «предприимчивость», то есть активизацию деятельности предприятий и людей в рамках социалистического общественного строя. Есть в тексте доклада свойственная всякому началу робость. Провозглашенная «гласность» еще не развернулась настолько, чтобы отказаться от привычных терминов. Но и нынче, как я уже заявил, подписываюсь под каждым из семи постулатов!

Прошу обратить внимание, что я говорю о перестройке во всех сферах жизни: в политике, экономике, идеологии, культуре. У меня будет еще возможность подробно высказаться по экономическим и идеологическим проблемам перестройки, получившим официальное признание на этом Пленуме. Сейчас же продолжу тему ее политической составляющей.

Доклад вновь поставил передо мной вопрос о трактовке понятия «перестройка»: революционная это ломка или совершенствование созданного? Думаю, что само это слово говорит о его сущности — перестраивать можно только построенное, а не разрушить до основания, а затем...

Наша новейшая история имеет, к сожалению, большой опыт разрушения. После революционной бури 1917 года лишь голоса

некоторых трезвомыслящих лидеров остановили глобальное уничтожение всего и вся. Мы могли лишиться не только дворцов, усадеб, храмов, библиотек, памятников, но и великих русских писателей — Пушкина, Достоевского и еще многих и многих мыслителей и художников. А разве высылка пароходом в 22-м году около двухсот лучших философов, ученых, представителей интеллигенции того времени не обеднила нас? Хорошо, что все больше и больше их возвращается к нам через десятки лет в виде философских и других трудов. Многие, о чем они писали в те далекие годы, оказалось пророческим.

Мне, рассматривавшему перестройку как эволюционный и бесконечный процесс, со своими четкими этапами, приходилось вести частые дискуссии с теми, кто говорил о каком-то сроке перестройки и о возможности ее завершения. Но, оказывается, у архитекторов перестройки, а это звание с удовольствием носили Горбачев и Яковлев, были такие конечные планы. К сожалению, не только я, но и большинство населения страны было обмануто.

Как видит читатель, в каждом пункте постулатов перестройки есть слово «социализм». И, подписываясь под всеми семью принципами, я подписываюсь и под этим словом, под идеями социализма. Но нельзя было однозначно в полной мере отождествлять с этими идеями построенное нами общество, а тем более — характеризовать его как «зрелый», «развитой» и т. д. социализм. Ведь социализм без демократии — это нонсенс. На протяжении веков в мечтах человечества он, социализм, воспринимался именно как общество социальной справедливости, которая непременно включает в себя равные права всех членов общества, что и привлекало к этой идее разум и сердца поколений, определяло политическую волю и практические действия гигантских народных масс. И прав был Ленин, говоря, что «социализм и демократия неотделимы», что «победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию».

За общество социальной справедливости веками боролись лучшие умы человечества, миллионы и миллионы людей гибли в гражданских войнах, тысячи и тысячи — в тюрьмах, на каторге, шли на эшафот. Даже в страшные, трагические сталинские времена обреченные на смерть и мучения считали, что их уничтожают люди, предавшие идеи

социализма, его идеалы. И христианская религия, заповеди Моисея — с одной стороны, гонения на верующих — с другой — должны быть зачтены в поиск нового, справедливого общества. Можно ли после этого считать идеи общества социальной справедливости величайшим заблуждением человечества?

Меня поразили высказывания Папы Римского Иоанна Павла II в интервью 1993 года о том, что в марксизме есть «зерно истины». Поразили потому, что вряд ли кто-либо причислит Папу к апологетам социализма и коммунизма. Приведу только отдельные фразы из этой беседы:

«Сторонники разнузданного капитализма в любой форме игнорируют добрые деяния, совершенные при коммунизме: борьбу с безработицей, заботу о бедных».

«Коммунизм заботился о социальной сфере, в то время как капитализм в основном культивировал индивидуализм».

«Я считаю, что истоки многочисленных серьезных общественных и человеческих проблем, над решением которых бьются Европа и весь мир, коренятся в действиях вырождающегося капитализма. Разумеется, нынешний капитализм сильно отличается от капитализма времен Льва XIII. Он изменился, и во многом благодаря социалистической идее... Но в некоторых странах мира капитализм остался в своем «диком» состоянии, почти как в прошлом веке».

Не хочу идеализировать социализм — тот, который был построен. Чрезмерное огосударствление привело к печальным последствиям: резко ослабла, а во многом вообще исчезла личная инициатива; гражданская инертность и пассивность стали неотъемлемой его чертой. Искоренение этих и некоторых других отрицательных явлений в построенном в нашей стране обществе и было, на мой взгляд, одной из основных целей перестройки.

Нужно сказать, что организаторы антисоциалистического переворота и появившиеся в результате него новые российские власти долго таили в секрете свои замыслы. Даже после уничтожения Советского Союза примерно два года наблюдался какой-то непристойный политический блуд. Явно боясь потерять свое политическое влияние, они ни разу, по-моему, не выдавили из себя никакой характеристики своих подлинных целей. Но настало время, и тогдашний главный советник лидера, неистово жестикулируя руками,

объяснил нам по телевидению, что мы строим... «переходный период». Сделаем скидку на интеллект советника, умудрившегося родить столь нелепую формулу «строительство... периода». Но как не вспомнить мудрое изречение, что дороги, которые никуда не ведут, заводят дальше всего.

Каждый общественный строй имеет свои признаки, которые характеризуют только его. Возникает вопрос, что же это за «переходное» общество? Может быть, типа капиталистического «предбанника» или нечто иное, изобретенное этим кандидатом философских наук и специалистом по коммунистическому воспитанию молодежи?

Ну, тут уж не утерпел другой «теоретик» и «практик» разрушения социализма и строительства капитализма в одной, отдельно взятой стране — Е. Гайдар, тоже сбросивший маску правоверного коммуниста:

«Молодой капитализм, который мы строим, никогда не будет прекрасным, упорядоченным и благостным сразу. И новая буржуазия, она сначала будет такой, какая она есть...»

Неужели этому господинчику не известно, что даже ООН на своей конференции несколько лет назад признала современный капитализм «тупиковым направлением развития»?

В конце концов, в 1993 году Президент России собрался с духом и на заседании Конституционного совещания публично заявил, что «мы хотим изменить социально-политический строй страны», другими словами — осуществить реставрацию капитализма.

Но, пожалуй, ближе всего подошел к правильному определению происходящего у нас сегодня не кто-либо из продажных псевдоученых и политических лидеров, а кинорежиссер и писатель Станислав Сергеевич Говорухин, который констатировал:

«В стране происходит криминальная революция. Вернее, она завершается. Победой революции может считаться окончательное построение уголовно-мафиозного государства».

В эту формулу я, правда, внес бы одно уточнение: скорее, это не революция, а контрреволюция. Но это так, к слову.

Как известно, каждое общество имеет свои цели и соответствующие лозунги. По-видимому, сейчас расстрелянный в октябре 93-го года лозунг «Вся власть Советам!» меняется на «Вся

власть Мафии!». Даже людям, далеким от вершин власти, видно, что Российское государство имеет огромный правоохранительный и репрессивный аппарат. Но у этих же граждан возникает недоумение по поводу его неспособности справиться с охватившей страну преступностью и подавить ее.

Сегодняшние преступники, мафиози всех мастей, далеко ушли от своих предшественников — воров-карманников и домушников. Ныне это — преступные кланы, имеющие четкие организационные структуры. Они диктуют свои порядки, новый стиль жизни. Убивают кого хотят и когда хотят, превращают представителей государственной власти в жалких марионеток в своих руках и т. д. и т. п.

И кажущееся бессилие властей, думаю, объясняется весьма просто: все криминальные нити ведут на «верх». Вот так и замыкается круг. Надо полагать, в известных «чемоданах» бывшего вице-президента были компрометирующие материалы не на уличную шпану. Напрашивается вывод, что предательство перестройки, предательство социалистической идеи практически ведет страну даже не к капиталистической системе и не к постиндустриальному обществу, о котором многие сейчас говорят, а к «переходному», то бишь мафиозно-криминальному.

Вот так сочетание предательского разрушения социалистической системы с крайне радикальными преобразованиями и привело государство к сегодняшнему его состоянию. Надо отдать должное авторам и исполнителям этих идей: они хорошо понимали, когда и что можно им было произнести, каким словесным флером прикрыть свой политический и нравственный блуд. Ведь где бы они были сейчас, удалось ли бы им облапошить 300 миллионов советских людей, а с ними и весь мир, если бы Горбачев с Яковлевым в 1985 году сказали открыто, что они хотят уничтожить Советский Союз и социализм, если бы Ельцин и его присные заявили заранее, что сделают Россию второразрядной державой, а подавляющую часть народа сбросят в пропасть нищеты и фактического бесправия?

Но в то время и я верил в перестройку. Перестройка для меня и была перестройкой, и оставалась ею, а перечисленные постулаты, ее конкретизирующие, заставляли действовать активнее. Именно нас, экономистов, действовать, ибо на девяносто процентов они касались экономической сферы. Горбачев призвал всех к соединению слова и

дела. Слова — это по его, по партийной части. Наша задача — наполнить их содержанием.

В стране раскручивалась двенадцатая пятилетка; экономический эксперимент, начатый нами, развивался; на смену старой хозяйственной «гвардии» постепенно приходила новая. Кадры менялись во многих эшелонах руководства народным хозяйством. Все шло как задумали, и особых сомнений не возникало. Да и откуда бы им взяться, если, например, национальный доход в 1986 году по сравнению с предыдущим вырос на 4 процента, а прирост промышленного производства составил около 5 процентов, что на треть больше, нежели среднегодовой прирост в одиннадцатой пятилетке.

Понимаю, эти цифры мало что скажут широкому читателю. Но думаю, каждому все же ясно, что, во-первых, народное хозяйство в том году, пусть не гигантскими шагами, но весьма прилично двигалось вперед, а не назад. И, во-вторых, прошу вспомнить, что и магазинные прилавки 1986 года, и цены были вполне сопоставимыми со средней зарплатой. И общее настроение в том году — сравнили с нынешним? Верно говорят: ломать — не строить.

Именно поспешность, именно склонность политической власти и сопровождающих ее теоретиков к ненужным и даже вредным импровизациям, отсутствие очередности приоритетов — все это, быстро нарастая, сильнее и сильнее тормозило и искажало развитие экономики, нагромождало перед ней новые и новые трудности.

Впрочем, я об этом только что писал. Слишком наболело, потому и повторяюсь...

В июне 1987 года состоялся Пленум ЦК КПСС по коренной перестройке управления экономикой. Доклад, как всегда, делал Генеральный секретарь. Выделяю Пленум среди многих других только потому, что он подводил итог крупномасштабного экономического эксперимента 1984–1986 годов, начатого еще при Андропове. Пленум положил начало новому этапу реформирования экономики, повсеместному практическому воплощению разработок Совета Министров и его помощников-ученых, экономистов, производственников, руководителей отраслей и республик.

Все предложенные нами идеи легли в основу доклада, который означал по сути финиш теоретического и экспериментального этапа

перестройки управления экономикой. Мне не нравилось в названии доклада слово «коренная», ибо корни-то — общественную собственность на средства производства, плановое управление народным хозяйством — как раз мы не рублили. Доклад не ставил под сомнение основанную на них социальную защищенность населения, не содержал каких-то разрушительных задач. Он намечал пути движения вперед, учитывающие новую ситуацию в жизни общества и вместе с тем — весь накопленный им опыт. Просто любовь к громким словам, как я уже писал, у нас неистребима, и их употребляют к месту и не к месту, не задумываясь, соответствуют ли они сути дела. Центральный Комитет партии одобрил нами задуманное и, как в то время повелось, определил, что осуществление перестройки управления экономикой является «общепартийной и общенародной» задачей.

Рассмотрение наших разработок на этом не закончилось — оно продолжилось в том же июне 87-го на сессии Верховного Совета СССР. Здесь доклад делал я и намеренно не употребил слово «коренная» в применении к перестройке управления народным хозяйством. Было подчеркнуто, что предлагаем мы ее лишь для современного этапа экономического развития страны. Подойдем к новому этапу — создадим и иную, более совершенную и приспособленную к нему систему управления экономикой. Верховный Совет поддержал решения партийного Пленума.

Этапы перестройки управления экономикой, спланированные моей командой, рассчитаны были на пять лет. Они тоже были утверждены на этой сессии Верховного Совета. Первый включил в себя скрупулезный просчет удач и, главное, недостатков экономического эксперимента, теоретическое его осмысление. В основном эти разработки были отражены в Законе о госпредприятии и пакете связанных с ним постановлений. Второй этап — практическое осуществление в масштабах всего народного хозяйства разработанного и экспериментально проверенного. Мы рассчитывали, что этот процесс продлится три года. И последний этап — подготовка перехода экономики на рыночные отношения. В нем, полагали мы, тоже должны быть свои этапы, первый из которых совпадал с началом тринадцатой пятилетки.

Итак, я рассказывал о замыслах поэтапного реформирования экономики. За всем этим стоял огромный труд множества людей. Всю первую половину 1987 года Совет Министров усиленно работал над подготовкой соответствующих предложений. В Правительстве было организовано несколько групп по созданию этих документов, учитывающих специфику различных областей экономики. Перечень наших предложений, которые затем оформлялись в виде проектов постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, рос по принципу снежного кома. Чем больше мы углублялись в проблемы, тем больше их появлялось.

В конечном итоге было подготовлено одиннадцать постановлений. Начинался их пакет проектом постановления о совершенствовании работы Совета Министров СССР по реализации экономической стратегии и заканчивался проектом постановления о совершенствовании деятельности республиканских органов управления. Двенадцатым, точнее первым по своей значимости, был проект Закона о государственном предприятии.

Мне нет необходимости останавливаться на анализе, задним числом, всех принятых решений. Скажу лишь о том, как их обсуждали. Больше всего споров было по проекту Закона о государственном предприятии. Его многократно обсуждали на Политбюро, над ним много месяцев работали в Правительстве. Именно здесь и проходили главные дискуссии. Спорили министры, директора заводов и организаций, спорили профсоюзы, отделы ЦК. Ни над одним документом до этого так не работал правительственный аппарат, да и глава Правительства тоже. Обсуждалась каждая фраза, взвешивалось каждое слово.

Не меньше споров по этому документу было и с Горбачевым. Я сразу понял, что его рассуждения абстрактны, оторваны от реальной действительности. Он практически предлагал ликвидировать существовавшие механизмы управления народным хозяйством, не создав абсолютно никаких иных!

Вначале я думал, что Горбачев просто не понимает существа вопроса, не знает тонкостей экономической жизни. Но дальнейшие беседы и особенно заседания Политбюро, на которых обсуждались эти проблемы, показали, что он сознательно проводит свою линию. Для меня были очевидны несвоевременность одних предложений и

абсурдность других. Но убедить в то время его было уже трудно, он находился в верхней точке своего взлета, после чего, кстати, начался его спуск с политического олимпа.

Заседания Политбюро проходили бурно, нервно, долго. Иногда дискуссии шли по семь-восемь часов. Трудно было сдерживать реформаторский зуд Генсека. На наши вопросы: как же, не имея новых рычагов управления, можно проводить в жизнь социально-экономическую политику партии, вразумительного ответа мы не получили ни от него, ни от ближайших его единомышленников.

На обсуждениях этих документов стали четко вырисовываться два крыла: одни — реалисты, прошедшие большую производственную школу, знающие жизнь не по лозунгам, и другие — пришедшие к вершине власти по комсомольско-партийным служебным ступенькам. Первые поддерживали предложения Правительства. Вторые подталкивали Генсека к явному развалу экономики. Мы понимали, что, если возобладает точка зрения Горбачева, — экономика начнет рассыпаться. И реформа 1992 года стала ярким подтверждением наших опасений. Идеи Горбачева и его единомышленников, которые они навязывали стране в 87 году, были затем взяты на вооружение Шаталиным и Явлинским в 90-м и проведены в жизнь Ельциным и Гайдаром, начиная со 2 января 1992 года.

Хотелось бы еще раз остановиться на региональной стороне реформ, т. е. на соотношении функций регионов и Центра в управлении экономикой. В новейшей истории страны были периоды, например, 20-е годы, когда регионы имели сравнительно большую самостоятельность. В 30-е, 40-е и в первой половине 50-х годов централизация экономики по отраслевому принципу была очень высокой. Безусловно, это дало возможность мобилизовать все ресурсы для подготовки обороны страны, выдержать тяжелейшую войну, быстро восстановить разрушенное народное хозяйство. Вместе с тем в более или менее нормальных условиях развития такая степень централизации управления подрывала хозяйственную инициативу на местах, порождала настроения иждивенчества.

В 1957 году неумный реформатор Хрущев, ликвидировав жесткое отраслевое управление народным хозяйством, образовал территориальные органы управления — совнархозы. Основная цель этой существенной перестройки управления экономикой была в том,

чтобы в максимальной степени заинтересовать территории в их комплексном развитии. Но эти Советы народного хозяйства просуществовали только восемь лет; то есть в два раза меньше, чем их прародители в 20-х годах.

Такая форма управления тоже имела свои плюсы и минусы. Положительным было то, что оно осуществлялось непосредственно на месте, с учетом реальных условий, конкретной обстановки.

И в этом отношении совнархозы имели большие плюсы. Недостатком же была потеря рычагов воздействия на развитие ведущих отраслей народного хозяйства, особенно в научно-техническом отношении. Созданные различные комитеты по основным сферам экономики не имели возможности выполнить эту задачу, так как эти органы, кроме рекомендаций, ничего дать не могли. Поэтому сразу же после снятия Хрущева со своих постов произошла новая перестройка управления народным хозяйством.

Наступило время резкого усиления отраслевого управления строго по вертикали. Взаимоотношения руководства территориями и Центра держались на партийной дисциплине и осуществлялись в основном в рамках исполнения различных партийно-государственных постановлений и решений.

Говоря объективно, и та и другая системы управления не обеспечивали развитие регионов на экономической основе. Даже совнархозы, работавшие, казалось бы, непосредственно на местах, не решили этой проблемы. И в том и в другом случае финансы и материальные ресурсы поступали в Москву, а уж затем по различным каналам возвращались обратно. Никакой заинтересованности местных властей в работе предприятий не было, так как регионы не имели отчислений от их деятельности на общерегиональные нужды.

Работая на Уралмаше, я захватил времена и совнархозов, и отраслевого управления. В обоих вариантах завод все запланированные суммы переводил в Москву. И только тогда, когда завод получал от Центра новые ресурсы для своего развития под какие-то государственные задачи, местные власти в связи с этим тоже стремились в максимальной степени решить те или иные региональные вопросы. Это было естественно: раз нет экономического механизма, должен действовать механизм чисто административный. Учитывая все это, мы не могли при разработке экономических реформ

обойти вопрос сочетания отраслевого и территориального управления, их сбалансированности.

В общем, летом 1987 года основные контуры экономической реформы были очерчены. Безусловно, упор делался на основное экономическое звено — предприятие, его взаимоотношения с государственными органами. Серьезным шагом по пути реформ, как я уже сказал, стала разработка Закона о государственном предприятии. Как вы помните, еще в 1983 году мы потихоньку вступили на путь высвобождения жизнедеятельности первичного звена экономической цепи — предприятия из-под командно-распределительного пресса. Но все это имело характер некой правовой нелегальности.

Нужен был общесоюзный закон, максимально четко определявший права и обязанности предприятия, его место и роль в системе экономики страны, который стал бы основой его хозяйственной самостоятельности и на котором впоследствии можно было бы строить новые рыночные отношения.

Не исключаю, что мне могут не поверить, но уже тогда, в 87-м, мы всерьез думали о повороте экономики на рынок. Однако ни в то время, ни позже мы не считали, что этот поворот на 180 градусов возможно осуществить сразу, вдруг, за пятьсот, например, дней. Причиной неверия в подобные чудеса было хорошее знание отечественной жизни и экономики страны.

Удачным получился Закон или не очень — сегодня он стал уже просто фактом экономической истории страны, поскольку работать перестал, тем более что и самого его предмета — государственных предприятий — почти уже не существует. Но ведь мы же не оцениваем реформы, скажем, Витте или Столыпина с позиций нынешнего дня. Мы говорим: для своего времени они были прогрессивными. Убежден, что для своего времени Закон о государственном предприятии был прогрессивным. Он на правовой основе обобщил и защитил все то здоровое и передовое, что мы наработали в ходе экономического эксперимента. Закон исходил из идеи оптимального сочетания плановой экономики с экономической самостоятельностью товаропроизводителя. А разве любезный нынешним правителям России капиталистический путь исключает плановость вообще? И сейчас стоят на книжной полке в моем кабинете два томика, подаренные министром экономики, будущим премьер-министром

Франции, ныне трагически погибшим, Пьером Береговуа, — сводный пятилетний план экономического развития республики...

Да, бессмысленно и вредно планировать сверху вниз производство всего, до последней гайки. Но не иметь плана вовсе, резко перейти только на горизонтальные, к тому же неотработанные на практике, связи в хозяйстве — значит развалить его, привести к хаосу. Более того, если есть государство, то у него не может не быть проблем, которые и планировать, и решать необходимо на общегосударственном же уровне.

Те два французских томика эту мысль постоянно мне подтверждают. К сожалению, подтверждает ее и нынешнее положение в стране. Управление ее социально-экономическим развитием потеряно. Как здесь не вспомнить мудрые слова: государство — корабль, правительство — парус и руль, народ — ветер, время — море. Но если парус дырявый, а руль заклинило экономической глупостью и политической недалекостью?..

Пожалуй, именно по вопросу роли государства в современной экономике возникали наиболее частые и наиболее яростные споры во время подготовки проекта Закона и обсуждения его — как в Совмине, в рабочих группах, так и на заседаниях Политбюро.

Ультрарадикалы требовали вообще отказаться от идеи плана, утверждали, что производители сами быстро во всем разберутся и наладят взаимовыгодные отношения друг с другом. А общегосударственные задачи будут решаться, дескать, сами собой. На Политбюро эту точку зрения отстаивали Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, которых поддерживал Горбачев. И нужно сказать, их влияние на Генсека ощутимо возрастало.

Моя позиция, с которой я никогда не сходил, состояла в том, что, как бы ни были привлекательны новации в экономике, их надо проводить в жизнь, тщательно обдумав и всесторонне взвесив. Ведь дело-то имеем с огромной, разбросанной от Карпат до Сахалина страной. Меня поддерживала часть членов Политбюро: Слюньков, Зайков, Воротников, Никонов и другие.

Я опирался также на большой практический опыт директоров предприятий и объединений, постоянно участвовавших в работе наших групп по подготовке проекта Закона. Их мнение было далеко не однозначно. С одной стороны, они требовали полной свободы во всем,

что касается их собственного производства, реализации товара, распределения прибыли, а с другой — настаивали на сохранении системы централизованного обеспечения ресурсами, капиталовложениями.

И я хорошо представлял себе, как же им всем тяжело будет напрямую договариваться друг с другом. Пожалуй, только теперь, через много лет, прямые связи между предприятиями с большими трудностями налаживаются. Но при этом из знаменитой политико-экономической формулы «товар — деньги — товар» пока безнадежно выпала середина: в прямых связях царит вульгарный бартер. Но о каком же оздоровлении экономики, ее нормальном функционировании в конце XX века может идти речь, если разрушен, бездействует или, еще хуже, приобретает разрушительные свойства ее финансовый механизм? Никакой буйной фантазии ни у меня, ни у моих соратников не хватило на то, чтобы предвидеть такой разгром экономики, при котором зарплату на предприятиях станут выдавать натурой — чайниками, стаканами, гвоздями, перчатками, телевизорами «на троих» и прочим, и прочим.

После одного из жарких, яростных, бесконечно длинных, до ругани доходивших заседаний ПБ я попросил Горбачева встретиться один на один. Спустя несколько дней такая встреча состоялась. Она тоже была чрезмерно напряженной — словно продолжение общего заседания.

— Михаил Сергеевич, — говорил я, — почему вы не верите людям, которые прошли долгую и трудную школу народного хозяйства? Снизу доверху прошли. Вы что же, считаете, что мы, практики, действительно консерваторы, а те, кто знают жизнь лишь по учебникам и являются радикалами от экономики, способны открыть перед ней новые горизонты?

Горбачев уходил от прямого ответа.

Пожалуй, именно в эти дни наши с Генеральным острые разногласия по проблемам экономики проявились особенно явно и зримо. Шел же, напомним, еще только 1987 год.

Трещины в наших отношениях появились, а законы развития трещин хорошо известны. И тот разговор наедине разногласий не снял, лишь привел к компромиссным решениям. Одно из них — появление идеи государственного заказа. То есть все планирование отдавалось на

откуп предприятию, а госзаказ гарантировал централизованные капитальные вложения, поставку некоторой продукции, ввод в действие производственных мощностей и так далее.

Когда Закон был опубликован, криков раздавалось немало: мол, централизованный план заменили жестким госзаказом. А журналисты в свойственной им манере немедленно стали дружно скандировать: «Госзаказ — госприказ!» Может быть, и вправду мы поступили чересчур жестко, но почему же тогда, начиная с 1988 года, чуть ли не все предприятия в голос требовали увеличить госзаказ, хотя их права и свободы последовательно расширялись? Да все по той же причине: невероятно трудно оказалось переходить с жесткой распределительной системы, введенной в стране еще в 30-е годы, на прямые нерегулируемые связи. Такого опыта это поколение руководителей просто не имело.

К сожалению, в Законе были недостатки, которые проявились со временем. Считаю, ошиблись мы в том, что однозначно решили вопрос о выборности руководителей предприятий. Думали: раз предприятия сами составляют свои планы, сами распоряжаются прибылью, то общая и ясная цель приведет коллективы к правильному выбору своих руководителей. На эти посты придут люди инициативные, энергичные, молодые. Увы, далеко не везде так вышло! Если цель «больше заработать» и нашла своих горячих приверженцев, то ее неременная составляющая «лучше работать» почему-то не считалась неременной. Вот и попадали в директора люди случайные, про которых на предприятиях знали: свои, не обидят. Но это — не главное качество руководителя.

Оглядываясь назад, полагаю, что всесоюзная кампания по выборам руководителей предприятий и объединений стала своеобразной репетицией грядущих кампаний по выборам народных депутатов всех рангов и категорий. Побеждали чаще всего не деловые, а говорливые, не реалистичные, а умеющие красиво и много наобещать, не профессионалы, а популисты. И, тем не менее, этот горький опыт пригодился позже, когда в нашей экономике появились другие формы собственности: акционерная, коллективная, смешанная и пр. Там самой природой собственности предусмотрены выборы руководителей.

В принятом же Законе было лишь две формы собственности: государственная и кооперативная. Хотя и тогда было всем известно, что кооперативная чаще всего фактически тоже является государственной. Что же до иных форм собственности — акционерной, коллективной, частной, наконец, — так о них тогда и речь не могла идти. Не забуду: когда обсуждался на ПБ один из вариантов Закона, умудренный жизненным опытом А. А. Громыко в своих замечаниях делал особый упор на соответствие форм собственности Конституции СССР. И на первой странице Закона явно прослеживается результат этого его выступления.

Неточно и даже невнятно были определены функции советов трудовых коллективов. Эти советы с первых же шагов начали подменять профсоюзные структуры, а кое-где и администрацию... Все пришлось поправлять потом, издавать традиционные для нас подзаконные акты.

И все-таки Закон не мог не ломать установившихся устоев. Одним из таких покушений на них было введение статьи о том, что деятельность убыточного предприятия может быть прекращена. О какой самокупаемости, о каком самофинансировании (крохотные ростки рыночной структуры!) могла идти речь, если предприятие в любом случае будет жить, независимо от результатов своей работы?

Одновременно с Законом, как я уже говорил, мы подготовили пакет постановлений ЦК и Совмина, которые дополняли и расширяли этот документ. Здесь было постановление о перестройке планирования и повышении роли Госплана, о роли Госкомитета по науке и технике в управлении научно-техническим прогрессом, о деятельности Госснаба в новых условиях хозяйствования, о новой роли Министерства финансов, о перестройке системы ценообразования, о совершенствовании системы банков в стране, о статистике, о республиканских органах управления, о работе Госкомтруда...

Все эти постановления тоже были одобрены Пленумом. Как и Закон, для своего времени все они были весьма прогрессивными, и из-за некоторых мне не раз приходилось вступать в бои. Например, создание в стране сети банков (вся сеть-то тогда — шесть банков) вызвало мощный протест Госбанка СССР и его высоких покровителей, которые не могли понять, почему необходимо нарушать государственную банковскую монополию. Споря с ними, особенно с

самими банкирами, я говорил, что этот шаг — первый, что по дороге к рынку им придется пережить появление десятков, а то и сотен банков. Выдержать, если сумеют, острейшую конкуренцию.

Честное слово, я и не представлял тогда, что буду близок к истине не только в предсказании количества грядущих конкурентов, в этом-то я как раз не сомневался, но и в определении остроты конкуренции. Когда я пишу эти строки, только в России зарегистрировано более двух тысяч различных негосударственных банков. А острота конкуренции наглядно видна каждый день на экранах телевизоров: самая агрессивная реклама — банковская.

И еще: одно из постановлений — о совершенствовании деятельности республиканских органов управления — нарушало просуществовавший долгие годы жесткий отраслевой принцип управления народным хозяйством, передавая многие функции Центра на места. В республики переходило управление отраслями, работающими непосредственно на социальную сферу: легкой промышленностью, агропромышленным комплексом, строительством.

Законом о госпредприятии и пакетом постановлений были подведены, повторю, итоги первого этапа экономических реформ и открывались пути ко второму. В реформировании экономики, как нигде, необходимы последовательность и поэтапная оценка результатов. А для этого нужны время и умение ждать. Увы, как раз умение ждать — редкое нынче умение. Сегодняшние суперреформаторы спешат: скорей, скорей, скорей! И все пророки клятвенно обещают: мой способ спасения — самый радикальный, самый лучший, самый быстрый. И уж, конечно, единственно верный.

Но и меня могут спросить, а сами-то что предлагаете?

Оглядеться предлагаю. Подумать как следует. Разумно и без метаний двигаться вперед. Так и тогда предлагал — дело ведь касалось экономики великой державы.

Глава 11. Спитак: беда не приходит одна

В главе об уроках Чернобыля я пытался размышлять о том, почему нам прямо-таки позарез необходимы авария, катастрофа, чрезвычайное происшествие — короче, беда! — чтобы сплотиться, позабыть большие и малые ссоры, до баррикад иной раз доходящие, до передела границ, чтобы начать работать по-настоящему. Но как только беда отступает, мы расслабляемся, не доводим дело до конца — или бросим на полдороге, или сделаем что-то несуразное. Строить и растить — дело долгое, рутинное. Ну а впередсмотрящих и впереди идущих лидеров привлекают лишь очень быстрые результаты.

Вспомните послебеловежскую зиму в Москве: приватизировать торговлю — максимум в две недели! А приватизация по МВФовскому (точнее, американскому) сценарию, озвученному нашей новой экономической «звездой»?.. Да что там темпы сталинской коллективизации, о которой уже более полстолетия говорят и пишут. Точно, в назначенный срок закончить первый этап разгосударствления и расколлективизацию и, не останавливаясь, не оглядываясь, снова вперед! Даже опыт «железной леди» с ее осторожными шагами в приватизации в этом случае уже не рассматривается как «опыт цивилизованной страны». Надо отдать должное, что несколько миллионов соотечественников сейчас не были высланы на Север, Урал и в Сибирь, но вряд ли меньшее их число получило неожиданный бессрочный отпуск за воротами заводов. И нет среди власть предержащих здравомыслящего лидера, который если бы и не написал о головокружении от успехов, то, по крайней мере, твердо сказал бы — остановитесь!

Этих лидеров постоянно манят новые горизонты и высоты в борьбе за власть. Политика, с их точки зрения, привлекательней экономики хотя бы потому, что она в нашей многострадальной державе как бы специально придумана для спринтеров, а экономика требует долгого дыхания, стайерского. Спринтерам от политики не по душе даже, если кто-то рядом терпеливо засыпает воронки от очередной беды, чтобы отстроить заново город и посадить сад.

А беда никогда не приходит одна. Чем же так не угодила Всевышнему наша из последних сил перестраивавшаяся на марше страна? Не успели мы оправиться от Чернобыля, как новая беда прогремела, обрушилась страшным землетрясением в тогда еще не ставшей независимой Армении.

Оно вошло в историю под именем спитакского и произошло 7 декабря 1988 года в 11 часов 41 минуту 23 секунды. Точное время назвали сейсмологи, но оно застыло и на мертвых электрических часах на площади разрушенного Ленинакана.

Ситуация в Армении и до этих часов — минут — секунд была крайне взрывоопасной. С февраля 88-го резко обострился армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха. Уже отшумели к декабрю мирные демонстрации, и заговорили ружья, винтовки и даже автоматы. Уже вовсю начали действовать соединения боевиков, полилась кровь и грозила вот-вот обернуться потоком. Уже потянулись с Кавказа беженцы: армяне из Азербайджана, азербайджанцы из Армении. Уже создана была по этому поводу в ноябре комиссия Политбюро ЦК КПСС, которую возглавил Генеральный секретарь.

Но не до нее ему было: он готовился к первому в своей звездной жизни выступлению в ООН, к встрече с уходящим с политической арены Рейганом и вновь избранным президентом Бушем. На 7 декабря назначено было его выступление в ООН, времени для подготовки оставалось всего ничего, выступить следовало весомо и мощно. А я, по традиции, оставался на месте — так кому, как не мне, стоило поручить работу с «Карабахской комиссией»? Мне и поручили временно, до возвращения Генерального из Америки.

7 декабря началось у меня с очередного заседания этой комиссии. Мы не обсуждали в тот день коренных проблем — о судьбах Карабаха. Тогда все были озабочены одним: как приостановить вооруженные столкновения, задержать поток беженцев из республик, чтобы потом попытаться усадить обе стороны хоть за какой-нибудь стол переговоров.

В Армению в первых числах месяца по служебным делам улетел мой заместитель по Совмину Щербина, всегда незаменимый Борис Евдокимович, который, как и в Чернобыле, первым из высокого московского начальства встретил беду.

Немало людей, входящих в этот круг, повидал я на своем веку. Но только после того, как в течение какого-то времени сам был в нем, понял, что, оказывается, недостаточно называться «высоким начальством» — надо уметь не попадать каждый раз в самый центр очередного аврала, прорыва, ЧП, а, наоборот, ловко от них увертываться. Слава Богу, ни я, ни мои истинные соратники не умели чувствовать себя начальством в этом понимании. Мы лишь назывались им, судя хотя бы по тому, что всегда лезли первыми в самое пекло.

Когда около полудня мне сообщили о землетрясении в Армении и я немедленно, не прерывая даже заседания комиссии, связался с Ереваном, с их Совмином, спросил подробности, мне ничего толком не сказали. Твердили только: очень большое несчастье, Николай Иванович, ничего пока не известно, связи нет. В район бедствия улетели Арутюнян и Щербина — как прилетят, так сразу и свяжутся с вами.

Сурен Гургенович Арутюнян был тогда первым секретарем ЦК Компартии Армении. Знание ритуалов подсказывало, что несчастье и впрямь очень большое: на рядовое ЧП первое лицо республики, да еще с зампредом Совмина страны, не вылетает. Усадили к телефону дежурного — ждать связи с Арменией...

Что мне тогда подсказывало шестое, десятое, сто первое чувство? Если честно, ничего не подсказывало. Землетрясение — не взрыв реактора на АЭС. Землетрясения в нашей стране по нескольку раз в году случались — то посильнее, то послабее. И фраза про «очень большое несчастье» могла быть всего лишь фигурой речи. Так подсознательно и хотелось...

Но около 17 часов дежурный позвал к ВЧ-связи. Звонили Арутюнян и Щербина. Казалось, что они не просто устали от поездки в район беды — убиты, раздавлены. Говорил Борис Евдокимович:

— Там тысячи жертв, тысячи! — Голос срывался, как будто он держался на грани слез. — Спитак разрушен полностью. Ничего не осталось! Леникан тоже, почти весь, почти... А еще — Степанаван, Кироваван... Беда, Николай Иванович, такой беды и представить нельзя...

Щербина всегда был человеком спокойным, сдержанным, умел гасить эмоции. А тут...

Я и вправду ничего не мог представить себе. Щербина с Арутюняном в тот день всего лишь облетели район бедствия на вертолете — и то были потрясены до глубины души. А я за всю свою жизнь не сталкивался вживую ни с каким землетрясением, лишь читал о них да фотографии видел.

Умозрительное представление о чем-то обычно не очень близко к реальности. Но даже такое представление после этого звонка заставило меня действовать быстро и радикально. Впервых, сразу решил лететь в Армению сам. Во-вторых, я связался с министром здравоохранения Евгением Ивановичем Чазовым — даже не стал его приглашать в Кремль, некогда было, — и уже вечером он вместе с первыми бригадами медиков вылетел в Ленинакан.

Лететь им было страшновато: никто точно не знал, что с тамошней взлетно-посадочной полосой. К счастью, она пострадала не очень сильно, ее довольно быстро залатали, и медики тут же раскинули свои палатки. Уже в ночь на 8-е начались первые операции. Впрочем, когда они прилетели в Армению, там уже были врачи из соседней Грузии — самыми первыми.

Со мной в Армению собирались улететь Н.Н. Слюньков, Д.Т. Язов, мои заместители Ю.П. Баталии — по строительству и Л.А. Воронин — по снабжению. Вылет назначили в ночь на 8-е, а до того следовало позвонить в Нью-Йорк Горбачеву.

Я связался с Нью-Йорком через спутник около 19 часов, там было еще утро. Телефонистки соединили меня с ЗИЛом Генерального, трубку поднял руководитель его охраны. Извинился:

— Не могу соединить с Михаилом Сергеевичем. Он только что прошел в здание ООН. Через несколько минут — выступление. Не везло! Я не собирался ни о чем с ним советоваться, переваливать на его плечи какие-либо решения. Все было уже продумано, но я считал: Генеральный секретарь должен как можно скорее узнать о том, что произошло в стране. Узнать и наметить свою линию поведения.

— Как только он освободится, — сказал я руководителю охраны, — пусть сразу со мной свяжется. Без-от-ла-га-тель-но!

Охранники — люди муштрованные: ни о чем начальство не спрашивают, но тон преотлично понимают.

Выступление Горбачева транслировалось по телевидению в прямом эфире, но я не смотрел, не до того было. Звонки, чередой

люди... Поручил секретарям внимательно следить за телепередачей и предупредить меня об ее окончании.

Горбачев позвонил минут через пятнадцать после своего выступления, по дороге на встречу с Бушем и Рейганом, из машины и позвонил. Выслушал меня, сказал, что и там, в Нью-Йорке, прошел какой-то неопределенный слух о сильном землетрясении, попросил держать с ним связь. Ни слова о возвращении домой сказано не было. Визит продолжался, и для прекращения его Горбачев повода не увидел. Пока не увидел. Повторюсь: трудно представить беду умозрительно, тем более что ни Америка, ни остальной мир еще не услышали громовых раскатов спитакского землетрясения.

Да и мы в Москве все еще не представляли себе гигантских размеров трагедии. Да, Баталии уже прикидывал, откуда и какие можно перебросить в Армению строительные мощности, — вчерне. Да, Язов готов был подключить к оперативной работе войска — если что. Да, Воронин уже готовил к переброске в республику палатки, продовольствие, медикаменты, не ведая, сколько всего потребуется в действительности.

Я встретился с С.А. Шалаевым, лидером профсоюзов, попросил:

— Освободите свои санатории, дома отдыха, пансионаты. Начнем вывозить из Армении женщин и детей, им надо где-то жить, а детям нормально учиться...

— Освободить — не вопрос, — ответил Степан Алексеевич. — Вопрос: на какое число беженцев рассчитывать?

— Не знаю, — честно ответил я. — Думаю, что счет пойдет на тысячи...

Опять забегаю вперед, скажу, что я в принципе не ошибся: счет и вправду пошел на тысячи, да только таких тысяч ни я, ни Шалаев и предположить не могли. К новому году в санаториях и домах отдыха за пределами Армении жили более шестидесяти тысяч беженцев. Как жили? Слово «хорошо» здесь, увы, не подходит: хорошо было дома, когда дом был. Есть такой околоармейский термин — «нормально». Вот нормально они и жили. Великое спасибо за то профсоюзникам!

Глубокой ночью вернулся домой. В прихожей — упакованный чемодан. Два часа сна — забытья и... на аэродром. Думал, на несколько дней, а вышло...

В восемь утра мы прилетели в Ереван. Накоротке собрались в здании ЦК партии (там наш штаб так потом и обосновался, как в Чернобыле — в райкоме). С ходу выслушали более-менее подробные сведения о масштабах бедствия: 10-балльное землетрясение ударило по территории, на которой жили 700 тысяч человек. Разрушено четыре города, один — полностью. О сельских районах ничего пока не известно: туда за ночь не добрались...

Приняли самые первые решения. Язов прояснил свое «если что»: следовало срочно объявить мобилизацию шести законсервированных полков войск гражданской обороны. Без техники ничего нельзя было сделать. Воронин прочно сел в армянский Госснаб — руководить снабжением на месте.

В зоне бедствия оказались 130 заводов, напрямую подчиненных союзным министерствам. Решили немедленно вызвать в зону их министров: пусть сами оценивают масштабы разрушений и берут на себя всю работу по их ликвидации.

Все это — в считанные минуты, заседать времени не было. Я встал, спросил:

— Ничего пока не забыли? Тогда — в аэропорт. Летим в Ленинакан. Не помню уж, кто спросил на ходу:

— Вам в Ленинанкане «Чайку» или «Волгу», Николай Иванович?

— Какую «Чайку»?! — так же на ходу возмутился я. — Вы еще кортеж организуйте с мотоциклами! Автобус дайте. И побольше, помощнее. На нем ездить стану.

Поняли меня правильно: в Ленинанканском аэропорту нас ждал красный «Икарус». На нем я и проездил все дни долгого пребывания в раненой Армении. Вернее, на них: один «Икарус» — в Ереване, другой — в Ленинанкане и Спитаке. Их узнавали гаишники, водители, пешеходы. И проходимыми они оказались — несмотря на размеры и внешнюю неповоротливость — что твой вездеход: через мощнейшие завалы и колдобины пробирались.

Дорога из Ленинанканского аэропорта в город была забита еле ползущими «Жигулями», «Волгами», «Москвичами», грузовиками, автобусами, автокранами.

В первые же часы Правительство республики, объявив о землетрясении и увидев масштабы трагедии, попросило граждан помочь вывезти из зоны бедствия раненых, женщин и детей. В тот

день мне показалось, что вся Армения откликнулась на эту просьбу, все, кто имел возможность сесть за руль своей или казенной автомашины.

Потом кое-кто упрекал руководство Армении, что, мол, зря устроили панику, взбудоражили людей, зря сорвали их из дому. Утверждаю: никакой паники никто не устраивал. Может быть, я и преувеличиваю, но ведь именно в первый день и ночь, когда еще не подошла техника из других республик, армянские водители-добровольцы вывезли из зоны бедствия тысячи людей.

Но зато в город мы добирались очень долго. Если первые здания на въезде еще показались мне выстоявшими, даже на вид почти целыми, то сразу за ними начались руины.

Дома старой, особенно дореволюционной постройки разваливались по частям: две стены рухнули, а две стоят. Вот и перекрытия между этажами сохранились. Вот чья-то кровать выставила на свет божий никелированные шары. Вот полощется на ветру тюлевая занавеска на одиноко торчащей на стене оконной раме...

А современные блочные девятиэтажки падали, как домики, сложенные из легких костяшек домино, — кучкой падали, складывались. Все это — на первый взгляд, беглый взгляд, мятущийся взгляд. Глаз не успевал остановиться хоть на чем-то одном, взбудораженное сознание не могло зафиксировать целое, все сразу, осваивало его лишь по частям, будто страшную, черно-белую мозаику.

Улицы, вернее, то, что раньше было ими, забросаны обломками разрушенных зданий. Машины, люди кричат, лезут друг на друга.

Еле-еле доползли до площади перед большим универсамом. Вместо него лежала гора бетона, искореженного металла.

— Это не езда, — сказал я. — Оставим здесь автобус, пойдем пешком...

Едва вышли на площадь, нас обступили люди. Казалось, их были сотни — рыдающих, кричащих, убитых горем людей. Вероятно, кто-то узнал меня. Иной раз мои фотографии появлялись в газетах, хотя время телевизионных депутатских шоу, на которых мне не раз приходилось выдерживать атаки народных избранников, еще не настало. А может, свое, местное, начальство люди узнали. Навалились на нас, чуть не за лацканы хватали, кричали:

— Вы собираетесь что-нибудь делать? Где вертолеты? Где краны? Четверо из моей охраны пытались прикрыть меня от толпы. Я тихо сказал им:

— Спокойно, ребята, не надо меня ни от кого спасать.

И в это время какой-то залетный, невесть откуда вынырнувший кинорепортер вскинул камеру и застрекотал ею, фиксируя «исторический момент».

— Сволочи! — вылетело из толпы. — Им наплевать на нас! Они сюда кино снимать приехали!

Люди в толпе находились в состоянии предельного накала. Любого, даже крохотного, повода хватило бы, чтобы произошел взрыв. Не понять их невозможно: беда, горе мгновенно ломают существующие в человеческом общежитии нормы и даже нравственные барьеры. Поведение толпы становится непредсказуемым и неуправляемым.

Мои охранники бросились спасать несчастного кинорепортера, прикрывать его от ударов со всех сторон, выводить из толпы. Я, взобравшись на обломок бетонной плиты с уродливо торчащими прутьями арматуры, громко, предельно внятно и медленно начал рассказывать людям обо всем, что уже делалось в Армении и предстояло сделать в ближайшие часы.

Корреспондента увели сравнительно целым, люди неожиданно притихли, слушали внимательно. В минуты беды так нужно утешительное слово, тем более если оно не просто сказано, а и делом подкреплено. Задавали вопросы, хотя и по-прежнему достаточно агрессивно. Главный и наиболее часто повторяющийся: почему нет вертолетов?

Отвлекаясь от хода событий, скажу, что в те первые часы и дни после землетрясения превалировало мнение, будто именно вертолеты способны быстро и надежно растащить завалы и вызволить из-под них людей. Даже не будучи специалистом по вертолетам, я знал точно, что они здесь ничем не помогут. Но отказывать людям, которые поражены оглушающим горем, грех было. Днем позже мы пригнали в Леникан тяжелые милевские машины. Они пылили безжалостно, создавая над завалом просто-таки пылевую бурю. Ничего не было видно, да и никакой серьезный завал даже они растащить не могли: обрушенные блоки цеплялись друг за друга арматурой. Вертолеты в любую секунду

могли упасть и разбиться. Впрочем, негодились для разборки завалов —годились для эвакуации людей. Не зря пригнали...

А идти по городу было до жути страшно и больно. Из-под развалин слышны были крики похороненных заживо жителей Лениакана. Их родные, волею случая оставшиеся вне дома, вне учреждения, вне магазина, вообще вне здания, раздирая в кровь руки, безнадежно пытались пробиться к ним. Тоже криком кричали, бросались к нам то ли с просьбой, то ли с угрозой: «Помогите же!» А что мы в те минуты могли сделать? Только вновь и вновь успокаивать, обещая: подождите, утишьте волнение, помощь близка.

Как невыносимо тяжело чувствовать себя беспомощным и слабым! Как ненавидишь себя за бессилие сегодня, сейчас, даже если знаешь, что завтра, послезавтра, послепослезавтра придет сила! Как барабанно пуста власть, если она не может отвести беду мгновенно! Честное слово, в те минуты я бесконечно сожалел, что я — всего лишь обыкновенный премьер-министр многострадальной страны, а не всемогущий волшебник с аладдиновой лампой под мышкой...

И все же именно власть Предсовмина страны, реальная власть, а не сказочное могущество джина из бутылки, вселяла ощущение: мы должны и можем успеть! Я шел по разрушенному Лениакану, слушал и не слышал чьи-то слова, быть может, и важные в принципе, но совсем не важные в тот миг. Кругом слышны были рыдания, в чьи глаза ни помотришь — в них полно слез. Да и у меня комок в горле стоял. Где тогда был вельеречивый профессор Собчак, который позже назовет меня «плачущим большевиком»? Ну что бы ему раньше увидеть людские слезы — реальные, а не мифические. Ну что бы ему, негибшему, уразуметь, что причина человеческих слез — отнюдь не партийная принадлежность! Тогда, может быть, он не стал бы в перестроечном 88-м спешно вступать в партию, традиционно клянясь в верности идеалам коммунизма. Погодил бы совершать столь необдуманный поступок, который потом ему пришлось спешно исправлять. Но он, увы, не увидел всего этого, поскольку тогда в Армению не прилетал, — в той Армении следовало работать головой и руками, а не языком. Да я в то время и не знал о существовании этого холеного господина, как сказал один известный писатель и публицист, — недавнего провинциального стряпчего, юриста по бракоразводным делам, который приплыл к власти на волне

«демократической» демагогии. А став незадачливым и бездарным мэром, попирающим элементарные нормы, законы, он до ручки довел вторую столицу. Но это лишь к слову...

Еще ни я, ни вообще кто-то не делил людей в горе на «своих» и «чужих», «наших» и «не наших». Еще Советский Союз был единой державой, что и позволило мне тем же днем сказать в интервью корреспонденту телевизионной программы «Время», что если мы хотим помочь Армении, если мы хотим спасти как можно больше людей — а это было первоочередной задачей, — то принять в этом участие должны все республики, весь Союз.

Прямо с забитой до предела площади в Кировакане я обратился к гражданам страны. Надо сейчас, не дожидаясь никаких команд сверху, руководителям предприятий, самим трудовым коллективам готовить технику — автомобили, бульдозеры, большегрузные автокраны, сварочные аппараты и, главное, людей, которые станут управлять этой техникой. Грузить ее на железнодорожные платформы для немедленной отправки в Армению. Ночью мы сообщили адреса отгрузки.

Это мое обращение вышло в эфир вечером 8-го. Оно возымело свое действие, поскольку уже утром 9-го мы знали, телефонная связь с Ереваном работала безотказно, где и сколько техники подготовлено для отправки в зону бедствия. А до того мы побывали в абсолютно разрушенном Спитаке, в городе, который за 20 секунд первого подземного удара полностью исчез с лица земли, превратился в горы развалин. Здесь четко руководил спасательными работами мужественный человек — Норик Григорьевич Мурадян. Глаза у него были красные, воспаленные — стихия унесла 11 его родственников. Кстати, он был назначен первым секретарем райкома партии за 15 минут до землетрясения.

Из Ленинакана в Спитак, расположенных друг от друга в 30–40 километрах, пробирались на своем «Икарусе» несколько часов. Здесь был эпицентр землетрясения. Дорога вздыбилась, гигантские зияющие трещины, как змеи, шли по земле, казалось, горы сошлись друг с другом. На дорогах лежали многотонные валуны, сброшенные стихией с вершин. Железнодорожные рельсы скручены в огромные спирали. Вагоны шедшего в те секунды состава валялись вверх колесами, тепловозы — на боку...

Автобус не проходит среди завалов — и все во главе с премьер-министром толкают его плечами. Пролеты моста, сошедшие со своих опор, держатся на честном слове. Приходится идти пешком — если уж погибать, то одному водителю-смертнику. А впереди все это время шел самосвал, в кузове которого на каких-то подстилках лежали перебинтованные два человека. Ни разу они не поднялись...

Сколько я тогда узнал незаметных и нешумных самоотверженных людей! В те дни никто не думал о наградах, поощрениях. До этого ли было? Все кругом стонало — люди, душа, природа. Через несколько месяцев я попросил как-то отметить своих помощников, но замотали и это. Хотя, как мне стало известно потом, охрана Горбачева за два дня своего пребывания в Армении получила и досрочные воинские звания, и еще что-то. Купил я десяток карманных часов, попросил выгравировать: «В благодарность за Армению — Н. Рыжков». И вручил своим ребятам, верой и правдой прошедшим через всю армянскую трагедию.

Мы успели дотемна посетить Кировакан и вернуться в Ереван, где сразу, с колес, подвели итоги увиденного и наметили основные направления работы. Первое, как уже сказано, — это расчистка завалов и спасение людей. Второе — медицинская помощь раненым. Третье — создание хотя бы элементарных условий для жизни, установка палаток, строительных вагончиков. Четвертое — эвакуация женщин и детей. Пятое — обеспечение оставшихся в зоне питанием, водой, теплой одеждой (зима на дворе, люди остались на улице практически без ничего). Опять-таки забегаю вперед во времени, скажу, что до 5 января все жители городов зоны бедствия обеспечивались бесплатным питанием.

Вечером же 8-го из Нью-Йорка позвонил Горбачев. Я ему рассказал обо всем увиденном, сообщил, что решил остаться в Армении до того, как будет налажена четкая работа по спасению людей. В то время он уже не очень-то и советовался со мной, не принимал многих моих советов и поэтому не ждал их, а тут спросил:

— Как ты думаешь, ехать мне на Кубу и в Англию или все-таки вернуться? Я ответил, не задумываясь:

— Вернуться. И как можно скорее. Вам следует прилететь сюда, в Армению...

Если честно, мой совет был нужен ему для проформы: он, пожалуй, и сам понимал, что оставаться вне страны в эти тяжелейшие дни ее руководитель не имеет права. В тот же день он официально прервал визит, и следующий его звонок мне состоялся уже с борта самолета утром 9-го.

Мог ли он прилететь сразу в Армению, минуя Москву? И тогда считал, и сегодня мнения не поменял: не только мог — должен был. Опять вспоминаю Маргарет Тэтчер. Рад, что имел возможность лично встретиться с ней, беседовать, даже провожал ее в Шереметьево сразу после знаменитой телевизионной пресс-конференции с тремя нашими, казалось бы, зубрами «доперестроечной» журналистики, которые бездарно и тщетно пытались загнать ее в угол. К слову, она тогда не без легкого торжества поведала мне по дороге в аэропорт, что легко «посадила» наших самоуверенных журналистов...

Так вот, она всегда, не дожидаясь особых приглашений, мчалась на любую беду, коли таковая настигала ее соотечественников. Но наш Генеральный никогда не спешил в опасные для него места. Я уже писал об этом в главе о Чернобыле, вновь повторю и здесь. Горбачев предпочитал стиль газетных и телевизионных официальных соболезнований: они не требуют чрезмерных нравственных и физических сил.

Он появился в Армении утром 10-го, это была суббота, прибыл вместе с женой, которая всегда и повсюду сопровождала его. Накануне он позвонил из Москвы и поинтересовался: куда лучше лететь?

Я ответил:

— Летите прямо в Ленинакан. Мы вас там встретим. Через несколько минут после нашего с ним разговора позвонил генерал Плеханов, начальник 9-го, «охранного», управления КГБ, и спросил:

— Николай Иванович, как в Ленинакане со взлетно-посадочной полосой? Выдержит тяжелый самолет?

— Выдержит, — удивленно подтвердил я. — А вы что, танки везти собираетесь?

— Почему танки? — Не принял моей мрачноватой шутки Плеханов. — ЗИЛы для Михаила Сергеевича и его сопровождения. Тут я взорвался, каюсь. Заорал:

— Какие ЗИЛы? Не порите чушь! Здесь беда, океан горя, а вы на «членовозах» разъезжать собрались? Что люди скажут — подумали?

Не-ет, Горбачев со мной ездить будет. На «Икарусе». И сопровождение тоже — места всем хватит, автобус большой. Ясно?

— Ясно, — коротко ответил Плеханов.

Но наутро в Ереван прибыл самолет с роскошным, сияющим ЗИЛом. Конечно же, Горбачев с женой и не подумали на нем ездить — в тех условиях это было бы просто нелепо, а передвигались по зоне бедствия на моем «персональном» автобусе, то и дело выбираясь из него и разговаривая с людьми в Ленинакане или Спитаке, а ЗИЛ, если я не ошибаюсь, так в Армении и остался. На память.

Я вспомнил об этом курьезном факте вовсе не для того, чтобы кинуть лишний камень в сторону уже не существующего в прежнем своем виде ведомства госбезопасности. Я вспомнил о нем только потому, что хочу сказать: и в дни всеобщей беды находились люди, и, увы, немало, которые думали вовсе не о ней, не о том, как спасти пострадавших, как облегчить боль раненым, как накормить и обогреть голодных и замерзших. Они смотрели на мир и страну со своего шестка — будь он ведомственный, служебный или эгоистично-национальный. Ведь именно в короткое пребывание Горбачева на армянской земле я не один раз слышал обращенный к нему вопрос: «Как вы собираетесь решать проблему Нагорного Карабаха?»

Действительно, национальные проблемы к 1988 году уже были болезненно обнажены, и в первую очередь — в Армении. Но в те тяжкие дни мне казалось, что именно беда сплотит враждующие стороны, остановит — пусть хотя бы на время! — конфликт, начавший не тлеть уже, а пылать.

Увы, но кому-то было выгодно раздувать этот конфликт даже в дни всенародного горя. Кому-то было выгодно не пропускать через армянскую территорию машины и автокраны с азербайджанскими номерами, прямо на границе двух республик номера меняли на армянские. Кому-то было выгодно позже блокировать на земле Азербайджана железнодорожные перевозки в Армению. Я не пытаюсь здесь, в моем рассказе о спитакском землетрясении, определить, кто прав, а кто не прав в карабахском конфликте. Хочу лишь напомнить, что во все времена во всех концах земли горе сближало людей. Если не наступал мир, то было перемирие. В нашем же «конце» беду использовали, чтобы стало больнее. Кому это было выгодно?

Да, в Армении в те дни были силы, которые хотели и на людском горе занять свой политический капитал. Как не вспомнить известный комитет «Карабах», который возглавлял нынешний Президент Армении. Ведь именно этот комитет провоцировал слухи о том, что якобы взрыв атомной бомбы в соседней республике вызвал землетрясение. Или другое: сколько потребовалось усилий, чтобы убедить людей, находящихся на грани нервного срыва, что их вывозят не в Сибирь, а в Сочи, и не за тем, чтобы растворить многострадальный армянский народ, а для того, чтобы сохранить его!

И действительно, теперь уже около полутора миллионов граждан Армении из четырех выехало в Россию, Соединенные Штаты и другие страны. Армянская диаспора расширяется. Вот вам и растворение армян в Сибири!

Да и как не бежать из страны, если на одного едока дают 250 граммов хлеба, сводят скверы на дрова, продают медные провода с троллейбусных линий для закупки чего-то за рубежом. Что-то похожее на блокадный Ленинград. Но там был ведь внешний враг.

Может быть, мой короткий (всего одна глава в книге) рассказ об Армении сбивчив. Плавно и складно не получается. На меня здесь давят два груза. Один — невыносимо тяжелый, огромный и мучительный груз увиденного и пережитого за бесконечные декабрьские и январские недели моего пребывания в республике. Что главное? Что выбрать? На чем задержать внимание? Для меня выбор невероятно сложен: все главное! Второй груз: я не могу и не хочу соперничать с сотнями писательских и журналистских работ, талантливых и не очень, правдивых и не совсем, но в которых подробно и эмоционально описана вся история трагедии в Армении. От начала и до... Чуть было машинально не написал: «до конца». Нет ей конца. И страшно, коли не будет...

А начало было все же очень обнадеживающим.

Техника для спасательных работ приходила уже с 8 декабря и шла буквально нескончаемым потоком: сперва из соседней Грузии, из Азербайджана, с Северного Кавказа, своим ходом. Хотя, как я сказал, «ход» ее из Азербайджана был непростым. Потом — из России и других республик.

Все плановые поставки строительной техники с соответствующих заводов отменили и перенацелили на Армению. Железнодорожники

почти втрое (!) увеличили скорость движения грузовых составов — с 300 километров в сутки до 800. День и ночь за этим следил министр путей сообщения Николай Семенович Конарев.

Но и при этом нужно было четыре-пять дней для переброски эшелонов с Урала, не говоря о Сибири. Приняли решение: пока эшелоны идут откуда-нибудь издалека, начать перебрасывать технику по воздуху. Тут и военно-транспортная авиация работала, и аэрофлотовцы. Конечно, без мелких ЧП не обходилось. То автокран в брюхо самолета не влезает, надо кабину подрезать, то вес слишком велик, что-то сбрасывать надо...

Мы проводили короткие «летучки» штаба в Ереване дважды в день — утром и вечером: что сделано, что делается, что надо сделать. Так именно 9-го тогдашнему замминистра и будущему, в моем Правительстве, министру гражданской авиации Борису Егоровичу Панюкову крепко от меня досталось за некоторую неорганизованность. Но и подействовало. Я каждый день в блокноте нечто вроде конспективного дневника вел. Вот запись от 10 декабря: «Два часа ночи. В Ереване село 12 бортов. 12 — в воздухе. Еще 6 — на подходе...» В Ереванском аэропорту, в Ленинанканском можно было, задрвав голову, ежеминутно просто сосчитать самолеты, чуть ли не гуськом летящие по большому и малому кругам ожидания. И садились один за одним. На разгрузку борта давали всего 10 минут.

Через пару лет я случайно познакомился с одним из летчиков, который был в той «карусели». Он мне рассказал, что они испытывали в воздухе и видели на земле. Во многом, по его словам, это напоминало рассказы старших друзей, бывших летчиков Отечественной войны.

Мне напомнят: ведь и аварии были. Были, как не быть. К счастью, не много. А ведь в той обстановке ежесекундного аврала именно счастье, что судьба, мастерство и ответственность, собранность людей свели к минимуму число авиакатастроф. Перед глазами у меня две ужасные картины. На сотни метров разбросаны обломки самолетов — югославского и советского. Наш шел из Баку с техникой и резервистами на борту. Все погибли. Я надеюсь, что власти Армении установили на месте гибели этих людей памятник, ведь они спешили на помощь их народу.

Посадочная полоса работала непрерывно, диспетчеров не хватало — у нас их по всей стране не избыток. Погодные условия тоже не особенно радовали. Плюс горы... Да и вообще аврал не способствует тотальному порядку и в воздухе, и на земле. Вот я чуть выше порадовался, что республиканское руководство в первые же часы беды призвало всех, кто способен помочь вывезти пострадавших. Но уже через несколько дней эти действительно беззаветные добровольцы начали сильно мешать планомерной работе. Дороги и улицы в городах были так забиты, что «скорые помощи» часами к раненым продирались, а разгруженная в Ереване техника не могла за день преодолеть ста километров. Если использовать медицинские аналогии, то ситуация на дорогах Армении начинала походить на тяжелый тромбоз — закупорку вен. Надо было вводить чрезвычайное положение.

Сегодня термин «чрезвычайное положение» вызывает легкую или не очень легкую — у кого как — дрожь. Он начисто скомпрометирован непрофессиональностью властей в Тбилиси, Вильнюсе, в Чечне. Не говоря уже о военной технике в Москве, которая в 91-м году вводилась ГКЧПистами, а в октябре 93-го Президентом России для разрешения разногласий между ветвями власти. В наше время этим баловаться не полагалось.

Чрезвычайное положение объявлялось в действительно экстремальных условиях, а если честно, так на моей памяти — именно в Армении впервые. Как его вводить, никто не знал. Даже военные. Решили взять в кольцо два разрушенных города, десантными войсками перекрыть въезды в них, поставить своего рода заставы из танков и БТРов. Все посторонние автомобили вывести из этих городов и разместить на импровизированных стоянках, как говорится, в чистом поле. Утром 10-го города были взяты в кольцо, на стоянках за ними замерло более 50 тысяч машин. Я обратил тогда внимание на четкость выполнения указаний министра обороны Д.Т. Язова генералом И.Н. Родионовым. Да, это был именно тот генерал, которого через полгода затапывали на Съезде за тбилисские события.

Говоря о первых днях, когда тех же автокранов было — по пальцам сосчитать можно, вспоминаю, какая шла битва за каждый такой механизм. Люди дневали и ночевали на развалинах своих домов — там, где стихией были похоронены их родные и близкие. Всякий

старался заполучить кран на «свои» развалины. Разве этих людей можно не понять? Но когда техника пошла потоком, то и драки за нее закончились. Тем более что ждать и надеяться на чудо люди могли, как выяснилось потом, только двенадцать дней: именно на двенадцатый день из-под развалин был спасен последний живой человек, подросток.

Но о том, что он последний, мы узнали позже, да и не отнимешь ведь у людей веру в лучшее? А если говорить об итогах, то всего из-под завалов спасатели — профессионалы и непрофессионалы — извлекли 40 тысяч человек, из них 16 тысяч живыми.

Профессионалов, к несчастью, было мало. Своих — вообще считанные единицы, службы спасения людей в экстремальных условиях у нас до тех пор не существовало, только горноспасатели и были. Мы были буквально поражены, когда увидели оборудование спасателей, прибывших из-за рубежа. Мы и не верили раньше, что не в фантастических романах, а в реальной жизни существуют приборы, которые сквозь толщу завалов реагируют на тепло человеческого тела, на стук сердца, на дыхание даже. И собак, умеющих чують людей под развалинами, у нас не дрессировали. К слову, ничему нас в этом отношении Армения не научила. Разве что появились в разных городах группы, самостоятельно тренирующиеся спасать людей. Ничего у них нет — ни оборудования, ни приборов, ни тренажеров, ни даже порой помещений.

Осенью 1991 года в Ленинграде, то есть теперь Санкт-Петербурге, в песчаной горе Парнас Шуваловского парка засыпало двух подростков. Двое суток спасатели выгребали песок, используя обыкновенное цинковое корыто и штыковые лопаты с обломанными черенками. Одного ребенка спасли, другой так и погиб под тяжестью песка. Мэрия дела иметь с этой чрезвычайной ситуацией не пожелала. Никогда не плачущий бывший большевик на пресс-конференции жестко заявил, что спасать детей — не дело мэрии. Напоминаю, он не был в Армении, он не видел сотен детей, извлеченных спасателями из-под руин, детей с переломанными, оторванными ручками, ножками, детей полузадохнувшихся, детей изуродованных, искалеченных, погибших. У мэрии Санкт-Петербурга — совсем другие дела. Тогда, в дни трагедии в Шуваловском парке, мэр просто парил над посетившей «колыбель революции» Маргарет Тэтчер. Полагаю, что если бы она

узнала о засыпанных в горе подростках, то сама, без Собчака, поехала бы в Шуваловский парк...

Но это, повторяю, был 91-й год. Тогда, хотя бы с помощью обломка лопаты, но пытались достать детей. А в 1994 году газеты писали, что центр второй столицы заповилили бездомные, грязные и завшивленные «невские гавроши». По данным той же мэрии, их сейчас около 10 тысяч. Все это напоминает времена гражданской войны.

Не понадобится ли нам новый «железный Феликс» для их спасения?

Когда случилась беда в Чернобыле, руководители многих держав, как я писал, никакой моральной поддержки и тем более — реальной помощи нам не оказали. В Армению же прилетали самолеты с продовольствием, палатками, одеждой, медицинским оборудованием и лекарствами, с добровольцами-врачами, спасателями из шестидесяти стран мира, включая Израиль, с которым у нас тогда не существовало никаких отношений, даже неофициальных.

Беда Армении стала бедой не только всей страны, но и всего мира. Я дал указание Министерству иностранных дел: никаких ограничений на прибытие в Армению любых специалистов, любых грузов. К сожалению, МИД СССР слишком запоздало отреагировал на события: даже переводчиков в Армению не прислал сразу. Разговаривали с прилетевшими иностранцами чуть ли не на пальцах. Позже Шеварднадзе раздраженно и обиженно звонил мне: мол, почему не предупредил, не объяснил, что необходима активизация его службы... Я спросил: а разве тех добровольцев из-за рубежа, что прибывали в республику, кто-нибудь предупреждал, объяснял им, что необходимо?

Первыми — на следующий же день — прибыли спасатели из Франции, которые привезли одежду, медикаменты. Только за сутки работы они извлекли из-под развалин более шестидесяти человек. Затем прибыли специалисты из Австралии, Италии, Америки, Германии...

В те же дни я встретился со всемирно известной мужественной хрупкой женщиной — матерью Терезой. После нашего разговора я склонился перед ней, и она деловито перекрестила меня, благословив.

Мне дорога и благодарность пожилой армянской женщины из глухого горного села, где однажды приземлился наш вертолет, которую

она выразила словами: «Пусть твои болезни перейдут ко мне!» Как я потом узнал, это — самая высшая форма проявления уважения к человеку у народа Армении.

Горжусь всем этим по сей день, как и благословением ныне покойного Католикоса всех армян Вазгена I, с которым тоже встретился и беседовал на земле Армении. Помню его слова, обращенные в те дни к народу:

«После молитвы и траура обратим наши лица к убитому горем народу и к нашим разрушенным городам, со скорбью в сердце, но без отчаянья, не чувствуя себя побежденными. Со светлой верой, несокрушимым духом, могучими руками стойко примем нашу судьбу, мужественно перенесем любые испытания...»

Как одну из самых добрых реликвий и поныне храню послание этого, ушедшего теперь от нас, замечательного человека, выдающегося церковного и общественного деятеля.

Я уже говорил, что мое 60-летие не было отмечено как властями, так и «широкой общественностью». Старые времена ушли, когда юбилеи лидеров всенародно отмечались, а новые, когда практически все повторяется, хотя и без орденов, но зато с огромными букетами алых роз на экранах телевизоров, еще не наступили. Правда, меня это совершенно не волновало, тем более что было ясно: Генеральный и его приближенные «проконтролируют», чтобы в прессе ничего не появилось. И тем дороже были мне многочисленные поздравления друзей, знакомых и незнакомых людей, которые далеки от возни под кремлевскими коврами.

Особенно меня тронуло поздравление Католикоса. Я позволю себе его процитировать:

«Из далекой Армении и Св. Эчмиадзина Мы рады принести Вам наши теплые приветствия и добрые пожелания в связи с Вашим 60-летием.

Мы и весь армянский народ не забыли и не забудем Вашу отзывчивость и доброе отношение после бедственного землетрясения, когда в течение многих дней, днем и ночью, сочувствуя нашему горю, Вы проявляли большую заботу к израненному населению. Наш народ, проживающий как на территории Советского Союза, так и за рубежом, благодарен Вам.

А Мы, что имели духовную радость пожать Вашу добрую руку, молимся за Ваше долголетие и желаем Вам неутомимого рачения, неисчерпаемого терпения, духа оптимизма, чтобы Вы рядом с Вашими соратниками свойственной Вам уравновешенной мудростью внесли бы Вашу лепту в дело мира и блага советских народов нашей многонациональной неразделимой большой семьи.

От имени Армянской Апостольской Церкви примите также Наши сердечные наидобрейшие пожелания во претворение благородных идеалов Вашей отчизнолюбивой миссии с пожеланиями семейного счастья».

Я всегда был уверен, что интернационализм — не абстрактное понятие, придуманное Лениным, а живое, дышащее, мощное. И я еще раз убедился в этом, когда люди всего мира — вне зависимости от возраста, пола, цвета кожи, благосостояния — чем-то, пусть самой малостью, хотели помочь армянскому народу.

Когда я вернулся в Москву, мой тогда пятилетний внук Коля с гордостью сообщил мне:

— Дедушка, я тебя по телевизору смотрел, слушал и все-все видел. А потом всю копилку разбил и послал денежки в Армению.

Я знал, что он целый год складывал в кошку-копилку монетки: собирал на велосипед. Дочь Марина, Колина мама, рассказала, что как-то после очередной программы «Время» он пришел к ней с глиняной кошкой и попросил разрешения разбить ее. Денег оказалось двадцать семь рублей с копейками... До сих пор в ящике стола лежит у Коли, школьника уже, квитанция о почтовом переводе, как напоминание о трагедии, всколыхнувшей страну и мир.

А скольким потерявшимся и растерявшимся детям нашел родных Советский детский фонд во главе с Альбертом Анатольевичем Лихановым, уже 8 декабря открывший свой постоянно действующий штаб в здании Ереванской филармонии! Скольким детям и вообще семьям помогла газета «Надежда», организованная в те дни комсомольскими журналистами Армении и прилетевшими сюда корреспондентами еженедельника «Семья»! Дети искали и находили родителей. Родители искали и находили детей.

Женщины и дети Армении уезжали из поверженных городов и сел. Я приехал на вокзал в Кировакане, втиснулся в состав, уже готовый к отправке, прошел по вагонам, прощаясь с женщинами и

ребятишками. На перроне молчаливо и грустно стояли мужчины. Сколько вагонов прошел насквозь, не помню. Лишь врезался в память постоянным рефреном звенящий вопрос: «Мы вернемся?» Я очень хотел верить, что все они вернуться на Родину, в новые дома, может быть, в новые города и села, заживут постарому, кто как умел... Моя ли вина, что так не получилось?

Вновь скажу: я не воссоздаю здесь хронологию нашей спасательной и восстановительной работы в Армении, я просто рассуждаю: все ли сделано, что было нужно и возможно? Что не сделано? Почему не сделано? И опять, как рефрен: кому же было выгодно, чтобы все остановилось, замерло, замерзло?

Мы ведь уже всюду проектировали, восстанавливали, строили заново. На конец 1989 года в восстановительных строительных работах было занято около 70 тысяч человек, приехавших со всей страны, а также из-за рубежа. Строительные работы были оценены почти в 9 миллиардов (тогдашних!) рублей — это столько же, сколько примерно стоило, по проекту, сооружение БАМа. Мой заместитель по Совмину Баталии жестко подгонял проектантов, да и сами строители их подгоняли, эшелонами прибывая в Армению.

Разгружались, выстраивали для себя временные городки из вагончиков, рассчитывая жить и работать здесь несколько лет, до полного восстановления разрушенного. Уже 7 января 89-го, ровно через месяц после трагедии, был заложен в Ленинкане первый дом. Строители России во главе с зампредом Совмина РСФСР О. И. Любовым начали масштабную застройку этого города.

Да, еще раз скажу, все это здорово ударяло по нашей плановой работе в народном хозяйстве. В Армении мы ускорились, в Армении... Но разве хоть кто-то мог упрекнуть нас за это? Мы жили этой бедой, вся страна жила ею и вытаскила бы республику из этого ужаса, если бы...

Недавно я встретился с бывшим министром социального обеспечения Армении Нарине Мисхаковной Балаян. Она принимала самое активное участие в помощи населению в то трагическое время. И мне было приятно услышать, что и Международный спинальный, и протезный, и детский реабилитационный центры, решение о строительстве которых мы тогда по ее предложению приняли, созданы

и действуют. Но сколько же еще не сделанного? Работать бы и работать...

Однако Карабахский конфликт возродился с новой силой. Опять начались демонстрации, вооруженные стычки, полилась кровь. Азербайджан то и дело прибегал к откровенной блокаде Армении, не пропуская через свою территорию составы, груженные строительными материалами и техникой. Тысячи строителей в районе землетрясения сидели попросту без дела. А потом снимались и улетали: кому охота жить вдали от дома и не делать того, ради чего его покинул.

И внутри самой Армении появились различные политические движения, которые довольно легко отвлекали людей от проблем зоны бедствия. Сначала беда Армении перестала быть общей, а потом и вовсе забылась, как будто и не случилось никакого землетрясения, как будто и не остались без крова тысячи людей, как будто не живут калеками дети. Ненависть оказалась сильнее любви.

Иногда я ставлю в видеомагнитофон кассету, на которую жена каждый вечер в тех далеких декабре и январе записывала из программы «Время» сюжеты об армянской трагедии, смотрю, вспоминаю. Это — моя боль. Она не проходит. Телевизионный обозреватель Александр Тихомиров, бывший в Армении с первых дней беды, обронил в одном из своих репортажей фразу. Так она примерно звучала: если бы горе имело силу, то оно разметало бы все завалы в зоне бедствия. Страшно, но силы у этого горя хватило не слишком надолго. А теперь, когда каждая республика живет самостоятельно, стремится везде и всегда подчеркнуть свою суверенность и независимость, как сможет Армения залечить раны? Да и сможет ли — одна?

Я смотрю видеокассету, а жена старается найти предлог, чтобы выключить магнитофон, отвлечь меня от воспоминаний. Боится, что опять долго не засну, стану думать: как там, в недостроенном Лениакане? В непостроенном Спитаке? Еще одна зима. Еще одно испытание. Давно я там не был. С 89-го...

Наш с женой близкий друг, прекрасный русский поэт-свердловчанин, ныне покойный Лев Сорокин написал когда-то:

Боль свою можно годами носить, кто принесет утешенье? Больше всего не люблю я просить — в просьбе всегда унижение.

В просьбе всегда унижение? Может быть, по большому счету, это и так. Но есть просьбы, естественные, как дыхание: просьбы больного к врачу, ребенка — к матери, человека — ко Всевышнему. И доведись мне обратиться к Богу с единственной просьбой, умолил бы его спасти нас от ненависти! Сколько же она поломала планов, судеб, жизней! Сколько еще ломает...

Глава 12. Новый нэп

Каждый год моей работы в качестве Председателя Совета Министров СССР памятен мне по-своему: надеждами и трагедиями, пережитыми со всей страной, успехами на одних участках деятельности и невозможностью переломить, улучшить ход событий на других. По-своему — на всю жизнь! — мне памятен и 1989-й, внешне совсем неприметный год, ничем вроде бы не выделявшийся из череды предшествующих. Но именно этот год стал началом крушения всех моих надежд и как гражданина, и как премьера страны.

Но — по порядку.

Я уже писал о том, что к концу 1987 года новая система управления народным хозяйством, давно и упорно разрабатываемая нами, проверенная широкомасштабным экспериментом, окончательно перешла из теоретической в практическую сферу, в жизнь. На весьма прогрессивных для того времени условиях самофинансирования работали предприятия, выпускающие 60 процентов всей промышленной и сельскохозяйственной продукции, и примерно половина всех предприятий сферы обслуживания.

В довольно бурно нарождающейся кооперации работало более миллиона человек. Закон о ней был принят на сессии Верховного Совета СССР в мае 1988 года. Это был новый шаг по реформированию экономики после принятия годом раньше закона о госпредприятии.

Основной упор и в проекте Закона, который был опубликован во всех газетах, и в моем докладе на сессии был сделан на кооперацию в сфере производства и услуг. По данным Госкомстата СССР, неудовлетворенный спрос на промышленные товары народного потребления в то время оценивался более чем в 30 миллиардов рублей, а в сфере услуг, оказываемых государственными предприятиями, — примерно в 15 миллиардов. Стояла задача с помощью делового сотрудничества разветвленной сети кооперации с государственным сектором экономики решить эту проблему.

В моем представлении государственные предприятия — глыбы, а пространства между ними и должны были заполняться мелкими производственными и кооперативными предприятиями сферы услуг.

В последние перед тем годы вокруг кооперации было много всевозможных теоретических дискуссий и обывательских пересудов. Некоторые ученые считали, что наши предложения есть отход от социалистических идей. Утверждалось, что вся собственность при социализме должна быть в руках государства и что толкование известной статьи Ленина «О кооперации» является ошибочным. В этом нужно было разобраться как следует, ибо ни я, ни мои соратники не помышляли отходить от социалистических принципов. И к проработке теоретических основ кооперации, к анализу ее роли и потенциала в современных условиях были привлечены лучшие ученые-экономисты и специалисты по кооперативному движению.

Были рассмотрены взгляды Ленина с конца 1918 года, когда он говорил о неременном слиянии кооперации с Советской властью, и до его знаменитого тезиса: «Кооперация в наших условиях сплошь да рядом совпадает с социализмом», выдвинутого в начале 1923 года. За это время Советская власть окрепла, победила в гражданской войне. Контроль государства над этой формой экономических отношений был обеспечен, а через 65 лет — тем более. Между тем споры о том, что, защищая идею кооперации, Ленин, по сути дела, пересмотрел некоторые принципиальные вопросы построения социализма, не утихали. Ну спрашивается, неужели ради красного словца было сказано: «...мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»?

Усиление позиций кооперации в экономике означало развитие в стране разных форм собственности и управления. Кооперативное движение, дополняющее мощный, но не очень гибкий государственный сектор экономики, стало все активнее утверждать себя. Но тут само понятие «кооператор» вдруг приобрело явно негативный характер в сознании общественности, что, на мой взгляд, вызвано следующим.

Первое. Для быстрого формирования кооперативного сектора были установлены весьма льготные налоги, существенно отличавшиеся от налогов на государственные предприятия. Экономическая свобода в кооперативах позволяла платить зарплату более высокую, нежели на госпредприятиях. И многие их руководители стали на своих заводах создавать кооперативы, которые использовали средства производства, принадлежащие государству,

выпускали зачастую ту же самую продукцию, но при совершенно иных экономических взаимоотношениях с ним. Фактически стало происходить переплетение, перемешивание собственности и управления, что вызывало массу осложнений в кадровой политике, в психологии трудовых коллективов, во многом криминализировало обстановку и т. д. Попытки же запретить подобную практику встретили шквал критики и в прессе, и в уже новом парламенте. Лоббизм начинал набирать силу.

Второе. Сказывалось давление этого парламента с целью расширения сферы действия кооперативов. В самом конце 1988 года мной было подписано, во исполнение Закона о кооперации, постановление о запрещении некоторых видов деятельности кооперативов. В основном это касалось части медицинских кооперативов, а также всего, что связано с производством наркотических средств и добычей золота. Были затронуты и вопросы контроля за морально-нравственной стороной печатной продукции и кинематографии. Последнее вызвало небывалый шквал критики.

Не было ни одной газеты, которая бы не внесла свой «вклад» в нее. В мае 1989 года на Первом съезде народных депутатов я отвечал на вопрос одного журналиста: «Что критиковалось? Критиковалась та часть постановления, которая касалась идеологии. Можем ли мы отдать идеологические вопросы в любые руки? Это надо решать обществу. Если отдавать кому угодно, то тогда необходимости в таком постановлении нет. Но, думаю, это не так. Несколько месяцев назад я прочитал статью в «Советской культуре» — про одного американца, приговоренного к смертной казни. Он перед смертью говорит: «Вы меня развратили за мои 25 лет. Развратили, показывая насилие. А я ведь нормальный человек, я не шизофреник, не сексуальный маньяк. Вы ведь меня развратили, а теперь сажаете на электрический стул». Я так понимаю, что такого нам нельзя допустить».

Повторяю, я это говорил в мае 1989 года. И слова мои, к огромному сожалению, оказались пророческими. Посмотрите нынешние телепередачи, развалы книг на переходах в метро, объявления в якобы комсомольских газетах. Все погрузилось в разгул насилия, порнографии, разврата. Ни одна страна не допустила бы такого массового оболванивания своего народа, буквально растления молодежи.

Третье. К числу «заслуг» тогдашнего парламента я бы отнес и предоставление прав кооператорам в посреднической деятельности, т. е. в перекупке, а проще — в спекуляции. Я не буду называть фамилии этих лоббистов, они и так часто фигурируют в книге. Но дело свое они сотворили: кооперация стала уходить из сферы производства и услуг в сферу спекуляции.

Однако и при этих, как и многих других неприятностях и издержках позитивные тенденции в реформировании экономических отношений приносили все более заметные результаты.

В стране развернулось арендное движение. Передача в аренду магазинов, кафе, ресторанов, парикмахерских, даже небольших фабрик стала входить в повседневную практику. То есть постепенно, но неуклонно страна двигалась в рынок. Не в дикий, буйный, неподвластный никаким законам и правилам, даже правилам элементарной порядочности, какой мы имеем сегодня, но в регулируемый, социально направленный.

Таким мы его видели, мечтали увидеть, да такой он во всем мире и есть. Назовите мне страну с абсолютно неуправляемой рыночной стихией. Не назовете, нет таких. Разве что где-нибудь в Африке? Везде рынком управляют — где-то ненавязчиво, исподволь, а где-то и впрямую, не скрываясь.

Да, еще сильна была инерция старых методов управления в экономике, но ростки нового пробивались, и изменения в народном хозяйстве к концу 88-го тоже были заметны. Позволю себе немного цифр, чтобы подтвердить эту мысль.

Национальный доход за три года (1986–1988) двенадцатой пятилетки вырос на 11,6 процента. Промышленная продукция увеличилась на 13,3 процента. Объем капитального строительства по сравнению с предыдущей пятилеткой возрос более чем на треть.

Появились уже ощутимые результаты поворота экономики к социальной сфере. Если в первые два года продукция группы «А» (для нужд производства) традиционно опережала группу «Б» (для нужд населения), то уже в 88-м все было наоборот. Всего-то разница в два процента, но за ними — радующая тенденция: наконец-то наша экономика начала разворачиваться к людям.

В общем, до сих пор мы в целом достаточно умело и удачно строили всякого рода теории. Умные. Надежные. Увлекательные.

Многообещающие. Но вот они столкнулись с практикой, и оказалось, что тут мы недодумали, там — недооценили, а здесь привходящие обстоятельства вмешались.

Попытаюсь, быть может — впервые, свести все это воедино и посмотреть, почему мы продвигались вперед с 1986 года — хотя и трудно, но все-таки продвигались. Ибо с 1990 года началось стремительное и почти неуправляемое отступление.

Обострение «национального вопроса» в Закавказье, а затем и в Прибалтике, быстрое разрушение системы управления государством во главе с КПСС и слишком медленное создание новой системы под звучным, но сомнительным уже в тогдашних условиях лозунгом «Вся власть Советам!», оппозиция, созревшая не только для митинговщины, но и для борьбы за власть, — все это не могло не сказаться на экономике. Она не выдержала быстро нарастающей общей нестабильности в стране. Тут уж, как говорится, продвигайся вперед, не продвигайся — общий результат все равно будет отрицательным.

Но были и другие причины, которые очень мешали движению вперед. Скажем, непреодоленные недостатки во внешнеэкономической деятельности, многие из которых, правда, требовали для своей ликвидации долгого ряда лет и колоссальных капиталовложений, а у нас не было ни того, ни другого. В 1986 году на мировом рынке произошло резкое снижение цен на нефть и газ, а в нашем экспорте традиционно был высокий удельный вес энергоносителей. Что было делать? Самое логичное — изменить структуру экспорта. Увы, сделать это достаточно быстро могли лишь самые экономически развитые страны. Наши же промышленные товары были на мировом рынке неконкурентоспособными.

Возьмем, например, машиностроение. Объем экспорта его продукции по сравнению с 1986 годом не изменился, но ведь шла она практически только в страны СЭВ. «Капиталисты» брали едва ли 6 процентов от всего машиностроительного экспорта! Вот почему мы и вывозили в основном сырье. Помните, в самом начале перестройки мы заявляли об ускорении научно-технического прогресса и развитии машиностроения как опорной отрасли? Мы отнюдь не пытались сразу стать в один ряд с крупнейшими экспортёрами машин и оборудования, прекрасно понимая, что в мировой машиностроительный рынок не так-то просто войти. К слову, на покупку машин и оборудования, не

только из стран — членов СЭВ, уходили большие валютные ресурсы. Миллионы людей ездят сейчас на «Жигулях», не задумываясь, что их автомобили — это и есть материализованные «нефтедоллары», точнее, их немалая часть, о которых так рьяно и страстно кричали журналисты и все те, кто видел только черное в советской экономике. Но, разумеется, это замечание не означает, что его автор не видит крупных недостатков во внешнеэкономической политике последних десятилетий вообще.

Что же касается периода 1985–1990 годов, то мы в Правительстве думали, прежде всего, о создании в стране достаточно крепкой перерабатывающей базы, чтобы продавать не только сырье, но и получаемые из него готовые продукты. Ведь, продавая только сырье, мы ежегодно теряли больше, чем приобретали. Судите сами: лес-кругляк, который шел за рубеж, стоил на рынке вчетверо меньше высушенного и распиленного на обыкновенные доски. Или, скажем, в соседнюю Финляндию мы из года в год вывозили такой кругляк, а взамен ввозили картон и бумагу, сделанные как раз из него. Потери в деньгах при этом были ощутимые. А сколько миллиардов мы, как страна, вывозящая в основном сырье, не получали ежегодно из-за обстоятельств, от нас мало зависящих! Так, в 1986 году в связи с упомянутым падением цен на энергоносители мы потеряли по сравнению с 85-м пять миллиардов рублей. И чем дальше, тем больше...

Напомню вкратце еще об одной стороне дела. Как известно, в послевоенные десятилетия в Европе образовались два военно-политических и два экономических блока. Думаю, нет необходимости анализировать побудительные мотивы усиления интеграционных процессов в каждом из них. Совершенно очевидно, что преследовалась главная цель — укрепление этих блоков в экономическом и военно-политическом отношениях. И их противостояние стало немаловажным фактором их внутреннего развития.

Что касается экономических блоков — Общего рынка (ЕЭС) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), то входившие в них страны развивались по разным моделям организации хозяйственной жизни — рыночной и планово-распределительной. И, безусловно, наряду с идеологическими догмами, это являлось большим тормозом

для более широкого и эффективного включения социалистических стран в мировую интеграцию.

В 1989 году в странах Восточной Европы произошли кардинальные политические изменения, в их экономической жизни началось быстрое разрушение централизованного управления и стал осуществляться весьма болезненный переход на рыночные отношения. Это прямо сказалось и на связях между странами СЭВ.

Для оценки сложившейся ситуации необходимо учесть некоторые особенности наших экономических отношений. Дело в том, что между государствами, входившими в СЭВ, была не торговля в классическом смысле этого слова, а прямой товарообмен. Валютной же единицей был переводной рубль. При жесткой планово-договорной системе он не выполнял функций, присущих полноценным деньгам, а служил просто условной единицей, мерой, с помощью которой производился обсчет взаимосогласованных поставок. Поэтому для нормальной торговли переводной рубль не мог быть использован. Наша торговля с другими странами СЭВ заходила в тупик. Надо было принимать радикальные решения.

В январе 1990 года в Софии на сессии СЭВ руководство СССР вышло с предложением: начиная с 1991 года перевести наши отношения на рыночные, положив в основу мировые цены и взаиморасчет в свободно конвертируемой валюте (СКВ). Это была объективная необходимость.

В оценке этого шага нередко проявляется чрезмерная упрощенность. Причины его некоторые авторы видят только в желании СССР получить твердую валюту. Но ведь мы прекрасно понимали, что в этих странах ее нет, а продукция, поступающая из них в Союз, на мировом рынке в основном неконкурентоспособна. Поэтому намечалось на первых порах сохранить бартерные операции, с тем чтобы не разрушать экономику стран — членов СЭВ, но вести при этом расчеты в СКВ.

Жизнь внесла свои коррективы в эти договоренности: в 1991 году прекратили существование военно-политический и экономический блоки Восточной Европы, не стало и единого Советского Союза.

Переход на рыночные отношения бывших стран — членов СЭВ привел к резкому сокращению торговли с ними. Их удельный вес в товарообороте России в 1992 году был равен 18 процентам против 36 в

1990-м. Эти факты еще раз говорят о том, что включение в мировую экономику является процессом весьма болезненным и длительным.

Если и дальше продолжать разговор о внешнеэкономических проблемах того времени, то следует еще раз подчеркнуть влияние политики на экономику и в этой сфере.

Помню разгневанного Андропова, который раздраженно говорил:

— Что ж мы за всех вокруг цепляемся? Стоит только комунибудь крикнуть погромче: «Строим социализм!» — к тому и бежим со всех ног. Но зачем же ко всем сразу бежать? Может, сначала лучше подождать, подумать, поглядеть? Или нам больше других нужно? Или мы богаче всех?

Если не ошибаюсь, тирада эта относилась ко времени, когда мы активно поддерживали сандинистов в Никарагуа.

По политическим мотивам не только отдавался приоритет во внешнеэкономических связях, но и оказывалась безвозмездная помощь. Я вполне разделял недовольство Андропова: тяжело она отражалась на нашей экономике, хотя — истины ради отмечу — она была ниже среднемировых показателей.

С 1986 по 1989 год вся безвозмездная помощь зарубежным странам составила около 60 миллиардов инвалютных рублей, то есть 1,1 процента валового национального продукта. 22 миллиарда из них «съела» Куба. Наше правительство медленно, но настойчиво вело курс на уменьшение этих объемов. Невелики, быть может, сдвиги, которых мы добились, но заметны. Вот данные только по развивающимся странам: в 1986 году им оказали помощь в сумме 16,5 миллиарда инвалютных рублей, а в 89-м — уже почти на 3 миллиарда меньше: 12,6...

И все же суммы нашей помощи были довольно существенными, особенно — предназначенные Кубе. Конечно, в первую очередь здесь преследовалась политическая цель — создать какой-то противовес экспансии США в страны Латинской Америки. Историческая агрессивность Штатов в этом районе мира не требует комментариев. И Советский Союз являлся естественным союзником латиноамериканских государств в отстаивании ими своей политической, экономической и культурной независимости.

Но не только экономическими затратами характеризовалось наше сотрудничество с Кубой. Оно было и полезным: мы имели стабильные

поставки нам сахара, цитрусовых, табака, рома, никеля. В оплату этого мы отправляли, кроме нефти, машины, оборудование, военную технику, участвовали в инвестиционных проектах, например, в строительстве атомной станции, никелевого завода. Но начиная с Горбачева — Панкина, а затем Ельцина — Козырева пошли зигзаги в отношениях с этой страной. В конце концов она была предана в угоду Соединенным Штатам.

Принципиально изменилось и положение нашей страны. Из кредитора она превратилась сейчас в заемщика, более того — в попрошайку. Теперь другие оказывают России «помощь» в создании дикого капитализма.

В 1989 году нами было предоставлено 10,4 миллиарда рублей кредита иностранным государствам. Сейчас же правители России ходят по всему миру с протянутой рукой. Набившие оскомину 24 миллиарда долларов, которые Россия так и не получила, вошли уже в арсенал анекдотов. Хочу довести до сведения читателей, что в 1989 году мы брали кредитов от иностранных заемщиков на эту же сумму. Но — брали и отдавали! Этим занимался только Внешэкономбанк, так как платежеспособность страны была безупречной. О кредитной же политике нашего Правительства скажу несколько позже.

Различные отклонения внутреннего и внешнего характера от нормальной экономической жизни, безусловно, сказывались на положении в стране. Один Афганистан стоил нам миллиарды. Наверное, я должен назвать эти цифры. В 1985 году война там обошлась нам в 2,6 миллиарда рублей, или в 7,2 миллиона рублей в сутки. В 87-м, соответственно, в 5,4 миллиарда и 14,7 миллиона. Это все о деньгах. О бесценности тысяч жизней погибших в Афганистане советских ребят и сломанных судьбах давно и лучше меня сказали политики и поэты.

Читатель, по-видимому, обратил внимание на то, что в своей книге я почти не касаюсь внешнеполитических вопросов. Не ставил такой цели перед собой. Но это небольшое отступление меня вынудила сделать телепередача о войне в Афганистане. Один из ее участников — Яковлев, бывший мой коллега по Политбюро, — заявил, что в этой войне были заинтересованы военные и военно-промышленный комплекс, поскольку им надо было производить и совершенствовать оружие.

Лукавите, Александр Николаевич! Война в Афганистане — это дело рук политиков. И только их дело! А армия и ВПК были всего лишь исполнителями их воли. И не три человека в Политбюро в 86-м году были против этой войны, а все. Подчеркиваю — все! И не стоит сегодня зачислять себя в «Святую троицу», а остальных относить к воинствующим ортодоксам. По этому вопросу в тогдашнем Политбюро было полное единодушие. И многие помнят это. Я сидел рядом с Горбачевым, когда он впервые открыто сказал Кармалю о том, что мы будем выводить наши войска из Афганистана. Вот так-то...

Я был против войны в Афганистане. Считал, что конфликт в этой стране — внутреннее дело ее народа. А наша граница должна быть стабильной и спокойной. Впрочем, не слышал, чтобы и другой новоявленный господин — Козырев — высказал свою твердую позицию по этой пограничной войне. Это и понятно. Ведь он сейчас больше воюет с «политическими ублюдками красно-коричневой масти» (это его бранные слова), которые, оказывается, завелись в Государственной Думе. А пока на границе с Афганистаном убивают наших мальчишек в военной форме...

Займы, кредиты и внешние долги России — проблема, которая обостряется из года в год и привлекает к себе внимание широкой общественности — отечественной и зарубежной. И хотя я не имею возможности дать детальный анализ существующего здесь положения дел за последние 3–4 года, так как располагаю только открытыми публикациями, тем не менее, придется коснуться этой проблемы. В официальный обиход запущен термин «долги бывшего СССР». Запущен теми, кто в 1990–1991 годах всяческими путями дестабилизировал политическую и экономическую обстановку в стране, разваливал СССР, кто уже четыре года руководит Россией.

Между тем до 1989 года серьезных проблем в получении кредитов и выплате внешних долгов, как я уже говорил, не было. Мы сталкивались, конечно, с трудностями, связанными с колебаниями мировых цен на экспорт и импорт, недопоставкой экспортной продукции и сверхплановой закупкой за рубежом, особенно зерна и продовольствия. Но мобильность экономики, возможность маневрировать материальными ресурсами, имевшиеся валютные резервы, в том числе и золота, позволяли справляться с возникающими задачами.

В 1989 году новая государственная власть — Съезд народных депутатов СССР — развернула широкое обсуждение экономических проблем. Это было естественно. Придя на свой первый Съезд, депутаты, не остывшие еще от митингов и горячих речей, рассчитывали найти быстрые, радикальные решения острых вопросов жизни страны, в том числе и внешнеэкономических. Многие депутаты именно в этой сфере видели некую панацею от всех наших бед. Тон задавали некоторые ученые-экономисты или экономисты-публицисты. Мнения были самые различные — от обвинения Правительства в распродаже богатств страны и ограблении будущих поколений до претензий к его чрезмерно осторожной политике в области получения кредитов.

Чтобы иметь представление о сложившейся в то время ситуации, я позволю себе процитировать свои слова, а также выдержки из выступления Н.П. Шмелева, доктора экономических наук, ныне члена-корреспондента РАН. Он в то время «специализировался» на этой теме.

Докладывая на Первом съезде о программе предстоящей деятельности Правительства СССР, я говорил о трудностях во внешнеэкономической сфере. Тональность доклада отвечала духу того времени — говорить больше о проблемах и недостатках, даже сгущая краски. В частности по займам и задолженности моя позиция выражалась в следующих словах:

«Правительство считало, что чрезмерная валютная задолженность чревата серьезными экономическими и политическими последствиями, что к вопросам займов надо подходить с максимальной осмотрительностью.

В целом же вижу задачу в том, чтобы работа нового правительства была направлена на решительное преодоление искусственно создававшейся на протяжении многих лет оторванности нашей экономики от процессов, происходящих в мировом хозяйстве».

И — длинная цитата из выступления моего оппонента, который явно выражал не только свое мнение, но и многих тех, кто сознательно или нет придерживался такой же позиции: после нас — хоть потоп.

«И, наконец, займы. Николай Иванович говорит, что он не хочет оставлять никаких долгов своим внукам. Я могу его понять, но в этом все же есть нечто провинциальное. Сейчас весь мир одной рукой

занимает, другой — дает. Все живут, так сказать, в долг. Если мы какую-то сумму займем (менее чем тот долг, который висит сейчас на нас, если опять-таки пользоваться западными источниками, чистого долга где-то на уровне 30 миллиардов долларов), ничего страшного не произойдет. Чем отдавать? Если уж говорить по-деловому (любой финансист меня поймет), то отдавать сейчас никто не отдает».

Комментарии, как говорится, излишни. Сейчас некоторые политические деятели и экономисты-журналисты бросают камни в прошлое. Вот-де они тогда!.. Отсылаю их к стенографическому отчету Первого съезда народных депутатов СССР за 7 и 8 июня 1989 года.

Наше Правительство видело свою задачу не только в том, чтобы руководить оперативно жизнью страны, но и в том, чтобы создавать, укреплять плацдарм для ее развития в дальнейшем. А для этого нужно было анализировать, изучать опыт не только отечественный, но и зарубежный, в том числе отрицательный.

Я до сих пор помню горькие слова Збигнева Месснера, бывшего премьер-министра Польши, сказанные мне в самолете, когда мы летели из Варшавы в Краков в 1986 году:

— Все могу простить Тереку, кроме одного: внешнего долга, в который он вогнал Польшу. Вы не знаете, к счастью, что значит жить под постоянным дамокловым мечом, занесенным над страной многочисленными кредиторами... После войны мы взяли кредитов на 45 миллиардов долларов. На сегодняшний день выплатили 48 миллиардов и еще 35 миллиардов должны. Это — как снежный ком.

В нашей стране превышение импорта над экспортом было давно. Но оно не казалось мне противоестественным, так как государство обладало огромным потенциалом. Но, зная реальное положение со структурой экспорта, я, как уже говорил, боялся чересчур глубоко залезать в долги. В начале 1986 года наш внешний долг составлял 27 миллиардов инвалютных рублей. В 1990 году, к концу моего премьерства, — 35 миллиардов. Рост есть, но он, во-первых, невелик для такой державы, какой был СССР, а во-вторых, он увеличивался в меру роста масштабов производства и национального дохода.

В те годы Советский Союз считался в мире кредитоспособным и честным партнером; мне в моем премьерском кабинете не раз приходилось отказывать посетителям из-за рубежа, которые прямо-таки навязывали нам кредиты. Понимаю, что сегодня подобное звучит

весьма фантастично, но ни на йоту не преувеличиваю. Есть тому свидетели.

Из отрывочных данных, публикуемых в печати, можно сделать вывод, что в 92-м, в «звездном» году Гайдара и его команды, внешний долг России, которая взяла на себя ответственность за все бывшие республики СССР, составлял 70 миллиардов долларов. Недавно появилась информация о том, что внешний долг России к концу 95-го года составит уже 130 миллиардов долларов. Нетрудно вычислить: за четыре года он увеличился на 60 миллиардов! Напомню: за пять лет — с 1986 по 1990 год — внешний долг СССР, страны, вдвое большей, чем Россия, увеличился всего на 8 миллиардов инвалютных рублей. Бродят по газетам и другие цифры. Казалось бы, что в наш век полной открытости во избежание разных толкований надо было бы официально довести до сведения сограждан полную структуру долга и дать соответствующие пояснения.

Скажем, у меня, как у гражданина моей (а не «этой»!) страны, тоже возникает множество вопросов. Вот некоторые из них. Только что я назвал внешний долг в инвалютных рублях. По какому курсу его пересчитали в доллары? По какому курсу пересчитали взаимную задолженность стран СЭВ в переводных рублях? Каково было изменение курса индийской рупии во время визита в эту страну лидера России? Учили ли во взаимных расчетах «нулевые» решения ее Президента по оставшейся материальной базе нашей армии в Венгрии, Чехословакии, Польше? Будет ли компенсироваться наш долг ФРГ за счет оставшейся материальной базы полумиллионной армии, которая недавно под исполнение нашими солдатами на немецком языке песни «Прощай, Германия» и под личное президентское дирижирование оркестром покинула эту страну? И таких вопросов масса.

Но основной вопрос гораздо глубже. Нынешние горе-реформаторы еще четыре года назад взяли в свои зарубежные советники выходцев из чикагской школы, которые и намылили удавку для страны. Не мы первые попали в эту петлю Международного валютного фонда (МВФ). В течение 80-х годов в трех десятках стран была применена его программа. Известно, что стало с экономикой этих стран. Например, когда в Мексике были открыты огромные месторождения нефти, США «помогли» их освоить — и за 1983–1987 годы Мексика выплатила кредиторам в виде процентов 48 миллиардов

долларов, погасив лишь 18 миллиардов основного долга. На каждый доллар займа страна выплачивала 2,5 доллара. Сравните эти данные и цифры моего польского коллеги. Я специально привожу их, ибо подобная программа реализуется сегодня и в России.

Такое положение не является случайностью. Это — закономерность работы по принципу долговых капканов, целенаправленная внешнеэкономическая политика развитых стран. Имея в развивающихся странах лишь 25 процентов своих активов, американские и транснациональные банки и корпорации получают там около 50 процентов чистой прибыли. По данным ООН, в 1980–1982 годах богатые страны дали бедным 49 миллиардов долларов, а в 1983–1989 годах взяли с них 242 миллиарда! Главная цель этих «благодетелей» — держать конец этой петли, держать до бесконечности в своих руках и в максимальной степени превратить долги в материальные ценности, которые станут собственностью кредиторов. Мировой опыт показывает, что это самый верный путь приобретать по дешевке заводы и фабрики, созданные поколениями людей. И действительно, в российских средствах массовой информации развернулась кампания в поддержку Правительства в деле «капитализации внешнего долга». Она идет в стране широким фронтом — приватизация для «новых русских» и иностранных компаний. Значительная часть народа смирилась с этим — дескать, лишь бы прожить как-нибудь, а правящая элита тем временем проводит здесь четкую линию.

Наиболее приемлемым выходом из внешней задолженности является возврат долгов нашими должниками. На момент принятия решения о полной ответственности России по долгам всех республик бывшего СССР долг иностранных государств Союзу составлял 147 миллиардов долларов. Даже если принимать наиболее вероятную реальную стоимость продажи этих долгов в половинном размере от номинала, то наш долг уменьшился бы почти вдвое. Но для этого необходимо иметь в стране эффективную государственную систему, тесно взаимодействующую с мировыми организациями, занимающимися внешними долгами.

Ныне правила внешнеэкономической игры меняются по нескольку раз в год. Предприятия, организации, люди устали от неразберихи в этой области. Необходима срочная разработка

конкретной государственной программы внешнеэкономической деятельности на несколько лет вперед. Она должна быть пусть нелегкой, но стабильной. Главная ее цель — ввести в нормальное русло эту деятельность и прекратить бегство валюты за рубеж. Пути здесь разные — от льгот до жестких мер. Многочисленные публикации и исследования показывают, что действующая система просто вынуждает владельцев валюты гнать ее за рубеж и оставлять там. Она убегает от наших «порядков» (точнее — беспорядков) и непредсказуемости. Трудно сказать точно, сколько нашей валюты за рубежом, но, по общему мнению, на оплату всего внешнего долга России хватило бы с лихвой.

Сейчас же у общества потеряна вера в то, что Правительство России в состоянии обеспечить поступление валюты в бюджет страны. Недобор составляет здесь примерно 70 процентов от полагающихся сумм. Всего несколько цифр, подтверждающих сказанное.

В первом квартале 1994 года из предполагавшихся 2,6 миллиарда поступило 700 миллионов долларов. По некоторым оценкам западных экспертов, на счетах россиян, постоянно пребывающих в Швейцарии, в середине того же года было 54 миллиарда долларов. И это только в одной стране и только от тех, кто там «осел». А сколько в других государствах и от всех категорий вкладчиков?

А пока в России нарастает цепная реакция перекачки ценностей, в том числе и валюты, за рубеж. На нас за граница смотрит как на ненормальных: все сделали, чтобы валюта уходила на Запад, а сами обращаемся к ним же с просьбой перенести долги и дать новые кредиты. Для того чтобы это остановить, нужны чрезвычайные меры. Тем более что вывоз национального богатства за рубеж совпал с приватизацией, ставшей основой стремительного роста компрадорской буржуазии. В этих условиях она будет продолжать невероятно богатеть. У российских нуворишей появились виллы, яхты, роскошные автомашины и т. д.

Компрадорская буржуазия вкупе с коррумпированным чиновничеством все в большей степени будет чувствовать свою безнаказанность, так как это именно тот слой, в интересах которого развиваются подобные процессы и на который опирается сегодня государственная власть. Народ же и его культура будут непрерывно деградировать. Как говорил один лидер, «процесс пошел». И все, о чем

я сейчас пишу и о чем думаю, не является результатом ошибок и просчетов нынешних властей, это четко запрограммированное действие для достижения совершенно определенных целей. Фиговые листки сброшены.

Раз уж речь идет о наших внешнеэкономических делах, то не могу не сделать очередное отступление и не сказать, что во вторую половину 1991-го и первую 1992 года общественное мнение будоражили опытные газетные волки, спекулировавшие на этот раз на преступной распродаже (терминология газетная, не моя) отечественных запасов золота и алмазов. Что же было на самом деле?

Начнем с золота. Во-первых, продажа его за рубеж никогда заранее не планировалась. Нефть, газ, лес, другое сырье, даже алмазы — о них речь впереди — все это предусматривалось в годовых планах экспорта. Золото же всегда береглось «на всякий пожарный», тем более что таких случаев в стране хватало с избытком ежегодно. Во-вторых, до недавних пор точные данные обо всех запасах золота в СССР знали едва ли не только трое — Генеральный секретарь, он же впоследствии Президент, министр финансов и Председатель Совета Министров, то есть я. Может, конечно, еще кто-то знал, о ком мне не известно. Другое дело, что особо сообразительные могли примерно определить наш золотой запас, сопоставив данные о его продаже за границу, внутреннее потребление и т. д.

В общем, когда я возглавил Совет Министров СССР, золотой запас страны на 1 января 1986 года равнялся 587 тоннам. К 1 января 1990 года он составил 784 тонны. Каждый отдельный факт продажи золота в годы моего премьерства непременно согласовывался с Горбачевым и осуществлялся только после официально оформленного решения. В каких случаях это делалось? В экстремальных, естественно! Не хватает, допустим, 30 миллионов тонн фуражного зерна. Сверстывали план на один урожай, а получили другой. Скот из-за этого резать не станешь — завтрашнюю продовольственную базу подорвешь, а планы по продаже, например нефти или газа, уже сверстаны, увязаны с внутренней потребностью, и на излишки рассчитывать нечего. Вот и приходилось, скрепя сердце, расставаться с золотом. Или, как в 1990 году и, насколько мне известно, впоследствии, отдавать в залог — под кредит, хотя я терпеть не мог помногу одалживаться.

Почему скрепя сердце? Не в последнюю очередь потому, что добыча золота в Союзе была не так уж велика: в 1989 году она составила 302 тонны, в том числе в России — 202 тонны. Остальное, естественно, в других союзных республиках. И всякие иные — сенсационные — цифры являются плодом воображения или намеренной дезинформации общественности. Примерно половина добытого уходила на внутреннее потребление, в основном на ювелирные изделия и электронику. Остальное шло на продажу за рубеж и накопление запасов.

Учитывая, что продажа золота — самый легкий и быстрый способ получения валюты, на меня давили все. И мои заместители, и секретари ЦК, особенно — отвечающие за сельское хозяйство, да и сам Горбачев не оставался в стороне. Так что эти двести без малого тонн, на которые за пять лет увеличился золотой запас страны, дались мне нервами, которые я потратил, сражаясь с теми в высших властных эшелонах, кто считал возможным продавать золото даже без крайней необходимости, не отвечая при этом за его запас.

После сенсационного сообщения Григория Явлинского в 1991 году о том, что в стране осталось лишь 240 тонн золота, волна публикаций захлестнула печать. Не остались в стороне и другие официальные лица. Золотая карта стала разыгрываться мощно и широкомасштабно. Президент России в своем выступлении сообщил всему миру и своим согражданам, что золотой запас в стране на начало перестройки был равен 2300 тоннам золота.

Я только что написал об истинных, а не мифических запасах золота в слитках. Специально подчеркиваю эту последнюю деталь, так как ни ювелирные изделия, ни музейные ценности, ни антиквариат в запасе не числятся. Из закрытой информации я знал, что действительно запас в объеме 2300 тонн в стране был — только во время Сталина. Но больше такой цифры в стране никогда не было. Знаю также, что Никита Сергеевич Хрущев в начале 60-х только в один неурожайный год продал 650 тонн золота. Не знаю, кто как, но я помню голод 1946–1947 годов. В то время я учился в техникуме. Половина ребят в нашей группе пухли от голода. Через много лет я узнал, что и тогда ни одного килограмма золота Сталиным не было продано и ни одной тонны зерна не куплено. Более того,

государственный резерв зерна был выше, чем я получил по наследству от своего предшественника через 40 лет.

Мои публикации поубавили «золотые страсти». Но чуть позже, как по команде, в газетах и на телевидении всплыл новый вопрос — на этот раз о платине. Очевидно, придется довести до сведения читателей некоторые данные.

Наша страна является одной из ведущих по производству этого драгоценного металла. Здесь цифры и производства, и потребления совершенно не сопоставимы с золотом. Да и область применения, в том числе и в ювелирной промышленности, значительно уже. Порядок расхода платины точно такой же, как и золота. В 1986 году ее годовое производство составило примерно 60 тонн. Внутреннее потребление — 50 тонн и экспорт — 10 тонн. Запас был в то время 40 тонн. К концу 90 года цифры были, соответственно, 70, 50, 13 и запас — 60 тонн. Как видно из этой статистики, запас вырос на одну треть и был выше годового потребления этого металла.

Наконец, об алмазах. Крупнейший немецкий философ и ученый Средневековья Альберт Великий писал: «Если хочешь победить своих врагов, возьми камень, называемый алмазом...» Такими словами выражалась ценность и значимость этого вечного камня. Советский Союз в послевоенные годы создал мощную индустрию, которая давала четверть мировой добычи алмазов. Почти вся (98 процентов) их добыча сосредоточена в Якутии.

Такой объем добычи позволил нашей стране стать одним из крупнейших поставщиков алмазного сырья в мире. По некоторым данным, СССР обеспечивал от четверти до трети мирового экспорта ювелирных алмазов и около 10 процентов бриллиантов. Например, только в 1991 году было продано примерно 10 миллионов карат алмазов и 500 тысяч карат бриллиантов. Действовавшая система обеспечивала в то время плановое распределение ежегодной добычи: удовлетворение внутренней потребности — ювелирная промышленность и технические алмазы; экспорт; пополнение резервов Государственного хранилища. Внутренние потребности страны обеспечивались в полной мере, а резервы достигали объема нескольких годовых добыч.

Что же касается продажи алмазов за рубеж, то мы, подобно многим в мире, экспортируем их через корпорацию «Ди Бирс». Как

известно, одним из основателей этой гигантской корпорации был Эрнст Оппенгеймер, эмигрировавший из Германии в ЮАР в конце прошлого века. В честь столетия корпорации из алмаза в 599 карат, найденного на легендарной шахте «Премьер» в ЮАР, был изготовлен уникальный бриллиант «Столетие» массой в 273 карата.

«Ди Бирс» контролирует 50 процентов добычи и 90 процентов оптовой продажи алмазов и бриллиантов в мире. Наша страна сотрудничает с этой корпорацией более 30 лет, продавая в основном необработанные алмазы. До уничтожения СССР у нас было всего лишь шесть гранильных заводов, которые обрабатывали только 15–17 процентов ассортимента экспортируемых алмазов. Отсутствие достаточных мощностей и несовершенное технологическое оборудование не позволяли увеличить удельный вес в экспорте обработанных камней. И мы невольно как бы подкрепляли утверждения «Ди Бирса» о том, что не всегда оправдано обрабатывать алмазы в стране добычи. Может быть, в каких-то случаях это и так, но не по отношению же к таким огромным странам, как СССР и Россия! Мы прекрасно понимали подоплеку пропаганды подобных взглядов. Конечно, нам нужно было развивать свою собственную алмазную обрабатывающую промышленность, но, к сожалению, сил на это не хватало. Так что пока и существуют в мире лишь исторически сложившиеся, ставшие традиционными центры обработки алмазов — Антверпен, Тель-Авив, Бомбей и Нью-Йорк. Правда, сейчас, можно сказать, лед тронулся: в Якутии начинают работать новые, современные предприятия по обработке алмазов.

Уникальность положения этой корпорации, успешно действующей в условиях жестких антимонопольных законов, поражает всех. «Ди Бирс» контролирует мировые цены, регулируя рынок сырья и бриллиантов. Для этих целей она скупает сырье в объемах, гораздо больших, чем требуется для ежегодной продажи: на 2–2,5 миллиарда долларов. Вокруг деятельности этой «империи» не утихают споры во всех концах света. Не было и нет сегодня единого мнения по этому поводу и в нашей стране.

Все, кто садился в кресло Председателя Совета Министров СССР, со временем сталкивался с жесткой хваткой «Ди Бирс» и начинал искать возможности обойти монополиста, продать самостоятельно и подороже достаточно крупную партию алмазов помимо тех

официальных нескольких процентов их экспорта, которые нам по договору с корпорацией дозволено реализовать самим на мировом рынке. Все считали, что «Ди Бирс» нам, как и всем остальным, крупно недоплачивает. Я не оказался исключением. Если не ошибаюсь, в начале 89-го мы разрешили Гохрану выпустить на рынок, минуя «Ди Бирс», пробную партию камней.

Преследовалась цель выявить конъюнктуру мирового рынка без посредников и определить разницу в ценах «Ди Бирса» и свободного алмазного рынка. Если его можно назвать свободным. Но как мы ни старались провернуть операцию по-тихому, корпорации стало немедленно все известно, появилась шифровка от нашего посла в Лондоне, пришлось спешно и не без труда улаживать скандал.

После этого печального опыта я, будучи в Австралии, разговорился с моим коллегой, тогдашним премьер-министром Робертом Хоуком. Австралия, напомню, тоже стала одним из крупнейших в мире поставщиков алмазов. В беседе он меня спросил с надеждой:

— Вы никогда не пытались уйти от влияния «Ди Бирс»?

— Пытались, — честно признался я. — Да только ничего не получилось. Подумали-подумали и решили: нет смысла. Где искать покупателей, которые рискнут с ним соперничать? Я лично не знаю где. Да и выгоды особой не вижу.

Хоук сочувственно покивал:

— Хорошо вас понимаю... Мы тоже пришли к этому выводу.

К слову, не думаю сегодня, что «Ди Бирс» нас обманывает. Просто корпорация держит, как и всякий могучий монополист, цену в своих руках. Общую для всех цену.

Возвращаясь к газетной кампании, раздутой вокруг «золото-платиновой» и «алмазной» проблем, могу лишь сказать, что она стала возможной в результате нашей вселенской секретности. Кто и когда превратил золото и алмазы в стратегическое сырье, запретив всякое упоминание в открытой печати об их добыче и хранении, не знаю, но глупость была совершена изрядная. В любой стране сведения о размерах добычи любых полезных ископаемых, о количествах золотых и прочих государственных запасов имеются в справочниках, которые продаются в обычных книжных лавках. Хочешь узнать — купи и прочти, а не прибегай к услугам разведки.

У нас же все всегда превращалось в государственную тайну, гиперболически обрастало домыслами и слухами, а в разгульную эпоху гласности выплеснулось на разверстые страницы газет потоком тотального, хотя и вполне объяснимого невежества. Кстати, припоминаю, как лет, пожалуй, пятнадцать тому назад кто-то распорядился засекретить сведения о количестве выпускаемых в стране грузовых автомобилей. Чтоб враг не знал! Правда, вскоре опомнились, а то в сегодняшней нехватке грузовиков где-нибудь на уборке урожая тоже обвинили бы Правительство Рыжкова, преступно склонное к «циничной распродаже резервов Родины» (цитата из «Известий»).

До этого момента, как вы видели, шла речь об экспорте. Но не меньше забот вызывала и проблема импорта. В нашей индустриальной стране работала на импортном оборудовании половина химической промышленности, 80 процентов — легкой и пищевой. А всего импорт машин и оборудования в общем объеме импорта составлял 40 процентов. Прошу обратить внимание на эту цифру!

Я всегда считал, что если уж мы занимаем деньги, то покупать следует технологию — заводы и фабрики. До сих пор сердце радуется, когда по телевизору показывают технологические линии по производству обуви, например, или макарон, которые были куплены еще в конце 80-х.

К слову, о неожиданных сложностях в сотрудничестве с зарубежными фирмами. Мы построили с помощью итальянских фирм три обувные фабрики, каждая из которых выпускала по 2 миллиона пар обуви в год. Предприятия прекрасные, и мы, проанализировав ситуацию, решили построить еще 10 фабрик. Год вели переговоры с итальянцами, испанцами, представителями других стран и наконец подписали контракт, по которому наши зарубежные партнеры обязались в течение 30 месяцев ввести в строй эти предприятия. Казалось бы, надо радоваться, что наше население получит 20 миллионов пар первоклассной обуви. Но одна из газет опубликовала резко критическую статью. Вицепрезидент компании, упомянутой в статье, счел эту публикацию оскорбительной. Сделка не состоялась. Критический запал, уместный при обсуждении наших внутренних дел, далеко не безобиден для внешней торговли...

Сегодня России, конечно, не до всяких там линий, сегодня ей приходится почти всю валюту тратить на ввоз продуктов питания, чтобы население могло выжить и, увы, выпить. В прошлые же годы импорт продовольствия составлял 10 процентов от объема его потребления, а вместе с зерном на него тратилось примерно 30 процентов валюты. Мы не могли ждать, когда заработают купленные за нее линии, или новые индустриальные технологии существенно увеличат урожайность зерновых, или будут созданы условия для производства сбалансированных кормов для животноводства. Питаться же человеку надо каждый день. Вот и разрываемся между рациональным и необходимым.

Самым обидным в политике импорта было то, что приходилось ввозить продукты питания или сырье для их изготовления, которые мы прежде сами экспортировали. Причем не только зерно, как до революции. Мы вот и растительное масло еще в 60-х годах вывозили — 700 тысяч тонн ежегодно! А в конце 80-х уже ввозили — аж целый миллион тонн. Заметим, что его производство в стране при этом не уменьшилось.

В 1986–1988 годах, объективно говоря, в отечественном сельском хозяйстве произошли заметные положительные сдвиги. Не желая утомлять читателей обилием цифр, назову лишь одну: среднегодовой прирост производства продуктов продовольствия за эти годы составил 3,7 процента. Но есть в экономике такое понятие, как «неудовлетворенный спрос», когда деньги есть, а купить на них нечего. И, к сожалению, за упомянутое время этот разрыв при росте производства тоже увеличился. В продуктах питания он составил в 1985 году 17,5 миллиарда рублей, а в 88-м (при производстве этих продуктов на сумму 136 миллиардов) — 21 миллиард.

У людей появилась возможность покупать ранее недоступные или недостаточно доступные для них продукты питания. Мы рассчитали: чтобы в этой ситуации положение на продовольственном рынке улучшилось, надо обеспечить ежегодный прирост продовольствия не менее чем на 5 процентов. Но об этом речь впереди.

Одним из первых лозунгов советской власти был знаменитый «Земля — крестьянам!». Российский мужик поверил ему и поддержал революцию, положив за эту землю в гражданскую войну сотни тысяч молодых парней. Трудно перечислить все, что выпало на долю

кормильцев страны в последующие годы. И продразверстка, и тотальная коллективизация, и индустриализация — в огромной мере за их счет, и послевоенные сталинские налоги на каждую яблоню и курицу. Даже паспортов у крестьян до Хрущева не было...

Ныне половина фермеров разорилась. Да и как не разориться, если даже крупные товаропроизводители сельхозпродукции не могут выжить при нынешней аграрной политике. Цены на технику, на запчасти, на нефтепродукты, электроэнергию, на удобрения, стройматериалы делают их практически недоступными для крестьянина, деньги за поставленную продукцию не выплачиваются, проценты на кредиты превращают их в экономическую бессмыслицу. В результате земля деградирует, урожаи падают, молоко спаивают свиньям, овощи и фрукты не убираются...

Нельзя без боли думать о положении дел на селе сегодня. Трудно будет ему подниматься. Да и появится ли желание у нынешних властей помогать ему в этом? Ведь нефти, газа, леса, другого сырья на экспорт на несколько лет хватит, а там... Да и 40 процентов импорта на современные технологии — это идеализм Рыжкова. Пусть эти машины работают на Западе. А бананы они нам дадут. И впрямь: полки ломаются от импортных продуктов, а свои, отечественные, гниют.

Немало тяжелых испытаний пережила деревня и в последующие десятилетия. Но вот к власти пришли новые, «ультрадемократические» деятели. И что же они сделали с сельским хозяйством? Отбросили его по объему продукции в 50—60-е годы, по организации труда и производства — в еще более допотопные времена, а о финансовом положении деревни, о социальной защищенности современного крестьянства и говорить не приходится. Нужно ли другое, более весомое свидетельство того, чьи интересы выражают и за чей счет защищают их нынешние власти России?

Выходит, тут же могут спросить меня: вы против того, чтобы землю — крестьянам? Да упаси Бог меня в том обвинять! Я — за! Но, как всегда, я против любимой всеми властями — и партократами, и демократами — кампанейщины. Я против того, чтобы чохом ломать построенное и худо-бедно работающее, а на развалинах возводить невесть что невесть из чего. Я опять за здравый смысл. Землю — крестьянам? Всякий, кто пожелает, может и должен получить земельный надел, который он сможет обиходить. Но только тот, кто

пожелает, а не силой всех загонять. А коли колхоз или совхоз безубыточен, так пусть работает, соревнуется с фермером. И хорошему совхозу или, если уж новым властям так угодно, госхозу на земле место найтись должно. Это, если я правильно понимаю, и называется плюрализмом собственности.

Впрочем, в то время меня больше заботила не столько многоукладность сельского хозяйства, сколько состояние его перерабатывающей базы, которая и приносила нам основные убытки.

В октябре 1988 года в ЦК партии прошло совещание, посвященное проблемам перерабатывающей промышленности. На нем собрались, как обычно, первые секретари обкомов и крайкомов, директора предприятий, руководители совхозов и колхозов. Я выступал с основным докладом. Главная моя мысль состояла в том, чтобы самим и как можно быстрее увеличить выпуск оборудования для перерабатывающих отраслей.

Было ясно, что Министерство машиностроения для легкой и пищевой промышленности не справится ни с темпами, которые диктовались остротой ситуации, ни с деньгами, отпущенными государством, ни, тем более, с требованиями к качеству продукции. Оставалась единственная возможность: подключить к этой программе предприятия военно-промышленного комплекса, к которому раньше гражданским отраслям и подступиться нельзя было.

Мне и в те дни кричали: «Вы хотите разрушить специализированную промышленную структуру!» «Разрушить — нет! — отвечал я. — Ничего разрушать не надо. Но перестроить, переориентировать — обязательно!» Времена на дворе стояли другие. Покричали на меня радетели «спецминистерств» — и в скором времени предприятия Министерства судостроения, например, прекрасно освоили выпуск небольших пекарен, предприятия Министерства оборонной промышленности стали давать отличное оборудование для производства сахара, Министерство общего машиностроения — выпускать молочные линии. И, замечу, не развалились.

Помню, направляясь в Швецию и Норвегию, я включил в состав делегации министра среднего машиностроения Льва Дмитриевича Рябева, будущего моего заместителя. Конечно, поехал он в Скандинавию не атомными проблемами заниматься, а изучать работу

молочных комплексов и их производство. Именно это Совмин поручил его министерству.

На обеде у премьер-министра Норвегии Гру Харлем Брундтланд, моей хорошей знакомой и чрезвычайно симпатичной и умной женщины, разговорились о политике разоружения, об опасности Европе со стороны ее советских соседей.

— Хотите воочию видеть виновника этой опасности и всех ваших страхов по ее поводу? — неожиданно спросил я. — Конечно, — ответила госпожа Брундтланд.

— Вот он, — я указал на Рябева. — Рядом с вами — самый главный в Советском Союзе производитель атомного оружия. Если я и хотел достичь какого-то эффекта, то большего вряд ли удалось бы. Немая сцена из «Ревизора» на норвежской земле... Выдержав мхатовскую паузу, я добавил:

— А здесь он хочет выведать государственную тайну производства комплексов для молочной промышленности, ибо наши атомщики сегодня озабочены не только производством боеголовок ракет, но и молока, сметаны, творога и кефира. Так что бояться их не надо. Лучше — помогать.

Я не очень верил в бескорыстную помощь нам со стороны государств с иной общественной системой. Для тех, кто станет разрушать неудобный им строй, — помощь всегда найдется. И не малая, как показала последующая практика. Но в то время с нашей страной могли быть только деловые, взаимовыгодные экономические отношения. В СССР видели надежного и солидного партнера.

Мы и сами встали бы на ноги. Быстро научились бы делать не только ракеты, но и крекерные линии, и современные промышленные холодильники, и все остальное, что связано с хранением и переработкой продукции села. И не надо было бы унижаться и ходить по миру с шапкой в руках. Но, к сожалению, это такое важное для страны дело в нынешних условиях практически захирело: кому нужны современные перерабатывающие предприятия, если продовольствие в готовом виде привозят изза рубежа...

А теперь я коснусь едва ли не самого большого для меня вопроса — о ценообразовании. Уверен: главной нашей ошибкой было то, что мы разорвали цепь реформ как раз в этом, основном ее звене. Помните, вместе с Законом о госпредприятии мы приняли пакет

документов, среди которых было и постановление о ценах? Ведь многие отрасли промышленности, особенно предприятия сельскохозяйственной переработки, работали в убыток, и государство мощно дотирировало каждую буханку хлеба, каждую бутылку молока, каждый батон колбасы.

Осенью 87-го мы настойчиво ставили вопрос о реформе ценообразования: давайте переходить на новые цены — оптовые, закупочные, розничные. Система компенсационных мер продумана. Пора перейти от слов к делу, хватит болтать о реформах, о предстоящем вхождении в рынок. В регулируемый, имею в виду, как и во всем цивилизованном мире. А нам в ответ: подождите, не спешите, еще не время, народ нас не поймет. И это говорили не только политики, но и ученые, которые ранее уверяли, что без изменений в ценообразовании глубокие реформы в экономике невозможны.

Не настоял. И это было крупной ошибкой. В то время такая реформа была бы для людей гораздо менее болезненна, чем даже в предложенных мною же мерах в 1990 году. Я уж не говорю о 2 января 92-го, когда Ельцин — Гайдар спустили цены с какого-либо сдерживающего поводка. Реформы в экономике — дело тонкое и точное. Их или надо проводить все время планомерно и полностью, как им и положено, или не проводить вовсе.

Все вышеперечисленное и неперечисленное здесь приводило к разбалансированности и росту дефицита государственного бюджета. Да, люди стали получать больше денег за свой труд, к чему мы и стремились, переводя предприятия на хозрасчет. Казалось бы, жить стало лучше! Увы, нет. Я уже упоминал экономический термин «неудовлетворенный спрос». Деньги появились, а товаров и услуг в достаточном количестве не прибавилось. За описываемые три года доходы населения выросли на 213 миллиардов рублей, а расходы — только на 194 миллиарда. Разница в 19 миллиардов, поскольку материального наполнения ее не было, давила на рынок.

Напомню также, что в это время начался переход к новым принципам формирования государственного бюджета. Ранее существовало положение, согласно которому предприятия обязаны были перечислить Министерству финансов запланированные отчисления, независимо от результатов своей хозяйственной деятельности. Потом они, предприятия, получали из Москвы часть

своих же денег, нередко чуть ли не выпрашивая их. Реформа предусматривала отчисления в бюджет в зависимости от фактической хозяйственной деятельности предприятий.

Мы стремились всячески уменьшить дефицит, увеличить доходы государства и ограничить расточительность в столь сложный период реформ. В 1989 году дефицит составил 81 миллиард рублей. На 90-й мы планировали резко снизить его — до 60 миллиардов. Зажавшись, конечно. И действительно, при всех сложностях и сопротивлении страна завершила год с дефицитом в 58 миллиардов! Наша программа ставила целью в течение двух-трех лет сократить дефицит бюджета до максимально допустимого уровня.

Российский, еще гайдаровский, не особенно раздумывающий о причинах и следствиях своих «революционных» шагов, Кабинет Министров решил ошеломить страну, предложив на 1992 год вариант бездефицитного бюджета. Восхищенные газетчики тут же подхватили: вот, смотрите, как надо по-революционному решать вопросы, а не заниматься какой-то эволюцией. Ведь оказалось, что можно за один прием сделать бездефицитный бюджет! Отвечаю: конечно, возможно.

Проще простого увязать предполагаемые доходы с расходами, сократив последние до минимума, заставить страну жить впроголодь и донашивать старье, зарезать ассигнования всех «бесполезных» социальных программ... Российские лидеры очень мягко, с невинной миной предупреждают: да, придется затянуть пояса. Боюсь, однако, как бы слишком затянутые пояса всех нас надвое не перерезали. Вон Сталин тоже любил экономить за счет народа. И Чаушеску это делал. Да и во многих странах «благополучного» капитализма к этому средству нередко прибегают. Я же никогда не представлял себе даже малейшей возможности стабилизировать бюджет, сознательно обрекая для этого людей на жизнь в голоде и холоде.

Теперь, летом 95-го, вижу, что многие мои прогнозы, к сожалению, оправдались. Только затягивают пояса не все. И люди видят это. Даже немалая часть газетчиков отрезвела и время от времени грозит забастовками из-за того же «бездефицитного бюджета», о котором они еще недавно говорили с таким упоением.

Меня и возглавляемое мной Правительство то и дело обвиняли в «преступном шараханье», в «неуверенных шагах», в «непоследовательности действий». Конечно, и это было. И я честно о

том пишу. Но сколько же таких шараханий и преступных шагов уже сделали и еще сделают новые власти... Да премьера Рыжкова за сотую часть этих истинных преступлений заживо сожгли бы!

Эпоха всеохватывающего распределения канула в Лету. Похоже, однако, что в том же направлении исчез и здравый смысл в рыночной политике. Но пока не только им, но и самим рынком даже не пахнет. Наш теперешний рынок — это огромная орущая, мухлюющая, вздорная, злобная, жестокая барахолка, которая и обманет, и обворует, а то и запросто затопчет. Впрочем, об этом в другой раз.

Глава 13. Внешнеэкономическое партнерство или зависимость

В предыдущей главе, размышляя о причинах и следствиях пережитого вместе со страной, я затронул и внешнеэкономические проблемы. Чувствую, однако, что они требуют специального разговора.

Ни одна страна в современном мире не может не дополнять свое народное хозяйство внешнеэкономическими связями. Точнее говоря, народное хозяйство любой страны имеет в качестве своей неотъемлемой составной эти связи. Не понимать этой азбучной истины — значит быть не только узколобым экономистом, но и политическим изоляционистом. Нормальные экономические отношения во многом предотвращают военные столкновения между странами, сближают их интересы.

Кто торгует, тот не воюет. Я уж и не помню, откуда взял эту поговорку. Да какая, в сущности, разница — откуда? Главное, что она верна. Кто умеет и любит торговать, кому есть, чем торговать, у кого есть, на что покупать, кто торгует по-умному, честно и цивилизованно, тому просто-напросто незачем и некогда думать о войне, о борьбе, вообще о какой-либо вражде. Я всегда внимательно следил за эволюцией интеграции стран Западной Европы с их Общим рынком, год от года сближающим государства, людей разного подданства и разных национальностей. Они по-деловому строят общеевропейский дом. Сначала — экономический, а затем и политический. В нем предстоит жить не только им самим, но, главное, их детям и внукам. Строят именно на прочной экономической основе.

Вместе со многими миллионами людей мечтаю, чтобы народы образованных на еще дымящихся развалинах Союза независимых государств тоже быстрее прозрели и начали бы строить свой общий дом. Сначала экономический, а затем и политический. Уж больно нецивилизованно мы разводимся — с угрозами, с непримиримостью, с амбициозными требованиями друг к другу, а кое-где и со стрельбой. И сколько он продлится, этот процесс размежевания, сколько мы еще будем тешиться обретенной независимостью, которая сама по себе

никого не накормит и не оденет? Слишком прочны наши многовековые хозяйственные, культурные и просто человеческие связи. Огромный и, убежден, в целом глубоко позитивный вклад в процесс укрепления этого исторически сложившегося единения внесла послереволюционная практика. В ней, к сожалению, были и крупные промахи, недостатки, которыми и воспользовались зарубежные и наши «собственные» могильщики великой страны, но и при этом вряд ли любой объективный наблюдатель станет отрицать, что дружба народов (подчеркиваю — именно народов) стала одним из самых мощных факторов силы советского общества. И недаром именно на ее разрушение были направлены главные многолетние усилия тех, кто ставил своей задачей уничтожение ненавистного им Союза Советских Социалистических Республик.

Впрочем, вернемся к экономике. Так вот, слишком крепко повязаны мы, все бывшие республики Союза, экономическими нитями, чтобы выжить поодиночке. Только вместе — это, на мой взгляд, аксиома. И только объединившись, мы будем надежными, долговременными, солидными партнерами, интересными на общеевропейском да и на мировом рынке. Только вместе мы сможем активно, широко и с выгодой для себя включиться в мировые хозяйственные связи. Только вместе мы можем и защитить свои интересы от экономической экспансии наших новых друзей — в кавычках и без них. А что такая экспансия будет нарастать, я твердо убежден. Уже сейчас это ясно видно.

Весь наш послевоенный хозяйственный опыт привел к непреложному выводу: экономическая самоизоляция, как и изоляция внешняя, работа почти исключительно на «свой», замкнутый рынок неизбежно подрывает научно-технические, производственные и даже политические позиции страны, избравшей такой путь.

Могло ли быть иначе? Могло, конечно. Но мы сами пестовали блоковость развития хозяйства, которой сегодня, как известно, не существует, и наша экономика от этого не выиграла. Впрочем, то же можно сказать и о хозяйстве наших тогдашних противников из противоположного блока. Никому не выгодно существование резко обособленных, недостаточно тесно взаимодействующих друг с другом мировых рынков. Деление по политическим мотивам хозяйству не на пользу. Кстати, когда те же американцы, тоже весьма склонные к

политическим играм, переносят их в область мировых хозяйственных связей, то и их экономика в принципе больше теряет, чем приобретает. Да, не только внутри страны, но и в ее внешних хозяйственных связях политика слишком часто вместо того, чтобы выражать экономические интересы, работает против них.

Конечно, все эти рассуждения о необходимости и неизбежности активного участия каждой страны в международном разделении труда будут справедливы лишь в том случае, если ее включение в мировую экономику будет равноправным и взаимовыгодным. Ведь во внешней политике, в том числе и экономической, должны преследоваться национальные интересы. Любое государство заинтересовано в обеспечении благоприятных внешних условий для своего внутреннего развития.

Полагаю, что в то время, когда Западная Европа была и экономически, и политически слабой, а СССР после войны имел огромный, всемирный авторитет, вопрос о равноправных экономических отношениях мог быть решен не в ущерб для нашей страны. Очевидно, однако, что начавшаяся вскоре «холодная война», включая войну идеологий, сделала такой вариант нереальным.

Долгие десятилетия «холодной войны» показали, что противоречия между двумя мирами выходили далеко за чисто идеологические рамки. Идеология была здесь лишь ширмой. Фактически сталкивались главным образом геополитические интересы двух военно-политических блоков. Их противоречия ярко проявились, в частности, в дискриминации Советского Союза и его союзников в экономической сфере, в торговле, в научно-технических областях, в попытках установления контроля над этими странами.

Но, несмотря на все препоны, наша отечественная внешняя торговля хотя и не слишком быстро, но развивалась, и с 70-го по 85-й год выросла примерно в шесть раз. Другое дело, что в эту цифру входит в основном торговля со странами социалистического блока, больше напоминающая бартерный обмен, чем собственно торговлю. Но и на капиталистический рынок удавалось прорываться, хотя и узким спектром товаров, — я писал об этом в предыдущей главе.

В конце 80-х годов СССР производил 14 процентов всего мирового продукта, а наша доля в глобальном товарном экспорте составляла лишь 4 процента. В то же время все развивающиеся страны

производили те же 14 процентов мирового продукта, но их доля в экспорте составляла 20 процентов. У меня лично эти цифры вызвали глубокую неудовлетворенность положением нашей страны в системе мирового хозяйства.

Мы шли к рынку не так быстро, как хотелось бы, но шли. Рыночная экономика в отдельно взятой стране может существовать лишь как составная часть мировой рыночной экономики. Это не я придумал. Это Маркс сказал. Именно задача ускорить научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие страны подтолкнула нас к реформе внешнеэкономических связей. Но успели мы сделать в этом направлении мало.

И, тем не менее, кое-что успели. Нами был заложен фундамент новых внешнеэкономических отношений. Именно здесь, в этой сфере, и появились первые ростки рыночной экономики. Я имею в виду нормальные отношения, а не постоянное выпрашивание милостыни, в чем наши нынешние власти до неприличия активны. И не разгул во внешней торговле, обильно сдобренный криминальными действиями, когда вывозится все, что плохо лежит в государстве, но особенно то, что лежит хорошо — в недрах, прежде всего. Идет экспортный бум при катастрофическом спаде производства.

В числе первых проблем, вставших перед нами в самом начале перестройки системы внешнеэкономических связей как составной части всей экономической реформы, оказалась одна, наиболее явная: монополия внешней торговли. Эта монополия, по моему разумению, — результат давнего, еще в 20-х годах происходившего спора между ее сторонниками, которых представляли Ленин и Красин, и теми, кто предлагал дать производителю возможность самому продавать свою продукцию. Эту сторону представлял Бухарин. Кто в споре победил — известно.

В наших невзгодах в области внешнеэкономических связей я не собираюсь обвинять Ленина. Он принимал это решение в свое время, в той реальной исторической обстановке. Абсурдно было бы предлагать демократизацию внешнеэкономической деятельности и в предвоенные годы, в войну или послевоенные восстановительные годы. Тогда нужна была исключительная централизация, в том числе и в области внешней торговли. Кстати, именно так и было в это время в Англии, США.

Я говорю о другом времени, о 60—80-х годах, когда и экономическая, и политическая обстановка позволяла дать свободу производителям в этой сфере деятельности. Но традиция явно довлела над целесообразностью.

Все экспортно-импортные операции многие десятилетия проводились только через могущественное Министерство внешней торговли и его дочерние объединения. Экспорт-импорт были жестко связаны с общей плановой системой, все заранее расписывалось и распределялось. Было известно, сколько нефти, карбамида или, скажем, тяжелых экскаваторов поставляют страна и даже каждое предприятие в данном году за рубеж, а вот что они за это получают, знал более или менее достоверно лишь главный монополист — государство в лице его внешнеэкономического ведомства. Вот и выходило, что сами производители продукции отнюдь не были заинтересованы в ее экспорте.

Я это по себе знаю, по работе на Уралмаше. Надбавки к продажной цене за экспортное изделие давались минимальные, а качество требовалось куда более высокое, чем для внутрисоюзных поставок. Это, кстати, еще один нелепый парадокс нашей системы — понятие «экспортная продукция». Мол, для нас можно похуже, а для зарубежных партнеров — уж расстарайтесь. И ведь старались! Мне начальники цехов не раз жаловались:

— Николай Иванович, давайте откажемся от экспорта. Ведь мука же, а не работа! Каждую гайку прокрась, каждый шплинт продрай... Я возражал:

— Не будь экспорта, вы б совсем захалтурились. Он вас в более-менее боевой форме держит. А то будете сидеть в загнившем болоте.

И впрямь он помогал держать предприятия в форме. Дисциплинировал и рабочих, и производство в целом. При отсутствии на внутреннем рынке конкуренции экспортная продукция худо-бедно поддерживала уровень производства. И только. Другой выгоды от нее я, директор завода, не видел. Валюту за проданные изделия, за экскаваторы, например, получало то же Министерство внешней торговли. А завод-производитель ходил и кланчил валюту на покупку, например, необходимого для него оборудования. Хорошо, если давали малость, а могли и послать подальше.

Иными словами, от экспорта производственники бежали, а к импорту обеими руками тянулись. Выпрашивали, вымаливали ими же, по сути, заработанное. Но побеждал в этом не тот, кто дал стране больше, а тот, у кого было больше пробивной силы, глотка здоровее. Я даже термин в свое время придумал — «горловая экономика». Зачастую слепая вера в неоченимые преимущества импортной продукции господствовала во всех звеньях народного хозяйства. А ее оборотной стороной было пренебрежение отечественной продукцией, нежелание, а нередко и вытекавшее отсюда неумение заниматься ее совершенствованием. Все это, вместе взятое, напоминало какую-то болезнь. И недавно умерший академик Анатолий Петрович Александров метко окрестил эту болезнь «импортной чумой».

Я как-то спросил Президента Финляндии Мауно Койвисто:

— Почему ваши фирмы мало покупают нашу продукцию?

— Их право, — лаконично ответил Президент. — Я с ними ничего поделать не могу. При всем желании помочь вам. Предложить им продать их товар — это нарасхват. Заставить купить чужой — невозможно.

Я невесело усмехнулся:

— У нас все наоборот...

В очередной раз позвольте сделать отступление — оно будет касаться моих зарубежных поездок. Глава Правительства по своему положению обязан принимать своих иностранных коллег и по их приглашению посещать другие государства с официальными или рабочими визитами. Подготовка к этим поездкам проводилась заблаговременно. Через МИД согласовывались программа пребывания, основной перечень вопросов, подлежащих обсуждению, и документов для подписания. Конечно, охватить все заранее было невозможно, поэтому необходимо было тщательно готовиться в целом по проблемам, связанным с нашими взаимоотношениями с данной страной.

Ранее уже было сказано, что внешнеполитические вопросы были сконцентрированы у Генсека. Горбачев и его ближайшие советники очень быстро определили и географию визитов: монополией Генсека стали такие страны, как США, ФРГ, Англия, Франция, Италия, Япония. Эти страны с удовольствием посещали Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев. Мне же были «отведены» такие страны, как

Финляндия, Швеция, Норвегия, Австрия, Индия, Австралия, Таиланд, и, естественно, государства социалистического содружества. Во время встречи с главами их правительств обсуждались и политические, а в большей степени — экономические вопросы. Со многими моими коллегами у меня установились хорошие личные отношения: с Ф. Враницким, Х. Брундтланд, И. Карлссоном, К. Сорсой. И эти добрые личные отношения в немалой степени способствовали соблюдению государственных интересов как нашей, так и других стран.

Мне особенно нравилась многоликая и многоцветная Индия, страна контрастов и неожиданностей. Сразу же после первой встречи у нас установились самые добрые личные отношения с впоследствии трагически погибшим Радживом Ганди и его супругой Сонеи. В этой стране я познакомился и с интереснейшими людьми — ныне покойными Святославом Николаевичем Рерихом и его женой Девикой.

И все же я был, конечно, в основном руководителем для «внутреннего применения». Моя главная деятельность сосредоточивалась в Москве и в регионах страны. Тем более что заграничные поездки требовали особенно много времени на их подготовку и проведение. Впрочем, и по собственной стране, как говорится, с бухты-барахты, без подготовки не поедешь. Ну а о том, что порой при этом возникает, можно судить по такому примеру.

В силу моей огромной занятости внутренними проблемами длительное время откладывался визит в Австралию, Таиланд и Сингапур. Там уже возникло определенное непонимание по поводу неоднократного переноса сроков поездки, делались далеко идущие обобщения не в нашу пользу. Перед этой поездкой в феврале 1990 года я решил посетить Воркуту, где в 1989 году было сильное забастовочное движение. Надо было своими глазами посмотреть, как выполняются принятые Правительством решения. И вот при переезде с одной шахты на другую нас на дороге в тундре застала страшная пурга со шквальным ветром и сильным морозом.

Шесть часов мы были в этой ловушке. Не приспособленные к такому климату два львовских автобуса, легкая одежда, на глазах покрывающийся инеем салон создавали не очень радужное настроение. И вдруг в полной темноте нас нашел чумазый водитель гусеничного вездехода: «Где здесь находится московская комиссия?» Он нас и вывез в город. И никто из этого не устраивал «шоу»

наподобие того, когда на телевидение вытянули растерянного отставника, который имел несчастье своим «жигуленком» стукнуть машину Ельцина.

Через сутки я улетел в Таиланд. Из температуры минус сорок градусов я попал в жару плюс сорок. И сразу же заработал примерно столько же. Не хотелось двигаться, только лежать, лежать. Но надо было работать — вести переговоры, выступать на официальных обедах, проводить пресс-конференции, а с целью экономии времени спать в самолете при перелете из одной страны в другую. Хорошее или плохое у тебя самочувствие, не надо забывать, что ты представляешь свою страну, и во многом именно по твоему поведению судят о ней. Еще есть магическое слово «протокол». Уж он-то точно является командно-административным органом: командует и президентами, и премьерами, и многими другими официальными лицами. Но и без него никак нельзя. Впрочем, опыт государственных визитов нашего Президента показал, что нынче и протокол не помеха куражу и «нраву», даже если это унижает народ и страну, которые ты представляешь, и тех, кто тебя принимает. Воистину, глупости, в том числе «руководящей», границ нет.

Случались в моих поездках и забавные курьезы. По установленному этикету, премьер встречает своего коллегу и постоянно общается с ним, независимо от того, мужчина это или женщина. Если, скажем, премьер другой страны приезжает с супругой, моя жена должна ее встречать, сопровождать и оказывать всяческие знаки внимания. А как поступать с супругами женщин-премьеров, например, М. Тэтчер и Х. Брундтланд? Ну что ж, протокол есть протокол, и в Норвегии, например, Людмилу Сергеевну сопровождал супруг госпожи премьер-министра.

В этой книге я не случайно уже несколько раз упоминал бывшего премьер-министра Великобритании М. Тэтчер. У меня сложились с ней хорошие деловые отношения. Я ценил ее ум и напористость при обсуждении политических и экономических вопросов. И как же я был удивлен, когда несколько месяцев назад узнал от венгерского журналиста, что в своих мемуарах она написала о сногшибательном факте: при встрече с премьер-министром Венгрии тот показал стоящую в его кабинете статуэтку (каслинское чугунное литье) и сообщил, что ее подарил Н. Рыжков бывшему премьеру М. Немету, но

в эту вещицу было якобы вмонтировано подслушивающее устройство. Я был огорчен тем, что погоня за дешевыми сенсациями не обошла и ее.

Кстати, о подарках. По издревле установленной традиции при официальных визитах стороны обменивались подарками-сувенирами. У нас в стране не был установлен порядок вручения и принятия их. Каждый поступал по своей совести. Все полученные мной ценные подарки передавались через Хозяйственное управление Совета Министров в Государственное хранилище ценностей, а многие — в детские дома страны.

В заграничные официальные поездки, по существующему международному этикету, меня приглашали с супругой. Людмила Сергеевна тоже тщательно готовилась к этим поездкам и очень помогала мне. Для нее обычно предлагалась самостоятельная программа — детские учреждения, больницы, школы, музеи. Не обходили ее и корреспонденты. Задавали много острых вопросов, на которые она с достоинством отвечала. Но были и у нее неожиданности, заставлявшие изрядно поволноваться.

В Дели было предусмотрено посещение школы, где в нескольких классах преподавали русский язык. Но когда Людмила Сергеевна приехала, то увидела красивую и праздничную двухтысячную аудиторию. Конечно, она просто сначала растерялась... Говорили школьники, преподаватели. Ей пришлось выступить с ответным словом. Говорила Людмила Сергеевна о дружбе между нашими странами, о детях, о науке, которая может нас накормить, одеть и обуть, но может и уничтожить все живое на земле. Супруга одного из министров индийского Правительства, сопровождавшая ее, сказала мне потом, что в этом выступлении каждое слово было пропущено через сердце, что таких аплодисментов она давно не слыхала. Так что супруга может и помогать мужу, но может и навредить. Моя помогала.

Вернемся, однако, к основной теме главы. Экономический эксперимент, о котором я уже писал, внешнеэкономические вопросы не учитывал. Как было, так и было. Не созрели еще. Но уже в августе 1986 года вышло подготовленное нами постановление ЦК и Совмина о совершенствовании внешнеэкономических связей.

Это был первый официальный документ, который посягал на традиционные принципы внешней торговли. В чем его смысл? Во-

первых, он позволял сделать шаг к разрушению почти полной монополии Министерства внешней торговли на внешнеэкономическую деятельность: 20 министерств, а также около 60 крупных хозяйственных объединений, уже работающих на хозрасчете, получили право самостоятельно выходить на внешний рынок. Во-вторых, в Совете Министров создавалось подразделение, которое должно было вырабатывать общую политику в осуществлении внешнеэкономических связей и координировать деятельность тех ведомств, которые выход за рубеж уже имели.

Я имею в виду Министерство внешней торговли, Внешэкономбанк, Торговую палату, Интурист.

Во главе подразделения, названного Государственной внешнеэкономической комиссией, встал зампредсовмина Владимир Михайлович Каменцев. Будучи до этого министром рыбного хозяйства, он имел уже большой опыт зарубежной экономической деятельности. Замечу, что наши действия здесь заметно опережали общий ход экономической реформы: до принятия Закона о госпредприятии оставался целый год...

Говоря попросту, сделанный нами шаг превращал экспорт из нежелательного для предприятий в желательное и доходное дело. Валютная прибыль за вычетом государственного налога шла в карман предприятия, а значит, экспортная деятельность становилась ощутимо выгодной. Больше продал — больше получил, больше купил. Импорт необходимого оборудования тоже становился делом самого продавца, хозяина. Нужно привлечь зарубежную технику и технологию для модернизации линии, цеха, предприятия — покупай, коли заработал валюту. Хочешь помочь своим работникам товарами народного потребления — их сам и покупай, сам реализуй в коллективе. Сначала 10, а попозже 25 процентов валютной прибыли могли быть использованы именно на покупку этих товаров.

Кстати. К середине 90-го сложилось очень тяжелое положение с валютой. Иностранные банки, видя политические неурядицы в стране, перестали давать нам кредиты. Вот тогда-то мне стали со всех сторон советовать: заберите валюту у предприятий или «заморозьте» ее и используйте для общегосударственных целей. Я категорически отказался. Считал, что этот шаг ударит по реформе и доверие к Правительству будет потеряно. Так и не забрали. А в конце 91-го

Правительство Гайдара, не задумываясь, этот шаг совершило, что стало одним из существенных факторов быстрого снижения объема выпуска продукции, а затем и остановки многих производств.

Ну о нашей реформе спустя два года, когда экспорт продукции для упомянутых 20 ведомств и 60 объединений стал делом жизненно необходимым, привычным и прибыльным, мы решили наделить правом внешней торговли всех умеющих и желающих торговать. Но торговать только своей продукцией, товарами, услугами. Категорически было запрещено создание посреднических структур. Во всяком деле есть, как известно, две стороны медали. И, принимая какое-либо решение, надо всегда думать не только о положительном его действии, но и о возможных, а то и неизбежных издержках. Так оно и получилось. Отмена в дальнейшем, уже в «новые» времена, этого положения без достаточно глубокой проработки привела к созданию бесчисленных посредников. Недавно сообщалось, что на 25 предприятий, производящих минеральные удобрения, было 180 посредников. Мы же понимали опасность подобного развития, перекоса в сторону посредников, ничего не производящих, но хорошо зарабатывающих на этих операциях. Поэтому было принято решение: крупные объединения, имеющие опыт внешнеэкономической деятельности, выходят на зарубежный рынок самостоятельно; средние и мелкие — через преобразованные внешнеэкономические объединения Министерства внешнеэкономических связей (МВЭС). Таких объединений было более двадцати. Новое министерство создавалось путем слияния двух ранее существовавших ведомств — Министерства внешней торговли (МВТ) и Государственного Комитета экономического сотрудничества (ГКЭС).

В марте 89-го ввели систему лицензирования товаров, значительно подняли роль таможи, определили льготы для прибрежной и приграничной торговли. Словом, к концу 1990 года в стране получили право торговать с заграницей уже свыше 30 тысяч предприятий. Хотя, честно говоря, право-то они получили, но реально торговала едва ли половина: силенок пока было у них маловато.

С апреля 89-го начинало действовать правительственное решение о дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных организаций и предприятий.

Была создана система регистрации желающих торговать, которую мы постарались сделать предельно простой.

Вспоминая сегодня наши тогдашние шаги, скажу, что видимая ошибка была одна: право на самостоятельное лицензирование получили около пятидесяти организаций. Много! Это неизбежно вело к плохой управляемости процессом вывоза, злоупотреблениям, к ущемлению прав республик, на территории которых находились запасы сырья или же предприятия, входившие в юрисдикцию Центра. Надо было создавать союзно-республиканский лицензионный комитет, который в своей политике учитывал бы интересы всех — и продавца, и государства, и территории. Мы над этим уже работали. Увы, не успели! Политика, как известно, и лицензирование развела по территориальным интересам.

Решением Правительства был установлен перечень из 80 наименований продукции, которую можно было продавать за рубеж только по специальному разрешению-лицензии. Предоставляя большие права предприятиям во внешней торговле, мы давали себе ясный отчет, что, при огромной разнице между внутренними и международными ценами, наши стратегические материалы и продукция как насосом будут перекачиваться за рубеж. А ведь задачей Правительства было в максимальной степени активизировать свою, а не чужую экономику.

Введение во внешнеэкономическую жизнь лицензирования вызвало резкую критику, особенно в средствах массовой информации. Этот шаг демагогически расценивался как наступление на принципы открытости экономики. Все это, конечно, инспирировалось теми, кто, не считаясь с проблемами и задачами отечественной экономики, преследовал отраслевые, ведомственные или даже личные интересы. Доводы, что наша только что начавшая реформироваться экономика не может быть сейчас полностью открытой и что экономическая демократия, как и вообще демократия, это есть поле, лежащее между недозволенностью и вседозволенностью, — не принимались во внимание.

Исходя из политических, а точнее — политиканских интересов, наши оппоненты упорно закрывали глаза и на мировую внешнеэкономическую практику. Скажем, Общий рынок Европы, о котором я вполне положительно говорил в этой книге, имеет четко

отработанную систему лицензий и квот. Там они нередко устанавливаются в результате «экономических войн» между государствами — членами ЕЭС, с одной стороны, и между прочими странами — с другой. Войны — винная, рыбная, овощная, металлическая — сменяют друг друга. Ну а, скажем, уничтожение выращенных фруктов в Испании с целью выполнения установленных квот является лишь одним из многочисленных примеров строгого контроля за их выполнением внутри самого Сообщества.

Когда я пишу эти строки, уже идет к закату 1994 год. Указом Президента сняты все препоны для вывоза продукции и материалов за рубеж. Полагаю, что этот шаг явился сильнейшим толчком к вывозу за границу вообще всего, что физически поддается перемещению. И это будет происходить при катастрофическом спаде собственного производства. Наши же западные партнеры и не думают открывать свои экономические границы. Например, заполнили Запад наши торгаши алюминием, сбили цены, поставили на грань закрытия их алюминиевые заводы — тут же была установлена квота для России.

Снятие каких-либо тормозных механизмов и регуляторов с целью компенсировать катастрофическое падение производства товаров массового потребления и продуктов питания является крайне близорукой, однодневной политикой. Сегодня нас поят и кормят газ, нефть, лес, руда. Но при этом на «нефтедоллары», о которых так много и страстно говорили умолкнувшие почему-то ныне публицисты, сейчас не строят ни ВАЗ, ни КАМАЗ, ни большую химию, ни ткацкие и обувные фабрики. Природные богатства страны, наши стратегические материалы, превратившись во всяческие экзотические бутылки и «сникерсы», красуются сейчас в тысячах «комков».

Советский Союз имел 45 процентов мировых запасов газа, 13 процентов — нефти и т. д. США же располагают на своей территории лишь 3–4 процентами нефти и газа, хотя потребляют третью часть их мировой добычи. Даже современный ресурсный потенциал России в расчете на душу населения в 2–2,5 раза превышает потенциал США, в 6 раз — Германии, в 18–20 раз — Японии. Уникальные ресурсы Сибири и Дальнего Востока являются долговременным стратегическим резервом нашей страны.

Анализ структуры внешнеэкономических связей, российского экспорта и импорта показывает, что Запад настойчиво толкает нашу

страну на колониальный путь развития. При этом, естественно, автоматически происходит и структурная перестройка — только в направлении, противоположном тому, которое декларируется. На словах речь идет о технологическом и организационном обновлении производства, а на деле отечественная промышленность да и сельское хозяйство хоронятся заживо, чтобы они никогда не составили конкуренции западным монополиям, ибо Россия нужна им лишь как сырьевая кладовая и огромный рынок для их товаров.

С каждым годом усиливается нужный Западу сырьевой характер нашего экспорта. В 1994 году поставки нефти только в дальнее зарубежье составят одну треть от добычи вместо одной пятой в Советском Союзе. Но это не волнует тех, кто в те времена именно на «нефтедолларах» сделал свою политическую карьеру, — они молчат. Впрочем, сказать правду о сегодняшней ситуации — значит признать свои ошибки. Да и некогда заниматься разговорами: надо ведь успеть обогатиться за счет распродажи национального богатства, недр России еще больше, чтобы хватило не только внукам, но и праправнукам — жить безбедно если не в России, то хотя бы в другом благословенном краю.

Участников разгрома отечественной промышленности не волнует и то, что на долю топливно-энергетического комплекса приходится уже не 10, а 40 процентов от общего объема промышленного производства. Доля же машиностроения вот-вот уменьшится до 20 процентов, так как объем его производства в 1995 году снизится по сравнению с 90-м в пять раз. По структуре производства сейчас мы находимся в положении Кувейта на начальной стадии его развития — без всяких перспектив выйти на его нынешний уровень благополучия. Как ни в какой другой сфере, произошла быстрая «импортизация» внутреннего рынка. Отечественное производство товаров массового спроса гибнет на глазах. По расчетам специалистов, в 1995 году удельный вес импортных товаров народного потребления будет составлять 70–75 процентов. Примерно такое же положение складывается с отечественными и импортными продуктами питания.

Все это еще и еще раз подтверждает четко проводимую политику Запада, прежде всего США, в отношении России. И люди это чувствуют, даже не имея объективной информации от властей. В этой обстановке вполне естественно, что в российском обществе

сформировались преобладающие негативные оценки целей США в отношении России. Социологический опрос показал, что более 40 процентов опрошенных считают: Штаты нацелены на корыстное использование российского сырья, примерно столько же — на ослабление нашего государства как великой державы и только около 7 процентов видят в усилиях Америки стремление построить у нас (!) и для нас (?) подлинно демократическое общество и содействовать его экономическому развитию.

Россия сейчас попала в разряд развивающихся стран, и поэтому ей нашими новыми «друзьями» уготована участь, о которой говорилось на конференции ООН по окружающей среде и развитию, прошедшей в июне 1992 года в Рио-де-Жанейро. Примерьте разработанную там концепцию «устойчивого развития мира» к России — и вы придете к единственно верному выводу: реформам, отбросившим ее из числа ведущих стран в развивающиеся, не может, не должно быть места на нашей земле. Они, реформы, неизбежны и необходимы, но только те, которые реально ведут к экономическому и социальному развитию, а не к упадку всего хозяйства страны, деградации народа и национальному унижению. Что же касается отношений с США и с Западом вообще, то мы можем согласиться иметь дело с ними только на равных и в политическом, и в экономическом отношениях.

На разграблении России наживаются не только страны «дальнего зарубежья», но и наши бывшие союзные республики, которые Союз десятилетиями, оказывается, «угнетал и разорял». И вот теперь, к примеру, Эстония за последние годы вдруг стала крупнейшим поставщиком цветных металлов на мировой рынок, не имея ни их месторождений, ни соответствующей металлургии. Что же касается «угнетения» и «разорения», то кому, как не мне, знать, какая огромная часть национального дохода страны, и в первую очередь создаваемого именно в России, «перекачивалась» ежегодно в другие союзные республики, без чего они и мечтать не могли бы об уровне развития, достигнутом за годы Советской власти!

Сейчас внутри России действуют не законы, а личные решения. По политическим, а может быть, и другим соображениям розданы внешнеэкономические льготы различным регионам и предприятиям. Казна недополучает сотни миллиардов, если не триллионов (инфляция

ведь!) рублей дохода. Подчинение экономики политике вносит дезорганизацию и во внешнеэкономическую деятельность, порождает мафиозно-криминальные структуры у нас и недоверие иностранных партнеров к нам.

Лицензии и квоты, запреты и ограничения традиционно использовались Западом, особенно США, в качестве рычагов давления для решения, в конечном счете, политических задач. После ввода в 1979 году наших войск в Афганистан как из рога изобилия посыпались эмбарго. В частности, по инициативе Президента США Д. Картера оно было установлено на поставку газоперекачивающих агрегатов для строящихся газопроводов. Несколько заводов, в том числе Невский машиностроительный, в очень короткие сроки освоили их производство. И снова я спрашиваю себя: неужели нам надо иметь какие-то катаклизмы, чтобы быстро и эффективно справляться со своими проблемами? Или это все-таки были преимущества нашей плановой системы? А может быть, это, как я уже говорил, просто наша национальная черта — объединяться, забывать о распрях и всем дружно биться с недугом, бороться с бедой? Надо полагать, все есть в этом феномене.

Говоря о внешнеэкономической деятельности, хотелось бы остановиться на таком специфическом вопросе, как торговля оружием. До 1989–1990 годов экспорт вооружения имел сугубо секретный характер, и только в последние годы эту проблему стали обсуждать на каждом углу, прежде всего — информационном.

Если что и было, и есть у нас конкурентоспособное на мировом рынке, кроме сырья, то это — оружие. Битый-перебитый со всех сторон, а нынче и вовсе разваливающийся военно-промышленный комплекс был прежде в народном хозяйстве приоритетным, особо опекаемым. И это естественно: Великая Отечественная война еще живет в памяти людской. Все у ВПК было лучшее — специалисты и рабочие, сырье и оборудование. Потому и продукция выходила, сравнимая с общемировым уровнем, а то и превышающая его. Ее брали охотно. Только по соглашениям, на длительные сроки заключенным со странами СЭВ, а также некоторыми странами Азии и Африки, объем торговли в год составлял внушительную сумму. Можно было бы производить и продавать оружия и больше, можно было бы

расширить круг стран, которые не отказались бы от наших танков, ракет, самолетов или автоматов Калашникова.

Но наступило время, когда на созданный ценой больших лишений людей военно-промышленный комплекс обрушился шквал критики со стороны своих же политиков и общественных деятелей. Критики за сам факт его существования. Они забыли, что в огромной мере именно благодаря ему прожили сами, вырастили детей и внуков в обстановке мира. И теперь вместо того, чтобы использовать созданный потенциал для решения назревших социальных вопросов, его огульно уничтожают и морально, и физически. Громят эту отрасль целенаправленно. Ведь если разрушать что-то, то нужно начинать с самого сильного и мощного. А слабое само умрет. Ярким примером такого наступления на ВПК и армию может служить выступление директора Института США и Канады АН СССР Г.А. Арбатова. Именно того института, который во многом предопределял наши политические, да и экономические отношения с Соединенными Штатами. Какой климат был в этих отношениях в 80-е годы, всем известно. Тем не менее этот академик на Втором съезде народных депутатов СССР в декабре 1989 года, на мой взгляд, положил начало наступлению на военный сектор страны, развязыванию во многом необъективной критики и формированию негативного общественного мнения по вопросам продажи вооружения.

В результате появились многочисленные публикации, выступления, поверхностные и односторонние оценки, которые привели к негативным последствиям для национальных интересов государства. В руководстве страны тоже были люди, которые во имя поддержания уже сложившегося образа Горбачева как планетарного миротворца проводили эту же политику по отношению к торговле оружием. Говорилось, что, экспортируя оружие, Советский Союз создает тем самым напряженность в отдельных регионах земного шара и во всем мире. Утверждалось, что поэтому военно-промышленный комплекс не стремится к конверсии, переходу своих институтов, конструкторских бюро и заводов на выпуск гражданской продукции.

Западные державы, и прежде всего США, с большим удовлетворением следили за истязанием и уничтожением ведущего комплекса страны. На протяжении многих десятилетий они об этом могли только мечтать. Но, в отличие от нас, они никогда не принижали

значимость своего производства современной военной продукции и ее экспорта. Их политическое руководство рассматривало экспорт вооружения как важнейший фактор сохранения военно-промышленного комплекса в условиях разоружения, как возможность при необходимости в очень короткое время увеличить производство вооружений. Даже исследовательская служба Конгресса США в начале 1993 года, в отличие от нашего депутата-академика, рекомендовала для сохранения мобилизационной готовности ВПК удвоить экспорт военной продукции.

Западные страны в этом деле не останавливаются ни перед чем. Официально объявляя эмбарго на поставку вооружения, они продолжают ее, несмотря ни на что. Принимается решение ООН об эмбарго на поставку оружия в республики бывшей Югославии — и Россия покорно его выполняет. Но оно мощным потоком идет туда из различных стран Запада и Востока. США совершенно бесцеремонно в начале мая 94-го принимают решение о снятии ограничений на его продажу Боснии и Герцеговине. Не боснийским сербам, конечно!

Можно было бы приводить десятки примеров подобного положения дел в торговле оружием. Но, думаю, общая картина ясна. В 1988 году доля СССР в мировой торговле вооружением составляла 38 процентов, или 15 миллиардов долларов. Удельный вес в ней Соединенных Штатов составлял тогда 30 процентов. В 1992 же году доля России снизилась до 5 (!) процентов, или до 2 миллиардов долларов, а США увеличилась до 60 (!) процентов. В этот же год, согласно Регистру ООН обычных вооружений, США, ФРГ, Франция и Великобритания экспортировали в общей сложности 1412 танков, 924 БМП (боевых машин пехоты), 200 боевых самолетов. Поставки за рубеж этих видов военной техники из России составили всего 7, 198 и 26 единиц соответственно. Только за 1987–1991 годы Соединенные Штаты продали оружия на 59 миллиардов долларов.

России надо навести порядок в своем производстве вооружения и его экспорте и не позволять вешать на себя в очередной раз ярлык «главного виновного за распространение оружия в мире». Не позволять грозить нам какими-либо санкциями изза выгодного контракта на поставку российского вооружения. Не позволять больше «пятой колонне» заниматься разрушением и оплевыванием ВПК. Может быть, горький опыт конца перестроечных лет и

«демократического» правления поможет в этом? Или и этот опыт не спасет от беды?

Торговля оружием — дело не простое. Но особенно трудно было вести ее с «друзьями». Это постоянно растущий долг за наши же поставки. Это бесчисленные переговоры, где просьбы об отсрочке платежей перемежались угрозами вообще не вернуть долги. Это настойчивое, чуть ли не молитвенное взывание к «чувству дружбы», которое у меня, прижимистого хозяйственника, появлялось далеко не ко всем. По большей части вообще не появлялось. Тем более что соображения экономической выгоды и политической целесообразности порой окрашивались и личными впечатлениями от собеседников. Одно только общение с вождем Ливийской Джамахирии Муаммаром Каддафи, картинно охраняемым затянутыми в кожу могучими девицами и с легкостью опаздывающим на встречу на полчаса, чего стоило. Или не без явной угрозы выпрашивающие отсрочку платежей и уменьшение процентной ставки иракцы, которым мы исправно поставляли оборонительное оружие во время их долгой войны с Ираном! Это они, кстати, чуть не втянули нас в международный скандал, когда после неожиданной ракетной атаки на Тегеран иранцы обнаружили остатки ракеты с советской маркировкой. Выходило, что мы продавали Ираку ракеты не оборонительные, а дальнего действия... И надо было нашим специалистам слегка поломать головы, чтобы сообразить: кто-то хитрый посоветовал Ираку уменьшить вес зарядной части ракеты, увеличив таким образом объем топливных емкостей и, следовательно, дальность полета.

Долго можно вспоминать малоприятные ощущения, так часто возникавшие у меня во время переговоров по поставкам вооружения и их оплате. Хотя, конечно, ощущения ощущениями, но довольно весомая прибыль от такой торговли крайне нужна была стране.

Не успели стихнуть горячие дискуссии на Втором съезде народных депутатов, где уже явно столкнулись различные точки зрения на деятельность военно-промышленного комплекса, на большее разнообразие форм собственности, на позицию Правительства по направлениям и срокам проведения реформ, как в обществе взорвался АНТ. В нем переплелись в то время все эти проблемы. Этот «взрыв» был выгоден и тем, кто хотел дискредитировать новые пути хозяйствования, и тем, кто хотел нанести удар по Правительству, и тем,

кто стремился подорвать наш экспорт вооружения, а значит — и экономический, и политический вес страны в мире.

Но сначала о том, как он «взорвался».

В конце декабря 1989 года в Москву пришла шифротелеграмма от первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС Ивана Кузьмича Полозкова, который сообщал о том, что в Новороссийском порту стоят, готовые к отправке за рубеж, двенадцать боевых танков. По документам значилось, что они принадлежат государственно-кооперативному концерну АНТ. Действительно ЧП! В нашей стране до сих пор не только танк или самолет — ни один патрон не мог быть переправлен через границу без соответствующего разрешения Правительства. А тут — двенадцать современных танков! Было из-за чего забить в колокола. Через несколько дней Полозков прислал вторую шифровку — в куда более крутых выражениях. Спустя еще дня два в газете «Советская Россия» появилась громкая статья «Спрут под семафором», в которой корреспондент, раньше всех прибывший в Новороссийск и получивший все возможные и невозможные документы о деятельности концерна, описывал неудавшуюся попытку контрабанды оружия. Позже об этой попытке зашумел и депутатский корпус.

Я очень коротко напомнил о самом факте, который обрел характер громкого и, на мой взгляд, запланированного скандала, лишь затем, чтобы подробно, спокойно, с позиции дня сегодняшнего объяснить читателям, что же произошло в действительности.

Об АНТе я услышал от моего заместителя В. М. Каменцева еще в январе 89-го. Он увлеченно рассказал мне о кооперативном объединении, которое готово было взять на себя продажу за границу промышленных отходов, а взамен приобретать там товары народного потребления. Речь шла о чистом бартере — без всякого присутствия денег. Масштабы предлагались такие, которые и вправду могли хоть и немного, но явственно поправить ситуацию с товарами для населения.

Не секрет, что ни одна государственная структура не в состоянии охватить пристальным вниманием все, как говорится, закоулки народного хозяйства: на каком заводе какие отходы копились, залеживались неиспользованные материалы, неликвиды... Кооператоры же хотели и могли это прочесать частым гребнем. Увы, но бесхозяйственность наша велика, и не сегодня, даже не вчера она

родилась, и всегда больно ударяла по экономике. Так вот, АНТ брался отыскать и реализовать по бартеру все это добро.

Мне идея понравилась. Я и по уралмашевской моей жизни знал: у любого большого или малого производственника всегда есть то, что в дело не пошло и, не исключено, никогда не пойдет. Мы ведь, хозяйственники, как белки: давай, запасайся на всякий случай.

Соглашаясь на подробную проработку вопроса, я потребовал от Каменцева соблюдения двух условий. Первое: выгода выгодой, но в организации должны работать люди честные и порядочные. Если Совет Министров даст разрешение на создание концерна, значит ему, Совету Министров, и нести за него ответственность. Второе условие — чтобы полностью сходились суммы продаж и закупок, то есть чтобы не возникало задолженности иностранным партнерам, иначе расплачиваться за нее придется государству.

Насколько я знаю, проверяли не только сам концерн, но и его иностранных партнеров. Тогда-то и был подключен Шестой сектор Экономического отдела Управления делами Совета Министров СССР.

Шестой сектор был образован в 1986 году для проведения независимых и оперативных экспертиз наиболее важных или спорных предложений министерств и ведомств. Для поиска в потоке почты, приходящей в Совмин, действительно реальных, полезных и перспективных для державы проектов. Иными словами — этакий экспертный мозговой центр. Комплектовался он из бывших сотрудников тоже Шестого и тоже Экономического управления КГБ. Там работали весьма неплохие экономисты, плюс к тому, в отличие от гражданских спецов, незашоренные, умеющие смотреть и видеть. К слову должен сказать, что сектор этот в Совмине работал с пользой, находил и предлагал для рассмотрения действительно интересные идеи. Он давал объективную оценку получаемой Правительством информации по важнейшим экономическим вопросам.

В конце марта 89-го Каменцев официально доложил, что проверка закончена, что в АНТе работают деловые и серьезные люди, что их отношения с зарубежными партнерами позволяют рассчитывать на успех. И еще одно добавил: что КГБ готов оказывать АНТу всемерную помощь.

— Это как? — впервые насторожился я. — Если они собираются использовать АНТ для своих целей, то пусть сами с ним и работают.

Без Совета Министров.

— Ни в коем случае, — запротестовал Каменцев. — Даже речи об использовании АНТа не ведется. Только — помощь.

В принципе кое-какие сомнения у меня, правда, остались. Я и без подтверждения со стороны своего заместителя понимал, что раз Шестой сектор был подключен к разработке идеи АНТа, то, естественно, КГБ был в курсе этого дела. Но, в конце концов, это — их работа, они за нее зарплату получают. Но я и знать не знал, что глава АНТа В. Ряшенцев тоже оттуда пришел.

Подчеркну: не знал. А сейчас спрашиваю себя: а если бы знал? Даже не подумал бы тогда подписывать распоряжение Совмина о создании АНТа? Вряд ли: ведь прошлая принадлежность людей к КГБ никакого отношения к делу не имеет. Как она, к примеру, влияет на их работоспособность? На их оперативность и сообразительность? На другие деловые качества? На честность, наконец? Жуликов-то везде хватает, а в КГБ их, кстати, всегда было меньше, чем в иных гражданских структурах. Нет, в деловых качествах, в работоспособности бывших сотрудников КГБ я не сомневался. Шестой сектор, повторяю, полезно действовал...

Впрочем, сейчас, глядя на ситуацию с немало уже временного расстояния, легко рассуждать, кто прав, а кто не очень. А тогда я, искренне веря своему заместителю по внешнеэкономическим вопросам, исходил из перспективности создаваемой государственно-кооперативной структуры.

Никого из АНТа, включая Ряшенцева, я никогда в глаза не видал, надобности в том не возникало. Сама же эта структура выглядела весьма перспективно, и был прямой смысл попробовать ее создать. Она вписывалась в наши внешнеэкономические реформы. Мы приняли соответствующее решение, и вскоре Каменцев стал ряд конкретных заданий реализовывать через АНТ. Ну, например, поручили ему закупить партии одноразовых шприцев и технологические линии для их производства.

Однако к концу лета 89-го мне достоверно сообщили, что руководство АНТа щедро одаривает двух сотрудников аппарата Внешнеэкономической комиссии и Шестого сектора. Я немедленно рассказал об этом лично Председателю КГБ СССР Владимиру Александровичу Крючкову и попросил тщательно проверить

деятельность сотрудников Шестого сектора и работников АНТа. Председатель КГБ Председателю Совмина, как я упоминал, подчинялся достаточно формально, но отказать мне в подобном деле он не мог. И не отказал. Проверил. И сообщил устно, что услышанное мною — просто навет.

Но вот осенью 91-го во время следствия по делу АНТа я познакомился с некоторыми документами, которые давали основание думать о небезупречности руководства этой организации.

Я не делаю никаких заключений. Не будучи ни следователем, ни юристом, я лишь излагаю факты в том виде, в каком они стали мне известны. Тогда я не знал даже, что АНТ, как опятьтаки выяснилось намного позже, еще летом 89-го всерьез интересовался возможностью продажи за рубеж оружия. Выходил с официальными письмами в Генштаб и какие-то войсковые части, и во всех этих местах, замечу, такие письма не рвали и не выбрасывали с негодованием. Более того, оказалось, и это ломает все мои представления об элементарной человеческой нравственности, что те руководители Министерства авиационной промышленности, которым было поручено подготовить и утвердить устав АНТа, внесли в него такую хитрую, двусмысленную формулировку, которая позволяла ему осуществлять и экспортно-импортные операции со средствами вооружения. Уж они-то, опытом и дисциплиной умудренные, претолочно знали, что торговля оружием разрешается только Правительством и только за подписью его главы.

Таким образом, в каких-то моментах деятельности АНТ соблюдал существовавший тогда порядок, а в каких-то, прикрываясь фиговым листочком своего устава, пытался все же присвоить себе одну из прерогатив государства, занявшись торговлей оружием.

В общем, как только появились первые сомнения в этом деле, я немедленно поручил — уже не Каменцеву, а другому моему заместителю, Степану Арамаисовичу Ситаряну, — разобраться с возникшей ситуацией, потом и сам занялся ею, а в итоге созвал Президиум Совмина, пригласил на него всех, кто имел то или иное отношение к АНТу и к афере с танками. Вот тогда-то я впервые и узнал о «нелегальном» пункте в уставе концерна, позволяющем торговать вооружением, и услышал умильную по своей наивности версию, что АНТ покупал тягачи, а ему, дескать, продали танки...

Конечно, Президиум сделал привычные административно-служебные выводы. Как говорится, виновные понесли наказание.

Сейчас мне многие говорят: зачем, мол, вы сорвались на Третьем съезде народных депутатов, зачем не сдержались, зачем пошли отвечать на явно провокационную реплику-выступление по делу АНТа небезызвестного юриста, который, кстати, походя пытался обвинить Правительство Рыжкова в какойто коррупции. Нет, не жалею я об этом срыве. И сегодня готов подписаться под тогдашними своими словами: «Или дайте нам возможность работать, или мы подадим в отставку... Посмотрите, что делается в стране?.. Я убежден, что никакой сильный Президент, никакой сильный президентский кабинет не будет работать, если не будут работать еще две составные: это исполнительная власть — сильное Правительство... и, конечно, судебная власть. Поэтому, если нам нужно Правительство, причем сильное правительство, то надо его поддерживать».

Никогда прежде, никогда после не слышал я в свой адрес столь бурных аплодисментов...

Так я говорил, так думал. Так думаю и теперь. Единственное, что болезненно зацепило тогда, — поведение Горбачева. Он председательствовал на том Съезде, который затем избрал его Президентом. По сути, он уже подвел итог очередному вопросу, и вдруг — слово Собчаку для справки? Зачем? Какой в том умысел? Ведь Горбачев знал, о чем тот станет говорить. Как сам Горбачев потом сказал, еще накануне просил его о возможности повторно выступить. Я не будущего мэра виню, Собчак — он Собчак и есть. Не могу понять тайные мотивы, которые двигали в ту минуту нашим лидером. Кстати, я ведь свое выступление с этого непонимания и начал. Горбачеву его адресовал. Он, оказывается, обиделся на меня. Спросил сердито после заседания:

— Ты почему обостряешь наши с тобой отношения? Честно говоря, я опешил.

— Что я обостряю? Какие отношения? Побойтесь Бога, Михаил Сергеевич! У вас сколько людей для выступления записалось? Десятки? И десятки не выступят, не успеют, так? И из всех них вы даете повторное слово одному Собчаку. Почему? Или он что-то наиважнейшее сказал, без чего Съезд не обошелся бы?

— Он попросил слово для справки, — попытался отговориться Горбачев. — По выступлению Полозкова...

— Еще одно самое главное выступление! — усмехнулся я. — А если у других желающих тоже кое-какие слова имелись? Также для справки — только по другим выступлениям... Нет, Михаил Сергеевич, у вас иные причины были. И мы оба знаем — какие...

Подводя под нашумевшим делом АНТа черту, хочу высказать мнение, сформировавшееся за прошедшие с тех пор годы. Заказная была эта «бомба». И заказали ее те, кто уже тогда подбирался к рычагам власти, кто боролся с Правительством Рыжкова, кто хотел дискредитировать страну в глазах мировой общественности с помощью скандала в такой деликатной сфере, как торговля оружием. И она, эта история, тоже помогла опуститься стране на уровень пятипроцентной доли в мировой торговле оружием, о чем я говорил выше.

Несмотря на эту и другие, более мелкие, постоянные «войны» по вопросам внешнеторговой деятельности, процесс реформирования этой сферы продолжался. А начался он, по существу, с первых лет перестройки. Вспомним хотя бы постановление Совета Министров о совместных предприятиях, принятое еще в январе 87-го. Это был шаг, полезный нашей экономике, выгодный для нее. Сейчас же, в ходе приватизации по Чубайсу, иностранным предпринимателям нет необходимости создавать совместные предприятия: проще за бесценок скупить целые отрасли народного хозяйства.

Или таможня, выведенная нами в 86-м в самостоятельное плавание из-под руки Министерства внешней торговли. После этого она стала не просто «пускать — не пускать», а зарабатывать деньги государству. К тому же постановление Совмина по таможенной службе, принятое в апреле 90-го, в правовом отношении уравнивало наших таможенников с их западными коллегами.

В этой главе я последовательно изложил вопросы внешнеэкономической деятельности, наши шаги по ее реформированию — не скрыв ни трудностей, ни издержек. Наиболее тяжелым во внешнеэкономической деятельности моего Правительства, да и не только во внешней, был 1990 год. Страна становилась неуправляемой. Плановые основы экономики сознательно и стремительно разрушались, новые не были созданы. Да и не могли,

естественно, быть созданы за считанные месяцы и даже за пресловутые 500 дней.

Правительство в этой сложнейшей политической и экономической ситуации искало выход для предотвращения остановки заводов и фабрик. Особенно это касалось производств, в большей степени зависящих от импорта. Поставки стран — членов СЭВ из-за происшедших там «бархатных революций», а по существу, с исторической точки зрения, контрреволюций, и быстрого разрушения плановой системы резко сокращались. Их пытались компенсировать поставками с западных рынков. А для этого, снова же, нужна была валюта.

В 1990 году импорт опередил экспорт. И тем не менее за пять лет моего премьерства (1985–1990 годы) положительное сальдо во внешнеэкономической деятельности — превышение импорта над экспортом — составило несколько миллионов долларов. Но все же негативные процессы нарастали. Политическая неразбериха, ее давление на экономику привели, в частности, к тому, что мы стали терять доброе имя самого надежного в мире торгового партнера. Зарубежные банки и финансовые компании резко ограничили предоставление нам кредитов. Из-за экономических и политических потрясений 91-го, уже после моей отставки, произошло максимальное снижение импорта за послевоенные годы — на 46 процентов.

Сейчас нынешние руководители большим достижением во внешней торговле считают положительное сальдо. Как экономист я только приветствую это. Примером может служить Япония или Тайвань, где накоплены запасы валюты в размере 80 миллиардов долларов. Но это происходит при нормальном развитии экономики, при ежегодном росте производства.

За три года проведения «шоковой терапии» объем производства у нас в стране снизился вдвое. И это на фоне увеличения экспорта и снижения импорта. Думаю, правильнее было бы увеличить импорт в разумных пределах, но обеспечив поступление сырья и материалов, дав работу, например, десяткам ткацких фабрик Ивановской области. Подобное положение я объясняю не отсутствием знаний у нынешних руководителей, а невозможностью для них взять в руки и обуздать внешнеэкономическую стихию, коррупционеров всех уровней. Свое, отечественное производство губится целенаправленно: Нам же

уготована иная роль в мировой экономике — жалкая роль поставщика нещадно разграбляемых природных ресурсов России. Так вывоз нефти при снижении вдвое ее производства за эти годы постоянно расширяется. Например, только в 1993 году он увеличился с 66 до 80 миллионов тонн. Мы попадаем, как сырьевой придаток, в вечную зависимость от развитых стран Запада.

Конечно, подобные перекосы в экономике не являются случайностью. Все дело — в быстро возрастающей всесторонней зависимости России от Запада. А он столетиями создавал дополнительные источники для своего существования и обогащения. Когда-то это были колонии, теперь — страны «третьего мира». По западной классификации, как я уже упоминал в этой главе, наша страна числится именно по этому разряду. Да, сегодня так оно и есть: народное хозяйство России и других бывших республик СССР, ныне суверенных государств, находится в полуразрушенном состоянии, и здесь создается экономика, обеспечивающая, прежде всего, сырьевые и энергетические интересы Запада.

Исходя из них, капитальные вложения развитых стран в народное хозяйство России будут в первую очередь направляться в ее топливно-энергетический комплекс, а также экологически неблагоприятные отрасли. Все это будет и дальше деформировать структуру нашей экономики в выгодном для Запада направлении и консервировать или усугублять отсталость определенных ее секторов.

Сейчас в мире формируется три центра экономической власти: США, Объединенная Европа и Тихоокеанский регион. Отношения между ними будут весьма сложными. Неизбежны противоречия и конфронтация, но неизбежна и растущая кооперация — таково веление времени и внутренней логики развития.

Россия занимает в этом треугольнике особое место — геополитически она связывает его в единое целое. И это могло бы и должно стать одним из важных источников ее экономического благополучия.

Но так будет лишь в том случае, если Россия осознает свои огромные потенциальные возможности в новых исторических условиях, преодолеет комплекс неполноценности и безнадежности, в который она ввергнута в последние годы политиками. У нас есть все, чтобы не скатиться окончательно на положение дойной коровы

для развитых стран, а стать полноправным партнером в системе мировой экономики.

Глава 14. Политические наперсточники гласности

13 июля 1988 года журналисты телевидения, радио и всех центральных газет впервые в истории были приглашены на заседание Президиума Совета Министров СССР. Пожалуй, этот факт можно считать началом новой эпохи в деятельности Правительства страны — эпохи гласности, открытости, его прямого обращения к народу и диалога с ним.

Да, это был, можно сказать, революционный шаг в развитии демократии и перестройки в целом, ибо на протяжении десятилетий все, что происходило за Кремлевской стеной, оставалось неведомым «простым» людям, гражданам страны. Постановления и распоряжения Правительства принимались узким кругом облаченных властью лиц, без какого-либо общественного «пригляда». Вот мы и решили исправить эту историческую несправедливость и ввести народ с помощью телевидения, прежде всего, а также радио и прессы в Кремль, на заседания Совета Министров, когда обсуждались и решались наиболее актуальные, крупные, по-настоящему волнующие широкий круг людей вопросы экономики.

Увы, эта практика продержалась ровно столько, сколько существовало наше Правительство. После его отставки, насколько я мог заметить, уже не было ни одного заседания сменившего его Кабинета Министров и последовавших за ним аналогичных структур исполнительной власти, где «присутствовал» бы народ как зритель и слушатель и вместе с тем — высший контролер и судья всему, что совершается от его имени. Сегодня демократия, гласность формально соблюдаются: зритель видит на телеэкране картинку, изображающую, скажем, факт заседания Правительства, а иногда даже слышит несколько слов председательствующего. Но он не получает информации о позициях выступавших, аргументах за или против того или иного решения, не видит тех, кто вершит его судьбы. И говорить при этом о стремлении Правительства к открытости, к демократическим формам своей деятельности — значит издеваться над здравым смыслом. Думаю, что вновь опущенный занавес,

фактически скрывающий от публики процесс обсуждения и принятия самых важных решений, есть прямое и неизбежное следствие все более антинародной, антигосударственной по своей сути политики ныне власть предержащих.

Нам же было нечего и некого бояться: мы открыто шли к демократизации общества не на словах, а на деле, к управляемому в интересах населения и страны социалистическому рыночному хозяйству, где при наличии государственной была бы и коллективная, и частная собственность на средства производства. Людям, выступавшим перед всем народом (а это были не только министры, но и крупнейшие специалисты, ученые, практики, а нередко — и представители трудовых коллективов), не нужно было скрывать своего авторства, когда они в порой острых спорах выдвигали те или иные аргументы и предложения. Ведь, как правило, высказывались мысли, чувства, настроения, интересы всего населения или каких-либо его слоев и групп.

Ну а как быть теперешним руководителям, которые не могут не понимать, что вся их политика в корне расходится с глубинными и даже текущими интересами фактически всего населения страны, если не считать горстки нажившихся на всестороннем обнищании и позоре еще недавно великого государства? Ведь в такой ситуации появиться перед народом без маски, признаться в авторстве, раскрыв подлинный смысл решений, все равно что собственными руками составить обвинительное заключение самому себе. Вот почему так судорожно цепляются они за власть, не брезгуя при этом любыми провокациями и беспредельной ложью, вот почему под лозунгом демократии в стране все откровеннее формируется авторитарно-бюрократический режим. Между властью и населением возводится все более непроницаемая, глухая стена.

Мне могут сказать: как же так — а многочисленные брифинги, пресс-конференции, презентации и прочие новомодные формы явления наших «мессий» народу? Разве там не звучат вопросы и ответы? Звучат. Но чаще всего, если говорить о высшем звене государственного управления, отрететированные вопросы и точно такие же ответы. И они, как правило, не дают представления о подлинных целях и мотивах действий тех или иных руководителей, о их настоящем лице.

Но я опять отвлекся на постоянные горестные, не оставляющие в покое душу ни на час, размышления о нынешнем состоянии страны и ее, к сожалению, безрадостных перспективах при продолжении нынешнего курса на криминальную капитализацию и авторитаризм. Вернусь к невольно прерванному рассказу.

Итак, принимая в 1988 году решение об изменении самого характера взаимоотношений между центральной исполнительной властью и населением, мы исходили не только из соображений политического характера. Нет, нас ориентировала на это и социально-экономическая действительность. С каждым днем она становилась все более сложной. Да и экономические реформы принимали масштабный характер. Складывающаяся ситуация настоятельно требовала совета с народом, реального учета различных, вплоть до противоположных, мнений, оперативного разъяснения людям необходимости тех или иных поворотов в хозяйственной политике, их причин и следствий. Только при таком подходе к делу можно было рассчитывать на реальную поддержку обществом нововведений в экономической политике.

И еще: положение Правительства в системе органов управления, когда оно обязано было исполнять решения, принимавшиеся в ЦК, но отвечало за них в глазах людей и при этом не имело сколько-нибудь серьезных возможностей объясниться с ними, обрекало высшую исполнительную власть в государстве на роль беспомощного «мальчика для битья», на которого всегда можно было свалить чужие ошибки. Я чувствовал, что такое положение необходимо было ликвидировать как можно скорее, что нужна новая система отношений между партийной, представительной и исполнительной властями на высшем государственном уровне. А это означало, что должна быть разрушена или хотя бы нарушена монополия ЦК партии на информацию, что нужно создать каналы, по которым она свободно циркулировала бы «сверху вниз» и обратно. Так мы пришли к идее организации впервые в отечественной истории совершенно новой структуры в государственном аппарате — Отдела информации Совета Министров СССР, и весной 1988 года я подписал соответствующее Постановление.

Для меня было очевидно, что по функциям и задачам это должно быть подразделение, во многом отличное от других в составе аппарата

Правительства, и поэтому я установил подчинение нового Отдела непосредственно Председателю Совмина. Практика быстро показала, что это было единственно верное решение: ведь каждое дело, начинавшееся этим подразделением аппарата, было совершенно новым, а значит, объективно направленным против устаревших традиций, вошедших в плоть и кровь всех структур Правительства. Столь же ясным было и то, что вводить любые новшества можно было только при активной и постоянной поддержке его главы и Управляющего делами (Михаила Сергеевича Смиртюкова, а затем Михаила Сергеевича Шкабардни). И такая поддержка была обеспечена.

Как я уже сказал, мы начали с того, что подключили к освещению деятельности Правительства самые мощные средства массовой информации — телевидение и радио. Конечно, о решениях Совета Министров, о других событиях, связанных с его деятельностью, общественность получала информацию и раньше. Но только теперь — и опять-таки впервые в истории высших звеньев государственной власти — миллионы людей «вошли» в Овальный зал в здании Правительства в Кремле. Они увидели, как оно работает, услышали, в каких острых дискуссиях проходит обсуждение наиболее важных вопросов, узнали, насколько взвешенно принимаются решения, непосредственно касающиеся их интересов, жизни страны.

Не менее важно и то, что руководители самого высокого ранга и другие участники заседаний, проходивших под пристальным глазом телекамеры, острее почувствовали свою ответственность перед обществом, перед народом. У меня сложилось тогда вполне отчетливое впечатление, что участники заседаний Правительства стали готовиться к обсуждению проблем основательнее, что выступления и дискуссии проходили более принципиально, что все стремились донести до миллионов телезрителей свою точку зрения на те или иные вопросы. Возможно, кто-то и боялся назвать вещи своими именами, не хотел выносить на всю страну сор из своей ведомственной избы, но плюсы от такой формы работы явно перевешивали подобные издержки.

А возьмите, скажем, такой прием: на заседании глава Правительства публично поручает кому-то из своих заместителей или министров решить волнующий людей вопрос — например, ликвидировать заторы в портах и на железнодорожных узлах и в

строго определенный срок доложить об этом Совмину, а также выступить по телевидению с отчетом перед общественностью о результатах своих действий. Представляете себе, насколько эффективнее работали все, кому предстояло отвечать за выполнение поручения не только перед Правительством, но и перед всей страной?!

Возможно, эту книгу прочтут не только те, кто помнит наше стремление сделать работу Правительства открытой для населения, понятной ему. Поэтому поясню. Конечно, мы не могли в «Репортаже с заседания Совета Министров СССР» воспроизвести слово в слово все многочасовое заседание. Но к чести тогдашних работников Центрального телевидения скажу, что они умели мастерски выжать из каждого выступления все самое главное, сохранить, как писала одна из газет, порой нелицеприятные для некоторых участников заседания кадры и передать атмосферу, в которой оно проходило. И буквально на следующий день все желающие уже видели и слышали, что и как обсуждалось в Совете Министров и какие решения были им приняты.

А желающих, судя по откликам, были многие миллионы: эти передачи смотрела вся страна, как почти через год стала по ночам смотреть репортажи с заседаний Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. С заседаний же ЦК и Политбюро до самого конца их существования подобной передачи так и не было. У меня осталось впечатление, что Горбачев, провозгласив гласность, боялся ее — подлинной, не фальсифицированной — больше всего. Недаром после первой нашей передачи, о которой я упомянул чуть выше, он весьма недовольным тоном сказал мне: «Так вы что там, уже совсем разделись перед телекамерой?!»

Однако, несмотря на подобное отношение со стороны Генсека и его окружения, мы не отступали от линии на все большую открытость в деятельности Правительства. Это ставило его под контроль народа, укрепляло связь с ним. Но, как и всякое сильное средство, мы использовали гласность в нашей работе достаточно осторожно, тщательно выбирая для телевизионного показа обсуждение именно самых крупных вопросов жизни страны, в том числе тех, по которым существовали различные точки зрения.

Например, много жарких и даже жестких споров было в обществе по поводу строительства канала Волга-Чограй. На заседание Президиума Совета Министров, обсуждавшего эту проблему в апреле

1989 года, были приглашены ученые, специалисты сельского хозяйства, мелиораторы, руководители органов Советской власти на местах и ряда ведущих государственных учреждений. И, конечно, пресса, в том числе телевидение. Люди из первых уст узнали аргументы за и против этого строительства, поняли, что вынесенное Правительством решение о приостановке работ на канале — единственно верное.

Возникали ситуации и посложнее. Всем памятли первые волнения в угледобывающих районах. Шахтеры работали и жили (как, впрочем, и поныне) действительно в тяжелейших условиях, которые явно не компенсировались уровнем их заработной платы и степенью социальной защищенности. Между тем в стране начала осуществляться хозяйственная реформа, стало ощущаться реальное движение к большей экономической свободе, самостоятельности. Этим не преминули воспользоваться некоторые и особенно — новые экономические структуры, где труд был несопоставимо легче шахтерского, а заработная плата неоправданно высока по сравнению с реальным вкладом в национальный доход. Все это происходило на фоне возрастающих трудностей в снабжении населения некоторыми товарами широкого потребления и продовольствием, постоянно возникающих, а точнее — во многом целенаправленно создаваемых силами, заинтересованными в дестабилизации обстановки. В общем, костер разгорался и по объективным, и по субъективным причинам. Он искусственно и искусно раздувался политиками, рвавшимися любой ценой к власти.

В таких условиях шахтерам и Правительству нужен был абсолютно честный взгляд на реальное положение вещей, нужна была правда. И думаю, что с этой точки зрения стали очень важными встречи представителей всех шахтерских регионов со мной и некоторыми другими членами Правительства. Наиболее масштабная из них состоялась 17 ноября 1989 года в Кремле, в зале заседаний Верховного Совета СССР, в ходе которой удалось договориться по многим вопросам. И опять — подробный, полуторачасовой объективный показ ее по Центральному телевидению.

Написал я эти строки и поймал себя на мысли о том, как же тесно, неразрывно связана в современном мире проблема государственного управления с информацией, гласностью, постоянным учетом

настроений населения! И мы, с каждым днем острее чувствуя это, всячески поддерживали практику всенародного обсуждения самых сложных вопросов хозяйственной и общественной жизни в прямых телевизионных передачах цикла «Проблемы — поиски — решения», проходивших с участием заместителей Председателя Совета Министров и министров, известных ученых. Вместе с телезрителями, для которых было предоставлено 20 телефонов в телестудии, они обсуждали вопросы развития ведущих отраслей экономики, проекты важнейших государственных решений и законов. В годы работы нашего Правительства людей интересовали проблемы собственности в СССР, соотношение прав и обязанностей общесоюзного Центра и республик, качество продукции и защита потребителя, различные аспекты совершенствования хозяйственного механизма, социальной и правовой защиты населения, вопросы экологии, развития науки, образования и культуры и т. д. Ведущим этих передач был известный политический обозреватель Лев Александрович Вознесенский.

Результаты таких обсуждений не растворялись бесследно в телеэфире: все вопросы, как и письма, поступавшие в ответ на каждую передачу, тщательно группировались и передавались для изучения и рассмотрения в заинтересованные министерства и ведомства. Это была большая и очень полезная для всех звеньев управления работа.

Жизнь, нараставшие требования и острота событий в обществе постоянно требовали от Правительства столь же динамичных изменений как в области собственно управленческих решений, так и в области информации. Поэтому, в частности, мы пошли на то, чтобы члены Президиума Совета Министров, несмотря на всю их занятость, изыскивали возможность для выступлений в новой телевизионной рубрике «Актуальное интервью». Это была регулярная ежемесячная передача, в рамках которой обществу давался своеобразный отчет о том, что Правительству удалось реально сделать для улучшения положения дел в народном хозяйстве, анализировались и разъяснялись вопросы текущей экономической политики.

Настал, однако, день, когда и мне пришлось включиться в эту работу. Я почувствовал — из писем, поступавших в Совет Министров, из встреч с жителями разных регионов, где я бывал в то время в служебных поездках, из контактов с представителями трудовых коллективов, с журналистами, что люди ждут ответов на мучившие их

вопросы прежде всего от главы Правительства. И я принял решение еженедельно выступать самому по Центральному телевидению.

Скажу прямо, это оказалось нелегким делом. Оно требовало не только тщательной подготовки к каждой передаче (мы назвали этот цикл «В Правительстве СССР»), но и определенной психологической ломки: я почувствовал, что отвечать на вопросы корреспондента перед телекамерой намного труднее, чем, скажем, на заседании, когда ты видишь глаза его участников и чувствуешь их реакцию. К тому же эти передачи не могли быть слишком длинными, и фактор времени — необходимость рассказать о проблемах и просто, и содержательно, и вместе с тем кратко — поначалу заметно сковывал меня. Но уже после первого выступления, когда я пытался придерживаться заранее отработанного, отшлифованного текста, мне стало ясно: только живой разговор, на глазах у телезрителя рождаемый, дойдет до его разума и сердца, даже если в речи будут какие-то шероховатости. Их простят, несмотря на погрешности формы, если будет честное и глубокое содержание. С тех пор я взял за правило не связывать самого себя своим же текстом, а всегда иметь перед собой лишь план выступления и основные цифры.

На передачи цикла «В Правительстве СССР» поступали многочисленные отклики — от публикаций в печати до личных писем в мой адрес. Приведу небольшие отрывки из этой почты.

«Хотела бы поблагодарить телевидение, позволившее вот так, что называется, с глазу на глаз, встретиться с главой нашего Правительства. Все-таки есть разница, когда Н. И. Рыжков выступает с докладом перед депутатами и когда слушаешь честный и доходчивый разговор о нашем положении. Побольше бы таких встреч» (Н. Гуляева, Москва).

«Я, инвалид Великой Отечественной войны, пенсионер, прослушал два Ваших последних выступления по Центральному телевидению и был восхищен Вашим мужеством в последовательном отстаивании идеи перестройки в нашей стране в пользу Советского народа. Держитесь и дальше так! Простые люди на Вашей стороне» (Н. А. Овсянников, Саранск).

«Не сдавайтесь, Николай Иванович! Народ видит, кто есть кто. Продолжайте Ваши передачи по телевидению, больше конкретики» (М. И. Боровкова, Нальчик).

«Хочу поблагодарить Вас за защиту нашу, за адскую работу и за сверхтерпение от нападков карьеристов. И еще один маленький совет: построже с экрана на все наше разгильдяйство!» (В. Н. Гапшене. Алитус).

«В последнее время у нас появилась очень даже необходимая программа — передача «В Правительстве СССР». Ни одно письменное обращение, ни одно постановление не дает такую положительную отдачу, как живое слово, обращение прямо к людям. Пусть Н. И. Рыжков, занятый многочисленными проблемами сегодняшнего дня, не жалеет этих минут для нас. В его выступлениях постоянная забота о всех людях, искреннее стремление сделать нашу жизнь лучше, найти выход из трудного положения, в котором находится наша страна. Мы это видим, чувствуем и очень ему за это благодарны, так ему и передайте. И еще желаем ему доброго здоровья, выдержки и терпения» (М. П. Ладыгина, Щучинск).

Чувствую, однако, что пора остановиться в этом цитировании, которым мне хотелось передать реакцию людей из всех уголков Союза на прямое обращение к ним. Эти отклики, в которых содержались, конечно, и критика положения дел в стране и тех или иных шагов Правительства, и конструктивные предложения, являлись для меня огромной моральной поддержкой в то трудное время, и в душе моей по сей день живет искренняя благодарность их авторам.

Рассказываю я об этом не только потому, что в памяти свежи воспоминания о моих первых «профессиональных» шагах на телевидении, но, главным образом, потому, что любая мысль о прошлом невольно выводит меня вновь и вновь на размышления о настоящем и будущем. И думаю я: за эти годы многие поднаторели в публичных выступлениях, в политику пришли люди с хорошо подвешенным языком, с умело приклеенной улыбкой на губах. Но как же бесцеремонны эти говоруны по отношению к телезрителям и радиослушателям, которые становятся жертвами политиканского, по сути своекорыстного краснобайства! И если Козьма Прутков учил: «Не верь глазам своим!», то ныне, в эпоху господства электронных средств массовой информации, он бы, наверное, изрек так: «Не верь ушам своим!»

Как же труден путь честной политики в стране, где целые пласты народа не научены и даже отучены мыслить самостоятельно по

вопросам экономики, политики, идеологии! Как еще много людей, не способных за яркой словесной оберткой увидеть историческую фальшь, теоретическое убожество, неприкрытый популизм! Никого не виню в этой интеллектуальной инфантильности, а лишь думаю, сколько труда еще предстоит положить обществу, чтобы воспитать поколения, которых никто, никакие политические наперсточники не сумеют обмануть и повести за собой в никуда, в пропасть...

Обратимся, однако, вновь к теме этой главы. Я начал с рассказа о нашем сотрудничестве с телевидением и радио. Но, конечно, мы не пренебрегали и печатью. Журналисты, работавшие в основных газетах, постоянно приглашались на важнейшие, наиболее интересные для народа заседания Совета Министров и его Президиума. В считанные часы в Правительстве готовились достаточно емкие информации, в которых мы старались сохранить и аналитичность, и критичность, и остроту обсуждения проблем. Материалы срочно направлялись в ТАСС (напомню — Телеграфное агентство Советского Союза) для обнародования в вечерних изданиях этого или утренних следующего дня.

Руководители Правительства в эти годы постоянно участвовали в, как мы их называли, «Встречах с прессой». Результаты этих встреч не только публиковались в печати, но и передавались в тот же день по телевидению и радио. Особенно памятны ежедневные такие встречи в Армении, после постигшего ее трагического землетрясения в декабре 1988 года. На них собиралась вся пресса — советская и зарубежная, и руководители Совмина, министерств и ведомств сообщали журналистам самые последние сведения, отвечали на множество острых — иными в той обстановке они и быть не могли — вопросов. Этот опыт был использован и в дальнейшем. Встречи проходили, как правило, раз в две недели, а при необходимости и чаще.

По просьбе главных редакторов ряда газет и журналов я стал приглашать примерно двадцать руководителей средств массовой информации к себе, в Кремль, на так называемый «Час прессы». Чаще всего он, конечно, выходил далеко за рамки «часа», но я не жалел этого времени. За чашкой чая или кофе шел откровенный обмен мнениями по самым разным вопросам жизни страны. Скажу вполне искренне, я получал от такого общения не меньше пользы, чем, надеюсь, мои гости. К сожалению, эти встречи из-за моей все возрастающей

занятости и «задерганности» срочными проблемами были не так регулярны, как хотелось, но они все же помогали уточнять и сближать позиции «сторон», находить определенное взаимопонимание.

А это с каждым днем становилось все более необходимым. Усилиями дестабилизаторов, начиная с вечно неустойчивого Горбачева, озабоченного сверхзадачей собственного самосохранения в качестве лидера партии и государства, экономика, социальная сфера, политика и идеология шли вразнос. Пора было искать «мальчика для битья», на которого можно было бы свалить всю ответственность за свои, мягко говоря, промахи. Впрочем, его и искать не надо было: им могло быть только Правительство, отвечавшее за состояние дел в основной сфере жизни — в экономике. Хотя крупнейшие решения принимались в Политбюро, а впоследствии в президентских структурах, но ответственность за их выполнение возлагалась лишь на органы исполнительной власти.

При полной монополии ЦК на средства массовой информации, как я уже говорил, Правительство своих печатных изданий, теле— и радиопрограмм не имело, и мы были вынуждены всячески маневрировать, чтобы наш голос вовремя и без искажения был услышан общественностью. Положение усугублялось тем, что идеологическая монополия Горбачева, Яковлева и К° сопровождалась полнейшим попустительством и прямой их поддержкой тех органов массовой информации, которые занимали откровенно антиправительственную позицию, вплоть до систематической травли Совмина. Особенно преуспели в этом отношении газеты «Социалистическая индустрия» — орган ЦК КПСС и «Московский комсомолец». И с каждым днем становилось очевиднее, что откровенное натравливание прессы на Правительство являлось прямым следствием все более полного слияния интересов Горбачева и его группы с интересами деструктивных сил.

Правительству как воздух нужен был свой рупор, свой печатный орган. И мы приняли решение создать газету — «Правительственный Вестник», тем более что такое издание существовало после Февральской и какое-то время после Октябрьской революций. Но, Бог мой, какую же драку мне, члену Политбюро, пришлось выдержать тогда из-за этого издания с клеветом Горбачева В. Медведевым (прошу не перепутать его с вполне порядочным «человеком за

спиной»)! По всем параметрам пытались они, вкупе с Идеологическим отделом ЦК, свести газету чуть ли не к какому-то служебному листку. Обкорнали все, что смогли, затормозили выпуск месяца на четыре — но все же новый, 1989 год мы встретили со своей газетой.

В моем обращении к читателям, опубликованном в ее первом номере, было, в частности, отмечено, что «с демократизацией политической системы, углублением радикальной реформы экономики возрастает потребность в расширении гласности в сфере государственного управления, в регулярном информировании общественности о деятельности Правительства. В этом — главная задача нового издания».

Создавая газету, мы исходили из того, что порой люди неоднозначно, а то и превратно трактуют суть тех или иных процессов и событий в социально-экономической жизни. Доходчиво знакомить читателя с официальной точкой зрения, раскрывать суть и значение принимаемых решений было основной задачей нашего издания.

Мы хотели с его помощью дать, говоря словами моего обращения, представление о том, как готовятся и принимаются правительственные решения. «За каждым из них стоит обобщение огромного массива информации, практического опыта, их тщательный анализ, столкновение мнений, учет множества обстоятельств. Через репортажи с заседаний Совета Министров СССР и наиболее важных заседаний его Президиума вы узнаете, как работает сложный механизм принятия решений, почему победила та или иная точка зрения, чем при этом руководствовались».

Через эту газету читатели смогут принять участие в обсуждении государственных вопросов, своими предложениями, идеями оказать влияние на работу правительственных органов, оценить их деятельность».

И нужно сказать, что в какой-то мере газета эти надежды постепенно стала оправдывать. В ней выступали члены Президиума Совета Министров, министры, производственники, специалисты, крупные ученые, представлявшие различные сферы знаний. У газеты появился свой круг подписчиков и читателей.

Конечно, я понимал, что появление «Правительственного Вестника», пробивая еще одну брешь в информационно-пропагандистской монополии ЦК, не решает все же проблемы

достаточно широкого, самостоятельного выхода Совмина и других высших органов исполнительной власти на общественность страны. Поэтому я направил в Политбюро записку, в которой совершенно четко поставил вопрос: почему, когда соотношение ветвей власти меняется в демократическом направлении, все газеты, как и другие средства массовой информации, продолжают находиться в руках ЦК партии? Я предложил передать часть газет в ведение Совета Министров и ряда других высших звеньев государственного управления. Например, Госстрой мог бы иметь свой орган — «Строительную газету», машиностроительный комплекс — «Социалистическую индустрию», Госплан или Совмин — «Экономическую газету», Минсельхоз — «Сельскую жизнь» и т. д. За Центральным же Комитетом надо было оставить газеты и журналы партийного, общественно-политического, идеологического характера. Это же гигантская сфера работы, огромный круг проблем!

Казалось бы, идея вполне разумная, тем более что эту акцию я предпринял после XIX Всесоюзной партийной конференции, где было прямо сказано: партия отраслевыми хозяйственными проблемами заниматься не будет и в соответствии с этим даже ликвидируются отраслевые отделы ЦК КПСС. Поддержки в Политбюро я не получил. Видимо, слишком глубоко въелось в плоть и кровь Горбачева, Яковлева, Медведева и им подобных убеждение в том, что на истину должна быть их монополия, что людям достаточно знать только ту правду, какую отмерят им чиновники от идеологии.

Сказались здесь и другие факторы. Не перечисляя их, назову единственный, но далеко не последний: Горбачев всегда ревниво относился к Правительству, к тому авторитету, который был у Председателя Совета Министров и ряда его заместителей. Мы видели, что возрастающая и более самостоятельная роль Совмина в обществе раздражала Генсека все сильнее и сильнее. Ему был нужен карманный премьер, механический исполнитель его воли. И нужно прямо сказать, что Генсек не упускал случая перехватить у Совмина и у меня любые политически значимые инициативы.

Приведу лишь один пример. Главный редактор «Труда» обратился ко мне с просьбой встретиться с 15–20 рабочими — наиболее активными читателями газеты, которые хотели бы «обсудить ряд особо острых, актуальных проблем жизни трудовых коллективов, высказать

свой взгляд на ход перестройки, на пути решения возникших социально-экономических вопросов». Запись беседы предполагалось опубликовать в газете, выходившей в то время тиражом 20 миллионов экземпляров. Я был готов провести такую встречу, поскольку понимал, что откровенный разговор с рабочим классом в это время был крайне необходим. Однако по тогдашним правилам я, как член Политбюро, должен был проинформировать Генсека по этому поводу. На моей записке Горбачеву, направленной в январе 1989 года, тот начертил: «Николай Иванович! Поскольку есть планы о беседе в ЦК (и поскольку уже я распорядился готовить ее после городской конференции, где нас покритиковали), то я за ответы на вопросы. А с рабочими встретимся».

И действительно встретились — с опозданием месяца на три-четыре, хотя ложка, как известно, дорога к обеду. И к тому же встреча получилась практически бессодержательной: Горбачев умел и любил слушать только самого себя. Как обычно, он утопил попытки анализа и критики со стороны выступавших в потоке собственного словоизвержения, и никакого влияния на положение дел встреча не оказала.

Так что борьба за гласность, открытость политики, прежде всего — экономической, шла в разных формах с переменным успехом. Там, где могли, мы принимали самостоятельные решения. Скажем, в Совмине был отменен существовавший десятки лет запрет на выступления в прессе его работников без согласования с руководством. В 1990 году выпустили две очень серьезные книги — «Экономическая реформа: поиск решений» и «Трудный поворот к рынку». Думаю, они полезны и сейчас. Подготовили к выходу в свет книгу «Советское Правительство: кто есть кто». Одна за другой появлялись шедшие нарасхват тематические брошюры с официальными документами по волнующим широкий круг людей проблемам.

В связи с моим отчетом XXVIII съезду КПСС 485 делегатов задали мне около 600 вопросов. Мы долго ломали головы над тем, что же делать с ними? Отвечать на каждый — понадобится два дня заседаний, не меньше. И тогда, по-моему, впервые в практике таких форумов были даны ответы на все вопросы в оперативно подготовленной брошюре, которая была роздана каждому делегату Съезда.

Немало моих выступлений, интервью было опубликовано в зарубежных газетах и журналах, показано в документальных телефильмах и передачах. Особенно тепло вспоминаю о состоявшейся в марте 1989 года беседе с 33 женщинами, представлявшими двадцать стран и являвшимися членами Московского международного пресс-клуба журналисток. Это был удивительно искренний с обеих сторон и содержательный разговор.

Работники Совета Министров принимали участие в международных конференциях по проблемам гласности, демократизации страны. Информация о том, что и как делалось для этого в Совете Министров СССР, по доходившим откликам, воспринималась с огромным интересом и уважением, тем более что многие формы работы в этом направлении в высших государственных органах других стран не применялись. Отдел информации посещали послы и пресс-атташе ряда иностранных представительств в Москве, зарубежные деловые люди. Советские и иностранные корреспонденты получали в Отделе информацию по волнующим их вопросам — в кризисные дни такая телефонная «горячая линия» работала с утра до ночи. В аппарате Правительства появились первые факсы и другие современные средства оперативной передачи и поступления информации. Было подготовлено помещение для встреч руководителей и специалистов Совмина с корреспондентским корпусом, разработан план создания собственной мощной издательской базы, теле- и радиостудий и т. д.

Понимая, что гласность «работает» только тогда, когда она проникает повсеместно, мы использовали любые возможности для ее поддержки и распространения. Так, Совет Министров принял решение внести от имени Советской Стороны предложения по расширению гласности в деятельности Совета Экономической Взаимопомощи. Они были представлены руководящим органам СЭВ осенью 1988 года. К сожалению, на реализацию этих предложений ход событий в социалистических странах Восточной Европы нам времени уже не оставил.

Иногда приходилось решать и вопросы, входившие, казалось бы, в компетенцию ЦК. Так случилось, в частности, в том же году, в период подписной кампании на газеты и журналы. Это было время, когда изголодавшиеся по гласности и открытости люди жадно поглощали

любую информацию из всех доступных им источников. И вдруг из-за резко возросшей потребности в бумаге были введены ограничения в подписке на 44 популярных в то время издания. Волна возмущения в связи с этим не шла ни в какое сравнение с недовольством от перебоев в снабжении стиральным порошком и даже сигаретами. Судя по письмам в Правительство, в органы информации, люди восприняли лимитирование подписки как «заслон гласности», покушение на нее, на демократию, на перестройку. Проблема быстро приобрела остро политический характер. Нам пришлось срочно вмешаться в сложившуюся ситуацию. Совет Министров тщательно изучил ее, изыскал дополнительные ресурсы бумаги, разработал меры по увеличению ее выпуска и обязал Министерство связи и Комитет по печати снять ограничения в подписке на 1989 год. Обстановка разрядилась — читатели получили приглянувшиеся им издания.

Так было всего пять лет назад. А что сейчас они, эти читатели, стали ли чаще выписывать газеты и журналы после «победы демократических сил»? Сравним данные по России за 1990 и 1993 годы. Число журналов и других периодических изданий уменьшилось более чем на треть, их годовой тираж сократился в 12 раз. Это ли не выражение деградации гласности, информированности населения, демократии на словах и антидемократизма на деле? Ну а современный метод решения этой проблемы, как и многих других, самый простой и наиболее эффективный — экономическая удавка на шеях и читателей, и издателей.

Словом, из уже сказанного достаточно ясно, что прокладывать первыми пути гласности, прививать демократические начала в деятельности государственных структур было непросто. И нужно сказать, что ситуация осложнялась для нас не только нежеланием ЦК потерять монополию на управление средствами массовой информации. Не меньшие, а может быть, даже и еще большие трудности испытывали мы в проведении линии на открытость для общества из-за деструктивной позиции тех, кто ставил своей задачей любыми средствами перечеркнуть все, связанное с советской эпохой жизни страны. Добавьте к этому набирающие силу и темп политические потрясения и изменения. Все более очевидное бессилие высших управленческих структур в стране — ЦК, Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, не говоря уже о Президенте, — создавало

тяжкую атмосферу, в которой приходилось работать Правительству, министерствам и ведомствам, местным органам власти по управлению народным хозяйством.

С учетом всех этих обстоятельств Правительству нужна была, во-первых, буквально ежедневная, если не ежечасная, информация о публикациях в печати, на телевидении и радио, чтобы иметь возможность сразу же реагировать на биение пульса общественного мнения. Во-вторых, необходимо было объединить разные каналы и формы информации, поступавшей в Совмин, резко повысить уровень ее анализа. Исходя же из него следовало срочно вырабатывать меры активного противодействия курсу на разрушение существующего общественного строя.

Чтобы решить эти задачи и перейти в контрнаступление, нужно было иметь свой мощный аналитический и информационно-пропагандистский центр.

Кстати, еще на первых этапах работы нашего Отдела информации мы попросили ТАСС изучить вопрос о том, что представляют собой информационно-аналитические службы в правительствах разных стран, и получили очень интересные и полезные материалы. Оказалось, подобные структуры с широчайшими финансовыми, техническими и другими возможностями для всей системы государственного управления и ее связи с общественностью давным-давно функционируют во всех маломальски развитых странах. Во многих из них утро глав правительств начинается с изучения подготовленной, обработанной за ночь наиболее важной информации и выдачи соответствующих распоряжений органам управления.

В быстро осложнявшейся обстановке пришлось сначала ограничиться выполнением программы-минимум: сотрудники нашей информационной службы делали все, чтобы к девяти на столе у Председателя Совмина лежал обзор основного содержания газет и журналов всех политических направлений и передач телевидения и радио. Такие весьма квалифицированные обзоры прессы помогали ориентироваться в постоянно менявшемся круговороте событий, и я поручил своему Секретариату рассылать эти материалы всем моим заместителям для практического использования в работе.

Это была лишь первая и малая часть того, что мы наметили для решения информационно-пропагандистских задач, которые

Правительству во все большей мере приходилось брать на себя. Но создать действительно мощную, технически оснащенную структуру, которая смогла бы противодействовать все более нагнетаемой рвавшимся к власти «демократами» волне тотальной лжи и истерии, с помощью чего они вели (и, увы, привели) народ, общество, страну на заклятие, мы не смогли. Не успели.

И здесь я должен повиниться не только перед читателями, но, может быть, и перед самой Историей. Дело в том, что, отдавая себе полностью отчет в необходимости занять Правительству более самостоятельную позицию по многим вопросам жизни общества, в то же время я все же не преодолел до конца в собственной душе комплекса дисциплинированного члена партии, который, как и другие коммунисты всех поколений, считал себя обязанным безоговорочно поддерживать линию и решения ЦК. Будучи членом Политбюро, я выполнял его коллективные решения, указания Генерального секретаря и не выносил без крайней необходимости наши разногласия с ним на суд общественности. Читатель вправе спросить: а как же борьба за гласность? Увы, в жизни прогрессивные тенденции, все общественные закономерности пробиваются и укрепляются через преодоление противоречий, в том числе в сознании и поведении каждого человека.

Все эти — большие и малые, объективные и субъективные — факторы переплетаются причудливо и порой играют роль поистине роковую. Так произошло и с нашим намерением создать правительственную службу, способную противостоять антигосударственной, антинародной идеологии, насаждаемой современными геростратами. Как только я пришел к выводу о необходимости такого решения, я тут же — это было в середине 1990 года — распорядился подготовить проект Постановления о создании Комитета информации Совета Министров СССР. Вскоре он был мне представлен. Сформулированные для Постановления основные задачи Комитета состояли, говоря обобщенно, в широком ознакомлении средств массовой информации и всей общественности страны с деятельностью Правительства СССР и его социально-экономической политикой. Не менее важной задачей было получение разносторонней оперативной информации от центральных, республиканских и местных органов государственного и хозяйственного управления и ее

обобщение. Намечалось создать надежную систему анализа выступлений в прессе по актуальным проблемам социального и экономического развития, состояния общественного мнения.

За всем этим стояла идея организации такой структуры, которая позволила бы Правительству перейти от обороны к широкому и активному наступлению на антисоветские, антисоциалистические, антигосударственные, антинародные силы. От этого зависела и судьба программы достаточно плавного, максимально безболезненного для общества перехода к регулируемой, социально ориентированной рыночной экономике, а значит — судьба страны.

Проект такого Постановления я направил в свой Секретариат для подготовки к обсуждению Президиумом Совета Министров. А затем он... как бы растворился в атмосфере кабинетов и коридоров здания Правительства. Несколько раз напоминал я своим, как мне казалось тогда, проверенным совместной работой помощникам об этом документе, требовал ускорить его обсуждение, получал заверения в полной готовности к этому, но, задавленный текущими событиями, так и не довел дело до конца. И только позднее, вспоминая ход событий, понял: это был совершенно сознательный саботаж, как уже сказано, жизненно необходимого и для самого Правительства, и для страны решения.

Теперь уже неважно, чем руководствовались те два-три человека, которые сумели проделать это. То ли они, донеся кому-то из партийных «боссов» о нашем намерении, выполняли их указание, то ли получили многообещающие предложения от лидеров оппозиции, то ли и то и другое совпало?.. Так или иначе, но, не совершив более решительного, смелого поворота Правительства к самостоятельной, полномасштабной политической и информационно-пропагандистской работе, мы проиграли схватку, по существу не вступив в нее. Наверное, в той ситуации мы не сумели бы полностью нейтрализовать психологическую диверсию «демократов», окончательно остановить процесс разрушения общества и страны. Но нужно было помочь огромным массам людей сбросить с глаз пелену всеохватывающего обмана, показать его подлинные цели и ужасающие последствия. А сделать это было вполне реально, создав совместно с ЦК партии и Верховным Советом свои каналы на Центральном телевидении и Всесоюзном радио. Ведь именно там, прежде всего, и формировался

насквозь лживый образ Советского государства, попирались исторические достижения общества, обгаживались отечественные святыни и нравственные ценности народа. И никакого противовеса этой циничной вакханалии не было! Так стоит ли после этого удивляться состоянию умов многих избирателей в те годы? Воистину, лучший метод обороны — наступление, но мы потеряли время. И вместе со своим тогдашним «полководцем» потерпели всей страной поражение в борьбе действительно исторического значения. Плюрализм мнений, который мы так пестовали, сыграл свою роковую роль. Помню, в те дни только на телевидении было пять (!) открыто оппозиционных передач. А сколько их в условиях «торжества демократии»? То-то... И все же, подводя итоги нашей работы над развитием демократических начал в деятельности Правительства, я с чистой совестью могу сказать: в целом, при всех наших недостатках и промахах, оно испытание гласностью выдержало и, более того, положило начало ее проникновению в другие властные органы страны. Наш опыт, документы, определяющие задачи и функции, формы и направления работы, легли в основу организации подобных информационных структур во всех ветвях и на всех уровнях государственной власти.

Пожалуй, после такой исповеди мне в этой главе остается лишь поделиться своими выстраданными размышлениями о роли гласности в судьбе перестройки и самой страны.

Конечно, переход к гласности, как одной из важнейших и неотъемлемых характеристик демократии, был исторически необходим и неизбежен. Но, как убедительно показал опыт перестроечного и постперестроечного периодов, результат ее «деятельности» в обществе может быть диаметрально противоположным. Он напрямую зависит от того, в каких руках находятся средства ее реализации, прежде всего — телевидение, радио, печать. В чистых, порядочных — и гласность превращается в целительный скальпель, отсекающий умершие или больные ткани общественного организма, дающий простор развитию новых, здоровых элементов. В грязных, преступных — и она становится примитивной дубиной, способной только разрушать и уничтожать все вокруг, не различая хорошего и плохого, устаревшего и перспективного.

Гласность внесла в жизнь общества колоссальные изменения. С ее помощью была подорвана и даже разрушена во многом тогдашняя официальная идеология. Дело в том, что, несмотря на ее логичность, стройность и тотальную распространенность, у нее была своя ахиллесова пята — все более нарастающий догматизм. Эта идеология покоилась на устаревших во многом или односторонне отобранных и не всегда объективно характеризующих фактах. Ей были присущи слишком робкое, все больше отстававшее от быстро изменяющейся действительности развитие теоретической базы, слабая связь с современной практикой, с объективными потребностями новой эпохи жизни человечества вообще и тем более — мира социализма.

Гласность же выплеснула, выбросила в интеллектуальный оборот множество неизвестных или малоизвестных фактов, позволила людям узнать различные точки зрения. В этом состояла ее сила, хотя она, гласность, и не принесла с собой никакой сколько-нибудь вразумительной теории, которая помогла бы правильно оценить эти факты и взгляды. И все же именно гласность раскрепостила умы миллионов и заставила огромную часть народа думать более самостоятельно, не обязательно только так, как предписывалось «сверху». Вот эта возросшая самостоятельность мышления и есть, на мой взгляд, главное достижение, которое принесла с собой гласность. Она стала живительным кислородом, без которого были бы невозможны никакие другие перемены в обществе и от которого, вместе с тем, закружились, затуманились головы даже у весьма, казалось бы, просвещенных людей.

Однако только этими издержками дело не ограничилось. Выяснилось, что гласность может стать и угарным газом, способным незаметно, но быстро отравить не только разум отдельного человека, но и в значительной мере — общественное сознание. Для этого деструктивным силам нужно было совсем немного: захватить в свои руки средства массовой информации, прежде всего телевидение и радио, создать атмосферу идейной и нравственной вседозволенности и под флагом плюрализма мнений, гласности, свободы слова обрушить на страну поток грязной лжи, циничного обмана и примитивной по существу, но броско поданной демагогии. На головы людей посыпались абсолютно несбыточные клятвы и обещания. И вот такого дешевого коктейля оказалось достаточно, чтобы в кратчайшие сроки

стали — пусть меня простят читатели за эти термины — буквально оболваненными, зомбированными огромные массы людей, включая значительную часть интеллигенции. А ведь Ленин был тысячу раз прав, когда писал, что истинно интеллигентный человек никогда ничего не возьмет на веру, что любое явление он обязательно пропустит через свой критический разум.

Правда, в последнее время большинство тех, кто слепо пошел за новыми лжепророками, почерпнувшими всю свою «мудрость» в основном у их западных наставников, во многом опомнилось и проклинает российских последышей Геббельса (помните: чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее поверят?). Но это не мешает мутному и дурно пахнущему потоку клеветы, грязи, обмана с помощью всех средств массовой информации по-прежнему изливаться на головы народа. «Народ безмолвствует», как сказал классик. Но почему?

На мой взгляд, прежде всего потому, что всем своим историческим прошлым люди в подавляющем большинстве не подготовлены к самостоятельному политическому мышлению и поведению. В такой ситуации любой демагог, в соответствии с буквальным смыслом этого греческого слова, может стать, пусть на время, «вождем народа». Так что благодарить за нынешнее состояние умов и общества в целом надо в первую очередь яковлевых, медведевых и иже с ними, всячески втискивавших мировоззрение миллионов людей в жесткие рамки, видя в человеке лишь частицу общегосударственной машины, а не самостоятельную Личность.

Не буду, однако, преуменьшать этим историческим экскурсом «заслуг» и нынешних пастырей народа. Уничтожение еще недавно великой, тысячелетней державы, массовое обнищание, социальная незащищенность людей, чудовищное выхолащивание истории страны, глубокая деградация образования, всей культуры — в этих условиях народ, за малым исключением, может думать лишь о физическом выживании. Впервые за многие десятилетия люди потеряли уверенность в завтрашнем дне, в будущем своих детей и внуков. Народ потрясен масштабами и глубиной разрушения экономики и других сфер жизни общества. И все больше городских и сельских жителей понимает, что нынешнее падение уровня жизни неизбежно и

неостановимо на путях дикой, антиправовой, криминальной капитализации страны, проводимой теперешними властями.

А в это время вопреки фактам повседневной жизни миллионам, скатывающимся в ряды безработных или месяцами не получающим даже скудную, чаще всего, заработную плату, волны эфира и печать несут бесчисленные уверения в том, что все хорошо, что вот-вот наступит рай, в котором тысячи новых буржуа станут чуть ли не из собственных рук кормить миллионы новых обездоленных. Люди все отчетливее понимают, что эти сказки — циничная ложь халифов на час, стремящихся любой ценой уйти от ответа перед оскорбленным, ограбленным, униженным народом.

Ну а где же гласность, демократия, под знаменем которых общество шло на социалистическую перестройку, а затем было повернуто на капиталистическую перемолку? За ненадобностью и даже вредностью для теперешних властей эти институты выброшены на свалку, хотя приличия ради на словах их еще используют в качестве фигового листка, прикрывающего срамоту происходящего. Сомневающиеся — прочитайте лишний раз авторитарную ельцинскую Конституцию и посмотрите, что осталось там от прав трудящегося человека! Припомните, в каких «высокоразвитых» странах и на каких континентах президенты единолично отменяли Основные законы и расстреливали из орудий неудобные им парламенты. Подумайте и над тем, много ли нынче цивилизованных государств, где всем известные воры и мошенники, пробравшись на вершины власти, продолжают безнаказанно высасывать последние соки из страны и народа, набивая за их счет собственные карманы.

Все это возможно лишь тогда, когда демократия и прежде всего гласность превращаются в фикцию. Ведь гласность по самому смыслу своему предполагает публичное выражение различных точек зрения, вынесение на свет божий не только удобных тем или иным силам фактов, открытое и массовое их обсуждение. В нашей же стране сегодня у оппозиции нет ни одного, даже самого узенького канала регулярной и неподконтрольной информации ни на телевидении, ни на радио, а ее газеты душат экономически и административно, в критические же моменты прихлопывают вообще. Пропагандистские органы формирования общественного мнения хотели бы окончательно сделать из нас зомби: они внушают нам, что все должны думать так,

как они. И многие люди начинают принимать за истину любой идиотизм.

Да, сегодня народ в основном аполитичен. Он не верит циничным журналистам и политикам, краснобайствующим псевдоинтеллигентам, не верит дискредитировавшим себя якобы демократическим средствам массовой информации. И эта аполитичность — во многом форма инстинктивной самозащиты от их тлетворного воздействия. Массы устали не столько от политики, сколько от лжи, грязи и крови, от того, что людьми манипулируют на потребу очередным претендентам на власть.

Однако и отечественная, и зарубежная история показывает, что подобное состояние народа не может продолжаться бесконечно долго. Настанет день, когда он вернет себе свои демократические права, и тогда возрожденная и подлинная гласность навечно поставит каинову печать на тех, кто покусился на судьбу великого народа.

Провозглашенная перестройкой гласность не стала, как задумывалось, генератором энергии масс, силой очистительной и созидательной. Она была превращена главным образом в орудие разрушения. Бурный, эйфорический всплеск долгожданной возможности свободного словоизъявления не мог сопровождаться столь же быстрыми, синхронными изменениями в политике и экономике. Естественный разрыв между идеями и желаниями, с одной стороны, и реальными возможностями — с другой, был использован деструктивными силами для дискредитации целей и задач перестройки. В обществе возник синдром «исторического нетерпения», при котором все происходящее в позитивном плане казалось слишком замедленным, воспринималось как нежелание властей немедленно претворить в жизнь устремления и чаяния людей. Это усиливало социальную напряженность, чем и воспользовались антисоциалистические силы, чтобы разрушить государство и его общественный строй. Таков жестокий урок, преподанный нам историей.

Глава 15. Путь к рынку

Я уже писал, что в 1989 году темпы развития народного хозяйства страны стали снижаться. Позволю себе пунктирно повторить лишь общие причины этого явления. Разгорающиеся межнациональные конфликты... Нарастающая политическая нестабильность в стране... Заглушающие разум многочисленные митинги... Постоянная и все углубляющаяся конфронтация органов власти... Нарушение, а то и разрыв хозяйственных связей между республиками, регионами, предприятиями... То и дело остановки предприятий по экологическим причинам, какие-то оголтелые формы движения «зеленых», в результате чего подрубались корни развития энергетики, химии... Ослабление и даже потеря контроля над динамикой денежных доходов отдельных групп населения... Недостаточный рост производства товаров и услуг, несмотря на принимаемые меры, что вело к разбалансированию потребительского рынка...

Продемонстрирую последнее обстоятельство несколькими цифрами. Мы добились превышения темпов роста продукции группы «Б» (товаров народного потребления) над темпами роста продукции группы «А» (средств производства) и всячески старались эту тенденцию сохранить и укрепить даже в условиях спада производства в целом. Но темпы роста производства товаров народного потребления и товарооборота слишком отставали от денежных доходов населения.

Добавьте к перечисленным выше причинам начавшуюся конверсию оборонных отраслей, и вы увидите, что в этих условиях общее снижение темпов производства было неизбежным. Мы внимательно отслеживали все это, понимая, вместе с тем, что структурная перестройка всегда сопровождается такими временными издержками. Самое главное при этом — определить оптимальный путь развития экономики и придерживаться его, не дать экономике свалиться в пропасть, что, кстати, и произошло сейчас. Нас больше беспокоил разрыв между темпами доходов населения, товарной массой и, следовательно, товарооборотом. Развернувшаяся программа конверсии и намечаемый рост производства товаров народного потребления требовали и времени, и средств. Между тем новые формы

хозяйствования сильно нарушали соотношение денежных доходов, роста производства и производительности труда. Не обеспеченные соответствующими объемами товаров деньги стали все сильнее и сильнее давить на рынок.

Конечно, я понимал руководителей заводов, фабрик, институтов, контор и других предприятий и организаций, обеспокоенных материальным положением своих коллективов и изо всех сил старавшихся поднять им заработную плату в обход «драконовских финансовых установок», придуманных, конечно же, Правительством Рыжкова. Именно оно, как утверждала «демократическая» пресса, виновато во всех народных бедах. Но Правительство-то всего лишь хотело простой и понятной вещи: чтобы на свое честно заработанное человек мог купить действительно необходимое и приобрести это по нормальным ценам, соответствующим реальной стоимости товара, а не завышенным искусственно.

Я не мог понять позицию тех высоких руководителей, которые популистски заявляли, что «законы Абалкина» ущемляют интересы трудящихся. Как, впрочем, не понимал и решений многочисленных комиссий и комитетов Верховного Совета, требовавших увеличения финансирования то одного, то другого из бюджета.

На Правительство шел массированный прессинг. Поэтому триаду доходы — товары — цены в 1990 году необходимо было вывести из состояния начинающейся дестабилизации и привести в более или менее устойчивое равновесие.

Мы понимали, что делать это следует незамедлительно. Об этом и пойдет речь в этой главе. Но прежде хочу сказать несколько слов еще об одной причине «дисбаланса-90».

О причине, знакомой нам до этого лишь по статьям в советской прессе о жизни за рубежом. В тот год она стала горькой реальностью и у нас в стране.

С 20-х, пожалуй, годов мы и не слыхали ни о каких забастовках в СССР, хотя они все же время от времени случались. Редко, но они бывали то на одном производстве, то на другом, иногда даже с трагическими последствиями. Закона о забастовках не было, боролись с этими несчастными проявлениями протеста привычными в те годы методами: шли на уступки, наказывали руководителей, преследовали зачинщиков.

Первой забастовкой, что повлекла за собой нормальные переговоры и разумный компромисс, стала, если не ошибаюсь, горняцкая — в Норильске в 1989 году. Она же стала первой в невероятно тяжелой для экономики, для нравственного состояния людей, для страны в целом долгой цепочке забастовок, которые из явления капиталистического вдруг стали и социалистическим.

Сразу после Норильска забастовали шахтеры бокситовых рудников на Урале. Удалось договориться. Однако «мир» был недолгим. Летом 89-го по стране прокатилась волна забастовок шахтеров-угольщиков. 10 июля она началась в Междуреченске и охватила весь Кузнецкий бассейн. Причины? Очевидны и объективны: длительное отставание развития социальной сферы в угледобывающей отрасли и конкретно — недостаточное снабжение продовольствием и прочими товарами, необходимыми для нормальной жизни горняков и их семей.

Родился я и вырос в одноэтажном шахтерском поселке, который позже, слившись с другими такими же, превратился в город Дзержинск в Донецком угольном бассейне. Отец мой — дай Бог ему здоровья и долгой жизни! — до пенсионного возраста трудился в шахте. Брат Евгений пошел по его стопам, был проходчиком, бит-перебит шахтерским тяжким трудом, даже до пенсии года не доработал: болезни выгнали на поверхность с привычной ему тысячеметровой глубины.

Я-то пошел по другой дороге, мне всегда учиться хотелось, но с шахтерским житьем-бытьем за годы детства и отрочества сросся так, что, кажется, не оторвать. Всегда буду помнить нашу единственную — на всю семью — комнату в типичном поселковом доме-бараке, выгороженную в комнате микроскопическую кухоньку, где хозяйничала мама, скворечник общего туалета во дворе, продуваемого насквозь всеми ветрами, — хорошо, что в Донбассе зимы не очень холодные.

Буду помнить стремительное и, кажется, нескончаемое падение в клетки — ну будто в преисподнюю! — мелькание тусклых фонарей в стволе, узкую черную дыру уходящей под углом в сорок пять градусов лавы. Сам не раз в шахтах бывал. В Донбассе угольные пласты очень тонкие, 60-сантиметровые, работать в лаве приходится лежа, обушком уголь откалывать — как отец начинал, лежа ворочал грохочущий и

норовящий вырваться из рук отбойный молоток или перфоратор, так это досталось и моему брату. Хотя все это со стахановских времен тянется, мало что изменилось и поныне в условиях работы на таких шахтах. Шахтерский поэт Николай Анциферов с грустным юмором точно сказал о таком труде: «Я работаю, как вельможа. Я работаю только лежа...» А как в такую щель комбайн загонишь? Никак...

Зябко вспоминать, но все мы в поселке от мала до велика свыклись с понятием «смерть». Оно не было для нас менее страшным, чем для кого-то еще. Нет, смерть страшна везде и всегда. Но для нас это понятие было именно привычным, ибо каждое утро жены, матери и дети провожали своих мужей, сыновей и отцов в неизвестность. Не исключено — на смерть. Знали, как «Отче наш»: любой день грозил обвалом в лаве, взрывом метана, еще каким-нибудь несчастьем.

Шахта непредсказуема, как сама природа, и никакое насильственное вторжение человека в нее никогда еще не проходило безнаказанным. История шахтерского труда — это история трагедий. Не только у нас — во всем мире. Наш поселок вырос вокруг бельгийской шахты, построенной, если память не изменяет, в начале века. Она и сейчас на месте. Жива. Подобные шахты в Донбассе стали возникать в 90-х годах XIX века, в период создания в России крупной каменноугольной промышленности...

И вот это нечеловеческое ощущение обреченности, этот адский тяжкий труд, естественно, требуют нормальных условий жизни вне шахты. Нормального быта. Теплового и доброго дома. Семьи без скандалов. Заработков по труду, а на них, соответственно, еды вдосталь, питья, к сожалению, тоже — ибо что есть «веселие Руси»? Ну и одежды подобротней, вещей надежных — телевизор чтоб, холодильник, мебель крепкая и красивая, мотоцикл, а лучше — машина.

Мало этого было у шахтеров к печальной памяти 89-му.

Кто сказал, что уголь — хлеб промышленности? Не Сталин ли, всегда склонный к афористичной красивости речи? Не помню. Но он-то как раз преотлично понимал высочайшую для державы цену шахтерского труда. Понимал, что такого труда из-под палки не получить, тут нужен полновесный пряник. Зарплата тогда у шахтеров была много выше, чем у рабочих других специальностей, снабжение товарами и продуктами велось приоритетное, орденами и медалями,

которые в сталинские годы на вес золота ценились, не обделяли шахтеров. И поселки вполне отвечали тогдашнему понятию о рабочем комфорте — не изысканном, но надежном. Не случайно, думаю, в качестве «маяка» в тридцатые годы был выбран именно шахтер-забойщик Алексей Стаханов, давший в 35-м имя движению передовиков и новаторов. Хотя звание Героя Соцтруда он получил с опозданием на четверть века — лишь в 1970 году...

Шли годы. Заработная плата рабочих других отраслей народного хозяйства догнала и даже перегнала шахтерскую. В городах строились вполне приличные дома, где были газ, горячая вода и теплые туалеты. Заводы обзаводились собственными хозяйствами, магазинами, дворцами культуры, санаториями. А шахтеры во многом еще жили по-прежнему. О них словно забыли. Словно кто-то счел, что все они в те былинные 30-е получили и — хватит с них.

Терпение лопнуло в 89-м.

Почему я позволил себе вспомнить свое детство и отрочество и даже порассуждать немного о шахтерском труде? Да потому, что считаю причины тогдашних шахтерских забастовок не просто понятными, но и оправданными. Я проехал по Кузбассу весной 89-го и сказал с трибуны сессии Верховного Совета СССР, когда представлял депутатам кандидата в министры угольной промышленности Михаила Ивановича Щадова:

«На мой взгляд, самыми главными вопросами сегодня являются вопросы социальные. Я бы их поставил на первый план. Видел я, как говорят, на своем веку много шахт, много шахтерских поселков, но то, что делается там — и в Прокопьевске, и в других шахтерских городах Кемеровской области, думаю, просто нельзя нам дальше терпеть... Нам действительно надо где-то ужаться на будущую пятилетку, но самые сложные вопросы развития шахтерских городов надо решить. Мы больше не можем оставлять в таком состоянии поселки, которые я видел, когда находился в этом районе... я считаю, наша святая обязанность — помочь рабочему классу, который работает под землей».

Я сказал это 6 июля. А 10-го, повторяю, забастовал Междуреченск.

Пишу эти строки и опять ощущаю себя каким-то «буревестником». Честное слово, не специально это выходило! И моя

огромная вина есть в том, что в череде популистских «ускорений» в ходе перестройки (помните, я писал о то и дело возникавших у Горбачева приоритетах развития металлургии, нефтедобычи в Западной Сибири, районов Дальнего Востока и т. д.) сам не подумал вовремя об острейшей необходимости отнюдь не популистского, но жизненно важного «ускорения» — в развитии социальной сферы угольной промышленности. Мне тем более стыдно, что я труд шахтеров, как только что писал, с детских лет знаю.

А забастовка из Кузбасса перекинулась в Донбасс, в Караганду, в Печорский угольный бассейн. Забастовала практически вся отрасль, и десять дней и ночей шахтерские беды будоражили страну. Их серьезность я понимал, но как главе Правительства мне была отнюдь не безразлична и другая сторона дела, а именно то, что 180 тысяч человек только в Кузбассе сознательно не работают. Забегая вперед, скажу, что забастовки 89-го принесли стране 800 миллионов рублей убытка. Но ведь эта цифра выведена лишь по угольной промышленности, а сколько продукции недодали производства, не получившие угля? Специалисты полагали, что истинные потери можно определить, умножив эту цифру на четыре.

К забастовщикам на переговоры — а везде были образованы забастовочные комитеты — немедленно выехали мои заместители, в каждый регион. В самый горячий момент вновь назначенный министр угольной промышленности Щадов безвылазно сидел в Кузбассе и Донбассе, вел бесконечные дебаты с горняками, московским начальством и настырными до одури журналистами. К слову, он «прославился» на всю страну тем, что прямо в эфире стгоряча послал... куда-то далеко кемеровского телерепортера. Хамство, конечно, кто спорит, но по-человечески понимаю Щадова, ибо сам каждый день был близок к подобному «движению души».

Дело в том, что я — впервые, пожалуй, в истории наших ЧП — никуда из Москвы не уехал. Просто не потребовалось. Совет Министров превратился в некий столичный филиал межрегионального забастовочного комитета: такого официально не возникло, может быть, потому, что он стихийно существовал в Москве. Впрочем, склонен сам себе возразить.

Все-таки в Совмине был антизабастовочный штаб, ибо каждый день я встречался с представителями различных шахтерских

движений, каждый день спорил с ними до хрипоты. Они, предусмотрительные, все наши совместные решения фиксировали, непременно требовали моей визы на протоколе, все наши беседы на диктофоны писали, потом приезжали к себе домой, собирали митинги на площадях и крутили запись через репродукторы: мол, не зря съездили. Я иногда думаю, пустили бы эти шахтерские летучие отряды в нынешние коридоры власти Президента или Председателя Правительства? Уверен, что постояли бы горняки с плакатами у охранных постов да с тем и уехали бы восвояси.

У меня хранятся до сих пор фотографии из газет и журналов той поры, где на площадях рабочих поселков и городов лежат и сидят сотни шахтеров, а на переднем плане аршинными буквами: «Ждем ответа, т. Рыжков!» Представители шахтерских регионов чередой проходили через мой кабинет, коридоры Кремля, и приемная Предсовмина превратилась в шахтерскую «нарядную». Все, как я только что сказал, требовали от меня подписи с гарантиями. Иногда, даже поздней ночью, я соединялся по телефону с Горбачевым и говорил по тому или иному вопросу, который выходил за пределы компетенции Правительства и должен был решаться в Верховном Совете СССР. Он неизменно отвечал: «Действуй, как ты считаешь нужным. Я со всем согласен». Он всегда хотел оставаться в стороне. Кстати, и шахтеры не очень-то требовали его подписи.

Забастовку шахтеров не замедлила использовать в своих политических целях зарождающаяся оппозиция, прежде всего в среде народных депутатов. На одной из встреч с шахтерами они выдвинули требование показать по телевидению фильм, где главным действующим лицом и выразителем их интересов был народный депутат СССР С. Станкевич.

Наверное, еще многие помнят этого быстро появившегося на политической сцене человека. Был он потом и первым заместителем Г. Попова в Москве и всенародно обещал ее благоустроить до неузнаваемости, был он и в числе главных советников Президента по каким-то вопросам. А тогда он, до черного блеска смазав угольной пылью физиономию, появился на экране, возмущался всеми бедами горняков и говорил как бы от их имени. Сейчас его не видно: может быть, и по-серьезному ушел работать в шахту?

Меня часто удивляло, как могли, да и сейчас еще грешат этим, смелые, сильные и гордые парни-шахтеры поддаться на такую дешевку? Ведь случай со Станкевичем не единственный — были у них и Бурбулис, и прочие радетели шахтерские. И «ходоков» специальным поездом привозили в Первопрестольную для защиты Президента России от непокорных народных депутатов. Да, сложны психология человека и особенности поведения массы людей...

Кстати, в 91-м журналисты и думать забыли про шахтеров. Журналисты событием живут, а событие, по их теории, должно быть коротким, иначе интерес читателей и зрителей не удержишь. Но я-то сегодня тоже читатель и зритель. Мне очень интересно знать, как там дела сейчас у шахтеров? Что-то замолкли журналисты о выполнении ими же нареченного «пресловутым» постановления нашего Правительства № 608, которым предусматривалось комплексное решение всех основных вопросов жизни и работы шахтеров. Сейчас же я вижу по телевидению, как они бастуют, проводят голодовки под землей, требуя хотя бы выдачи заработанных ими уже несколько месяцев назад денег. И мечутся по шахтерским краям высокопоставленные правительственные чиновники, гася то один пожар, то другой. И это не случайность. По всему видно, что угольная промышленность страны стала для них обузой.

Недавно был я в Донбассе, в независимой державе. Встречался с некоторыми руководителями шахт, которые в том, 89-м, году приезжали в Москву со своими шахтерами. Увидев, что там делается, естественно, задавал вопросы: «Во имя чего вы это делали? Что вы получили? Неужели вы этого добивались?» Ответ: «Ошиблись, обманули нас краснобаи — и московские, и местные!»

Все это не является очередным отступлением от темы. Наоборот — это, может быть, несколько затянувшееся, но все же вступление в нее, в проблему оздоровления экономики. И именно обостряющееся экономическое положение в стране заставило нас сделать вопрос о реформе в экономике главным на открывавшемся 12 декабря 1989 года Втором внеочередном съезде народных депутатов.

В тот год они в действительности представляли своих избирателей, иными словами — народ. Это потом многие из них оторвались от него, отгородились телеэкраном, с которого непрерывно клялись в верности избирателям. Но «потом» еще и не маячило, и

следовало сказать депутатам, что страна входит в серьезнейший кризис, предложить им ряд мер по оздоровлению экономики. И тут мы встретились с новыми трудностями, теперь уже на уровне депутатского корпуса.

Дело в том, что полгода его деятельности выявили и обострили в нем различные течения и группы, порой — непримиримые. Они во многом отражали в себе те противоречия, которые существовали в стране в целом.

Мы хотели честно и прямо сказать депутатам, что у порога нашего дома стоит беда, что справимся мы с ней, лишь сплотившись, как всегда было в подобных случаях. Мы верили, что ожидание ее и противостояние ей вновь сплотит спорящих и враждующих. Как в Чернобыле. Как в Армении.

Сегодня, по прошествии времени, легко определить эту веру как наивность инерции. Или инерция наивности. От перемены мест слагаемых, как говорится... Да что там! Теперь-то любому видно, что тогда любая программа, даже фантастически безошибочная, в «десятку», но предложенная Правительством Рыжкова была бы принята в штыки из-за моих принципов и убеждений. Политической борьбе здравый смысл — помеха. У нее, у борьбы, свой смысл.

Так вот, прежде чем выходить на Съезд с конкретными предложениями, мы обязаны были ответить самим себе и всему народу на два основных вопроса: какое общество мы собираемся строить дальше и какими путями и методами будем проводить реформы.

Я уже писал, что еще в 83 году Генеральный секретарь ЦК Ю.В. Андропов всенародно поставил вопрос: в каком обществе мы живем? И вопрос этот был далеко не риторическим. Надо было определить смысл созданного в стране строя и место его в человеческой истории. В этой книге я не раз в той или иной форме высказывал свою политическую и жизненную позицию. Я социалист по убеждению. Но и из теоретических работ, которые мы изучали в вузах, и из анализа реально построенного в стране общества можно сделать вывод, что практически у нас существовал лишь ранний социализм. Он так же не похож на зрелый, как ранний феодализм — на поздний, а эпоха первоначального накопления (официально объявленная нынешними властями целью) — на капитализм высокоразвитый.

Однако одно дело — дать определение, другое — провести анализ, который позволил бы четко сформулировать причины несовершенства созданного общественного строя и определить цели и пути его дальнейшего развития. Основной целью перестройки было совершенствование социализма, а не замены его как такового. Но возникает вопрос, в чем же состоят причины того, что мы построили только ранний социализм со всеми его недостатками и противоречиями? Это надо было знать, чтобы определить содержание намечавшихся реформ. На мой взгляд, этих причин несколько. Остановлюсь только на некоторых.

Первое. Отторжение населения от власти. В условиях централизованной политической и экономической системы возник новый специфический слой общества — бюрократия, чаще всего в публицистике называемая номенклатурой. Вот этот тонкий, искусственно взращенный слой и сыграл роковую роль в размывании и даже во многом разрушении истинного народовластия. Сейчас нет централизованной партийной и экономической систем, но народ и теперь, уже совершенно сознательно и даже без какого-либо камуфляжа, отбрасывается от власти. Все важнейшие решения готовятся закулисно, директивно, авторитарно. Мнение людей или отвергается, или фальсифицируется.

Второе. Отчуждение человека от средств производства и результатов своего труда. В силу этого у работника отсутствовала глубокая мотивация к эффективному, высококачественному, ответственному труду. При такой системе неизбежны высокий уровень затрат, постоянная дефицитность продукции, низкое качество выпускаемых изделий, несоблюдение экологических требований.

Третье. Отчуждение основной массы работающих за зарплату от произведенных обществом товаров и услуг. Практически тотальный директивный отрыв цены от фактической стоимости товаров породил их дефицит, создал слой людей, ближе стоявших к источникам перераспределения материальных благ. Большая же часть работающих вынуждена была выстаивать длинные очереди или пользоваться услугами спекулянтов-перекупщиков.

Четвертое. Перекос структуры производства в сторону средств производства за счет выпуска предметов потребления. Можно принять такое соотношение в определенное историческое время —

предвоенный, военный и послевоенный период, но нельзя оправдать эти тенденции в последние десятилетия. И то, что мы опоздали изменить пропорции в обратную сторону, бросило большую тень на социалистический строй в нашей стране, да и в Восточной Европе.

Пятое. Я уже писал, что послевоенное противостояние социалистических и капиталистических государств вылилось в создание враждебных друг другу военно-политических и экономических блоков, привело к определенной изоляции и самоизоляции нашего государства от мировой экономики.

Эта линия быстро обрела необычайную силу и устойчивость благодаря тому, что на ее обеспечение были направлены все институты общества: партия, государство, экономика, идеология, духовная сфера и т. д.

Жизнь, однако, не стояла на месте. Человечество во второй половине XX века переживало и переживает научно-техническую революцию. Основой развития мировой цивилизации стал труд творческий, интеллектуальный. Потребовалась переоценка таких фундаментальных явлений, как взаимоотношения между государствами, между людьми, в том числе в связи с собственностью. И эти новые условия и требования к изменениям в самой организации жизни вставали перед странами с разными общественными системами.

У нас в сложившихся к тому времени обстоятельствах реформы могли быть успешными, если они обеспечивали бы политическую и социальную свободы и способствовали росту жизненного уровня населения. Такие реформы народ, конечно, поддержал бы. Реально оценивая глубину и масштабность проблем, мы понимали необходимость найти механизмы и формы гибкого сочетания во многом противоположных по своей природе мер — экономических и внеэкономических, демократических и административных. Прошло несколько лет, и новые руководители России наш гибкий, осторожный подход к решению этих сложных проблем охарактеризовали очень просто: «Борьба старого с новым! Борьба демократов и консерваторов!» Наивно? Скорее — примитивно...

Какую же цель, может спросить читатель, вы преследовали, начиная перестройку и переход на рыночные отношения? Отвечаю совершенно четко: создание демократического социализма, достойного современной цивилизации.

С учетом этих и других теоретических соображений и реальных социально-экономических обстоятельств наше Правительство в 1989 году выбрало вариант, сочетающий энергичные меры по углублению реформы со взвешенностью действий на всех уровнях управления. Мы шли к рынку, желая прежде всего стабилизировать ситуацию, а затем двигаться дальше, к более развитой системе товарно-денежных отношений. Нам предстояло создавать рыночные структуры, которых у нас не было, даже представление о практике их действий в то время смутноватым было. Кое-кто приводил в пример историю стран Европы и США, вышедших из Второй мировой войны с централизованной плановой экономикой и сразу же безоглядно и смело нырнувших в рынок. Вздор! Они имели долгий рыночный опыт, который прекратился, и то не во всех своих сторонах, всего лишь на пять-шесть лет войны. Им было куда нырять. К тому же, замечу, они и после войны отнюдь не чурались плановых элементов, от которых ныне бегут, как от чумы, новоявленные эрхарды, а на поверку — нынешние слепые поводыри отечественной экономики. Хорошо помню разговор с моим гостем, Председателем Правительства Испании Фелипе Гонсалесом, который состоялся накануне ее вступления в Общий рынок. Долго мы тогда беседовали, и, прощаясь, гость сказал:

— Вы правы, господин Рыжков, тотальное планирование — экономическая бессмыслица. Оно убивает свободу. Но иметь ясный крупномасштабный план стратегии на годы, по-моему, необходимо. В этом смысле я немало почерпнул из нашей с вами беседы...

В своей программе мы разделили период оздоровления экономики на два этапа. Первый — с 90 по 92-й год. Второй — с 93 по 95-й год. На первом предусматривался комплекс чрезвычайных мер по преодолению создавшегося положения в экономике, прежде всего — бюджетного дефицита и углубляющейся разбалансированности потребительского рынка. Здесь должны были действовать как жесткие директивные меры, так и усиливающиеся экономические рычаги, входящие в жизнь рыночные отношения. На втором этапе в максимальной степени должны были вступить в силу экономические методы руководства хозяйством, все более активно начал бы функционировать рынок на основе базисных изменений в сфере собственности.

Мы готовили пакет, комплекс важнейших законодательных актов, которые призваны были отладить механизм государственного регулирования экономики, — о единой налоговой системе, о банках, об инвестиционной политике и прочие. А параллельно продумывались законы о собственности, республиканском самоуправлении, местном хозяйстве... Все они стали бы верстовыми столбами на дороге к рынку.

Особо важными мы считали введение единой налоговой системы и реформу цен. Главную особенность последней мы видели в том, чтобы она не ограничивалась единовременным их пересмотром, а была направлена на создание гибкой и постоянно действующей системы ценообразования, которая позволила бы создать условия для развития рыночных отношений между производителями и потребителями продукции.

И, конечно, все эти меры преследовали цель оздоровить финансовое положение в стране, сократить пугавший нас в то время дефицит бюджета с 92 миллиардов рублей в 1989 году до 25 миллиардов в 92-м. А задачу добиться в сложившейся ситуации вообще бездефицитного бюджета я считал не только экономическим нонсенсом, но и безнравственной идеей. Дело в том, что составить на бумаге и даже выполнить его было не очень сложно, но — какой ценой? Народ Румынии, например, в годы Чаушеску заплатил очень дорого за желание вождя полностью, до нуля, разделаться с долгами страны. А какую цену заплатил уже и продолжает платить народ России, мы все испытываем на себе вот уже три с лишним года. Затея Гайдара мгновенно добиться бездефицитного бюджета с треском провалилась и потянула на дно всю экономику, а с нею — и уровень жизни почти каждой семьи. А между тем определенный нами дефицит в размере 20–25 миллиардов рублей, то есть 2–2,5 процента от валового национального продукта, как показывает мировой опыт, не порождает серьезных отрицательных последствий для экономики...

Мы подготовили для депутатов Съезда письменный доклад. Впервые, если не ошибаюсь. Идея была здравая: пусть внимательно и неторопливо прочтут, подумают, сделают замечания, а потом и обсуждение более толково пойдет. Старое правило: несколько раз прочитанное доходит до ума куда легче, чем однажды услышанное. А

я на Съезде выступил лишь с некоторыми комментариями к тому, что мы назвали докладом Правительства.

Обсуждали наш документ всерьез. Я выделил бы два направления в дискуссии, два мнения. Первое — в программе есть недостатки, она пока конспективна, ее следует максимально конкретизировать, но стоит принять. Второе — программа совершенно нерадикальна. И тут оппонентами как раз приводился стандартный набор аргументов в пользу мгновенных атак и послевоенный пример США и стран Европы. Чтобы не утомлять читателей подробностями, скажу: Съезд поддержал программу Правительства 1532 голосами при 419 против и 44 воздержавшихся.

Меня не успокоило абсолютное большинство голосовавших «за». Я внимательно слушал все выступления и, может быть, особенно разносившие в пух и прах правительственную программу. В этих последних явственно звучали не столько частные мнения по экономическим вопросам, сколько вполне определенные политические позиции. И естественно, что этим оппонентам Правительство казалось слишком самостоятельным, слишком убежденным. А значит — непослушным, негибким, неуправляемым. Не я один это понимал — многие мне о том говорили после Съезда. А раз это так, то и после принятия программы предстояла не столько спокойная работа по ее реализации, сколько нелегкая борьба вокруг нее. Жизнь показала, к сожалению, абсолютную точность такого прогноза.

Не откажу себе в удовольствии привести здесь текст шифротелеграммы, пришедшей мне из нашего Посольства в Австрии от академика Шаталина, который там оказался во время Съезда:

«Дорогой Николай Иванович! Поздравляю с одобрением правительственной программы. Но работа впереди колоссальная. Без иллюзий. Отдам этой работе все, что могу. Всегда ваш академик С. С. Шаталин».

Что именно «отдал этой работе» Станислав Сергеевич, станет известно позже, а тогда, после Съезда, повторю, я не питал особых иллюзий относительно хода выполнения программы еще и потому, что оно напрямую зависит от того, обеспечена ли при этом определенная политическая стабильность в обществе. А она размывалась все более усердно. Поправить ситуацию, хотя бы несколько успокоить ее способны были депутаты. Перед Съездом я еще в какой-то мере

рассчитывал на их консолидацию, но именно обсуждение нашего доклада явственно показало, что надежды на это практически беспочвенны: депутатский корпус разбегался по отдельным политическим квартирам.

Конечно, все это не стало для нас поводом, чтобы остановиться на полпути и опустить руки. Надо было работать, на это и решения Съезда нацеливали. И перед большой группой специалистов во главе с моим заместителем академиком Леонидом Ивановичем Абалкиным была поставлена задача подготовить к весне строгую и четкую концепцию перехода экономики к рынку, основываясь, естественно, на докладе Правительства Съезду народных депутатов и с учетом замечаний и поправок, которые были на нем высказаны.

Время подгоняло. Денежные доходы населения в первом квартале 1990 года выросли, а в национальном доходе все отчетливее наблюдалась тенденция к его сокращению, хотя обвального спада производства пока не было. Правда, в тех республиках, где межнациональные конфликты особенно обострились, ситуация была скверной. Например, в Азербайджане выпуск промышленной продукции к апрелю уменьшился на 18, в Армении — на 9, в Грузии на 8 процентов по сравнению с прошлым годом.

Группа Л. И. Абалкина работала в подмосковном санатории «Сосны». Президиум Совета Министров собирался ежевечерне, прошла серия новых встреч с руководителями предприятий, банкирами, главами республиканских правительств, учеными. Ведь кроме самой концепции следовало подготовить более десятка проектов законов и несколько десятков проектов постановлений Правительства, о которых сказано было в докладе Съезду.

Работали мы чрезвычайно вдумчиво, «проигрывали» множество вариантов той дороги, которая могла привести страну к нормальной рыночной экономике наиболее безболезненно для людей. Совсем без боли — такого, к сожалению, быть не могло. Следовало перелопатить многообразный зарубежный опыт, чтобы взять из него то, что подходило нам, создать свой вариант, максимально учитывающий особенности страны и ее народа. Говоря «мы», я имею в виду многих и многих ученых, производственников, которых Совет Министров привлек к разработке концепции.

Не хочу обременять внимание читателей мнением иностранных экономистов, внимательно наблюдавших за нашей работой. Приведу лишь одно из них — человека, с которым встретился лично, обсуждал решенные и нерешенные проблемы. Мне тот разговор много дал, и, как оказалось, моему собеседнику тоже. Им был председатель Совета управляющих Федеральной резервной системы США видный экономист Алан Гринспен. Вот что он написал мне среди прочего из Вашингтона: «Я вернулся из поездки в Москву со значительно более глубоким пониманием того, что Вы и Ваши коллеги пытаетесь сделать для советской экономики, так же как и с более глубоким осознанием связанных с Вашими усилиями трудностей».

Я только что упомянул, что в то время в Совете Министров проходили внеочередные и многочасовые дискуссии. Кто-то из мемуаристов поставил мне это в упрек — слишком много, дескать, было разговоров. Нет, как известно, в споре рождается истина, а нам как раз нужна была только она. Нельзя было из пальца, даже если он руководящий, высасывать принципы предстоящей экономической реформы. Здесь должна была сказать свое слово наука, проверяемая практикой, опытом. Ну а если в науке, как сказал один большой ученый, будет полное единодушие, то это не наука, а кладбище.

В общем, после всех дискуссий было сделано главное — определена стратегия нашей экономики, т. е. ее основные цели, пути и средства их достижения. Она, экономика СССР, должна была:

- соответствовать достигнутому человеческой цивилизацией уровню развития и требованиям XXI века;

- создать равные условия различным формам собственности: государственной, кооперативной, смешанной, частной и т. д.;

- обеспечить свободу действий товаропроизводителям, конкуренцию между ними, глубокую экономическую демократию как основу ее в политической и социальной сферах;

- иметь социально ориентированный рынок со значительной регулирующей ролью государства, использующего на каждом этапе развития различные сочетания экономических и административных методов.

Мы считали, что создать вместо планово-распределительной современную рыночную экономику без активной, целенаправленной деятельности государства невозможно. Это утопия или авантюра.

Повышение его роли в регулировании всех процессов хозяйственной жизни — требование времени, осознанное во всех развитых странах. Тем более это обстоятельство надо учитывать у нас, где 67 процентов территорий — северные и приравненные к ним. В такой стране активная, определяющая роль государства в формировании рыночной экономики — абсолютная необходимость. Пустить все на самотек, устранить государство из этой сложнейшей работы — значит впасть в авантюризм и сознательно ввергнуть страну в неисчислимы бедствия.

Мы прекрасно понимали, что современная рыночная экономика — это сложнейшая система, где все ее элементы соответствуют друг другу, создают тем самым единое целое. Это не только отлаженные сотни тысяч и миллионы связей и взаимозависимостей между товаропроизводителями, это и развитые банковские, финансовые и социальные структуры.

Работая над стратегией нашего развития, мы также учитывали, что в последние десятилетия рыночная экономика на Западе, как и планово-распределительная в социалистических странах, во многом исчерпала свои потенциальные возможности. Надо было взять все хорошее из той и другой экономических моделей и органично соединить, переплавить все это в нечто единое и дееспособное. Это «нечто» должно было быть сугубо своим, уникально-специфическим, как и наша страна. В основе новой модели, подчеркну еще раз, были сильные стороны социализма, его преимущества, социальная защита населения, государственное регулирование в сочетании с рыночными отношениями.

Но вернемся ко времени создания этой концепции.

Итак, она стала закономерным результатом выбора решений на основе альтернативных, многовариантных сопоставлений и расчетов. Подчеркну: возврата к старой экономической системе в нашей концепции не было. Иной раз я намеренно провоцировал директоров заводов, приезжавших для обсуждения проблем и все еще довольно скептически воспринимавших само слово «рынок», и говорил им:

— За чем же дело стало? Вернемся к жесткой планово-распределительной системе — там все ясно, понятно, привычно. Что с того, что она стала тормозом? Зато вам работать легче. Проголосуйте...

— Нет, Николай Иванович, — отвечали мне, — не берите нас на испуг. Система изжила себя, это ясно. Но и прыгать в рынок, как в пропасть, не хочется. Мы-то прыгнем, а что со страной станет?

Конечно, всегда заманчивым представляется вариант максимального ускорения рыночных процессов, чтобы эффект от них появился быстрее. Но ученым и специалистам, чьи теоретические соображения базировались на хорошем знании производства, отечественного хозяйства, было ясно, что неизбежным следствием таких решений станет круто галопирующая инфляция, спад производства, массовая безработица, обострение социальной напряженности. Иными словами — кризис.

И это именно то, к сожалению, что сегодня в стране и происходит, поскольку молодые, с минимальным практическим опытом экономисты, волею ретивых и безрассудных политиков, пришедших к никем и ничем не ограниченной власти, легко решились на этот кризисный вариант, столь больно, как мы и ожидали, ударивший по людям. Миллионы и миллионы граждан оказались за чертой бедности! А что иного можно было ожидать, если главный реформатор Егор Гайдар в одном из своих многочисленных интервью с гордостью называет себя «кабинетным ученым»? Много ли видно из кабинета, если даже он в Кремле?

Впрочем, о дне нынешнем — позже.

17 и 18 апреля 1990 года концепция была представлена на обсуждение совместного заседания Президентского совета и Совета Федерации. Обсуждение было весьма бурным. Почти все отмечали декларативность документа и, замечу, были абсолютно правы, поскольку за отведенный срок многие общие положения, перекочевавшие из доклада Съезду в концепцию, не были расшифрованы, работа еще велась. В итоге обсуждения мы получили месяц на доработку. Всего месяц! Но успели: точно 18 мая закончили.

22 мая Президентский совет и Совет Федерации вновь рассмотрели документ и приняли хитрое, как я потом понял, решение: поручить Председателю Совета Министров СССР выступить с соответствующим докладом на сессии Верховного Совета. Вот так: вроде бы и одобрили концепцию, раз поручили мне выступить с ней перед депутатами, а на деле официально свое мнение не высказали. Мол, ты кашу заварил — ты и расхлебывай. А мы ни при чем. Примут

депутаты — хорошо. Не примут — нас в согласии с твоей концепцией впрямую не обвинишь. Или то была обыкновенная политика «страусизма», когда голову в песок — и беда не беда? Или Горбачев уже присматривался к идеям ученых-радикалов и своих помощников и колебался: чью сторону принять? Его ведь ласково называли «гением компромисса». Но о каком же гении, хотя бы и только компромисса, можно говорить, если человек не видел (и не видит по сей день) грани между полезным сближением точек зрения и элементарным предательством? Компромисс предполагает частичное отступление на одном участке при сохранении или улучшении своих позиций на другом. А у нашего «гения» вся его политическая жизнь в качестве Генсека и Президента — сплошное отступление, закономерно закончившееся полнейшим, позорным поражением.

24 мая вновь я отправился на трибуну сессии, как на казнь. К этому времени я отчетливо понимал, что мне уготована роль осужденного. Было ясно, что в качестве первого объекта нападения со стороны «демократической оппозиции», легко приспособившей лозунг «Вся власть Советам!» для собственных интересов и целей, избраны возглавляемое мною Правительство и лично я. Горбачев в очередной раз занял удобную для себя, как бы отстраненную позицию, и, казалось мне, я для него уже был отыгранной картой. Позже, выступая на XXVIII съезде КПСС, он оторвется от написанного доклада и скажет: «Начинать реформу с новых цен было абсурдом».

На следующий день, когда мы оказались бок о бок, я спросил его с возмущением:

— Как же вы могли обвинить меня в этом? Ведь мы не предлагали начинать реформу с новых цен! Вам же известно, что цены — лишь часть огромного комплекса экономических и организационных мер при переходе к рынку. Об этом я и говорил на сессии. И не надо меня передергивать! Да, кстати: ведь все это было предварительно и досконально оговорено с вами! — Я ничего об этом не говорил, — по-детски «защитился» он.

— Как же не говорили, — уличил его я, показав газету с текстом доклада. — А это что?

— Газетчики напутали, — совсем уже смешно сказал он, словно опасаясь признаться в слове, которое, как известно, не воробей...

Но это было потом, а 24 мая я вышел на трибуну сессии и приступил к своему выстраданному, самому тяжкому в моей жизни докладу. Газеты сообщили, что в тот день на сессии был зафиксирован своеобразный рекорд: к началу утреннего заседания зарегистрировалось 433 члена Верховного Совета и 133 народных депутата, не входивших в него. Доклад был выслушан в непривычной тишине зала.

Сегодня, когда молодые теоретики от экономики используют доставшуюся им власть, чтобы бесшабашно свергнуть народ и Россию в водоворот кризиса, стоит напомнить читателям основные положения нашей «Концепции-90». Ее били изо всех сил и справа, и слева, то за недостаток радикальности, то за излишнюю якобы бесчеловечность. Ну и, конечно, всячески цеплялись к слову «регулируемая». Но, по моему, за этим стоит или обычная демагогия, или историко-экономическая малограмотность. Именно регулируемая и только так, ибо ни в одной стране мира, будь она развитой или развивающейся, нет сегодня и не может быть неуправляемой экономики. И мы четко оговорили условия мягкого, плавного, максимально безболезненного для населения, как я уже отмечал, перехода к регулируемой рыночной экономике.

Первое из них: реальная самостоятельность и экономическая ответственность предприятий как свободных товаропроизводителей. Добиться этого можно, опираясь на новые отношения собственности и органически присущий им дух инициативы, предпринимательства — тот самый, развитию которого наше государство в течение десятилетий вольно или невольно ставило одну преграду за другой. Второе: механизм ценообразования, чутко реагирующий на динамику спроса и предложения и учитывающий необходимость социальной защиты населения. Третье: конкуренция, которая понуждала бы к снижению издержек и цен, стимулировала бы удовлетворение спроса, заставляла бы производителя продукции ловить технические нововведения, противостояла бы стремлению к монополизму. Четвертое: структура производства, соответствующая платежеспособному спросу и быстро реагирующая на его изменения. И, наконец, пятое: денежная сбалансированность, устойчивость всей финансовой системы.

Все это — основа. Теперь — как идти.

Большие надежды связывали мы с новой системой налогообложения — единой, когда ставка налога на прибыль одинакова для всех предприятий любой формы собственности и всех отраслей хозяйства. Государство же может применять налоговые льготы, тем самым стимулируя предприятия инвестировать производственное и социальное развитие на приоритетных для страны и людей направлениях.

В книге я уже неоднократно возвращался к проблеме ценообразования. Она, как дамклов меч, все время висела над нами. Я хочу снова процитировать отрывок речи Генсека в Мурманске:

«...В прошлом году дотации по продаже мяса и молока составили уже 57 миллиардов рублей. Но ведь многие и не чувствуют, и не знают всего этого.

А отсюда нет должной уважительности к продуктам. Да это вы и сами видите. Ведь дошло до того, что ребяташки играют булками в футбол. А сколько продукции выбрасывается в отходы. Или пример другого характера. Дамские сапожки стоят 120–130 рублей, и 62 килограмма мяса, которые приходится сегодня в среднем на каждого человека, обходятся в такую же сумму, то есть годовое потребление мяса стоит пары сапожек...

Но самое главное вот в чем. Семьи с большим доходом больше потребляют мяса и молока, и, следовательно, они больше используют эти дотации. Вот ведь что получается...»

Правильные слова. А через два года — «абсурд начинать с цен». Видно, популизм у политиков (или политиканов?) в крови. Многие его «асы» сделали для себя четкий вывод: говорить сегодня то, что люди хотят услышать. А вот выполнять эти обещания будет кто-то другой, в случае чего на него можно и свалить все. Так и произошло с ценами.

Еще раз напомню, что и в то время всю раздавались голоса о необходимости сделать цены свободными. Все цены! Но, говорили мы, тогда при нашей структуре производства, монополизме и состоянии денежного хозяйства все цены непредсказуемо взметнутся вверх. Значит, следом неизбежно придется повышать зарплату и другие денежные доходы. И тут немедля «заработает» спираль инфляции, которая подорвет производство, исковеркает структурную перестройку. Невероятно вырастет число людей, оказавшихся не готовыми к такому повороту событий, а государство тоже, в свою

очередь не сможет помочь им, поскольку не в силах будет остановить инфляцию.

Наше Правительство предпочло другой вариант, который исходил из поэтапного введения рыночных методов ценообразования в сочетании с государственным контролем за уровнем и динамикой цен. Мы предполагали в начале 91-го централизованно осуществить реформирование всей системы цен, устранив накопившиеся в ней диспропорции. Затем переходить к рыночному ценообразованию, сочетая все же цены, регулируемые государством, со свободными, которые диктуются спросом и предложением. Этот постепенно снижаемый контроль за ценами помог бы если не избежать вовсе, то значительно смягчить инфляционные процессы.

В Концепции определялись основные параметры изменения оптовых цен на энергоносители, металл, лес и лесоматериалы, химические продукты и так далее, чтобы приблизить эти цены к мировым. Мы хотели ликвидировать такое положение, когда наши лес, бумага, мазут, мочевины и прочее уходило за рубеж чуть ли не по демпинговым ценам, а там перепродавались по реальным. В среднем рост предлагаемых оптовых цен намечался на 46 процентов.

Надо было менять и закупочные цены. Постоянно происходило удорожание потребляемых сельским хозяйством материальных ресурсов, росли банковские кредитные ставки и т. д. Чтобы сельское хозяйство стало в основном рентабельным, закупочные цены предполагалось поднять на 55 процентов.

Но самыми трудными были проблемы, связанные с реформой розничных цен. Здесь в тугой клубок сплелись интересы и производителей, и торговли, и каждой семьи. Деформации в этой сфере к 1990 году возникли небывалые! Если за последние 35 лет произведенный национальный доход увеличился в 6,5 раза, то государственные дотации к ценам — более чем в 30 раз! В том же 90-м дотация только на продовольственные товары составила около 100 миллиардов рублей, а с введением новых закупочных цен без пересмотра розничных она увеличилась бы еще на 30 процентов и составила бы пятую часть всех расходов госбюджета.

Ситуация и впрямь была ненормальной. Производство одного килограмма говядины, например, обходилось государству в то время в 5 рублей 88 копеек. Продавался этот килограмм в госторговле, если вы

еще не забыли, в среднем за два рубля. И это только один из примеров, а приводить их можно было бы бесконечно. Причем следует отметить, что мы вовсе не собирались уходить от дотационности. Чтобы полностью отказаться от поддержки через нее сельского хозяйства, надо было бы килограмм той же говядины в новых условиях продавать за 9 рублей, а мы установили предел 5 рублей 50 копеек. Тогда за государством оставались только дотации мясо-молочной промышленности — 45 миллиардов рублей в год. А как же иначе? Производительность труда в сельском хозяйстве быстро подняться не может, будущим фермерам еще раскручиваться и раскручиваться, да и народ богаче в один день не станет. Нет, мы знали, на что шли, предлагая установить такие цены: мы о людях думали в первую очередь и поэтому предлагали иметь на основные продукты питания фиксированные цены.

Что касается других товаров и услуг, то, например, цены на ткани и изделия из них, по нашим расчетам, могли увеличиться на 30–50 процентов, обувь — на 35, на строительные материалы, авиационные и железнодорожные пассажирские перевозки — наполовину. Мы исходили при этом из того, что решение всех вопросов жизни народа возможно лишь при динамичном развитии народного хозяйства. Еще раз напомним: стабилизация экономики должна была начаться с января 91-го и через год (все это было многократно просчитано и проверено!) дать заметные результаты, а затем намечались дальнейшие шаги, но не отягощенные сколько-нибудь серьезными бедами и пагубами для людей при вхождении экономики в рынок.

Я намеренно так подробен, чтобы вы вспомнили, как поносили правительственную программу в 90-м году за то, что она-де превратит людей в нищих, что вся страна свалится за черту бедности. Я хочу, чтобы вы оглянулись вокруг и сравнили нынешние астрономические цены с теми, что предлагали мы. Сравнили? Жутковато? Мне тоже.

А ведь мы считали точно: тогда этого подорожания вполне хватило бы, чтобы страна не свалилась в кризис. Сейчас он в разгаре, цены возросли на многие тысячи процентов. Тот, кто обещал из-за роста цен лечь на рельсы, живет и здравствует. Вы сейчас читаете эту книгу. Вам судить — прав я был или нет...

Единственное, что мы хотели сделать сразу, с июля 1990 года, так это повысить цены на хлеб. Только на хлеб! Мы предлагали этот шаг

потому, что хотели на хлебе, так сказать на «отдельно взятом повышении цен», проверить и оценить систему компенсационных мер. С 1 июля до конца года дополнительные расходы населения на покупку хлеба составили бы 17,5 миллиарда рублей, и мы их собирались компенсировать полностью. Заметьте, полностью! Да и надо было восстановить потерянное уважение к хлебу. Сейчас же это «уважение» перешло всякие границы. Одни старики долго стоят у витрины с ценами на хлеб, стыдливо пересчитывая свои невесомые рубли (а помните броский термин «деревянные»? Сейчас авторы этих эпитетов молчат: не хватает воображения, как назвать сегодняшние рубли). Другие идут прямо на помойки — там все бесплатно. Это реальные картины сегодняшней жизни: при минимальной заработной плате в 43,7 тысячи рублей стоимость буханки хлеба — в среднем 1,5 тысячи. Минимальная зарплата при Правительстве Рыжкова была 70 рублей, а буханка хлеба стоила 20 копеек. А дальше делайте расчеты сами...

В 1991 году компенсационные выплаты должны были составить в среднем 70 процентов от общей суммы повышения цен, при этом на основные продукты питания компенсация предусматривалась практически полная. Без компенсации мы намеревались оставить удорожание ювелирных изделий, дорогостоящих меховых изделий, импортной мебели, отдельных видов бытовой техники, повышение тарифов на пассажирские перевозки дальнего следования — другими словами, то, что не является обязательными для всех и каждого тратами. Так вот, мы хотели понять, как выплачивать компенсацию, где ее выплачивать, в каком виде и прочее. Понять, проверив себя на хлебе, на 17 миллиардах, а к 91-му году прийти с некоторым опытом, чтоб поменьше ошибок делать при организации социальной защиты населения в связи с ростом цен.

Не стану пересказывать суть тех выступлений, которые прямо-таки обрушились с трибуны сессии после моего «камикадзевского» доклада. Скажу лишь, что я еще больше укрепился в мысли о том, что не в реформах дело, а в возглавляемой мной «команде», мешавшей прорваться к власти будущим разрушителям страны.

К рынку ведут различные дороги. Каждая страна шла, в принципе, по собственной, с учетом, по возможности, чужих ошибок. У нас тоже было несколько путей, я говорил здесь о них. Но мы выбрали

единственно, как нам представлялось, подходящий и для нашей неповоротливости, и для политической раздробленности, и для неподготовленности к рыночным действиям в техническом и в организационном отношении. Ведь тогда еще не было ни реформированных государственных структур, ни развернутой сети банков, ни, наконец, нужных законов. Мне и нам всем казалось, что мы правы в своем осторожном, но реалистичном плане движения к рынку.

Да, в те дни в Кремле шли непрерывные дискуссии, споры, схватки. Много раз нам пришлось высказывать позицию Правительства и на пресс-конференциях. Приведу выдержку из стенограммы одной такой встречи с журналистами.

«Николай Рыжков:

— Страна во многом не подготовлена к форсированному переходу к рынку, не готово и общественное сознание. Поэтому мы за взвешенный вариант. Твердость, с которой Правительство отстаивает свою позицию, имеет объяснение. К подготовке новых предложений привлекались серьезные научные силы, в них учли предложения парламента, а также альтернативные проекты реформы. Затем было проведено моделирование предстоящих нововведений, математический анализ всех плюсов и минусов. При этом расчет шел по двум вариантам перехода к рынку — радикальному, который проповедают немало известных советских экономистов, и умеренному, который предлагает Правительство.

Модель первого варианта (почти немедленный перевод цен на свободные, практически полное исключение госзаказа и т. п.) показала резкий спад в первые два года объемов производства, занятости, жизненного уровня...

Анализ второго варианта также показывает спад, но более пологий, медленный. Снижение уровня жизни населения в целом по стране произойдет, но меньше, чем по первой модели. Соответственно, и оздоровление экономики будет идти дольше. К 1995 году рост национального дохода не превысит 15 процентов.

Почему же Правительство выбрало умеренный вариант, когда по первому страну ожидает небывалый расцвет уже через пять лет?

Леонид Абалкин:

— А как прожить ближайшие два года? Посильна ли цена? Ясно, что вывести экономику из кризиса без потерь и жертв уже невозможно

— время упущено. Но умеренный вариант не ведет к серьезным социальным потрясениям. Снижение жизненного уровня для значительной части населения можно будет компенсировать социальными программами.

Как правило, население связывает свой жизненный уровень с ценами. Может быть, именно поэтому в программе Правительства вопросам ценообразования отведено одно из центральных мест».

Думаю, что многие из тех, кто считал необходимым убрать с командной вышки слишком самостоятельно мыслящее Правительство, тоже внутренне понимали нашу правоту. Но, когда речь заходит о политике, здравый смысл слишком часто отсутствует. Об этом я уже не раз говорил и, похоже, еще скажу...

Верховный Совет не отверг концепцию, обязал Правительство подготовить программу перехода к рынку до 1 сентября. Но, отодвинув решение до этого времени, он сделал бессмысленными многие меры, нами предлагаемые. Ну, скажем, опережающий подъем цен на хлеб. Мы его осенью уже и не предлагали — зачем?

Не решить ничего — это всего лишь ничего не решить или даже погубить все. Все же я хотел закончить концепцию, доработать ее, подготовить программу. Отменил отпуска членам Правительства. Не привык, никогда не умел бросать дело на полпути. Времени до 1 сентября оставалось два с половиной месяца...

Глава 16. Порочный круг

Итак, мы осели в «Соснах» и трудились с утра до поздней ночи, стараясь сделать правительственную программу не только теоретически точной, но, главное, оптимально работающей.

Но и другие, как говорится, не дремали...

Впрочем, здесь надо вернуться на три месяца назад — в дни Первого съезда народных депутатов РСФСР, на котором шла активная борьба за кресла Председателя Верховного Совета России и его заместителей. Российская структура Советской власти практически повторяла союзную, в том числе и все ее просчеты. Я уже говорил о своем отношении к Съезду как институту этой власти, не стану повторяться. Скажу лишь, что российский Съезд, подобно союзному, должен был утвердить кандидатуру Председателя Совета Министров республики.

Кандидатур было несколько, причем две — из моей «команды». Я имею в виду моих заместителей Л.А. Воронина и И.С. Силаева. По-прежнему котировался бывший Предсовмина России А.В. Власов. Резко выдвинулся вперед директор подмосковного Бутовского кирпичного завода М.А. Бочаров, очень много сделавший для поддержки Ельцина на выборах в депутатский корпус. Но, похоже, тот понимал, что уровень республиканского премьера должен быть, мягко говоря, несколько выше уровня директора небольшого производства, и не торопился платить ему той же монетой. И Бочаров приготовил себе весомый козырь — заявил, что у него есть своя программа перехода к рынку за 500 дней.

У каждого из кандидатов была если и не отработанная программа, то более или менее внятная позиция по поводу предстоящей деятельности республиканского Правительства.

Скорее менее, чем более, ибо никто из них не оказался полностью готовым к предвыборной борьбе. Но программа Бочарова отличалась поистине фантастической (в прямом смысле этого слова) точностью. Там было расписано все чуть ли не по часам, а уж по дням — это точно. На 20-й день — начало разгосударствления. На 30-й — немедленная реализация заводами неустановленного оборудования. На

20—40-й — продажа основных фондов, земли колхозов, совхозов, промышленных предприятий. На 20—50-й отмена предприятиям государственных субсидий и дотаций. И так далее, грустно перечислять.

Грустно не только потому, что вроде бы серьезным по их должностям политикам, да и всей стране долго этим «цифровым анекдотом» головы морочили, но и потому, что все эти сверхреволюционные экономические откровения, вынесенные на депугатский суд Бочаровым, я уже читал раньше. Еще в начале весны 1990 года в «Соснах» группа Л.И. Абалкина готовила правительственную концепцию к сессии Верховного Совета СССР и в связи с этим знакомилась с огромнейшим числом проектов перехода к рынку, инициативно сочиненных как целыми организациями, так и отдельными учеными. Два молодых экономиста — Задорнов и Михайлов — подготовили к обсуждению в группе программу под названием «400 дней». Ее целью было предложить план радикальных действий для избираемого в марте Президента страны. Однажды после ежедневного вечернего обсуждения принципиальных вопросов экономической реформы мне доложили о существовании такого документа. Я всерьез этого не воспринял и посоветовал не отвлекаться на второстепенные дела.

Однако эта программа каким-то образом вышла из-за забора дома отдыха «Сосны» и через небезызвестного Фильшина попала в руки Бочарову. Тот внес в нее свой «творческий вклад»: заменил цифру «400» на «500», добавил по несколько дней на каждый этап и, не изменив ни слова, выдал за свой собственный оригинальный проект. Более того, в каком-то сибирском издательстве он выпустил ее в свет под своим именем. И чуть ли не одновременно эта программа, только с цифрой «400», вышла в Москве под фамилиями Явлинского и упомянутых двух экономистов.

В общем, плагиат был налицо, и Явлинский заявил в «Московских новостях»: «Программа «500 дней», с которой Бочаров выступил перед Верховным Советом России, с самого начала задумывалась как союзная...» Явлинский это хорошо знал: он в те дни у Абалкина работал, но, видимо, уже исподволь готовился встать во главе экономической оппозиции союзному Правительству и созрел для

перебежки в лагерь Ельцина, а тут — такой досадный казус с Бочаровым, выскочившим первым.

Впрочем, литературное воровство и мелкотравчатая суета вокруг него Бочарову не помогли: в премьеры он не прошел. А Явлинский, напротив, сумел потом при поддержке академика Шаталина, Горбачева и Ельцина сделать себе громкое имя на нереалистичной, экономически иллюзорной теории своих молодых коллег. При поддержке, неожиданной для него самого, ибо в том же интервью он зачисляет академика в свои откровенные противники: «Ну а то, что у сторонников программы «500 дней» будут оппоненты в лице таких видных экономистов, как Абалкин, Шаталин, Ясин, думаю, пойдет на пользу делу». Приятно для себя ошибся в двух последних: они предпочли перейти на сторону экстремистских «500 дней», а Шаталин еще и авторство с Явлинским поделил: стала программа Шаталина — Явлинского!

Но оставим их, в средствах не стесняющихся и гибких до неузнаваемости. Правда, еще несколько слов придется сказать и о Силаеве, ставшем российским премьером, а до того бывшем моим заместителем по Совмину СССР. На новом посту он сразу стал ярким противником всего общесоюзного, общегосударственного, потом вдруг вновь обрел невесть откуда взявшийся союзный патриотизм, когда после августовских событий 91-го Ельцин продвинул его на малопонятную должность председателя так называемого Межреспубликанского экономического комитета. Зубастый журнал «Столица» так подвел итоги молниеносным метаморфозам Силаева: «За полтора года человек сменил три должности, а в сущности трижды поменял политическое кредо». Тут уж, как говорится, ни убавить, ни прибавить...

А пресса, между тем, словно по заказу, трубила славу программе «500 дней», напрочь забыв о том, что Верховный Совет СССР принял концепцию Правительства и поручил ему лишь дополнить и поправить ее. Хорошо зная отечественную «четвертую власть», я ничуть не сомневался, что когда-нибудь понадобится ей «стрелочник» или, если грубее, «козел отпущения», на которого можно свалить все грехи экономической политики. Они и у нас имелись, и я о них говорю в этой книге. А вернее, не прессе этот стрелочник понадобился, думал я,

но Горбачеву, который, конечно же, не мог принять на себя какие-либо грехи. Даже свои собственные.

В конце июля он собирался с семьей на юг отдохнуть. Накануне отъезда мы накоротке встретились один на один в его кабинете — редкое уже для того времени событие.

Он сказал:

— Я тут с Ельциным беседовал. Он, как ты понимаешь, убежден, что правительственная программа работать не будет, он за свои «500 дней» ратует. Может, не стоит вступать в конфронтацию? Может, лучше объединить усилия и вместе работать над переходом к рынку?

Я ответил:

— Почему нет? Вы же меня знаете: я всегда был за разумное урегулирование любых конфликтов. А нынешний — уж чуть ли не до кулаков дело дошло... Если появилась возможность сотрудничества, мы должны ее использовать.

Поговорили. А утром от Валерия Ивановича Болдина, его верного помощника, принесли пакет с документом — всего полторы машинописные странички. Под текстом — четыре отпечатанные подписи: Горбачев, Ельцин, Рыжков, Силаев. Горбачев и Ельцин уже подписали текст, Рыжкову и Силаеву, как видно, предлагалось сделать то же самое. Но текст был таким, что я не мог поставить под ним свою подпись! Не помню его сейчас дословно, но суть такова: при подготовке программы перехода страны к рыночной экономике принять за основу разработки Российской Федерации. И здесь же — список членов комиссии, которой эта подготовка поручается. Во главе — Шаталин с десятком единомышленников. От Совета Министров — только Абалкин и Ясин — мы его в то время наивно считали приверженцем правительственной программы.

А между тем бессмысленные ритуалы встреч и провожаний никто не отменял, пора было ехать во Внуково — прощаться с Генсеком, убывающим из столицы хотя бы и в отпуск. В аэропорту я улучил в суете минутку и спросил его:

— Михаил Сергеевич, я прочитал документ, где же здесь компромисс? Тут все диктуется.

— Ну, не надо так, — улыбаясь ответил он. — Будете работать, там все и найдется...

— Дай-то бог, — сказал я, — но боюсь, что из этого ничего не получится.

Уже потом, анализируя такие малологичные амплитуды колебаний Президента в то время, я понял, что должен был быть кто-то достаточно слушаемый в его ближайшем окружении, чтобы постоянно и настойчиво убеждать Горбачева в том, что его Правительство «консервативно и антиперестроечно». Кто-то любящий и умеющий плести сеть закулисных интриг, которые всегда так сильно действовали на весьма эмоционального и подверженного влиянию Президента. Был такой человек рядом с ним. Я имею в виду члена-корреспондента Академии наук Н. Я. Петракова, не самого сильного и не самого яркого экономиста, который аппаратную карьеру предпочел научной. Это-то понятно: наука требует полной отдачи и благодарна лишь тем, кто умеет идти по нехоженным дорогам, а не по чужим следам.

К несчастью для отечественных наук вообще и для экономической в частности, в них подвизалось много людей, которые славно умели пользоваться давно открытым и пройденным и даже приобретали себе на этом степени и звания. Умение интриговать всегда ценилось не менее, если не более, чем умение открывать новое. Петраков вовремя понял, что аппаратная карьера куда перспективнее, чем чисто научная. Невесть какими путями он стал помощником сначала Генерального секретаря ЦК КПСС, а потом и Президента. Я не осуждаю его за это. Жалко лишь, что свои несомненно яркие способности аппаратчика-царедворца он употребил не для созидания, а для разрушения. И в том, что впоследствии нам так и не удалось, вопреки радужным ожиданиям Горбачева, объединить усилия двух «команд» для создания столь необходимой стране серьезной и полноценной экономической программы, есть, думается, и доля его «труда». Говоря об этом, я ни в коем случае не хочу бросить тень на всех наших ученых. Многие годы моей жизни связаны с производством и экономикой. Я знаю и ценю сотни ученых — подвижников в своем деле. И не их вина, что их мысли во многом остались невостребованными. Это — наша трагедия...

Я вернулся в Кремль, в свой кабинет, и срочно позвал своих заместителей, академиков Абалкина и Ситаряна. Положил перед ними документ, сказал:

— Оцените!

Они прочли, помолчали, с мыслями собирались. Потом кто-то из них задумчиво проговорил:

— Как ни крути, а подписывать придется.

— Зачем? — спросил я.

— Николай Иванович, у вас выхода нет. Надо подписывать, иначе все скажут: «Вот Горбачев и Ельцин в конце концов находят компромисс, подписывают такой документ, а Рыжков, теперь это ясно, вбивает между ними клин...»

— А дело? — возразил я, внутренне уже сдаваясь. — Дело пострадает... — Если не подпишете, точно пострадает. А подпишете — еще можно бороться.

Я подписал.

Теперь-то понимаю, что и я сам, и мои добрые коллеги и товарищи искренне заблуждались, считая, будто борьба идей еще могла принести разумные результаты. Да, противостояние Горбачева и Ельцина буквально раздирало страну на враждующие лагеря, лишало смысла и нашу работу, ибо начавшаяся после Первого съезда народных депутатов РСФСР война союзных и республиканских законов прежде всего была по экономике, по людям, по делу. Но в тот момент хотелось верить, что документ, который меня вынуждали подписать, положит начало компромиссу в политике. Париж стоил мессы!

Выше я подробно описал разговоры с Горбачевым и моими коллегами в эти дни. Но оказывается, что тогда мне сказана была полуправда. На самом деле уже в те дни конца июля 1990 года перед уходом Президента в отпуск он четко определил свою позицию в отношении программы Правительства по переводу экономики на рыночные принципы, благословение которой дал в мае на Президентском совете.

Что же на самом деле говорилось и какие были договоренности двух лидеров за моей спиной? На этот вопрос отвечает интервью Ельцина советскому телевидению, программе «120 минут» 3 августа. Выдержки из этого интервью приводят к неоспоримому выводу о том, что Президент страны уже тогда встал на путь недопустимых компромиссов, которые в дальнейшем привели к разрушению государства.

Я привожу эту часть интервью дословно, не внося никаких корректив.

«...— Вы как-то в своем, в нашем интервью уже упоминали о том, что вы собираетесь предложить программу России Центру. И также упомянули, что независимо от того, будет ли Центр, примет ли Центр эту программу или нет, вы будете настаивать на том, что у России должна быть своя экономическая программа. Скажите, пожалуйста, если Центр все-таки не примет, так сказать, вашу программу, каковы могут быть ваши действия в этой ситуации?»

— Я уже сегодня могу сказать, что Центр примет, потому что сегодня в «Известиях» опубликовано, что Горбачев и Ельцин подписали вдвоем вот специальное, ну, как бы сказать, договоренность, что ли, что, основываясь на концепции российской программы, создать такую группу, которая бы сделала на ее основе союзную программу.

То есть не ту программу Правительства союзную, которую сейчас критикуют и которая, конечно, не будет, я думаю, принята, вот. И это приведет к отставке союзного Правительства, а программу, именно основанную на российской основе, концепции российской. И мы с Горбачевым такой документ подписали именно в тот период, когда я находился здесь. Мы разговаривали по телефону несколько раз, а потом подписали такой документ. Я обратился к нему с таким предложением письменно, что выход только такой, что мы предлагаем российскую программу, чтобы нам не иметь свою денежную единицу, потому что если Союз не принимает, тогда мы должны внутри России, реализовывая эту программу, иметь свою денежную единицу. Мы бы пошли на это».

Многие средства массовой информации, особенно газета «Известия», немедленно сделали далеко идущие выводы, что возник союз авторитетов — Горбачева и Ельцина, что имперский диктат Центра будет исключен, что создаваемая программа станет основой экономической части союзного договора, что эта договоренность будет способствовать реальному объединению суверенных республик и т. д. Между строк читалось: долой Правительство Рыжкова, оно мешает радикальным переменам в политической и экономической жизни страны. Совершенно очевидно, что экстремизм новых лидеров преследовал цель добиться разрушения государства, изменения

общественного строя. Вот с этим-то я и мои соратники и не соглашались, понимая, что, по существу, речь идет именно о такой национальной катастрофе, а не о реформировании политической и экономической системы во имя людей, общества и государства.

Еще больше прояснилась позиция Ельцина в новом интервью — 6 августа из той же Прибалтики одной японской газете. Здесь же ясно обозначилась и позиция Горбачева.

«Вопрос: Недавно вы встали на путь сотрудничества с Горбачевым в деле восстановления экономики СССР.

Ответ: Я выдвинул программу «500 дней», которая ведет к внедрению в Российской республике рыночной экономики. Вместе с тем СССР обнародовал самостоятельный правительственный проект реформ, подготовленный Председателем Совета Министров СССР Н. И. Рыжковым. Но что касается Российской республики, то она с ним не согласна, потому что он не гарантирует повышения жизненного уровня населения. Однако если республика самостоятельно займется экономическими преобразованиями, возникнут существенные трудности. Это связано с тем, что финансовые средства, которыми располагает республика, ограничены. Вот почему я, находясь на отдыхе в Юрмале (Латвийская республика), направил письмо Президенту Горбачеву, в котором предложил принять в рамках Федерации программу «500 дней». За этим последовал телефонный звонок Горбачева, и ответ был следующим: «Примем этот план, поскольку он хороший» (2 августа). Было достигнуто официальное соглашение по вопросу об учреждении совместного комитета СССР и Российской республики. Думаю, что это был исторический разговор.

Вопрос: Означает ли это, что в дальнейшем программа «500 дней» будет положена в основу экономических преобразований в Федерации?

Ответ: В число членов совместного комитета входит и заместитель Председателя Совета Министров Российской республики Явлинский, являющийся автором программы. И представляется естественной разработка конкретных мер на основе этого плана. Мы договорились с Президентом Горбачевым, что будем осуществлять контроль за этим планом.

Вопрос: Есть ли у вас намерение в дальнейшем идти на сближение с Президентом Горбачевым и в области реконструкции федеративной системы?

Ответ: Российская республика намерена двигаться в направлении заключения двусторонних договоров с каждой из других 14 республик, входящих в СССР. У нас есть согласие с Президентом по вопросу об экономических преобразованиях. Однако имеются большие разногласия по вопросу о Союзном договоре. То, на чем мы настаиваем, заключается в предоставлении права на полную самостоятельность и государственного суверенитета на высоком уровне. Короче говоря, согласие может быть достигнуто между государствами, обладающими полным суверенитетом. И все же Президент, вероятно, не сможет чего-либо достичь без согласия с Российской республикой».

Я специально привел довольно большие выдержки из интервью Ельцина для того, чтобы сегодня, через пять лет, можно было сделать вывод о времени, когда началось разрушение государства. Не взаимное согласие в выработке решений по приданию максимальной самостоятельности союзным республикам в составе Союза, о чем впервые был поставлен вопрос нами, Правительством СССР, еще в 1987 году, а разрушение центральной власти — вот основной смысл действий новых руководителей союзных республик. Цена в борьбе за свою личную власть оказалась чудовищной — уничтожение единого великого государства СССР.

Опубликованное 2 августа распоряжение Президента «О подготовке концепции союзной программы перехода на рыночную экономику как основы Союзного договора» в какой-то степени учло мое отчаянное сопротивление и несколько оправдало мое вынужденное решение. Хотя это распоряжение и навязало нам концепцию Ельцина — Шаталина — Явлинского. В нем, во-первых, нигде не говорилось о том, что за основу концепции следует взять «российские разработки», никому пока неведомую, но всеми до небес превозносимую программу «500 дней». Во-вторых, речь шла о подготовке концепции как основы Союзного договора, иными словами — об экономической базе взаимоотношений между республиками. То есть речь не шла о подробной и последовательной, поэтапной программе перехода к рынку. И, в-третьих, оно не отменяло решения Верховного Совета СССР, которое требовало от Правительства разработки как раз программы перехода — к 1 сентября, напомню.

А что до состава комиссии, так тут места для иллюзий не оставалось: сплошь «пятисотдневники», кроме Абалкина и Ясина. Последний, правда, мгновенно переменил «веру». В комиссию вошли те молодые экономисты, которые некогда разработали упомянутую выше программу «400 дней». Войти-то вошли, но что-то я не заметил, что прибавление к их разработке ста дней прибавило бы и им самим известности: программа в прессе и в полуофициальных документах именовалась «программой Шаталина — Явлинского». Древняя практика: учитель своим громким именем осеняет «несмышленное ученичество»...

Я не собираюсь давать характеристики каждому из членов комиссии, тем более что с некоторыми из них я не был даже знаком. Во главе группы стал академик Шаталин, которого я знал много лет. Я уже писал, что у нас были хорошие личные отношения, да и в экономике мы далеко не расходились. И сейчас, несмотря на прошедшие бурные споры, мы с уважением относимся друг к другу. Несколько слов, кстати, и о Явлинском. Когда ему предложили пост заместителя премьера российского Правительства, он — тогда работник аппарата Совета Министров — пришел испросить у меня положенного «благословения». Конечно же, я его дал. Никогда не понимал тех руководителей, которые всеми правдами и неправдами удерживают своих подчиненных, не давая им идти на более интересную работу или более высокий пост. Явлинский долго и убедительно благодарил за серьезную и нужную школу, которую он прошел, работая в Совмине. Хорошо, если так. Но боюсь, что в этой школе «ученик» усвоил и тягу к не самым честным аппаратным играм, которая, к сожалению, живет в любой чиновничьей структуре. Увы, Совмин исключением не был...

Итак, образовались, по сути, два центра по разработке программ перехода к рынку. Мы готовили свою к 1 сентября — к сроку, отпущенному нам Верховным Советом. Как и прежде, работали в «Соснах». А в другом подмосковном пансионате «Сосенки» находились «шаталинцы». К слову, не было, по-моему, журналиста, который не побалагурил в связи со столь забавным совпадением: «Сосны» и «Сосенки».

Абалкин, который распоряжением Президента был включен в комиссию Шаталина, приезжал из «Сосенок» и с грустью рассказывал о непробиваемой стене отчуждения, которую споро выстроила та

команда между собой и любым другим человеком, не вполне разделяющим ее идеи.

— Я разговариваю как будто с глухонемыми, — сетовал он. — Меня не слышат, не воспринимают, не хотят понять. Стена...

Да я и сам несколько раз пытался убедить Шаталина, который, если вы помните, всего несколькими месяцами ранее телеграфно клялся в желании помочь Правительству.

— Станислав Сергеевич, — говорил ему я, — кто-то из нас работает впустую. Хотите вы того или нет, но Верховный Совет обязал Правительство доработать концепцию и представить программу на утверждение. Вашей же комиссии распоряжение Президента предписывает разработать экономическую часть Союзного договора. Так и разрабатывайте ее. Давайте разделим сферы влияния и прекратим дурацкое соревнование: кто кого перетянет... Шаталин — не только академик-экономист, но и один из официально признанных лидеров болельщиков футбольной команды «Спартак». Сам-то я в футболе не слишком разбираюсь, но слышал от зятя, что спартаковские фанаты отличаются особо непоколебимым упрямством.

— Нет! — отвечал он. — Моя команда разрабатывает конкретную программу, расписанную по дням. Точный план игры! Мы, Николай Иванович, перешли в атаку, защитный вариант не для нас, так что берегите ворота...

А в прессе «команду тренера Шаталина» поддержали с неистовством футбольных комментаторов, хотя, повторяю, никто еще и не знал точного плана «игры». Все журналисты пользовались лишь теми наработками, которые в свое время представил кандидат в российские премьеры Бочаров. Но, как и водится в большом спорте, первого и не столь именитого «тренера» давно забыли. Фамилия Бочарова уже не соседствовала с «500 днями».

И все же я с настойчивостью верящего в чудеса человека жаждал компромисса и консолидации сил. 21 августа, явственно помню день, мы с Абалкиным приехали в «Сосенки», предварительно договорившись о встрече с «шаталинцами». Туда и новый премьер-министр России Силаев подъехал. Сели друг против друга, я рассказал о работе над правительственной программой, попытался обозначить общие точки двух программ, вновь призвал к объединению усилий. Где там! Мне показалось, что мы попали в стан откровенных врагов,

для кого само наше появление было чрезвычайным и неприятным происшествием. И разговаривали-то с нами, как мэтры с пригостишками, чуть ли не сквозь зубы — куда исчезла хваленая интеллигентность научной элиты! Три часа прошли бессмысленно. Повторю: убеждать, по моему разумению, можно тех, кто умеет слушать и слышать. Мои собеседники этого не умели.

Ничего положительного встреча не дала. Наоборот, она показала, что пропасть между нами становится практически непреодолимой. Было полное ощущение, что их действия до деталей направлялись с юга находившимся там Горбачевым.

Сегодня никто уже не вспоминает, что у истоков нынешних «радикальных» рыночных реформ стояли мои упрямые собеседники. Сегодня, когда и державы нет, а Россия и бывшие союзные республики опрометью несутся в пропасть, которую очередные апологеты экономического беспредела почему-то называют рынком, фамилии Шаталина, Явлинского, Ясина и иже с ними забываются или они сами пытаются откреститься от содеянного. Может быть, им, тонко чувствующим политическую и экономическую конъюнктуру, удобно в нынешней разрухе все «забыть». Но, пользуясь возможностью, хочу напомнить: начинали — они. Потом уж их идеи подхватили новые радикалы-рыночники: Гайдар, Чубайс, Б. Федоров и др.

В политике прямая линия — не всегда кратчайший путь. Нам, экономистам, во все времена Советской власти приходилось, к сожалению, быть и политиками. Напомню, что в решении сессии Верховного Совета предлагалось максимально использовать альтернативные варианты перехода к рынку, которые постоянно приходили в Совет Министров от коллективов и отдельных ученых. Мы их и раньше рассматривали, брали оттуда зерна истины, а теперь и вообще создали специальную комиссию по оценке этих предложений, которую возглавил академик Абел Гезович Аганбегян. Почему он? Да потому, что он не являлся активным сторонником ни правительственных решений, ни программы «500 дней». Находился, как говорится, «над схваткой». Его комиссия рассмотрела 87 различных материалов, и 17 августа — до встречи в «Сосенках» — Аганбегян выступил с докладом о результатах работы на заседании Президиума союзного Совмина.

В его докладе все предложения были разделены на три группы. Первая — варианты вне рыночного развития экономики, то есть возврат к командно-административной системе. Надо ли говорить, что эти варианты были отвергнуты комиссией? Вторая группа — варианты так называемого «рыночного экстремизма». Мое мнение было, что они мало чем отличаются от мер, предлагаемых командой Шаталина. Разве что сроками. И третья — это предполагающие регулирующую рыночную экономику варианты, которые, вычленив главное, комиссия и предложила в качестве оптимального решения.

В деталях оно отличалось от правительственной программы — в сроках реформы цен, в темпах ее и приватизации и т. д., но принципиальный подход был тот же. Иначе говоря, независимая комиссия ученых, которых отбирал сам Аганбегян, пришла к тому же выводу, что и мы. Ну а детали свести воедино время было: две недели оставалось до срока, назначенного Верховным Советом.

Горбачев по-прежнему отдыхал на Черном море, мне практически не звонил, не интересовался ходом работы, в которой, кажется, должен был быть кровно заинтересован. Все это еще раз подтверждало, что у него имелись иные соображения и другие люди, на которых он ориентировался. Тот же Петраков, например, о роли которого в дестабилизации ситуации я говорил выше. Но в 20-х числах августа Президент вдруг прервал отпуск, вернулся в Москву и встретился с разработчиками «500 дней». Никого из команды Совмина на встречу не позвали. Да мы и понимали уже, что ни о каких экономических предложениях к Союзному договору речи не идет, что на сессию будут представлены две кардинально разнящиеся программы.

Проблемами стремительно надвигающегося 1991 года вообще никто озабочен не был. Между тем Совет Министров бомбардировали телеграммами, телефонными звонками руководители предприятий, которые пребывали в растерянности: как им работать? По каким законам и правилам жить, если борьба, даже война этих законов и правил уже всю разворачивалась на территории Союза и обретающих суверенность республик? Руководителям предприятий Ельцин предлагал выйти из союзного подчинения и перейти под юрисдикцию России, уменьшая им за это налоги. Экономика будущего года грозила развалиться до того, как начнет действовать та или иная

программа. Да и то, что предлагалось в программе «500 дней», шло вразрез с принятыми Верховным Советом СССР законами.

На второй день после досрочного приезда Президента страны из отпуска я, по предложению моих заместителей, потребовал у Горбачева встречи в ближайшие дни с членами Президиума Совета Министров СССР.

23 августа такая встреча состоялась. Она проходила в течение 6 часов. Первым выступил я, а затем высказались все члены Президиума. У меня сохранился конспект моего выступления, который, возможно, передаст остроту поднимавшихся нами проблем и общего состояния в стране:

«Наша просьба об этой встрече вызвана тем, что назрела крайняя необходимость откровенного разговора Правительства и Президента страны по ряду жгучих, неотложных проблем.

Первая из них связана с тем, что социально-политическая обстановка в государстве в целом и в большинстве союзных республик чрезвычайно обостряется. В стране складывается тяжелейшая ситуация, ведущая к непредсказуемым процессам в политической и экономической жизни. Страна втягивается в тяжелейший политический и экономический кризис.

Вторая проблема, по которой хотелось бы определить наши позиции, заключается в том, как мы будем жить в экономике в 1991 году.

Третья. Судьба Союза в целом.

Нерешенность этих проблем будет иметь тяжелые последствия: хаос в экономике и тяжелый политический кризис.

В то время как вся ответственность за состояние дел в стране фактически возлагается на ее Правительство, все делается для устранения его из системы управления государством. Правительство сегодня является последней реальной силой, которая противодействует нарастанию деструктивных, дестабилизирующих факторов. Возможный уход Правительства изменит баланс и расстановку политических сил в стране.

Не менее острая проблема — потеря управляемости. Это чрезвычайно опасно. Она выражается, прежде всего, в том, что не выполняются решения Правительства, игнорируются указы Президента, объявляется верховенство республиканских законов над

союзными, принимаются декларации о полном государственном суверенитете и т. д. Если раньше в этом вопросе лидировали республики Прибалтики, то сейчас это приобрело более серьезный размах — во главе этих действий стали Россия и Украина. В то же время ответственность за все, вплоть до табака, ложится на центральное руководство.

При кажущейся на первый взгляд стихийности этих процессов начинают все более четко обозначаться формы разрушения существующих государственно-политических структур. Фактически под вопрос поставлено существование самого Союза как единого государства. Вокруг этого развернута острейшая политическая борьба. Вопрос стоит ребром — будет ли СССР как единое государство, будет ли оно юридическим лицом в мировом сообществе, или его не будет, а Россия станет правопреемником СССР. (Это говорилось за полгода до сговора в Беловежской Пуще, как понимает читатель.)

Делаются попытки внести коренные изменения не столько в экономические отношения между республиками и Союзом ССР в целом, сколько в характер самого строя, пересмотреть основополагающие политико-экономические принципы, отвергнуть существующий политический строй.

Под воздействием всего этого экономика все больше и больше теряет жизнестойкость. Начался нарастающий процесс не только спада объемов производства, но и разрушения единого народнохозяйственного комплекса. Этот процесс, если не принять экстренных мер, может завершиться катастрофой. Широко распространившаяся во многих республиках практика ограничений прав предприятий и, как следствие, массовый разрыв прямых связей между ними, отказ от заключения договоров и поставок продукции, а также игнорирование действующего законодательства, налогообложения и формирования местного, республиканского и союзного бюджетов может уже в ближайшее время парализовать функционирование народного хозяйства. Образовался замкнутый круг: политическая дестабилизация прямо сказывается на экономике, экономическая — на политическом положении.

Правительство на протяжении последних месяцев, невзирая на все усиливающуюся критику, работает интенсивно в двух направлениях. Завершается подготовка программы перехода к

регулируемой рыночной экономике и ведется разработка основных параметров экономического и социального развития страны на 1991 год. Однако результативность этой работы сегодня крайне низка из-за прямого неприятия правительственных решений и усиления центробежных сил.

Сегодня практически все предприятия не имеют планов своего развития на будущий год. Нет ясности в организации их материально-технического снабжения, валютного обеспечения, в вопросах цен, налогообложения. По тем же причинам по существу во многих республиках парализован процесс формирования местных бюджетов. Принятые Верховным Советом СССР по этим вопросам законы многими республиками не признаются, Конституция игнорируется.

Идет процесс массового, внутренне рассогласованного принятия всевозможных решений и постановлений отдельными союзными республиками, которые по существу ведут к разрушению всей сложившейся системы в стране. Такова реальная ситуация. И независимо от того, какова мера вины Правительства в этом вопросе, сегодня главное заключается в том, чтобы объединить все усилия для предотвращения хаоса в функционировании народного хозяйства.

Анализ подходов союзных республик к выработке взаимоприемлемых решений по вопросам развития экономики, консультации, проводимые в Верховном Совете СССР, непосредственная работа с представителями республик над программой перехода к рынку, расширенные заседания Совета Министров СССР с участием руководства всех республиканских правительств показали, что любая программа перехода к рынку иллюзорна и нереальна, когда отсутствует Союзный договор и нет четкого определения, в условиях какой государственности мы будем жить в перспективе. Между тем трудно ожидать, что в ближайшее время Союзный договор может быть заключен. Этот процесс чрезвычайно сложный и может оказаться длительным.

Но мы не можем остановить жизнь страны, работу над планом ее развития на 1991 год, реализацию уже принятых крупных социальных программ, затормозить практическую хозяйственную деятельность предприятий, отказаться от первых реальных шагов функционирования экономики в новых условиях. Президиум Совета Министров СССР детально и всесторонне проанализировал всю эту

ситуацию и пришел к выводу, что единственно реальным путем выхода из создавшегося положения является заключение, до принятия нового Союзного договора, Экономического соглашения между республиками и Союзом в целом, на основе которого можно было бы организовать всю работу по разработке плана на 1991 год. Эта Программа должна включать в себя взаимосогласованные принципы организации планирования на предприятиях, применение системы налогообложения, новую ценовую политику, которая приемлема для всех республик, систему материально-технического обеспечения, формирование валютных фондов предприятий, республик и Союза, а также решение других принципиальных вопросов, без которых не сможет прожить ни одно хозяйственное звено и ни одна республика в будущем году. Это один из главных вопросов, который Президиум Правительства хотел бы обсудить на этой встрече.

Другой вопрос касается внесения на рассмотрение четвертой сессии Верховного Совета СССР Правительственной программы проведения экономической реформы и перехода к рыночным отношениям. Не вдаваясь во все детали работы, которая уже проделана, должен сказать, что Правительственная программа к 1 сентября будет готова. Однако в этих условиях внесение на рассмотрение Верховного Совета СССР двух программ лишь усилило бы противостояние Союза и республик, по существу окончательно дезориентировало бы всю хозяйственную работу на предприятиях и на местах, привело бы к дальнейшей поляризации сторонников той или иной программы. Тем более что эта поляризация уже началась и подогревается средствами массовой информации.

И все же, учитывая ситуацию, сложившуюся с подготовкой Союзного договора, разработанные нами предложения в рамках экономического соглашения, о котором говорилось выше, предполагают охватить лишь начальный период перехода к рынку, то есть оставшиеся 4 месяца текущего года и 1991 год. Эти предложения опираются на ряд основополагающих политико-экономических принципов, исходя из того, что до заключения нового Союзного договора повсеместно действует Конституция СССР и принятые в соответствии с ней законы, в том числе Закон о разграничении компетенции Союза ССР и союзных республик. Исходя из всего сказанного, представляется целесообразным не рассматривать

никакую из программ на четвертой сессии Верховного Совета СССР, а рассматривать их при разработке и обсуждении нового Союзного договора».

Выступления членов Президиума Совмина затрагивали примерно эти же вопросы, может быть — с большей детализацией и конкретикой.

Таково было наше видение истинного положения дел в стране в то сложнейшее время, понимание смертельной опасности, все больше нависавшей над нею. Думаю, читатели оценят весь драматизм ситуации, когда ты видишь, что страну ведут к гибели, предлагаешь реальные пути ее спасения и при этом наталкиваешься на непреодолимую преграду — тупое безразличие к судьбе Родины или ее прямое предательство.

Мощная деструктивная волна накатывалась на страну. Но вместо того чтобы погасить ее, мобилизовав для этого все силы партии и государства, Генсек — Президент лавировал, озабоченный лишь самосохранением во что бы то ни стало. Думаю, что — об этом сказано выше — именно летом 90-го он внутренне окончательно «сдал» наше Правительство. Но впереди еще были большие баталии, и пока ему еще был нужен государственный орган власти и человек, на которых можно было бы направить все стрелы недовольства.

А на этой встрече по моему предложению было принято решение о совместном заседании Президентского совета и Совета Федерации, где должны были быть рассмотрены проблемы жизни страны в наступающем году. Так мы надеялись.

О раскладке сил во второй половине августа, в дни, когда состоялась встреча членов Президиума Совета Министров СССР с Президентом страны, за неделю до совместного заседания Президентского совета и Совета Федерации, я уже говорил. Становились все более очевидными не только дряблость и немощность, но и фактически начавшееся отмирание высших государственных структур страны. Теперь уже дело было только во времени. Правда, у Даля есть выражение: «Время разум дает», и где-то в глубине сознания была маленькая надежда, что, может быть, здравый смысл победит. Но нет, как показал ход событий, всем нам предстояло, говоря словами Библии, испить чашу до дна.

В такой обстановке собирались 30 августа Президентский совет и Совет Федерации. У нас еще была надежда, что на этом заседании будут не только представители центральных властей, но и руководители республик, и кому-кому, как не им, знать истинное положение дел в экономике. Страна уже не могла работать в следующем году в существующих условиях «экономической игры», но еще и не готовилась к новым.

В душе мы надеялись на здравый смысл, на то, что перед опасностью развала экономики будет принято приемлемое для всех решение. Поэтому после встречи с Президентом, по поручению Правительства, Госплан СССР подготовил короткий проект документа на четырех страницах, где в сжатой форме оговаривались правила «экономической игры» на предстоящий год. Мы думали, что после обсуждения этот документ подпишут шестнадцать человек: Председатель Совета Министров СССР и его коллеги из пятнадцати республик.

30 августа в Кремле, в зале заседаний Верховного Совета СССР, собрались представители двух Советов при Президенте и многочисленные приглашенные. Совершенно неожиданно накануне поздно вечером из канцелярии Президента был разослан материал на 18 страницах для рассмотрения его на этом заседании. Подготовлен он был группой Шаталина и представлял некую выжимку из проекта «500 дней». Ни о каких предложениях о том, по каким правилам жить в будущем году, там и речи не было. Были лишь самые общие рассуждения о переходе на рыночные отношения, роли и месте союзных республик.

Стало совершенно ясно, что предпринята попытка увести совещание от земной конкретики, независимо от того, что произойдет со страной через несколько месяцев, привлечь на свою сторону союзные республики и при их поддержке перейти на «общесоюзное поле». Я часто себе задаю вопрос, ведал ли Шаталин о последствиях своих шагов. Думаю, он был просто использован более опытными политиками для достижения их целей. И какие бы у нас ни были отношения, но я должен сказать прямо: в разрушении государства он сыграл не последнюю роль. Не мучает ли его раскаяние?

Заседание проходило два дня. Один за другим на трибуну выходили ораторы и, как по мановению дирижерской палочки,

говорили не о хлебе насущном, а противопоставляли 18 страниц предложениям Правительства. Одним из первых выступил Ельцин:

— Правительство Рыжкова должно немедленно уйти в отставку!

Не скрывал свою неприязнь к союзному Правительству и первый заместитель Председателя Совмина Украины В. Фокин. Более желчного и наглого выступления я и до сих пор не слышал от имени этой республики. Человек рвался к власти. За будущую похлебку он готов был на все. Руководство Украины уже не устраивал опытный премьер Виталий Андреевич Масол. Я его знал много лет: мы были одновременно директорами заводов, я — Уралмаша, он — Ново-Краматорского. И действительно, за борьбу с Центром Фокина отблагодарили: он заменил Масола на посту премьер-министра республики. Правда, эти же люди с треском его вышибли из державного кресла. А тогда он громил Центр как мог. Впрочем, не отставали и другие: и главы республик, и профсоюзные деятели, и некоторые депутаты. Началось генеральное наступление на Правительство СССР.

Не буду называть фамилию одного из руководителей среднеазиатской республики — он и поныне там управляет, и управляет особо... Поднимаемся утром вместе в лифте. По чисто восточному обычаю он рассыпается передо мной, высказывается в поддержку наших действий. Проходит два часа, и он с трибуны говорит совершенно противоположное. Как и остальные — громит. С горечью думал я в те минуты о грязи в политике. Я еще работал после этого совещания четыре месяца, но с тех пор он всегда обходил меня стороной. Нет необходимости перечислять всех выступающих. Эйфория суверенности лишала людей, на мой взгляд, способности здраво оценивать обстановку. Классическое «Шапками закидаем!» прямо-таки ощутимо присутствовало на том памятном заседании и в речах «республиканцев», и в речах «центристов». Даже официальные профсоюзы в лице их лидера Щербакова в стороне не остались: он тоже на Правительство достаточно грязи вылил. Любопытно, где этот профсоюзный лидер сейчас, когда цены мчатся вверх со скоростью ракеты, а народ, то есть члены профсоюзов, нищает?

Я выступал дважды. Первый раз пытался довести до сведения всех наши оценки положения дел в стране, говорил о грядущих днях.

Это во многом перекликалось с моими тезисами на встрече с Президентом. В конце сказал то же, что и тогда:

— И независимо от того, какова мера вины Правительства в этом вопросе, сегодня главное заключается в том, чтобы объединить усилия для предотвращения нарастающего хаоса в стране. На второй день выступления стали еще жестче. Ночь помогла сгруппировать антиправительственные силы. Экономическое соглашение осталось в тени, мало кто о нем вспоминал. Под конец заседания меня выбросило опять на трибуну. На этот раз у меня не было заготовленных тезисов. Шла жестокая битва, и обращаться к разуму этих людей было равносильно гласу вопиющего в пустыне. Нервы были возбуждены до предела. Они не выдержали двухдневных садистских упражнений. Я бушевал на трибуне, гневно бросал обвинения политикам, тащившим страну в пропасть.

— И если бы мы не несли ответственность перед народом, — в заключение сказал я, — мы бы ни одного дня не работали в такой обстановке. Только это останавливает нас.

Сошел я с трибуны как в тумане. Вместе с заместителями вышли с заседания. Все были подавлены, я тем более — переживал и за то, что не мог сдержаться. И все же у нас хватило сил и разума, чтобы сделать коллективный вывод: уходить сейчас нельзя. Это будет не только наше поражение. Надо бороться. Тем более что на заседании Горбачев все же предложил Силаеву не направлять на рассмотрение Верховного Совета России программу «500 дней», а Правительство Союза, в свою очередь, должно придержать собственную программу. На том и разошлись. То, ради чего собирались — экономическое соглашение на 1991 год, — ушло в тень, забылось. Его все же подписали, но много позже, с огромным для дела опозданием, когда я уже лежал в больнице...

1 сентября я подписал проект правительственной Программы и дал указание не отправлять его в Верховный Совет. Я выполнял договоренность. Но каково же было мое удивление, когда через два дня я узнал, что Программа «500 дней» роздана депутатам парламента России и начато ее обсуждение! То ли Силаев элементарно обманул нас, нарушил данное им самим слово, то ли с ним не посчитались.

Но факт оставался фактом: компромисса не получилось. 3 сентября раздали, 10-го уже обсудили. Всего семь дней на изучение

документа, на его обсуждение, а в нем ни много ни мало 286 страниц. Серьезен ли срок, когда речь идет о «судьбоносном» решении?..

После этого я позвонил Президенту.

— Михаил Сергеевич, договоренность нарушена, обсуждение Программы «500 дней» началось. Что ж, тогда и я не стану молчать. Отправлю нашу Программу в Верховный Совет Союза.

Горбачев был лаконичен:

— Отправляй. Твое право.

Я и отправил. Только по горбачевскому ли распоряжению или по лужьяновскому разумению, но проект наш не был роздан всем членам Верховного Совета, а лишь председателям комитетов и комиссий. А уже 11-го мне пришлось по регламенту выступить на сессии с докладом о подготовке единой общесоюзной Программы перехода к рыночной экономике. Горбачев на сессии присутствовал.

Не стану здесь пересказывать, а тем более цитировать этот доклад. В конце концов, он лишь продолжал и развивал нашу концепцию, о которой подробно говорилось в предыдущей главе. Да и адресую я свою книгу не только экономистам, кто при необходимости всегда может найти и освежить в памяти доклад целиком, а широкому кругу читателей, которые отечественную экономику воспринимают, прежде всего, через их конкретную работу, ошеломляющие цены, через их собственный семейный бюджет. Им не до теорий — выжить бы! Скажу лишь, что в основу Программы мы положили три принципа, на которых она, как Земля на трех китах, и держалась. Первый — признание в разумных, экономически и политически оправданных пределах суверенитета республик. Второй принцип — создание общегосударственного рынка при координации денежно-кредитной, финансовой, таможенной политики, осуществлении межреспубликанских программ, управлении теми отраслями, которые имеют общегосударственное значение. И третий — обеспечение наиболее благоприятных условий для свободной деятельности предприятий всех форм собственности.

Иными словами, речь шла о сохранении государства на основе федеративности. Нельзя ликвидировать сложившиеся экономические связи прежде, чем возникнут новые. Программа «500 дней» предполагала, что все новое появится, так сказать, на марше, а старое

необходимо безжалостно и немедленно уничтожить. Видно, ее авторы руководствовались лихой идеей: живы будем — не помрем!..

Доклад у меня только назывался так, а на самом деле был обычным депутатским выступлением, в котором я недлинно отчитался перед членами Верховного Совета в том, что они мне поручали. Мол, Программа разработана, доведена до ума. Но поскольку существуют «вариант Шаталина» и решение Президентского совета и Совета Федерации о необходимости объединить обе работы на основе оптимальности, то общее обсуждение, на наш взгляд, впереди.

Депутаты же словно и не помнили о том, что летом поручали, они вообще были склонны к забывчивости, когда дело касалось их собственных решений. Они набросились на меня с упреками: почему никто не читал правительственный вариант? И еще: почему не обсуждаются два проекта сразу — наш и шаталинский? Я ответил, что не вижу в том своей вины, что текст нашего проекта своевременно пришел в Верховный Совет, а почему не дошел до всех его членов, понятия не имею. Надо сказать, что в своей реплике «по ходу дела» Горбачев рискнул меня защитить. Он с места рассказал о решении двух высших Советов, выразив удивление, что Россия, вопреки общей договоренности, все-таки начала обсуждение «500 дней». Попенял за странную забывчивость председателям комитетов и комиссий, которые присутствовали на том совместном заседании Советов в конце августа. Но уже в своем выступлении по итогам предварительного обсуждения четко сказал, что ему больше импонирует программа «500 дней». Это он впервые заявил во всеуслышание, до тех пор я мог лишь догадываться о его симпатиях и антипатиях. Честно говоря, именно в тот момент я и подумал впервые об отставке, о чем и сказал на пресс-конференции в тот же день:

«Если будет принято решение, которое не совпадает с позицией Правительства, то Правительство не сможет его выполнять... Я могу выполнять свои функции только тогда, когда я в это верю. Если ж я не верю или вижу, что будет принесен большой вред, то я к этому делу свою руку прикладывать не стану».

Но пока никакого решения не было. После перерыва депутат Бурбулис, еще на Первом съезде выдвигавший Ельцина на пост Председателя Верховного Совета СССР, примчался из Белого дома с горящими глазами и с восторгом сообщил, что Верховный Совет

РСФСР в 14.00 принял программу «500 дней». «Российская Федерация определилась», — гордо сообщил он, давая понять: Верховный Совет Союза может обсуждать что угодно — все равно Россия поступит по своему. Опять пошумели, покричали, подрались за места у микрофонов в зале, а в итоге утвердили аморфное постановление, где «приняли к сведению» сообщение Совета Министров СССР, «сочли целесообразным» рассмотреть все материалы по этому вопросу и «отметили» все же, что Президиум Верховного Совета «недостаточно подготовил» данный вопрос, — шпилька А. И. Лукьянову...

В дни до 21 сентября Верховный Совет послушал и Абалкина, и Шаталина, и Аганбегяна, и многих других специалистов и дилетантов в вопросах экономической реформы, а 21-го я прочитал проект постановления, где Верховный Совет поручал Президенту провести работу по созданию единой программы перехода к рынку на основе... «500 дней».

У меня, как и у Горбачева, на заседаниях Верховного Совета имелась одна привилегия — право попросить и получить слово вне очереди в любое время. Я и послал записку в президиум сессии с заявкой на выступление. Спустя какие-то минуты ко мне подошел сотрудник аппарата из Верховного Совета и доверительно сообщил, что «Михаил Сергеевич просит выступить не до перерыва, а после него». Ну, просит, так просит, времени до перерыва оставалось чуть-чуть, можно было и подождать. Однако любопытно: отчего такая просьба?

В перерыве я подошел к Горбачеву. Он спросил с подозрением:

— Зачем тебе выступать?

— Я прочитал проект постановления, — стараясь быть спокойным, ответил я, — и категорически против принятия его с такими формулировками. — Это с какими такими?

— Там ничего не говорится о правительственной программе. Только о «500 днях». Если она будет принята, я заявлю о своей отставке. И не только о своей. Не могу выступать от имени всех членов Правительства, но члены Президиума Совета Министров уполномочили меня в таком случае заявить об отставке всего Президиума. Это естественно, Михаил Сергеевич. Если мы зря работали, если все, что мы сделали, впустую — значит, мы не можем и не вправе возглавлять Совмин.

Чувствовалось, что Горбачев начал злиться.

— Почему ты позволяешь себе ставить нам ультиматум?

— Побойтесь Бога, какой же это ультиматум? Это позиция. Вы же сами одобрили в свое время нашу программу. Помните — на Президентском совете и Совете Федерации? Изменили мнение? Бывает. И я отнюдь не против того, чтобы именно вы соединили усилия двух «команд», — вам и карты в руки. Но, простите, именно двух команд. Иначе и я, и мои коллеги просто отказываемся дальше работать.

Мы в Президиуме Совмина действительно не раз собирались и говорили о нашем будущем — я писал об этом. И мы считали: в условиях изоляции Правительство работать не может и не будет. Оно в то время напоминало мне стреноженного коня, которого пытаются все погонять.

Я все-таки выступил и сказал о том, что хотел. Это сыграло свою роль. В принятом решении говорилось уже о двух программах.

Президенту на подготовку объединенной программы (или концепции, как хотите) Верховный Совет отпустил месяц. Не берусь точно перечислять всех, кого Горбачев привлек к этой объединительной работе, знаю лишь, что ни я, ни мои соратники в ней уже участия не принимали. Но ровно через месяц, 15 октября, Президент направил в Верховный Совет все-таки не программу и все-таки не концепцию, но всего лишь привычные «Основные направления» по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике.

Это расплывчатое название понадобилось потому, что оно не обязывает ни к точной конкретике, ни к детальной проработке путей в рынок. Основные направления — это как былинный камень на пути у Ильи Муромца: направо пойдешь, налево пойдешь... А что встретится на тех дорогах — выяснится. 19 октября 1990 года Горбачев выступил на сессии с докладом «Об основных направлениях».

Доклад был расплывчатым, как и сами «Направления», излагать их смысла нет, но мне хотелось бы отметить прозвучавшую в нем горячую приверженность Президента власти Центра. В этом он все-таки не сходил с полюбившейся ему программой «500 дней», и уж вовсе не сошелся он с Ельциным, выступлению которого посвятил довольно много времени и слов. Забавно, что Президент неожиданно

оказался в столь привычном для меня положении, когда глава российской власти позволил себе безоговорочно осудить только-только подписанный Горбачевым, но еще неизвестный даже Верховному Совету документ. Так сказать, за глаза. Мне, повторяю, не привыкать к тому было, все документы Правительства принимались в штыки еще до того, как являлись миру. Горбачев, замечу, воспринимал это как должное. А тут — его самого задело...

И все же я рад был, что нашлось хоть какое-то общее решение, на основе которого можно было строить дальнейшую программу действий. Я выступил и сказал об этом, хотя больше времени посвятил оценке положения в народном хозяйстве, которое мне представлялось быстро ухудшающимся. Да и депутаты, похоже, устали разрываться между «шаталинцами» и «рыжковцами», поскольку в большинстве своем не очень-то и разбирались в деталях спора, судили о нем по далеко не всегда точным и профессиональным, а то и вовсе передергивающим смысл выступлениям и публикациям. А тут — выход. Горбачев, верный своей политике, снова нашел — на этот раз достаточно разумный — компромисс, и в тот же день, 19 октября, была принята программа действий, автором которой он и числился. Забывчивые же журналисты и не слишком склонные к точности и честности политики по сей день обвиняют Правительство Рыжкова в том, что оно навязало Верховному Совету свою «антинародную и антигуманную» программу. Остановитесь, вспомните! Если там и оставалось что от правительственной программы, так только общие слова.

Да и кто сегодня помнит, что существовали некие «Основные направления»? Разве что специалисты...

Я, кстати, в том же своем выступлении 19 октября сказал, что не 500 дней нужны будут стране, чтобы выйти на верную дорогу к рынку, а годы. Минимум 6–8 лет. В 91-м году уже прославленному своими (или все же не своими?) «500 днями» Г. Явлинскому понадобилось побывать в США, чтобы привезти оттуда американские разработки на наш счет, в которых черным по белому написано было, что на тяжкий рыночный рывок нам потребуется никак не менее 6–8 лет, и был назван намеченный нами же срок — 1997 год.

Да и заявления российских лидеров, 2 января 1992 года бросивших страну по колдобинам неизведанной дороги к

неуправляемому рынку, тоже отличаются наивным популистским оптимизмом. Ну ладно молодая Л. Пияшева, обещавшая Москве рай земной сразу после двухнедельной обвальная приватизации торговой сети, — но ведь ее поддерживал умный и опытный «зубр» Г. Попов. Ну ладно молодой и вроде бы теоретически грамотный Е. Гайдар, антипод Мальчища-Кибальчища, уверявший россиян в скорой стабилизации экономического положения, — но ведь ему вторил уже популярный к тому времени деятель Б. Ельцин, называвший сроки вообще немислимые по краткости... Бескомпромиссность голого теоретика плюс цинизм примитивно-прямолинейного политика... В сумме это дает, как оказалось, страшный результат!

Но вернемся к 1990 году.

Наступала бурная осень. Битва вступала в свой зенит. Изнуряющие дебаты в Верховном Совете СССР, митинги с требованием отставки «правительства нищеты», решение парламента России об отставке Совета Министров СССР (против — 1 и воздержалось — 16), шквал критики в средствах массовой информации, финансирование которых оно же и осуществляло... В ходе генерального наступления на Правительство страны и отношения республик с Центром становились все более сложными.

Что касается прибалтов, то они к осени 1990 года уже проводили линию на полную экономическую обособленность. Но наиболее агрессивными, я бы сказал, были позиции России и Украины. Их отношения с руководством страны по принципиальным экономическим вопросам обострились до крайности. Принятые Верховным Советом СССР законы, указы Президента и постановления Правительства ими не признавались. В своих претензиях российские власти делали основной упор на финансовые, украинские — на материально-технические проблемы. Серии встреч с главами их правительств результатов не давали. Над ними довели политические установки их лидеров. Из неофициальных разговоров с руководителями правительств этих двух республик было ясно, что сами они понимали опасность такого экономического разброда в преддверии наступающего года, но сделать ничего не могли.

11 ноября 1990 года мне позвонил Горбачев и сообщил, что у него имеется договоренность о встрече во второй половине дня с руководством России. Сначала пройдет беседа один на один с

Ельциным, а затем к ней подключатся и другие. Из разговора с Горбачевым можно было сделать вывод, что согласование того, как она будет организована, живо напоминало аналогичную дипломатическую процедуру при подготовке контактов руководителей двух независимых государств. Я не был против такой встречи, ибо считал необходимым использовать любую возможность найти общий язык. Еще теплилась надежда: не пойдут же эти руководители во имя политических и личных целей на разрушение экономики страны с неизбежными тяжелейшими последствиями...

Встреча намечалась в кабинете Президента страны на третьем этаже правительственного здания Кремля. Этот кабинет, зал заседаний Политбюро и несколько комнат для работников аппарата были специально оборудованы для Брежнева. Во второй половине 70-х годов, начав быстро дряхлеть и, естественно, отходить от фактического руководства партией и государством, он окончательно избрал своим рабочим местом этот кабинет. Он как бы отгородился от всех, в том числе и от секретарей ЦК, заведующих его отделами, а точнее — от практической ежедневной работы по управлению страной, передоверив это узкому кругу лиц.

В пять часов я поднялся на третий этаж. В приемной Президента уже были Хасбулатов, Силаев и Бурбулис. Последнего я практически не знал. Мне было известно, что он из Свердловска и является особо доверенным лицом у Ельцина. Видел его на съездах народных депутатов, сессиях Верховного Совета страны. Здесь же я впервые непосредственно столкнулся с этим человеком, который, на мой взгляд, сыграл одну из роковых ролей в жизни нашей страны. Не буду останавливаться на его «многогранной» деятельности в те и последующие годы. Придет время, и найдется дотошный историк, который даст его исчерпывающий портрет. Ведь не обошла же память людская Распутина и других подобных личностей. Ну а пока передо мной стоял, вернее вертелся, человек с бегающими глазами. Зачем он был в тот момент в приемной, мне не известно, но на встречу в расширенном составе его не пригласили.

Кабинет Президента и одновременно Генерального секретаря ЦК КПСС летом претерпел изменения. Вместо классической обстановки служебных кабинетов того времени появилась новая стильная мебель. На стене четко выделялся герб СССР, в углу, за письменным столом, —

флаг страны. За отдельным столиком, который больше годился для чаепития, расположились с одной стороны — Ельцин, Хасбулатов, Силаев, с другой — Горбачев и я. Лукьянов не присутствовал в связи со срочными делами, не помню уж какими.

Горбачев проинформировал вновь пришедших, что они с Борисом Николаевичем рассматривали вопросы целостности страны, реформирования Центра, опасности для России действий автономных республик (пример союзных был ведь налицо!), участия союзных республик в работе центрального Правительства, а также экономические вопросы РСФСР. Такой перечень вопросов я записал по привычке в свой блокнот. Может быть, обсуждались ими и другие вопросы, но о них не говорилось на «пленарном» заседании.

Прежде чем остановиться на существовании обсуждавшихся проблем, хотелось бы охарактеризовать атмосферу человеческих взаимоотношений собравшихся. Это были не единомышленники в решении государственных задач, а люди, несовместимые в своих взглядах и устремлениях. Что касается Ельцина, то тон его разговора был высокомерным, как у победителя с побежденными. Жесты, мимика, поведение руководителя России не вызывали сомнения, что эта встреча используется не для поиска общего языка во взаимоотношениях основной республики и центральной власти, а имеет целью лишь продиктовать ей свои условия. Хасбулатов занимал более нейтральную позицию, по-видимому, понимая, как ученый-экономист, абсурдность требований своего лидера. Силаев же с подобострастием ловил взгляд своего нового шефа и полностью соглашался со всем, что тот говорил.

Начали с системы и величины федерального и республиканского налогообложения. По принятому союзным парламентом закону, максимальная величина налога составляла 45 процентов от прибыли. Из них 23 процента оставались в распоряжении республики, а 22 поступали в федеральный бюджет. Соответственно были расписаны объекты федерального и республиканского финансирования. Сейчас же было предложено 35 процентов налогов оставлять республике и только 10 — Союзу.

Кстати, в дальнейшем российское руководство пошло еще дальше и стало настаивать на так называемой одноканальной системе, согласно которой все налоги собираются в республике, а Центру

отдается только малая часть для финансирования общесоюзных нужд. Что же это за нужды, никто вразумительно сказать не мог. Забегая вперед, скажу, что прошло немного времени, и автономные республики России взяли на вооружение этот разрушительный для любой федерации принцип. И с какой яростью это стало тогда отвергаться Ельциным и его командой! Но в тот момент, в конце 90-го года, преследовалась одна цель — разрушить СССР, а что потом будет с Российской Федерацией, мало кого из них беспокоило.

Мои доводы, что при существующей структуре распределения властных полномочий Союза и республик эти соотношения нереальны и, более того, вызовут хаос в управлении государством, были проигнорированы.

Дальше пошло еще «интереснее». Были выдвинуты требования, чтобы доходы от внешнеэкономической деятельности целиком оставались в республике, что в распоряжение России следует передать 50 тонн золота, предоставить ей право выдавать лицензии на экспорт сырья, материалов и другой продукции и т. д. На вопросы, будут ли централизованно закупаться для всех союзных республик продукты питания, зерно, некоторое сырье, особенно для легкой промышленности, кто будет погашать наступающие по срокам платежи внешней задолженности, вразумительного ответа не было. Предложение о том, чтобы эти проблемы рассматривались при подписании нового союзного договора с перераспределением функций между Центром и республиками, осталось без внимания. Не та цель преследовалась сейчас: им надо было экономически взорвать Союз, вызвать еще большее недовольство народа центральной властью и на этой волне укрепить свои политические позиции.

На мое предложение прекратить начавшуюся войну банков, разрушение единой финансовой системы страны ответы были на уровне лозунгов: Россия-де объявила о своем суверенитете и верховенстве республиканских законов, и все их требования вписываются в новую ее роль.

Обсудили еще несколько второстепенных вопросов. По главным же, определявшим жизнь страны в 91-м году, так и остались разногласия. Конфронтация, и в первую очередь России с центральной властью, приобретала все большую остроту. Страна катастрофически быстро становилась аморфной и неустойчивой.

В заключение, как обычно делают в подобных ситуациях, создали комиссию двух Совминов — СССР и РСФСР. Во главе ее были первые заместители председателей — Л.А. Воронин и Ю.В. Скоков. Последний затем занял пост Секретаря Совета Безопасности при Президенте. Им поручили рассмотреть вопросы разделения собственности, организации налоговой и банковской систем, внешнеэкономической деятельности.

Это была моя последняя встреча в узком кругу с Ельциным, Хасбулатовым и моим бывшим заместителем Силаевым. Жизнь, последующие события разбросали ее участников не только в разные — в противоположные стороны.

А рассказываю обо всем этом так подробно потому, что именно тогда я окончательно убедился, что к власти прорывается сила, которая не остановится ни перед чем, вплоть до разрушения государства, ради удовлетворения своих личных политических амбиций.

После этой встречи я сказал Горбачеву:

— Помяните мои слова. Сейчас вас заставят убрать Правительство. Это лишь первая жертва среди многих. Потом придет черед Верховного Совета СССР, а потом — и ваш. Подумайте о судьбе страны, пока еще есть какое-то время...

Как и всегда, он не захотел услышать то, что ему было не по душе. Такой специфический род глухоты... А 16 ноября он выступил перед Верховным Советом СССР с докладом о положении в стране и получил от депутатов и того же Ельцина столько, сколько, пожалуй, не слышал за все время перестройки. Впрочем, об этом эпизоде я писал в самой первой главе — вернитесь к ней.

Нараставший политический разброд губительно сказывался на экономике, а ее ухудшение, в свою очередь, усиливало деструктивные процессы в стране. Мы оказались в замкнутом, можно даже сказать — порочном кругу. Но все наши попытки прорвать его встречали яростное сопротивление. Так и находимся мы в нем по сей день.

А до моего ухода со сцены оставалось чуть больше месяца...

Почему я дотянул до инфаркта? Почему не ушел в отставку тогда, когда сказал о том и Горбачеву, и позже — на пресс-конференции после тяжелого для меня заседания сессии? Почему терпел, когда все вокруг, включая того, с кем вместе начинали долгий путь, наотмашь

били по мне и Правительству? Неужели самолюбия не хватило? Или кресло премьера так дорого было?

Нет, отвечу я, не потому. Обыкновенное чувство долга держало. Окончательное решение уйти в отставку мной было принято после ноябрьской сессии Верховного Совета, где Горбачев выпалил свои восемь пунктов спасения. Объявил же ему об уходе в начале декабря, еще до Четвертого съезда. Так что болезнь лишь ускорила все это на одну-две недели.

Я как-то разыскал страничку моего интервью, данного уж и не помню кому. Наверное, какой-то иностранной газете. Там был такой вопрос: «В последнее время Правительство постоянно подвергается критике, вплоть до требований об отставке. Вы не похожи на тех, кто держится за кресло, подчиняя свои действия карьерным устремлениям. Что ж тогда заставляет вас так настойчиво проводить в жизнь свою линию?»

Ответил так: «Дело в том, что кое-кого не устраивает политическая линия Правительства, его твердая позиция в том, что касается сохранения нашего государства, недопущения хаоса в народном хозяйстве, обеспечения социальных гарантий тем, кто живет на зарплату, пенсии и стипендии, кто может не выдержать ударов рыночной стихии, если будут сняты все или почти все регуляторы. Спекулируя на этом, кто-то утверждает, будто Правительство не может избавиться от консервативного мышления. Неправда! Правительство открыто для всего, что может помочь выходу из кризиса. Но, будучи ответственным перед народом, Правительство не имеет права идти за теми, кто предлагает ломать до основания все и вся, а там будь что будет. У Правительства нет более важной задачи, чем обеспечить переход к рынку с наименьшими издержками для народа. Тот, кто обвиняет Правительство в забвении этого, либо некомпетентен, либо, мягко говоря, не очень порядочен... Но если народ, его представители в Верховном Совете сочтут, что Правительство действует в ущерб интересам общества, то пусть они решают вопрос о нашей судьбе».

Все, что было тогда сказано, я готов повторить и сейчас. Видимо, мое поколение было так воспитано: довести дело до конца, не сдаваться, не ломаться перед трудностями, исчерпать все возможности — и лишь потом уходить. Кстати, в дни, когда я заявил журналистам о своей возможной отставке, в Совет Министров пришло множество

телеграмм с точно такими же требованиями: не сдаваться. И требовали этого не только мои ровесники, но, что особенно радовало и вселяло надежды на лучшее будущее страны, и молодые совсем: подождите, не уходите, не бросайте начатое...

Все равно пришлось бросить. Вынудили.

Оглядываясь назад, анализируя происшедшее, я прихожу к однозначному выводу: мы были правы. Нас объявили консерваторами, а мы были нормальными, здравомыслящими людьми, болеющими за дело, за народ и страну.

Мое Правительство уходило из этой битвы достойно, не сломленным, с верой в свои идеалы. Жизнь подтвердила нашу правоту.

Одна пожилая женщина, узнав меня на улице, невольно выразила, по-видимому, мысль многих: «Николай Иванович, почему вы нас тогда не убедили?!»

Этот горький вопрос нужно задавать, по-моему, в первую очередь психологам. Потребовалось несколько тяжелых и горьких лет, чтобы пелена у людей — с глаз, душ, с разума — сошла, чтобы они услышали то, что говорилось им в недалеком и вместе с тем вдруг ставшим таким далеким прошлом.